

№ 1 (144) 2013
Выпуск 25

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О.В. Шевченко,

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шатовалов,
и.о. проректора по качеству, заочному
обучению и дополнительному
образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И.Т. Шапохин,

профессор кафедры российской истории
НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

В.Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сообщение Птолемея о действиях таксиса Пердикки при штурме Фив войсками Александра Македонского: проблема интерпретации. **А.А. Клейме нов 5**

Языческая оппозиция христианизации восточноримского города (на примере Газы Палестинской). **М.А. Ведешкин 11**

Особенности развития духовного образования в ранней Византии (IV-VI вв.). **О.А. Манохина 19**

Византийская семья Алиатов в X-XI вв. **А.С. Мохов 27**

Либерально-демократические идеалы на службе колониализма: конституционные методы колониальной политики Британской империи. **А.С. Костяхин 35**

Образ Испанской республики (1936-1939) в прессе российской политической эмиграции. **А.А. Пчелинов-Образумов 44**

Сельскохозяйственный сектор нацистского концентрационного лагеря Аушвиц: уничтожение трудом или шанс на жизнь?

Л.А. Викулова 52

Польский вопрос на международной арене после Варшавского восстания 1944 года: последние попытки урегулирования с участием правительства Польши в эмиграции.

В.В. Василенко 57

Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии. **М.В. Тортика (Лобанова) 63**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Освоение Российским государством южных окраин в XVI веке. **А.И. Папков 71**

Купеческая промышленность в Центрально-Черноземном регионе в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (на примере Курской губернии). **Д.С. Гребенюков 82**

Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков. **П.П. Котов 90**

Особенности социально-демографического облика казачества на рубеже XIX – XX веков. **Г.О. Мацевский 97**

Экономическая деятельность французских переселенцев на территории Новороссийского края во второй четверти XIX ст.: правовой аспект. **Е.С. Сидорович 104**

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
доцент кафедры всеобщей истории
и зарубежного регионоведения
НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Восточно-Европейский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических наук (Институт археологии Национальной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт археологии Национальной академии наук Республики Молдова)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодия», Болгария)

Э.М. Шагин, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутиной*;
оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, В.В. Василенко, Н.А. Гапоненко*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 25.03.2013
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 22,89
Тираж 1000 экз.
Заказ 186

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Сословная и профессиональная структура городского населения Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.

А.А. Титова 109

Газета Союза анархистов-синдикалистов «Голос труда» в условиях политического кризиса в России (август 1917-начала 1918 гг.). **М. Ю. Смирнов 116**

Политическая и конфессиональная жизнь межвоенной Югославии по мемуарам Е.В. Спекторского.

С.И. Михальченко 120

Проблемы развития фронтовых отделов правительственной связи НКВД и их материально-технического обеспечения в операциях Красной Армии 1942 года. **С. В. Безрядин, А. В. Перепелицын 127**

Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП (б) в развитии советской историографии русской истории.

О.В. Гришаев 132

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Модели социального государства: новые подходы к типологизации. **Н.М. Хома 137**

Основные подходы к исследованию политического кризиса. **Р.М. Ключник 144**

Фактор баланса сил между президентом и парламентом как основополагающий компонент устойчивости политических систем в России и Украине. **А.А. Рязанцев 148**

Процессы партийной консолидации в странах посткоммунистического пространства.

М.А. Варфоломеев 152

Имитационные и конструктивные практики модернизации партийной системы России. **Л.А. Гончаров, Е.В. Реутов 158**

Новые институты гражданского общества в избирательном процессе современной России. **Н.Н. Стеблецова 163**

Управление политической конкуренцией в современной России. **В.Н. Шилов 167**

Обеспечение публичных ценностей посредством электронного правительства в Украине. **В.А. Карачай 175**

Формирование основ внешней политики и ее осуществление в Украинском государстве (1991-2012 гг.). **Н.Н. Олейник 180**

Образы постсоветской России в Германии: пределы вариативности. **А.В. Девятков, И.Ю. Мостовских 188**

Сведения об авторах 192

Информация для авторов 194

№ 1 (144) 2013
Issue 25

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Acting Vice-Rector on Quality Issues, Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Professor of the Russian History Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика

Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

The problems of Ptolemy's report about Perdikkas' Taxis actions in Thebes' storm of Alexander's army interpretation.

A.A. Kleymeonov 5

Pagan opposition to Christianisation of east Roman city (on the example of Palestinian Gaza). **M.A. Vedeshkin 11**

Features of religious education in early Byzantium (IV-VI cent.).

O.A. Manokhina 19

Byzantinian family of Alyates in X–XI century. **A.S. Mokhov 27**

Liberal-democratic ideals on colonialism service:

the constitutional methods of a colonial policy of British empire.

A.S. Kostiakhin 35

The image of the Spanish republic (1936-1939) in the print media of Russian political exile. **A.A. Pchelinov-Obrazumov 44**

The agricultural sector of Auschwitz Nazi concentration camp: the distruction by labor or the chance to survive? **L.A. Vikulova 52**

The Polish question on the international arena after the Warsaw rising of 1944: last attempts at a settlement with participation of the Polish exiled government. **V.V. Vasilenko 57**

Concept «ottomanism» in the political estimations of Bulgarian social-democracy. **M.V. Tortika (Lobanova) 63**

RUSSIAN HISTORY

Absorption of the Southern borderlands by Russia in the XVI century. **A.I. Papkov 71**

Merchant industry in the Central Black Earth region in the late XVIII – the first quarter of the XIX century (on the example of Kursk province). **D.S. Grebennukov 82**

Crop failure granaries according to Russian legislative sources of the XVIII – the first half of the XIX century. **P.P. Kotov 90**

Features of social-demographic shape of the Cossacks at the turn of XIX to XX centuries. **G.O. Matsievsky 97**

The economic activity of French migrants on the territory of Novorossiyskiy region in the second quarter of XIX century: legal aspect.

E.S. Sidorovich 104

Class and professional structure of urban population of Kursk province in late XIX - early XX centuries. **A.A. Titova 109**

The newspaper of Souz anarkhistov – sindikalistov (Union of Anarchists-Syndicalists) «Golos Truda» in the context of the political crisis in Russia, August 1917 - the beginning of the 1918.

M.Y. Smirnov 116

V.N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

V.V. Vasilenko,
Associate Professor of the World History and International Area Studies Department
Candidate of Historical Sciences
(Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences,
Professor (East European National University after
Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences
(Institute of Archaeology of National Academy
of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences,
Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center
for History and Civilization of Byzantium,
Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science
(Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences,
Associate Professor (Belgorod National Research
University)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Nizhniy Novgorod State University
after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History
(University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Kharkov National
University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences,
Senior Scientific Worker (Institute of Russian
History of Russian Academy
of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical
Sciences, Professor (Kharkov National
University after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute
of Archaeology of National Academy
of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate
Professor (Velikotyrnovo University
«St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

E.M. Shagin, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow State
Pedagogical University)

The articles are given in authors' editing.

Prepared for release *T.G. Lagutina*;
dummy layout by *I.G. Onoprienko, V.V. Vasilenko*,
N.A. Gaponenko
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 25.03.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 22,89
Circulation 1000 copies
Order 186

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National
Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Political and confessional life of interwar Yugoslavia on memoirs by
E.V. Spektorsky. **S.I. Mikhailchenko 120**

The problems of the development of the front-line departments
of the People's Commissariat of Internal Affairs and their material-
technical maintenance in combat operations of the Red Army in
1942. **S.V. Bezriadin, A.V. Perepelitsin 127**

The significance of the meeting of historians in the Central Commit-
tee of the CPSU (b) in 1944 for the development of the concept of
Russian history in the Soviet historiography.
O.V. Grishaev 132

POLITICAL SCIENCE

Approach to the typology models of the social state.

N.M. Khoma 137

Basic approaches of political crisis research.

R.M. Kliuchnyk 144

Factor of the balance of power between the president and the
parliament as a fundamental component of stability of political
systems in Russia and Ukraine. **A.A. Ryazantsev 148**

Processes of party consolidation in the countries of postcommunist
space. **M.A. Varfolomeev 152**

Imitating and constructive forms of modernization of party system
of Russia. **L.A. Goncharov, E.V. Reutov 158**

New civil society institutions in the process of elections
in the modern Russia. **N.N. Stebletsova 163**

Management of the political competition in modern Russia.

V.N. Shilov 167

Provision with public values by means of electronic government
in Ukraine. **V.A. Karachay 175**

Formation of foreign policy basis and its realization in the
Ukrainian state (1991-2012). **N.N. Oleinik 180**

Images of post-Soviet Russia in Germany: limits of variability.

A.V. Devyatkov, I.Y. Mostovskich 188

Information about Authors 192

Information for Authors 194



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(38).07

СООБЩЕНИЕ ПТОЛЕМЕЯ О ДЕЙСТВИЯХ ТАКСИСА ПЕРДИККИ ПРИ ШТУРМЕ ФИВ ВОЙСКАМИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.А. КЛЕЙМЕНОВ*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого**e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru*

В статье анализируется процитированное Флавием Аррианом сообщение Птолемея Лагида о том, что штурм Фив македонскими войсками в 335 г. до н.э. начался по инициативе Пердикки. Определяется, что эту информацию следует расценивать как достоверную. Пердикка, командир одного из таксисов македонской пехоты, самостоятельно принял решение начать атаку, развязав сражение, закончившееся взятием города. Причинами этих действий могут выступать в равной степени как рациональная оценка Пердиккой сложившейся ситуации, так и особенности психологии представителей армии Александра.

Ключевые слова: Александр Македонский, Фивы, Птолемей, Пердикка.

Военные события эпохи Александра Македонского интенсивно изучаются в течение долгого времени историками всего мира, однако, количество научных проблем, вопросов, на которые не существует однозначного ответа, отнюдь не уменьшается. Во многом это связано с особенностями имеющихся в распоряжении современного исследователя источников, часто противоречивых и допускающих великое множество трактовок. К числу спорных вопросов относятся и обстоятельства захвата Фив войсками македонского царя в сентябре 335 г. до н.э. Античные авторы сходятся в том, что штурм города начался после провала мирных переговоров между Александром и фиванцами (Arr.Anab., I, 7, 7–11; Plut. Alex., 11; Diod., XVII, 9, 1–4), однако, их сведения о самом штурме и роли таксиса Пердикки в ходе этого военного предприятия значительно разнятся.

Арриан, ссылаясь на Птолемея Лагида, сообщает, что Пердикка, несший охрану лагеря и стоявший со своим таксисом (τῆ αὐτοῦ τάξει) впереди него, недалеко от вражеского палисада, не ожидая приказа от Александра, своевольно кинулся на этот палисад, разметал его и напал на передовой отряд фиванцев (ἐξ τῶν Θεβαίων τὴν προφυλακὴν). За ним последовал Аминта, сын Андромена, так как он стоял вместе с Пердиккой, и, увидев, что тот уже за палисадом, повел свой таксис. Александр, видя это и боясь, как бы фиванцы их не отрезали, и им не пришлось бы сражаться одним, двинул остальное войско. Лучникам и агрианам он дал знак вбежать за палисад, а агему и гипаспистов держал еще перед ним. Отмечается, что Пердикка, стремясь пройти за второй палисад, упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь, поправился он с трудом. Тем временем,



ворвавшиеся с ним воины вместе с лучниками загнали фиванцев в лощину, которая вела к храму Геракла, но были отброшены внезапной контратакой. Указывается, что в бою погиб начальник лучников критянин Эврибот. Далее следует описание боя, в ходе которого Александр с помощью фаланги сумел пробиться в город, рассказывается об уличных сражениях и резне (*Anab.*, I, 8, 1–8).

В ином ключе об участии Пердикки в штурме Фив рассказывает Диодор Сицилийский. Он пишет, что Александр начал атаку по заранее намеченному плану и уже во время самого боя заметил какую-то дверцу, оставшуюся без охраны. Он отправил к ней Пердикку с достаточным числом воинов (*Περδίκκα μετὰ στρατιῶτων ἰκανῶν*), приказав захватить дверцу и проникнуть в город. Приказание было быстро исполнено, в результате фиванцы, уже уверенные в своей победе, были вынуждены отойти в город, после чего из-за начавшейся давки и удачной вылазки македонского гарнизона Кадмеи они были разгромлены (*Diod.*, XVII, 12, 3–5). Полиэн приводит схожий рассказ о взятии Фив, с той лишь разницей, что обходной маневр в тыл обороняющихся по его версии произвел не Пердикка, а Антипатр (IV, 3, 12). Плутарх не отмечает какой-то особенной роли Пердикки при штурме, сообщая, что приказ о начале атаки дал сам Александр (*Alex.*, 11).

Как мы видим, информация античных авторов весьма противоречива и образует две принципиально разные версии. Чаще всего при возникновении проблем подобного рода исследователи полководческой деятельности Александра склоняются в пользу информации Арриана, который, согласно справедливому замечанию Р.Д. Милнса, воспринимается большинством специалистов как наиболее компетентный в военных вопросах автор, благодаря личному опыту и использованию данных Птолемея¹. Однако, именно прямая ссылка Арриана на Птолемея как на источник информации в данном случае заставила некоторых исследователей усомниться в достоверности приводимых им сведений. По их мнению, Птолемей задним числом указал на своего позднейшего врага Пердикку как на главного виновника начала штурма Фив, закончившегося резней и полным разрушением города². Высказывалось предположение и о том, что сам Арриан, автор апологетического направления, старался показать македонского царя в более привлекательном свете и свалил всю вину за кровопролитие на Пердикку и Аминту³.

Н. Хаммонд ставит под сомнение обоснованность рассуждений о том, что рассказ Птолемея о роли Пердикки при взятии Фив имел целью превратить последнего в истинного виновника разрушения города, сняв тем самым вину с Александра. В этом просто не было необходимости, поскольку окончательное решение сравнить Фивы с землей было принято синедрионом Коринфской лиги⁴. Доказательством необоснованности предположений о «злокозности» Птолемея служат не только военно-политические обстоятельства разрушения Фив, но и общий характер самого сообщения. В. Хеккель, отмечая субъективность подхода Птолемея к освещению деятельности Пердикки, справедливо указывает, что в описании атаки Пердикки на фиванцев присутствует «героическая составляющая» – Аминта повел свой полк тимфеев в поддержку орестов и их командира, который, вдобавок ко всему, был тяжело ранен в бою⁵. При целостном и объективном рассмотрении сообщения Арриана сложно прийти к выводу об ответственности Пердикки за разрушение Фив, так как античный автор прямо указывает на фиванцев как на виновников собственных бед⁶. Приведенный Аррианом рассказ Птолемея в целом выглядит убедительней альтернативной версии Диодора. Последний сообщает о полевом сражении под стенами Фив, граждане которых по непонятной причине не использовали оборонительные сооружения, очень эмоционально описывает доблесть фиванцев, храбро отстаивавших свою свободу и успешно противостоявших Александру, пока Пердикка не совер-

¹ Milns R.D. Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note // *Historia*. № 27. 1978. P. 374.

² Errington R.M. Bias in Ptolemy's History of Alexander // *CQ*. Vol. 19. 1969. № 2. P. 236–237; Bosworth A.V. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Oxford, 1980. P. 80–81; Кутергин В.Ф. Беготийский союз в 379–335 гг. до н.э.: Исторический очерк. Саранск, 1991. С. 160.

³ Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 86.

⁴ Hammond N.G.L. Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge, 1993. P. 330–331.

⁵ Heckel W. The marshals of Alexander's empire. London – New York, 1992. P. 125.

⁶ Roisman J. Ptolemy's History of Alexander // *CQ*. n.s. Vol. 34. 1984. № 2. P. 373–385; Ellis W.S. Ptolemy of Egypt. London – New York, 1994. P. 18.



шил обходной маневр (Diod., XVII, 11, 1–12, 5). В противоположность этому, Арриан называет участвовавшие в атаке подразделения македонской армии и имена их командиров, упоминает ключевые пункты топографии города, реалистично описывает сложные перипетии «нестандартного» сражения.

Итак, с большой долей уверенности можно утверждать, что информацию Птолемея Лагида о начале штурма таксисом Пердикки следует признать достоверной. Как отмечает У. Тарн, Александр решил взять Фивы после провала мирных переговоров, а то, что атаку самовольно начал Пердикка, является частностью⁷. Согласимся с мнением Н. Хаммонда, который оценивает атаку таксиса Пердикки на позиции фиванцев как следствие личной инициативы командира, а Александр, в свою очередь, умело использовал сложившуюся ситуацию и сумел без осадных машин, задержавшихся в пути, захватить укрепленный город, защитники которого имели репутацию хороших воинов⁸. Все это позволяет понять, почему македонский царь в целом спокойно отнесся к действиям своего подчиненного под стенами Фив. Сведения о дальнейшей карьере Пердикки красноречиво свидетельствуют о том, что он не был подвергнут взысканию после захвата Фив и продолжил командовать одним из элитных таксисов. В частности, в сражении при Гранике таксис Пердикки располагался на ответственной и почетной позиции, занимая правый фланг боевой линии сариссоносцев между гипаспистами Никанора и таксисом Кена (Arr.Anab., I, 14, 2). Конечно, некоторая напряженность в отношениях Александра и Пердикки могла присутствовать какое-то время. Возможно, для того, чтобы ее снять, последний и сделал широкий жест, отказавшись от пожалованного царем имущества, которое тот щедро раздавал соратникам накануне отбытия в Азию (Plut. Alex., 15).

Возникает вопрос о причинах принятия Пердиккой несогласованного с Александром решения о начале атаки. Возможные ответы можно разделить на две группы, выделив рациональные и иррациональные причины. Практически все рациональные причины начала атаки указывает Дж. Эшли – это либо получение сигнала от запертого в Кадмее македонского гарнизона, либо обнаружение Пердиккой некоторой слабости в боевых порядках фиванцев⁹. Остановимся подробнее на причинах иррационального свойства. Одну из них указывает Ф. Фримен. Данный исследователь, несмотря на то, что признает свое бессилие в определении более достоверной версии событий, видит причину начала атаки в нетерпеливости молодого Пердикки, желавшего произвести впечатление на царя¹⁰. Трудно определить степень обоснованности данного предположения. А.С. Шофман характеризует Пердикку как человека опытного, отважного, при этом скрытного, холодного и высокомерного по натуре, которого, Александр, возможно, и не особенно любил, но ценил за верность, исполнительность и безусловное повиновение¹¹. По мнению У. Тарна, Пердикка был отважным человеком и хорошим солдатом, однако его отличала непримиримость и неумеренная гордость¹². Конечно, на момент восшествия Александра на престол Пердикке было чуть более двадцати лет¹³, однако, зная об особенностях характера этого человека, сложно связывать его действия с обычной пылкостью молодости.

Для того, чтобы понять условия, в которых Пердикка отдал приказ о начале атаки, рассмотрим взаимоотношения между противоборствующими силами накануне кровавой развязки. Прежде всего, бросается в глаза обилие сообщений о фиванских провокациях. В частности, все тот же Арриан пишет, что Александр дал фиванцам время одуматься и отправил к ним посольство, однако те и не думали начинать мирные переговоры, более того, фиванцы устроили вылазку, обстреляли передовые посты и убили нескольких македонян. Фиванский отряд, подойдя к самому македонскому лагерю, был отброшен всадниками и лучниками Александра (Arr.Anab., I, 7, 7–9). Плутарх сообщает, что фиванцы, в

⁷ Tarn W.W. Alexander: The Conquest of Persia // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / J.B. Bury, S.A. Cook, F.E. Adcock. Cambridge, 1933. P. 356.

⁸ Hammond N.G.L. The Genius of Alexander the Great. London, 1998. P. 45.

⁹ Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson, 1998. P. 177.

¹⁰ Freeman P. Alexander the Great. New York, 2011. P. 62–63.

¹¹ Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 34.

¹² Tarn W.W. The heritage of Alexander // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / J.B. Bury, S.A. Cook, F.E. Adcock. Cambridge, 1933. P. 462.

¹³ Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 124.



ответ на предложение Александра решить дело миром при условии выдачи зачинщиков восстания Феникса и Протита, потребовали выдать им Филоту и Антипатра, призвав тех, кто хочет помочь освобождению эллинов, перейти на сторону Фив (Alex., 11). По справедливому замечанию В.Ф. Кутергина, многие античные авторы, в том числе и уроженец Беотии Плутарх, осуждают фиванцев за их высокомерное отношение к Александру¹⁴.

В непосредственной близости от фиванских позиций располагался таксис Пердикки, который, согласно данным Диодора, был укомплектован линкестами и орестами (την των Ορεστων και Λυκηστων τάξι) (XVII, 57, 2). Происхождение самого Пердикки, сына Оронта, связывают с царским домом Орестиды¹⁵. Земли этих племен относились к Верхней Македонии и в течение долгого времени были слабо связаны с нижнемакедонской династией Аргеадов. Известно, что оресты, жители горных районов на границе Македонии и Эпира, в более раннее время причислялись не к македонским, а к эпирским племенам¹⁶. Видимо, окончательное включение их земель в состав Македонии произошло лишь в период правления Филиппа II¹⁷. Линкесты, также служившие в составе таксиса, в предшествующее время более остальных македонских племен были подвержены сепаратистскими настроениям и неоднократно при поддержке иллирийцев и пеонов боролись с правителями Нижней Македонии¹⁸. Любопытно, но именно из верхнемакедонских земель были родом воины элитных таксисов армии Александра, из которых следует особо выделить два, возглавляемые Кеном и Пердиккой. Для обозначения первого из них Арриан использовал особый термин, назвав подразделение Кена при описании осады Тира ασθηταιροι (Anab., II, 23, 2). На использование Аррианом этого понятия для характеристики некоторых подразделений фаланги впервые обратил внимание в рамках специального исследования А. Босворт, доказавший, что наличие термина ασθηταιροι в тексте нельзя считать результатом искаженного написания слова πεζεταιροι¹⁹. Несмотря на то, что существуют разнообразные варианты перевода термина ασθηταιροι, исследователи сходятся в том, что так обозначались происходившие из Верхней Македонии таксисы сариссоносцев, занимавшие во время масштабных сражений престижное положение на правом фланге войска и обладавшие статусом пешей царской гвардии²⁰. К ασθηταιροι наряду с полком Кена относился и таксис Пердикки, участвовавший в выполнении особо ответственных боевых заданий во время Балканской кампании Александра и в ходе Восточного похода²¹.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, можно уверенно утверждать, что бойцы из этого элитного подразделения с гордостью относились к своему статусу. О том, что воинская честь и доблесть много для них значили, говорит случай, произошедший при осаде Галикарнасса. Согласно Арриану, два гоплита из таксиса Пердикки, выпивая вместе, всячески превозносили себя и свои подвиги. Подогреваемые вином и честолюбием, они вооружились и полезли на городскую стену, стремясь блеснуть своей доблестью. Обнаруженные защитниками города, два македонянина вступили в неравный бой. Вскоре подоспели еще некоторые из воинов Пердикки. Перед стеной завязалась жаркая схватка, в ходе которой македоняне отбросили вышедшего за ворота неприятеля

¹⁴ Кутергин В.Ф. Беотийский союз... С. 159.

¹⁵ Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 123; Tarn W.W. The heritage of Alexander. P. 462; Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 332.

¹⁶ Вершинин Л.Р. Государство молоссов и территориальная консолидация античного Эпира // ВДИ. 1987. № 1. С. 178.

¹⁷ Greenwalt W.S. Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / Edited by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 282.

¹⁸ Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960. С. 113–114.

¹⁹ Bosworth A.B. ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ // CQ. Vol. 23. 1973. № 2. P. 245–253.

²⁰ Anson E.A. The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / Edited by E. Carney and D. Ogden. Oxford, 2010. P. 82; Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 291–292; Bosworth A.B. ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ. P. 247–249; Rzepka J. The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // GRBS. Vol. 48. 2008. P. 41–42.

²¹ Heckel W. The Asthetairoi: A Closer Look // Alexander and His Successors / Edited by P. Wheatley and R. Hanna. Claremont, 2009. P. 99–117; Anson E.A. The Asthetairoi... P. 85; Bosworth A.B. ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ. P. 247–248; Griffith G.T. The Reign of Philip the Second. P. 711; Rzepka J. The Units of Alexander's Army... P. 41; Sekunda N. The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / Edited by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 457.



и чуть было не захватили город (Anab., I, 21, 1–3). Диодор подтверждает эти сведения, отмечая, что какие-то солдаты Пердикки, напившись, ночью полезли на стены акрополя Галикарнасса, но были отброшены персами. Узнав о случившемся, многие македонцы пришли на помощь атакующим. Разгорелся жестокий бой, в итоге которого персы отступили и заперлись в городе (Diod., XVII, 25, 5). Яростно отстаивали *ασθέταιροι* не только личную честь, но и славу всего подразделения. Все тот же Арриан, описывая битву при Иссе, сообщает, что после разрыва центра македонского строя разгорелся яростный бой между эллинскими наемниками Дария и македонянами, старавшимися не посрамить славу фаланги (*την δόξαν της φάλαγγος*), о непобедимости которой все время кричали (Anab., II, 10, 6). Насколько мы знаем из диспозиции македонской армии, оставленной нам все тем же автором, центр был сформирован из таксисов под командованием Аминты, Птолемея, Мелеагра, Пердикки и Кена (Anab., II, 10, 3–4). Именно они и подразумеваются под «фалангой», славу которой превозносили и в бою старались сохранить.

Итак, элитный таксис *ασθέταιροι*, укомплектованный орестами и линкестами, рьяно оберегающими свою воинскую честь, возглавляемый Пердиккой, представителем рода орестийских династов, человеком большой отваги и не меньшей гордости, располагался вблизи позиций фиванцев. При учете того, что последние вели себя провокационно по отношению к македонянам даже на уровне «официальных переговоров», вполне закономерным будет предположение, что провокации присутствовали и в зоне непосредственного соприкосновения боевых порядков противоборствующих сторон. О сути провоцирующих действий в адрес македонян позволяет судить сообщение Диодора, согласно которому фиванцы во время сражения кричали македонянам, требуя признать, что последние хуже фиванцев (XVII, 12, 2). Информация в высшей степени любопытная, однако, подобные высказывания, видимо, имели место не в ходе самой битвы, а в предшествующее ей время. Известно, что в общественном сознании греков позднеклассического времени на фоне общего противопоставления эллинов и «варваров» существовало мнение о том, что настоящие мужество и смелость присущи только эллинам. Напомним: греки, иногда признавая эллинское происхождение Аргеадов, относили всех македонян к категории варваров²². Уроженцы Верхней Македонии должны были являться для фиванцев варварами «второй раз». Конечно, рассуждения о низких «варварских» моральных качествах в обозначенное время были связаны преимущественно с персами²³, однако в ряде случаев переносились и на других варваров, в том числе, и македонян. Если верить Геродоту, еще в период греко-персидских войн спартанский посол, говоря о македонском царе Александре I, заявил, что у «варваров» нет ни верности (*ουτε πιστον*), ни искренности (*ουτε αληθες*) (VIII, 141–142). Об умении представителей племени линкестов показывать храбрость лишь через пустые угрозы и преследование отступающего противника при неспособности вступить в бой с упорным врагом писал еще Фукидид (IV, 126, 3–6). В эпитафии, посвященной павшим в сражении при Херонее воинам и приписываемой Демосфену, отмечается, что враг победил не благодаря своей доблести (*αρετή*), навыкам или смелости командующего (LX, 21). Самого Александра Демосфен, по словам Эсхина, оценивал как человека лишённого доблести, так как доблесть приобретается кровью. Здесь подразумевается кровь, не пролитая человеком, а текущая в нем, так как Эсхин далее замечает, что в жилах самого Демосфена течет кровь труса (Aeschin., III, 160). Можно только представить, как на подобные высказывания о врожденной воинской неполноценности со стороны неоднократно битых фиванцев реагировали бойцы элитного таксиса *ασθέταιροι* с обостренным чувством собственного достоинства. Они должны были просто рваться в бой. Настроение своих подчиненных, своих земляков не мог не почувствовать Пердикка. Не исключено, что он отдал приказ об атаке, не дожидаясь, пока солдаты начнут ее само-

²² Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford, 1989. P. 19; Cartledge P. Alexander the Great: The Hunt for a New Past. London, 2004. P. 33; Starr C.G. A History of the Ancient World. New York – Oxford, 1991. P. 260; Anson E.M. Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians. Boston – Leiden, 2004. P. 201–202; Hornblower S. The Greek world, 479–323 BC. London – New York, 2011. P. 94; Шофман А.С. История античной Македонии... С. 97.

²³ Lee J.W. Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World / Edited by K.H. Kinzl. Oxford, 2006. P. 485; Меланиченко И.В. Оппозиция «эллина – варвары» в IV в. до н.э. // Антиковедение и медиавистика: Сб. науч. тр. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2001. С. 5.



стоятельно и без всякого порядка. Определенную роль, конечно, могли сыграть и указанные выше свойства личности самого командира. Следует учесть еще один немаловажный нюанс, связанный с наличием у личного состава македонской армии чувства гордости от принадлежности к своему соединению. Речь идет о присутствовавшем в войсковой среде состязательном начале, которое в определенной степени поддерживалось командованием²⁴. Желание выделиться подвигами из всей армейской массы могло подтолкнуть к решительным действиям против дерзких фиванцев как рядовых бойцов таксиса, так и их амбициозного командира. В этой связи стоит еще раз напомнить о стремительном вступлении в бой еще одного подразделения – таксиса Аминты, воины из которого, а, возможно, и сам командир, не желали уступать в доблести своим братьям по оружию.

Конечно, уверенно отдать предпочтение одной из версий и четко ответить на вопрос о причинах начала атаки не представляется возможным. Не исключено, что имели место несколько причин рационального и иррационального характера. Как бы то ни было, благодаря инициативе молодого командира стремительно разгорелся бой, ход которого вскоре был взят под контроль Александром, блестяще продемонстрировавшим свое умение быстро ориентироваться в сложной боевой обстановке и принимать нужное тактическое решение. Все это, в конечном счете, привело к тому, что в кратчайший срок был захвачен один из крупнейших городов Эллады.

THE PROBLEMS OF PTOLEMY'S REPORT ABOUT PERDIKKAS' TAXIS ACTIONS IN THEBES' STORM OF ALEXANDER'S ARMY INTERPRETATION

A.A. KLEYMEONOV

*L. Tolstoy Tula State Pedagogical
University*

e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Ptolemy's report about Perdikkas' initiative in Thebes' storm in 335 BC quoted by Arrian is under consideration in this article. This information is defined reliable. As a commander of his own taxis Perdikkas made a decision to begin an attack, unleashed the battle which finished his force the town. The reasons of these actions could be both situation's rational estimate and Alexander's soldiers special psychological features.

Keywords: Alexander the Great, Thebes, Ptolemy, Perdikkas.

²⁴ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 308–309; Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Пер. с франц. Т.А. Левиной. М., 2008. С. 87–88.



УДК 94(495).01

ЯЗЫЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОРИМСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЫ ПАЛЕСТИНСКОЙ)

М.А. ВЕДЕШКИН*Московский государственный
педагогический
университет**e-mail: Balatar@mail.ru*

В настоящей работе на примере Газы Палестинской исследуются противостояние сохранявшей приверженность традиционным культам муниципальной знати восточноримских городов и церковной организации. В статье освещены социально-экономические причины конфронтации муниципальной аристократии и церковной организации, представлены формы оппозиционной деятельности языческой знати, охарактеризовано отношение центральной власти к сохранявшимся в городах империи языческим культам.

Ключевые слова: Поздняя античность, Римская империя, Византия, язычество, христианство, Газа.

Процессы христианизации, охватившие Римскую империю в IV в., вызвали противодействия определенной части населения средиземноморской державы. Прежде всего, принятию новой веры противились те слои позднеримского общества, которые видели опору своего общественного положения в институтах, сформировавшихся в период классической античности, в том числе традиционных языческих культах.

Одной из социальных групп, продолжительное время противодействовавших христианизации, была муниципальная аристократия городов Востока, опиравшаяся на постепенно отмиравшие полисные социоэкономические структуры. Муниципальные культы являлись неотъемлемым элементом полисного строя, во всем своем многообразии служившие выражением верности традициям муниципальной жизни. Борясь за сохранение язычества с его многочисленными местными культами, муниципальная знать отстаивала известную политическую, экономическую и культурную автономию полисов во главе с курией.

Одним из наиболее примечательных примеров противостояния муниципальной знати распространению христианства является деятельность куриальной аристократии Газы Палестинской. Противостояние газской знати и проповедников новой религии описано в ряде источников, из которых ценнейшими являются «Житие Порфирия Газского» Марка Дьякона, произведения Иеронима Стридонского, а также исторический труд Ермия Созомена.

В позднеантичный период Газа Палестинская оставалась одним из крупнейших экономических центров восточносредиземноморского региона.

Основы процветания Газы происходили из караванной торговли с Аравией¹, а также экспорта сельскохозяйственной продукции, прежде всего, местного вина (Евр. 29) пользовавшегося спросом даже в Галлии и Испании². К Газе были приписаны обширные земельные владения, ограничивавшиеся на севере территорией Аскалона, на юге территорией Рафии, а на востоке - границами бывшего Набатейского царства³. На подвластных Газе территориях находилось множество деревень и несколько торгово-ремесленных центров, в том числе, и относительно крупных.

Город был не только торговым, но и важным культурным и религиозным центром римской Палестины. Аммиан Марцелин упоминает Газу среди «благоустроенных городов» Палестины, которые «процветают, ничем не уступая друг другу, и могут поспорить между собой» (Амм. Марс. XIV.8.11). Анонимный автор «Полного описания Вселенной и

¹ Hall L. Roman Berytus: Beirut in late antiquity. London, 2004. С. 37.

² Sivan H. Palestine in late antiquity. Oxford, 2008. С. 343. О газской виноторговле см. Mayerson P. The Wine and Vineyards of Gaza in the Byzantine Period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 1985. P. 75–80.

³ О газской хоре см. Di Segni L. The territory of Gaza: notes of historical geography // Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden, 2004. P. 41–60.



народов», посетивший город в сер. IV в., ставил Газу в число наиболее замечательных городов Сирийского диоцеза и упоминал, что «Газа богата прекрасными певцами, а также славится борцами, искусными во всех видах борьбы» (Ехр. 32-33)⁴.

Вследствие отсутствия каких-либо археологических или нарративных источников, вопрос о количестве жителей города не имеет однозначного ответа. Используя данные М. Броши⁵, мы можем предполагать, что в самом городе жило ок. 27 тыс. чел.; население газской хоры было, очевидно, многочисленнее. Этнический состав населения был весьма пестрым. На городских территориях проживали сирийцы, арабы, евреи, египтяне, а также греки и римляне, составлявшие местную муниципальную знать.

По данным Марка Дьякона, оставившего наиболее полное описание Газского язычества, в городе публично отправлялись культы Гелиоса, Афродиты, Аполлона, Коры, Гекаты и Тюхе (Marc. V. Porph. 64), и культ главы местного пантеона - покровителя газской муниципии Зевса-Марна «Владыки дождей»⁶ (Marc. V. Porph. 19). Функционирование муниципальных культов шло за счет земельных имуществ языческих храмов⁷. Формально храмовые земли не считались собственностью города, но фактически находились в ведении муниципальной организации, т.к. жреческие коллегии входили в состав городских куриий, а жреческие должности зачастую являлись почетными магистратурами, распределением которых также ведала городская курия⁸.

На средства, полученные с доходов храмовых владений, жреческие коллегии организовывали религиозные празднества, фестивали и спортивные соревнования⁹. Участие в подобных мероприятиях объединяло жителей общины в единый гражданский коллектив. Кроме того, распространение продуктов храмовых хозяйств, проводимое на многих культовых мероприятиях, помогало муниципальной организации поддерживать беднейших членов общины¹⁰. Так, по свидетельству Либания, жертвенное мясо шло «на помощь бедноте в среде старух, стариков, сирот-детей, страдающих всякими увечьями» (Lib. Or. XXX.19). Деятельность полисных культов позволяла смягчать социальные противоречия между членами гражданской общины и, тем самым, поддерживать господство куриальных элит над городским плебсом¹¹. Отсюда замечание одного из идеологов муниципальной знати городов Востока - Либания: «Сохранность городов (основана) на почитании богов» (Lib. Or. II.69).

Начало распространения христианства в регионе относится к I в. По данным «Деяний апостолов», в окрестностях Газы проповедовал Филипп, апостол от семидесяти (Act. VIII.26). Однако, новая вера не нашла широкого признания среди городского населения. Свидетельством этого является тот факт, что вплоть до IV в. в Газе не было организовано епископии, что говорит нам о крайней малочисленности местной христианской общины, либо даже об ее полном отсутствии¹². Более успешной была проповедь христианства на прилегающих к Газе территориях. Так, среди жертв гонения Диоклетиана Евсевий Кесарийский упоминает Сильвана, бывшего к началу IV в. «епископом церквей в окрестностях Газы»¹³ (Euseb. HE. VIII.13.5)¹⁴.

⁴ Cp. Amm. Marc. XIV. 8.11.

⁵ Broshi M. The Population of Western Palestine in the Roman-Byzantine Period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 1979. P. 7.

⁶ О культе Марны см. Belayche N. Foundation myths in Roman Palestine. Tradition and reworkings // Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition. Amsterdam, 2009. P. 180-182.

⁷ Так, Либаний говорил об обширных земельных владениях, которые принадлежали «каждому богу» (Lib. Or. II.31).

⁸ Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город Антиохия. Л., 1962. С. 76.

⁹ О религиозных празднествах в Газе Палестинской см.: Belayche N. Pagan Festivals in Fourth-Century Gaza // Christian Gaza in Late Antiquity. Leiden; Boston, 2004. С. 5-22.

¹⁰ Cp. Lib. Or. II.30.

¹¹ Zuiderhoek A. The politics of munificence in the Roman Empire: citizens, elites, and benefactors in Asia Minor. Cambridge; New York, 2009. P. 77.

¹² Так, Григорий Чудотворец был рукоположен в сан епископа Неокесарии, когда в городе было всего лишь 17 христиан (Greg. Nyss. V. Greg. Taum. 146).

¹³ Вероятно, Сильван был одним из так называемых хорепископов, или сельских архиереев, существование которых в африканских и азиатских провинциях Римской империи неоднократно отмечалось исследователями (Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey. II v. Baltimore, 1986. P. 879).

¹⁴ Cp. Euseb. Mart. Pal. XIII.



Прекращение гонений и официальное признание христианства императорской властью заметно ускорило процесс христианизации региона. Так, по данным Евсевия Памфила, на основании приверженности к христианству селение Майюма даже получило статус муниципии (Euseb. V. Const. IV. 38). Более подробные сведения приводит Созомен: «...приморское местечко города Газы, по имени Майюма, отличавшееся суеверием и дотоле преданное древним обычаям, теперь все вдруг обратилось к Христианству. В награду за такое благочестие царь удостоил Майюмцев великой чести: - местечку их, которое прежде не было городом, дал значение города и назвал его, во имя любимейшего своего сына, Констанциею» (Soz. II.5)¹⁵.

Дальнейшая христианизация территории Газы связана с деятельностью Илариона Великого. Благодаря его проповедям, множество местных жителей обратилось в христианство. Так, именно после общения с Иларионом, дед историка Созомена, некий Алафион, проживавший Вефилии, принял новую веру, став первым христианином в своем городке (Soz. V. 15). Чрезвычайно велик вклад Илариона и в формирование палестинского монашества. Под руководством его самого и его учеников к 360 г. в окрестностях Газы появилось, по меньшей мере, два монастыря¹⁶, в которых проживало несколько сотен монахов¹⁷. К 335 г. в самом городе уже была учреждена епископия¹⁸.

Труды проповедников христианства полностью поддерживались государственной властью, стремившейся укрепить влияние Церкви, зачастую за счет муниципальной организации. Еще при Константине в ведение Церкви были переданы доходы с части городских земель (Theod. HE. I.11; Soz. I.8) равно как и имущество осужденных на смерть, не имеющих прямых наследников, ранее переходившее в распоряжение городских курий¹⁹ (Soz. I.8).

Кроме того, при Константине государство начало проводить конфискации находившихся ранее под контролем муниципальной организации храмовых земель²⁰ и изъятия накопленных за столетия храмовых сокровищ (Euseb. V. Const. III.54; Jul. Or. VII.288B-C; Lib. Or., XXX,6; LXII, 8-9; Anon. De Reb. Bell. II.1; Soz. II.5; Zos. II.31). Еще большие масштабы разграбления храмов и отторжение храмовых земель приобрело при Констанции II. По сведениям Либания и Аммиана Марцеллина, при Констанции земли и богатства множества храмов были захвачены придворными императора (Lib. Or. XXX. 6; 37-38; XIII.45; Amm. XXII.4.3). «Другие присваивают священные участки», с горечью отмечал Либаний (Lib. VII.10). Конфискация храмовых земель лишала курию доходов от эксплуатации храмовых хозяйств, средств на проведение общеполитических празднеств и фестивалей и возможности поддерживать беднейшие слои населения за счет муниципальной организации. Таким образом, вместе с ослаблением позиций местных языческих культов уменьшалось экономическое и политическое влияние курии.

Объективное усиление позиций христианства и рост влияния Церкви, равно как и сопутствовавшее ему ослабление муниципальной организации, вызывало в среде полисной аристократии резкую антипатию по отношению к христианству и его последователям. Анонимный апологет языческих культов выразил эти настроения куриальных элит

¹⁵ На тех же основаниях в отдельные общины были выделены Антарадос-Константина - предместье финикийского города Арадоса (Euseb. V. Const. IV. 39; Soz. II.5) и фригийская деревенька Оркист (CIL III.7000; Van Dam R. The Roman Revolution of Constantine. Cambridge, 2009. P. 150-162). Следует согласиться с мнением А.Д. Рудокваса, согласно которому подобные «обращения» целых городов и деревень проходили спонтанно под влиянием ожидаемого вознаграждения со стороны императора (Рудоквас А.Д. Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого. 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: <<http://www.centant.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rudo10.htm>>).

¹⁶ Hirschfeld Y. The monasteries of Gaza: an archaeological review // Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture. 3. Leiden, 2004. P. 67-69.

¹⁷ Исчисляя количество монахов газского региона при Иларионе, Иероним Стридонский приводит маловероятную цифру в три тысячи монашествующих (Jerom. V. Hilar. 27).

¹⁸ Феодорит Киррский отмечает епископа Асклепия Газского среди участников Тирского собора (Theod. HE. I. 29).

¹⁹ См. CTh. V.6.2.

²⁰ Jones A.H.M. The Later Roman Empire... P. 92; Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город... С. 77.



следующими словами: «Они (христиане) - нечестивые безбожники, отвергнувшие отечественных богов, благодаря которым держится всякий народ...»²¹.

Вероятно, в Газе подобные настроения были распространены даже сильнее, чем в других городах империи. Отторжение от газского полиса Майюмы, бывшей важным торговым центром, очевидно, лишило газскую курию значительной части ее дохода. Тот факт, что дарование Майюме статуса муниципии было проведено государственной властью под предлогом христианских симпатий жителей данного поселения, должен был еще более усилить антипатию газской знати по отношению к христианству и его последователям. Так, еще во время правления Констанция, газские язычники требовали казни Илариона на том основании, что монах «заколдовал» колесницу одного из возничих, участвовавших в скачках по случаю празднования Консуларий (Jerom. V. Hilar. 20).

В полной мере антихристианские настроения населения Газы проявились лишь во время царствования Юлиана Отступника. Император-язычник открыто благоволил к городам, сохранившим приверженность «отеческой религии»²². За верность традиционным культам Газе был возвращен порт Майюма-Констанция (Soz. V.3). Кроме того, по свидетельству Иеронима Стридонского, император удовлетворил прошение членов газской курии, требовавшей казни Илариона и его ученика Исихия, а также уничтожения находившегося близ Газы монастыря (Jerom. V. Hilar. 33). В самом городе произошел жесточайший антихристианский погром, в ходе которого несколько христиан были зверски замучены (Greg. Naz. IV.44; Soz. V.9) и сожжена христианская церковь (Amb. Ep. 40). Попытавшегося наказать погромщиков чиновника император отдал под суд. По сообщению Созомена, «в вину же ему (император Юлиан) вменял то, что некоторых Газейцев, признанных за начинщиков возмущения и убийств, он взял и держал в цепях, как людей, долженствовавших получить наказание по законам. Стоило ли брать их под стражу, говорил он, что они немногим Галилеянам отместили за многие оскорбления, причиненные и им самим, и богам их?» (Soz. V.9).

Деятельность Юлиана Отступника по укреплению положения курий²³ заметно усилила позиции местной языческой аристократии, что, в свою очередь, в значительной степени приостановило темпы распространения христианства в Газе. По данным Марка Дьякона, к концу IV в. христианская община этого крупного города не насчитывала и трехсот членов (Marc. V. Porph. 19). Посетивший окрестности Газы ок. 385 г. Иероним Стридонский охарактеризовал город, как *Urbs gentilium* (Jerom. V. Hilar. 14).

Подобного положения дел не изменили даже безапелляционные антиязыческие эдикты 391-395 гг., поставившие вне закона любые, в том числе и самые невинные, формы отправления традиционных культов (CTh. XVI.10-13). Газские язычники продолжали открыто посещать храмы, приносить жертвы и совершать церемонии в честь языческих богов.

Прекращение отправления языческих ритуалов в Газе связано с деятельностью епископа Порфирия, возглавившего христианскую общину Газы ок. 395 г. Подробная информация о деятельности епископа представлена в труде его сподвижника и ученика, Марка Дьякона «Житие и подвизание иже во святых отца нашего Порфирия Газского»²⁴. Текст данного произведения, составленный очевидцем и активным участником событий, являет собой наиболее полное из сохранившихся описаний противостояния языческих элит и иерарха Церкви.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые Порфирием в деле христианизации населения Газы в первые годы его служения, в целом проповедь новой религии в горо-

²¹ Цит. по: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 361.

²² Об этом Юлиан прямо заявлял в письме к Артабию (Jul. Ep. 38(83)).

²³ Алфионов Я.И. Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 2011. С. 129-130.

²⁴ Под влиянием работы П. Пеетерса (Peeters P. La vie géorgienne de Porphyre de Gaza // *Analecta Bollandiana*. 59. 1941. P. 65-216) некоторые исследователи признавали данное произведение неаутентичным (MacMullen R. *Christianizing the Roman Empire (A.D. 100-400)*. New Haven; London, 1984. P. 86-89; Cameron A., Long J., Sherry L. *Barbarians and politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 155). В своей монографии Ф. Тромбли блестяще опроверг доводы П. Пеетерса и красноречиво доказал, что в основе сохранившегося «Жития» лежит аутентичный текст первой половины V в. (Trombley F.R. *Hellenic religion and Christianization*, с. 370-529. II, 2 тт. Boston; Leiden, 2001. P. 246-282).

де не приносила ожидаемых епископом результатов. Вместе с тем, даже весьма умеренный рост христианской общины города укреплял антихристианские настроения язычников. Марк Дьякон сообщает, что язычники «не переставали строить козни блаженному и остальным христианам; ибо, когда им доставался архонт эллин, они побуждали его или деньгами или безбожною своею религией обижать христиан» (Marc. V. Porph. 21).

В своей борьбе с епископом местная муниципальная знать опиралась на широкие слои населения Газы и округа города. К концу IV в., вероятно, благодаря щедрым пожертвованиям императорской власти, в окрестностях Газы окончательно сформировалось крупное церковное землевладение. Вместе с тем, расширение земельных владений Церкви не сопровождалось реальной христианизацией проживавшего на данной территории населения. Это давало богатую почву для оформления существовавших экономических противоречий между мелкими земледельцами–арендаторами и собственником земли в виде межрелигиозного конфликта. По данным Марка Дьякона, арендаторы–язычники противились попыткам взыскивать с них причитающиеся Церкви средства, нападали на сборщиков податей (*ibid.* 22), унижали и оскорбляли христиан²⁵.

Столкнувшись с откровенной враждебностью большей части населения Газы, Порфирий был вынужден искать поддержки и защиты со стороны центральной власти. Ок. 398 г.²⁶ епископ отправил посланника к константинопольскому патриарху Иоанну Златоусту с просьбой о помощи в борьбе с язычниками его епархии. Прошение Порфирия было с полным сочувствием встречено главой столичного клира²⁷. Благодаря содействию всесильного временщика Евтропия, Иоанну Златоусту удалось добиться издания эдикта, предписывавшего закрыть все языческие святилища Газы (*ibid.* 26). Исполнение данного закона было поручено некоему чиновнику Иларию. Прибыв в Газу в сопровождении военного эскорта Иларий, угрожая смертью членам городской курии, добился закрытия всех, кроме одного, храмов. Заплатив крупную взятку, газские язычники добились сохранения за ними права отправления ритуалов традиционного культа в храме Марны (*ibid.* 27)²⁸.

Подобный «полузапрет» на отправление муниципальных культов, естественно, не удовлетворял ни епископа, ни местных язычников. Межрелигиозные отношения в городе накалились до предела. Как писал Марк Дьякон, «идолопоклонники, по мере того, как видели Христиан умножающимися, ожесточались и не позволяли им занимать общественные должности, но обращались с ними, как с дурными рабами» (*ibid.* 32). В попытке добиться окончательного уничтожения языческих культов Газы в 401 г.²⁹ Порфирий организовал еще одно посольство в Константинополь.

На этот раз епископ лично отправился в столицу. Стараниями Иоанна Златоуста, епископу удалось войти в окружение императрицы Евдоксии. Манипулируя чувствами беременной женщины, Порфирий добился от нее поддержки своего предприятия (*ibid.* 37–40). Однако, выдвинутый епископом проект разрушения языческих храмов Газы не получил поддержки императора Аркадия. Нежелание императора усиливать нажим на

²⁵ Получив сведения о появлении Порфирия в окрестностях Газы, земледельцы «устлали весь путь тернием и палками, так что никто не мог и пройти, вылили на него навоз и накурили другими зловониями, так что мы задыхались от дурного запаха и подвергались опасности лишиться зрения» (Marc. V. Porph. 17).

²⁶ Данное событие произошло в период между возведением Иоанна Златоуста на патриаршую кафедру Константинополя в кон. 387 г. (Kelly J.N.D. *Golden Mouth: The Story of John Chrysostom-Ascetic, Preacher, Bishop.* New York, 1998. P. 104) и падением режима временщика Евтропия, летом 399 г. (The *Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. II. A.D. 395-527. Cambridge, 1980. Eutropius 1).

²⁷ Иоанн Златоуст являлся ревностным борцом с традиционными культами. Так, вероятно, именно константинопольский патриарх стоял за изданием в 399 г. закона, предписывавшего разрушать деревенские храмы (СТх. XVI.10.16). Кроме того, Иоанн Златоуст активно поддерживал монахов, борющихся с язычниками в Финикии (John Chrys. Ep. 110; 162). См.: Caseau B. *The Fate of Rural Temples in Late Antiquity and the Christianisation of the Countryside // Recent Research on the Late Antique Countryside.* Late Antique Archeology. II. Leiden, 2004. P. 131.

²⁸ Коррупционность позднеримского чиновничества давала последователям традиционных культов широкие возможности для отправления запрещенных обрядов отеческой религии. Так, по свидетельству Григория Великого, благодаря корыстолюбивой терпимости местных чиновников, язычники Сардинии еще и в VII в. приносили жертвы древним богам (Greg. Dial. Ep. V.38). См.: Jones A.H.M. *The Later Roman Empire...* P. 939–940; Markus R.A. *Gregory the Great and his World.* Cambridge, 1997. P. 81.

²⁹ Епископ Порфирий находился в Константинополе во время рождения будущего императора Феодосия II, которое произошло 10 апреля 401 г. (PLRE II. Theodosius 6).



сторонников традиционных культов объясняется объективными экономическими причинами. По сообщению Марка Дьякона, на информацию о продолжающихся, в пренебрежении государственных законов, жертвоприношениях в Газе император отреагировал следующим образом: «Я знаю, что этот город привержен идолопоклонству, но он относится благодушно к взносу податей, платя очень много. Если же мы внезапно их испугаем, то они обратятся в бегство, и мы потеряем столь значительный доход» (ibid. 41).

Данное сообщение является красноречивым свидетельством отношения императорской власти к традиционным культам. Справедливо опасаясь усиления оппозиционных настроений среди все еще весьма многочисленного языческого населения империи, государство сквозь пальцы смотрело на сохранение и древних культов во многих регионах империи. Несмотря на жесткую антиязыческую риторику государственного законодательства, власть не принимала реальных мер по искоренению традиционного культа там, где антиязыческие акции не находили поддержки большинства населения³⁰.

Лишь по прошествии нескольких месяцев Аркадий под давлением императрицы Евдоксии согласился удовлетворить прошение епископа Порфирия (ibid. 49). В 402 г. Порфирий вернулся в Газу в сопровождении неподкупного члена консистории Кинегия, и с помощью крупного военного отряда, присланного из Кесарии Палестинской, уничтожил все языческие храмы города (ibid. 63-70). На месте сожженного Марнейона была заложена христианская церковь (ibid. 75). Уничтожение храмов Газы было с восторгом встречено христианами. Иероним Стридонский, вероятно, следивший за борьбой епископа Порфирия против языческих культов Газы, писал: «...на месте храма Сераписа в Александрии и храма Марны в Газе воздвигнуты церкви Господни» (Jerom. Comm. in Esaiam. VII.17.2-3).

За разрушением публичных храмов последовало уничтожение частных святилищ и алтарей. Как сообщает очевидец событий Марк Дьякон, «были произведены обыски по домам (во многих дворах находилось много идолов), и то, что было находимо, предавалось огню или было бросаемо в грязь» (ibid. 71). Начавшееся было возмущение местных язычников было подавлено солдатами: «Начальники вознегодовали и с угрозами выслали против них воинов, которые били их жезлами и палками, а христиане с великою радостью прославляли царей и власти» (ibid. 63).

События 402 г. заметно укрепили положение Церкви в Газе, и вместе с тем углубили антихристианские настроения местных язычников. В 407 г. в Газе произошел христианский погром. В ходе погрома семь христиан было убито, значительно большее число искалечено, а городская епископия разграблена. Самому епископу Порфирию удалось скрыться от преследовавшей его толпы по крышам городских домов (ibid. 95-96).

Марк Дьякон видит основную причину погрома в «неистовстве идолопоклонников», озлобленных успехами газского епископа (ibid. 95). Вместе с тем, сам агиограф, вероятно, невольно сообщает информацию, которая позволяет нам усомниться в такой интерпретации причин погрома. По данным Марка, погрому христиан предшествовал спор декуриона Самсихома и церковного эконома о принадлежности неких поместий (ibid.). Из данного свидетельства мы можем сделать вывод о существовании экономических противоречий между церковной организацией и муниципальной знатью Газы.

³⁰ Так, несанкционированные государственной властью уничтожения языческих храмов в 384-388 г., предпринятые по инициативе префекта Кинегия, вызвали массовые беспорядки во многих областях Востока. В своей речи «В защиту храмов» Либаний открыто предупреждал правительство, что местные землевладельцы будут активно препятствовать любым посягательствам на права языческого культа, и «смогут отстоять и себя, и закон» (Lib. Or. XXX.55). Как сообщает Созомен, «...язычники усердно сражались за свои храмы: именно в Аравии — Петрейцы и Акрополитяне, в Палестине — Рафиоты и Газейцы, в Финикии — жители Илиополиса...» (Soz. VII.15). В округе Апамеи Сирийской столкновения между язычниками и христианами даже привели к гибели местного епископа Марцелла. Во время пребывания в Апамее префекта Кинегия епископ Марцелл, угрожая местным жителям сопровождавшими префекта войсками, уничтожил почитаемый горожанами храм Юпитера (Theod. HE. V.21). После того, как Кинегий покинул Апамею, Марцелл попытался продолжить разрушение местных храмов, но был схвачен язычниками и сожжен заживо. Примечательно, что, когда родственники убитого епископа попытались добиться суда над его убийцами, члены курии Апамеи не дали ход делу, не без сарказма отметив, что несправедливо мстить за такую кончину, так как Марцелл умер за своего Бога (Soz. VII.15; Trombley F.R. Hellenic religion and Christianization. С. 370-529. I. P. 127-128). Очевидно, правительство Аркадия стремилось избежать повторения подобных событий.

Как показал Г.Л. Курбатов, в IV – начале V вв. Церковь, стремясь к расширению своей экономической базы, не останавливалась перед прямым захватом земельных владений куриалов³¹. Либаний сообщает, что зачастую подобные захваты проходили под предлогом языческих симпатий владельцев земельных участков. В своей знаменитой речи «В защиту храмов» антиохийский ритор прямо обвиняет христианских клириков и монахов: «землю они присваивают себе, заявляя, что она посвящена (богам), и многие лишаются отцовских поместий» (Lib. Or. XXX. 11).

Можно предположить, что подобные захваты происходили и в газской округе. Вероятно, епископ Порфирий не довольствовался полученными от государства средствами, и в стремлении укрепить экономическое положение Церкви в регионе открыто посягал на земельные владения местной языческой знати, что и привело к эскалации конфликта между епископом и городской курией. Воспользовавшись оскорблением, нанесенным одному из первых лиц города, как предлогом для разжигания антихристианских настроений среди городского плебса, члены местной знати спровоцировали христианский погром.

После «умиротворения» Газы путем введения в нее войск, бичевания и казни зачинщиков погрома мы уже не слышим ни о каких попытках местного населения препятствовать распространению христианства (ibid. 99). Вероятно, жестокое подавление возмущения напугало газских язычников и заставило их отказаться от соперничества с христианами, пользовавшимися поддержкой государственной власти.

Марк Дьякон упоминал, что даже спустя много лет после разрушения Марнейона газские женщины не осмеливались наступать на осколки мраморных украшений храма, которыми по повелению епископа Порфирия была вымощена одна из площадей города «дабы их попирали, не только мужи, но и жены, и свиньи, и звери» (Marc. V. Porph. 76). В конце V в. газские язычники были еще достаточно многочисленны, чтобы вызвать беспокойство местных христиан слухами о симпатиях узурпатора Леонтия и поддерживавших его магистра армий Илла и патриция Пампрепия к традиционным культам (Zach. V. Isaiae. P. 9-10)³². Согласно данным «Руководства к духовной жизни в ответах на вопросы учеников», составленного газскими монахами Варсануфием Великим и Иоанном Пророком, определенное количество последователей традиционных культов проживало в Газе еще и в середине VI в. (Vars. 782). Таким образом, язычество еще весьма продолжительное время оставалось религией значительной части населения Газы, однако власть языческой знати над городом была сломлена.

Поражение оппозиции языческой газской знати дало епископу Порфирию шанс развить бурную проповедническую деятельность и начать полномасштабную христианизацию своей епархии. Определенная часть жителей города приняла новую веру сразу после уничтожения объектов языческого культа, разочаровавшись в богах, которые не имели силы защитить даже свои храмы и статуи. Так, после разрушения почитаемой местными язычниками статуи Афродиты, христианство пожелали принять 39 мужчин и женщин (Marc. V.Porph. 62). В год уничтожения языческих храмов Газы в христианство обратилось ок. 300 чел. (ibid. 74).

Весомым аргументом в пользу новой религии были для газского плебса щедрые пожертвования епископа Порфирия, который «давал и каждому нищему страннику, и горожанину ежедневно по шесть оболлов» (ibid. 94). Милостыню, как важнейшее средство распространения христианства, упоминали даже языческие авторы. Как писал император Юлиан: «...когда пренебрегали бедняками и не заботились о них, нечестивые галилеяне, заметив это, посвятили себя филантропии и, приобретая этим славу, придали силу худшему из своих дел» (Jul. Ep. 45(89b)). Таким образом, муниципальная организация постепенно теряла поддержку низших слоев городского населения, в то время как влияние Церкви на городской плебс возрастало.

По подсчетам Ф. Тромбли, к моменту смерти епископа Порфирия в 420 г. численность христиан Газы составила ок. 2650 членов³³. Таким образом, за 24 года служения

³¹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город... С. 66.

³² Ведешкин М.А. Пампрепий и последняя битва восточноримского язычества // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 94–99.

³³ Trombley F.R. Hellenic religion and Christianization, c. 370-529. I. P. 227–228.



газского епископа количество христиан выросло почти в 10 раз. Преемники Порфирия продолжили дело христианизации полиса. К концу V в. Газа стала одним из крупнейших культурных центров восточносредиземноморского христианства.

PAGAN OPPOSITION TO CHRISTIANISATION OF EAST ROMAN CITY (ON THE EXAMPLE OF PALESTINIAN GAZA)

M.A. VEDESHKIN

*Moscow State Pedagogical
University*

e-mail: Balatar@mail.ru

This paper explores the conflict between the pagan nobility of east roman city and the Church. The article highlights the socio - economic factors of confrontation between municipal aristocracy and church organizations, forms of oppositional activity of pagan aristocracy, characterizes the relation of central government to the persistent of urban pagan cults in the Christian empire.

Keywords: Late Antiquity, Roman Empire, Byzantium, paganism, Christianity, Gaza.



УДК 94(495).01

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (IV-VI ВВ.)**О.А. МАНОКИНА***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: kharchenko_o @bsu.edu.ru*

Развитию богословского образования в ранней Византии способствовали внутривосточные условия в империи – выделение христианства господствующей религией, способной сплотить народ; поддержка Церкви и ее главными представителями идеи и процесса духовного образования и научной деятельности; особенности местной региональной культуры.

Ключевые слова: ранняя Византия, образование, Церковь, катехизация, научно-догматическая деятельность.

Расцвет духовного образования в ранней Византии непосредственно связан с внутривосточными условиями в империи, благоприятствовавшими развитию богословского христианского образования и богословской науки с IV в.

Термин «высшие богословские школы» применительно к ранней Византии вводит А.П. Дьяконов; также этот термин используют в своих работах З.В. Удальцова¹, З.Р. Самодурова². Другие исследователи – А.П. Лебедев³, митрополит Илларион (Алфеев), игумен Кирилл (Илюхин) и др., говорят об этих школах как о просто богословских или церковных. Однако, все они под этим термином понимают крупные центры христианского богословского высшего образования, расположенные первоначально в Александрии, Антиохии и Нисибисе (затем в Эдессе).

Редко кто писал об этих школах именно как об организациях – институтах высшего богословского образования. Сохранились источники лишь по трем из них. Как пишет З.В. Удальцова, «христианству необходима была систематизация философских знаний, создание образованного и сведущего в теологии духовенства. Именно в этот период возникают богословские высшие школы – в Александрии, Антиохии, Нисибисе, которые иногда именовались богословскими академиями»⁴.

Для представления цельной картины развития богословских школ как институтов, осуществляющих духовно-образовательную деятельность, необходимо рассмотреть основные культурные изменения в империи этого периода, повлиявшие на историю духовного образования вообще.

Необходимо также сразу отметить, что жизнь школ нераздельно связана с жизнью государства и Церкви. Рассматриваемый период характеризуется эволюцией положения христианской Церкви в империи – от равноценного отношения государства к христианству, как достойной религии наравне с язычеством – до становления христианства как государственной религии. В жизни Церкви рассматриваемый период называется «эпохой Вселенских соборов». Данный период характеризуется формированием четкой догматической системы христианского вероисповедания или «золотым веком богословской науки»⁵, и в этом немаловажную роль сыграли высшие богословские школы, которые и сами, благодаря этому, активно развивались.

Исходя из этого, можно выделить основные факторы, влиявшие на развитие богословских школ: 1) внутренняя политика Византийской империи, благосклонная к хри-

¹ Удальцова З.В. Основные направления развития византийской культуры IV – первой половины VII в. // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 678.

² Самодурова З.Р. Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 502.

³ Лебедев А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Исторические очерки состояния Византийско-Восточной Церкви от конца XI до половины XV в. СПб., 1892. С. 12.

⁴ Удальцова З.В. Основные направления развития византийской культуры IV – первой половины VII в. С. 678.

⁵ Кирилл (Илюхин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.



стианству⁶; 2) поддержка Церкви и ее главными представителями идеи и процесса духовного образования и научной деятельности; 3) особенности местной региональной культуры в провинциях.

Первым фактором является благосклонное отношение к христианской Церкви государственной власти в лице императоров. Приняв христианство как *главную для спасения Истину*, империя утратила ритуалистский характер отношения к религии, то есть своеобразный синкретический плюрализм, характерный для языческой Римской империи. Император принял на себя обязанность искоренять языческие культы, бороться с еретиками, способствуя их присоединению к Церкви, раздвигать границы империи, создавая благоприятные условия для проповеди христианства.

Какова была роль христианства в империи? В Византийской православной империи Церковь была столпом (как и апостол Павел называет Церковь «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3:15)), и государство старалось создать ей все условия для проповеди. Миссионерство, то есть обращение народа в христианство – главная задача Церкви с точки зрения государства. Об этом пишет протоиерей Иоанн Мейендорф: «Византийская концепция, согласно которой империя и Церковь были союзниками в руководстве единой христианской *oikoumene*, подразумевала их сотрудничество в сфере миссионерства. Значение «равноапостольный» (*isapostolos*) стало прилагаться к Константину Великому именно потому, что он внес свой вклад в обращение империи ко Христу. Константинопольские императоры, преемники Константина, обычно погребались в церкви Святых Апостолов. В придворном церемониале подчеркивалась ответственность кесаря за миссионерство. От императора ожидали пропаганды веры и укрепления христианской этики и поведения, а достижение названных целей могло быть и посредством законодательства и благодаря поддержке государством проповеднической и благотворительной деятельности Церкви»⁷.

Обращение населения империи в христианство было одной из целей богословских школ, для достижения которой было определено катехизаторское направление их деятельности. Кроме того, в данный период их роль была важна в связи с тем, что Церковь получила свободу и теперь нуждалась в создании четкой структурированной догматической системы. Здесь все направления деятельности школ выступали как средства создания этой системы и распространения христианского вероучения среди населения.

Материальное обеспечение Церкви также способствовало развитию высшего духовного образования. Прямые указания о материальном обеспечении таких учреждений в империи непосредственно в источниках не встречаются. Однако, в силу догматических установлений Церкви и общепринятой ее практики, мы можем предположить, что в это время духовные школы содержались «за счет Церкви и добровольных пожертвований»⁸. Создание при своих кафедрах духовных школ и попечение о них на соборах было закреплено за епископами⁹.

В рассматриваемый период у Церкви имелись средства для поддержания церковного образования, в частности, высшего духовного образования. Об этом говорится в Актах Вселенских соборов и у церковных историков Ранней Византии.

По вопросу истории материальной поддержки духовных школ есть научные исследования XIX–XX вв. Например, в 1896 г. была опубликована магистерская диссертация П.П. Соколова «Церковно-имущественное право в греко-римской империи», в которой автор рассматривает основные положения по вопросу церковного имущества в правовом контексте.

М.В. Левченко в статье «Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи» в «Византийском Временнике» отмечает: «Уже первый христианский император

⁶ Самодурова З.Р. Школы и образование. Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 502.

⁷ Мейендорф И., прот. Византийское Богословие. СПб. 2000. С. 50.

⁸ Кирилл (Илюхин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.

⁹ Дмитриевский В. Александрийская школа. Казань, 1884. С. 4. Здесь автор ссылается на постановление Антиохийского собора, но не уточняет какого именно. В постановлении Антиохийского собора 341 г., подобных постановлений нет. Однако в истории известно множество других соборов, созванных в Антиохии (264, 268, 324 или 325, между 327 и 330, 338, 344, 358, и в др. годах), но возможно, что сведения об их постановлениях не сохранились в полной мере.

Константин старался обеспечить безбедное житье для духовенства. С этой целью он приказал выдавать на духовное ведомство весьма значительное количество съестных припасов (хлеба, вина и т.д.), предназначенных не для одних клириков, но и для лиц монашеского образа жизни»¹⁰. Юлиан уничтожил эту субсидию, а его преемник Иовиан приказал выдавать третью часть того, что назначено было Константином. В царствование Феодосия Младшего субсидия выдавалась, как и при Иовиане, уменьшенной на две трети¹¹, но и эта субсидия оставалась весьма значительной¹².

Эти сведения, хотя и не свидетельствуют прямо о том, что богословские школы находились на обеспечении у государства и Церкви, но и не исключают этого. Они подтверждают тот факт, что государство в значительной мере обеспечивало Церковь. Из этого следует, что Церковь была в состоянии материально обеспечивать богословские школы.

Вторым фактором, влиявшим на развитие школ, была поддержка самой Церкви, осознававшей необходимость высшего богословского образования. Важность школ в жизни тогдашней Церкви обуславливается, в первую очередь, их целями и задачами, поскольку эти функции относятся непосредственно к Церкви, а школа выступает как непосредственный их исполнитель.

Одной из функций, о которой мы уже упомянули, является катехизаторская деятельность. В новой ситуации Церковь нашла иную стратегию проповеди. Схема «сначала просвещение – затем крещение» сменилась на противоположную: «сначала крещение – затем просвещение». Если в первые века оружием Церкви было слово, то теперь Церковь идет по пути освящения материальной культуры, пространственно-временных структур. Этот процесс начался еще при Константине Великом, когда были расчищены от мерзости запустения святые места в Палестине и началось их почитание, развивается храмостроительство, а к концу IV века Рождество Христово начинает праздноваться в день «непобедимого солнца» (25 декабря). Христианство отвоёвывает те уровни культуры, которые ранее принадлежали миру язычества – такой миссионерский подход оказался эффективен и для христианизации варварских племён. Проповедь христианства среди молодых народов Европы пошла через освящение быта; создание христианского календаря, в котором святые замещают языческих богов; храмостроение и живопись, более понятные простому человеку. В новых условиях также возросло значение прямого явления силы Божьей. Новые народы в религиозных вопросах следовали воинской дисциплине: вслед за обращением правителя следовало обращение всех его подданных, которые не оставляли полностью своего языческого багажа. При этом христианство принималось сразу как государственная религия.

Другим важным вопросом является вопрос об образовании духовенства. Это время характеризуется большим обилием духовных лиц. М. Поснов отмечает, что «... в IV-м веке и последующих веках не было недостатка в пастырях, твёрдых верою и чистых в моральных заповедях жизни... эти мужи... выступали против господствующих пороков в своих проповедях и письменных трудах... Народ чувствовал нравственную мощь этих великих пастырей»¹³. Сложность общественной и церковной жизни, естественно, отразилась и на проповедничестве IV и V вв. В это время в проповеди всё более и более начинают применять приёмы ораторского искусства. Продолжает развиваться и достигает известного совершенства и форма проповеди – появляется самый совершенный вид проповеди – слово.

Какие же причины обусловили такое развитие христианской проповеди? Почему от простой безыскусственной беседы она переходит к ораторской речи? Внешняя причина заключалась в большом численном росте Церкви и вхождением в неё образованных людей из язычников, с которыми необходимо было говорить языком привычных для них понятий, чтобы дать им нужный ответ о своём уповании (1 Петр. 3:15). Борьба с ересями также побуждала проповедников изыскивать более совершенные формы проповеди. Для этого и были необходимы квалифицированные проповедники. Подготовка таких достой-

¹⁰ См.: Феодорит. Церковная история. I, 2; IV. 4.

¹¹ Созомен. Церковная история. V, 5.

¹² Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // Византийский временник. 1949. С. 13.

¹³ Поснов М. История христианской Церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 513.



ных пастырей и была необходимой задачей высших духовных учебных заведений. Начиная с IV века, требования к желающим вступить в клир (служащих в какой-либо церкви) становились все строже, от них требовалась известная степень образованности и нравственная жизнь. В Александрии, Антиохии, Эдессе и других местах возникают специальные училища для подготовки богословски образованных священнослужителей. Были установлены возрастные ограничения: в дьяконы поставляли не прежде 25 лет, в пресвитера (священника) – не прежде 30 лет, во епископа – не прежде 40 лет (иногда в 35)¹⁴.

Жизнь Церкви необычайно усложняется возникновением в IV-м веке ересей, которые буквально потрясали целыми десятилетиями весь организм Церкви. Сначала возникло арианство, затем македонианство и аполлинарианство. Борьба с этими ересями была борьбой за внутреннюю чистоту Церкви, за православие. Это дает стимул к развитию научно-догматической деятельности школ. К сожалению, очень часто богословские споры осложнялись вмешательством императоров, поддерживавших силой своей власти то одну, то другую сторону, чаще же всего еретическую. Неуместное вмешательство во внутреннюю жизнь Церкви приводило к новым гонениям и ссылкам, взаимному недоверию, вражде, озлобленности и подозрительности. Искусственные попытки к соединению спорящих сторон, как правило, не приносили положительных результатов.

Св. Василий Великий сравнивал состояние Церкви в его время с морской битвой тёмной ночью, он писал: «Как страшно с обеих сторон устремляются ряды кораблей и, когда гнев достигает высшей степени, схватившись, начинают борьбу... невозможно различить ни друзей, ни врагов, и от смятения не распознаются подаваемые друг другу знаки... корабли с треском взаимно сталкиваются, и стоящие в боевом порядке, частью передаются неприятелям и вследствие борьбы переходят в их власть, а частью поставлены в необходимость... убивать друг друга во время мятежа, произведённого и завистию к превосходству других и желанием каждого самому одержать верх... сверх этого море оглашено... какими-то смешанными и неразличимыми звуками, от свистящих ветров, от взаимных ударов кораблей, от шума, кипящих волн, от крика сражающихся... видны какой-то ужасный беспорядок и смятение, и чрезмерность бедствия при отчаянии в жизни производят в них то, что грешат с совершенным бесстрашием. Присовокупим какое-то неисцельное беснование честолюбия в тех, которые на кораблях, так что они не оставляют между собой спора о первенстве, когда корабль погружается уже в глубину»¹⁵.

Научная деятельность богословских школ непосредственно связана с деятельностью Вселенских соборов. О тесной связи истории Вселенских соборов с историей развития богословской школы пишет А.П. Лебедев: «Учеными богословами, изучающими церковную историю, давно уже примечено, что деятельность вселенских соборов стояла в тесной связи с развитием богословских школ IV и V века»¹⁶. Преимущественно это связано с научным догматическим направлением деятельности. Также он пишет, что в этой области нет достойных исследований, несмотря на открытый вопрос и большой научный интерес ученых богословов¹⁷. Так же остро эта проблема стоит и в наше время.

Следующим важным фактором является проблема, связанная с местными региональными, провинциальными особенностями культуры тех мест, где были расположены высшие богословские школы. В Византии жили представители многих этносов, но каждый человек испытывал тесную связь с государством. В каждой провинции империи были свои культурные особенности. Как пишет А.П. Дьяконов: «Церковь относилась к национальным особенностям с самым широким снисхождением, руководствуясь словами св. ап. Павла: «свободен сый от всех, всем себе поработих, да множайшия приобрящу; бых иудеем яко иудей, да иудеи приобрящу, подзаконным яко подзаконен, да подзаконныя приобрящу; беззаконным яко беззаконен – да приобрящу беззаконныя; всем бых вся, да всяко некия спасу; сие же творю за благовестие» (1Кор. 9:19-23).

В отношении к школе такая широкая точка зрения была особенно благотворной. Ибо школа, как показывает ее история, с одной стороны – является одним из самых устойчивых, «консервативных установлений человеческих обществ» и плохо поддается

¹⁴ Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. М., 2011. С. 81.

¹⁵ Св. Василий Великий. О Святом Духе к св. Амфилохию, епископу Иконийскому. Гл. 30.

¹⁶ Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V вв. 2-е изд. Сергиев Посад, 1896. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 13.

внезапным радикальным преобразованиям; с другой стороны, – соприкасаясь с глубочайшими основами этнического духа, она только в определенной исторически сложившейся форме дает возможность проявиться национальному творческому гению во всей его полноте и силе. Поэтому и древне-христианские школы, – совпадая между собой в основной своей цели, каковой было научение христиан в вере и жизни, – в способах выполнения этой цели, то есть в учебных планах и методах, в постановке воспитания и во внешней организации, держались различных национальных традиций. А результат был тот, что все народы, призванные к христианскому ведению, принесли на службу Церкви свои национальные дарования и культурные навыки и таким образом, способствовали, каждый в меру своих сил и развития, – самому полному выяснению и научному обоснованию христианского учения»¹⁸.

Из сказанного ясно, что христианство не разрушало этнокультурные особенности никакого народа. Наоборот, эти формы жизни получали новое содержание, новый импульс к развитию. Только при свете христианской истины становилось ясно, что в этнокультурном самосознании было рутинным, тормозящим развитие всего народа, а что плодотворным, обогащающим. Христианство не предлагало никаких закрепленных форм жизни или типов школы, оно призывало народы рождать новые формы и общественной жизни, и школы, формы, способные вместить Евангельское благовестие. Поэтому древние христианские школы были едины в основной своей цели – научить христианской вере и жизни – и различались лишь в способах достижения этой цели, так как формы и методы школьной работы всегда рождались из этнокультурных и региональных традиций отдельных провинций.

Исходя из этого, можно выделить три типа школ, по ярко выраженному культурологическому признаку. Эта особенность более ярко выражается в рамках новой, христианской империи, поскольку активно влияет на формирование высшего духовного образования. «Национально-культурная среда, в которой распространялось христианство, складывалась из трех главных элементов: греческого, семитического, в котором самую значительную часть составляли сирийцы, и латинского. Каждый из этих элементов отличался резко очерченным характером, обладал своей ярко выраженной и устойчивой культурой и особой образовательной традицией. Соответственно этому, и в древне-христианских школах можно различать три основных типа: греческий, сирийский и латинский»¹⁹.

Данная система деления вполне соответствует реальному положению дел в империи. В поле нашего зрения попадают первые два типа школ.

Для греков больше характерен рациональный, умственный подход к изучению христианского вероучения. «Основную особенность греческого духа на высшей ступени его развития составляло стремление к знанию, которое ценилось само по себе независимо от его практического применения, и именно к знанию всеобъемлющему и целому, которое в высшем своем синтезе – философии должно было разрешить для эллина все вопросы бытия, раскрыть перед ним сущность вещей божественных и человеческих. Этот интерес не был только теоретическим. Эллин глубоко верил в воспитывающую силу знания: оно, по его убеждению, должно сообщать духу человека высшую красоту и нравственность»²⁰. То есть для греков, хотя и были важны одновременно и знания, и нравственность, но на первом месте всегда были знания, а практика и нравственность были их следствием.

Для сирийцев, как представителей культуры, более тяготеющей к Востоку, был свойственен в первую очередь, нравственный, практический подход, основанный на авторитете личности: «сириец обнаруживал особенную склонность и способность к позитивному, аналитическому мышлению. Для сирийца на первом месте стояли интересы нравственного и практического характера, и эту область интересов он не решался подчинить руководству ума. Как эллин, он искал для нее прочной опоры в авторитете; потому и апостол Павел сказал: «иудеи знамения просят, и эллины премудрости ищут» (1Кор. 1:22)»²¹.

¹⁸ Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в Древней Церкви III-VI вв. // Христианское чтение. 1913. № 4. С. 495-496.

¹⁹ Там же. С. 496.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 526.



Исходя из данной схемы, к греческому типу школ относится школа Александрийская, а к сирийскому типу – Антиохийская и Эдессо-Нисибинская.

В империи в дальнейшем существовало и много других высших богословских школ, например в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Эфесе, но, к сожалению, исторический материал о жизни и деятельности этих школ почти отсутствует, существуют лишь крайне отрывочные упоминания о них в источниках (Акты Вселенских соборов, сообщения церковных историков).

Что касается методики образовательной деятельности в высших богословских школах, то философско-богословские знания постигались совместно с нравственно-практическим опытом духовной жизни. «В духовных училищах того времени само умственное образование сопровождалось нравственным образованием; для некоторых из великих учителей IV века путь деятельной жизни для изучения Св. Писания был единственным путем к просвещению. Пламенная любовь к Господу, твердая среди бедствий времени, твердая среди скорбей добровольного подвижничества, опытом научала дух веры; в благодать св. Духа в предающихся ей умах в сердцах рассевала мрак естественного повреждения, просвещая их более и более Божественным светом истины и мудрости. Отселе самые слова: философия, философствовать, в тогдашнем христианском употреблении, означали духовно-благодатное любомудрие, приобретенное подвижничеством»²². Так писали историки Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит, богословы св. Григорий Великий, св. Иоанн Златоуст и др.

Но здесь нельзя путать высшие богословские школы с монастырскими, которые в IV веке начинают появляться в большом количестве, из-за недостаточного количества мест в первых²³ (такие школы были, например, в Газе).

Что же касается методики преподавания христианского учения, то, по словам Василия Дмитриевского, «во всех них [т.е. богословских школах] христианское учение излагалось и раскрывалось с положительной стороны – для только что вступающих в церковь христианскую в кратком виде, для готовящихся же к пастырскому служению в более обширном»²⁴.

Также изучались и науки светские – риторика, философия, грамматика²⁵. Изучение античной литературы было одним из важных занятий в школах, поскольку она высоко ценилась в христианском мире. Святитель Василий Великий рассуждает о пользе, которую можно извлечь из произведений античных авторов: «И поелику до нашей жизни надобно достигать с помощью добродетели, а в похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками, и еще гораздо более мужами любомудрыми: то на такие особенно сочинения должно обращать внимание. Ибо не малая польза, если души юношей осваиваются и свыкаются с добродетелью; потому что наставления такого рода, по нежности душ, напечатлеваются глубоко, остаются в них неизгладимыми. Ужели предположим, что Гесиод с другою какою мыслью, а не в поощрение юношей к добродетели, написал следующие, всеми повторяемые стихи? «Негладок и неприступен в начале, крут и со многим потом и трудом удобовосходим путь, ведущий к добродетели. Поэтому не всякий может вступить на него, по причине крутизны, а вступив, нелегко дойти до вершины. Но кто стал вверху, тот видит, что путь гладок и прекрасен, легок и удобен, и приятнее другого пути, ведущего к пороку, на который недолго вступить, по причине его близости», как говорит тот же самый стихотворец. Ибо мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая быть добрыми, чтобы мы, ослабев для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же»²⁶.

Кроме литературных произведений, он приводит поступки античных философов, как пример добродетели: «Поэтому так будем принимать сочинения, в которых заключа-

²² Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви. Т 2. М., 1882. С. 12.

²³ Кирилл (Илохин), иг. История христианского образования // Православный Собеседник. Выпуск 2(15). Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2007. С. 174.

²⁴ Дмитриевский В. Александрийская школа. Казань, 1884. С. 5.

²⁵ Самодурова З.Р. Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 503.

²⁶ Василий Великий. Беседа 22. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями // PG 31. Р. 564–589.

ются правила добродетели. Поелику же и доблестные деяния древних мужей или соблюлись до нас в непрерывной памяти людей, или сохранены в сочинениях стихотворцев и историков: то не лишим себя и отсюда происходящей пользы. Например, некто в народном собрании злословил Перикла, но он не обращал на то внимания, и целый день продолжалось, что один осыпал другого ругательствами, а другой ни мало о том не заботился. Потом вечером уже, и когда смерклось, этого человека, едва прекратившего брань, Перикл проводил со светильником, чтоб недаром пропало у него упражнение в любомудрии»²⁷. Такую нравственную пользу видел в античности Святитель Василий Великий.

Современные зарубежные исследователи также обращают внимание на этот вопрос. Афанасий Маркопулос в своей статье «Образование в Византии» рассматривает проблему взаимоотношения христианской и античной идей воспитания. Он пишет, что много было написано об отношении христиан IV столетия к интеллектуальному наследию греко-римского мира. Христианство, как религия, основанная на явленном Боге, никогда не могла развивать идею о том, что люди должны быть образованны, чтобы принять веру. С другой стороны было понято, что диалог с интеллектуальной традицией древнего мира мог быть только выгодным для христианства. И, действительно, этот диалог играл важную роль в формирующих догматику интеллектуальных дебатах и проблемах этого периода»²⁸. Также автор ссылается на произведение Василия Великого «Слово к юношам о пользе чтения книг языческих» и на критику Григория Назианзина по поводу запрещения императором Юлианом Отступником преподавать в школах христианским учителям²⁹, так как он считал античное наследие исключительно языческим достоянием. Григорий Назианзин писал, «что языческая античность – наследство, от которой пользу получают не только язычники, но и христиане»³⁰. Поэтому идеи христианские и языческие сосуществовали вместе до тех пор, пока в 529 г. Юстиниан не приказал запретить школы язычников и еретиков³¹. После этого структура обучения в пределах империи оставалась фактически неизменной³². Но в оставшемся единственном типе христианских богословских школ античное наследие в значительной мере сохранилось. В первую очередь, это касается риторики как внешней формы выражения христианских идей³³. Здесь достаточно упомянуть о широко известном феномене Газской школы VI в., возглавлявшейся епископами³⁴.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что имеющиеся в источниках сведения об организации и развитии высшего богословского образования в ранней Византии дают лишь отрывочные представления об этом процессе. Кроме того, данный вопрос почти никогда не рассматривался с точки зрения светской исторической науки. Существует много подобных исследований в богословии, церковной истории. Однако, никто не рассматривал в целом историю развития самих высших богословских школ в империи как институтов, осуществлявших высшую богословскую образовательную деятельность. Хотя сегодня существуют отдельные исследования по истории конкретных школ, но они не дают целостного

²⁷ Василий Великий. Беседа 22. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями // PG 31. P. 564–589.

²⁸ Markopoulos, Athanasios. Education // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. New York: Oxford University Press, 2008. С. 785.

²⁹ Болгова А.М., Елисеева О.Н. Законодательство Юлиана о школах и его идеология // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2012. С. 55-58.

³⁰ Ibid. P. 786.

³¹ Cameron, Alan. The End of the Ancient Universities // Cahiers d'Histoire Mondiale / Journal of World history / Cuadernos de Historia Mundial. 10. 1967. P. 653-673.

³² Ibid.; Каждан А.П. Византийская школа // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 209-214.

³³ Cameron Av. Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley, 1991.

³⁴ Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulletin. 12. 1958. P. 297-319; Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Arieh Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 196ff; Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 48-53.



представления о деятельности богословских школ ранней Византии как образовательного института³⁵. Поэтому такое исследование в современных условиях необходимо.

FEATURES OF RELIGIOUS EDUCATION IN EARLY BYZANTIUM (IV-VI CENT.)

O.A. MANOKHINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kharchenko_o@bsu.edu.ru

Development of theological education in early Byzantium helped domestic conditions in the empire - the allocation of Christianity the state religion, able to unite the people, support the church and its main representatives of the ideas and the process of spiritual education and research activities, especially the local national culture.

Key words: early Byzantium, education, church, catechesis, dogmatic scientific activities.

³⁵ См.: Огнев А., диакон. Система образования в Византийской империи // Мир Византии. Белгород: БелГУ, 2007. С. 116-121; Гольцева О.Е. Светские и духовные образовательные центры в Ранней Византии (IV-VII вв.) // Наш Анабасис. Вып. 2. Н. Новгород, 2005. С. 22-27.



УДК 94(495).02 + 736.3

ВИЗАНТИЙСКАЯ СЕМЬЯ АЛИАТОВ В X–XI ВВ.¹

А.С. МОХОВ*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург**e-mail: rkb2004@yandex.ru*

В статье рассматривается история малоазийской семьи Алиатов. В источниках X – начала XII в. сохранились упоминания о 14 представителях этой аристократической фамилии. Наиболее известными из них являются: Анф Алиат, участник восстания Варды Склира (975/976 г.), Лев Алиат, стратиг Херсона и Сугдеи в правление Исаака I Комнина (1057–1059), Феодор Алиат, стратиг Каппадокии в 1070–1071 гг. Остальные представители данной семьи известны по данным эпиграфики и сфрагистики. В X–XI вв. Алиаты занимали должности в военной и провинциальной администрации Византии. С начала XII в. они упоминаются в источниках как должностные лица гражданской администрации или священнослужители.

Ключевые слова: Византия, Алиаты, византийская провинциальная аристократия, сигиллография, просопография.

Большую часть своего правления император Василий II (976–1025) проводил политику, направленную на ликвидацию аристократических группировок и кланов, которые с середины X в. контролировали вооруженные силы и гражданские органы управления Византии². Речь идет, прежде всего, о нескольких знатных малоазийских фамилиях, монополизировавших высшие командные должности в армии (Фоки, Склиры, Куркуасы и др.). К 1025 г. влияние этих семей было в значительной мере подорвано. Кроме того, Василий II уничтожил могущественную придворную группировку во главе с паракимоменом Василием Лакапином. Многочисленные сторонники всесильного «первого министра» были лишены титулов и должностей, а также незаконно полученного имущества³.

Политика Василия II привела к серьезным изменениям в составе византийской бюрократической и военной элиты. Ослабление старых аристократических кланов предоставило возможность продвижения по службе для представителей провинциальной и столичной знати, выходцев из незнатных фамилий. В конце X – первой четверти XI в. произошла полная замена высшего и среднего командного состава императорской армии. Именно в это время началось возвышение Комнинов, Вотаниатов, Диогенов, Даласинов, Вриенниев и др. семей провинциальной военной аристократии⁴. В столичных органах власти перемены были еще более значительны. Реорганизация некоторых структур гражданского управления (ведомства идикиа и дрёма, императорская канцелярия) привела к увеличению количества чиновников. Формирование штата гражданских органов власти происходило не только за счет представителей столичной знати. Константинопольская бюрократическая верхушка активно пополнялась выходцами из незнатных провинциальных семей⁵.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0480 «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии».

² Наиболее точно причины данной политики сформулированы в новелле 996 г. Василий II писал, что считает недопустимым, чтобы одни и те же семьи сохраняли могущество и богатство на протяжении длительного времени. См.: Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994. P. 202–203.

³ См.: Brokkaar W.G. Basil Lacapenus // *Studia byzantina et neohellenica Neerlandica*. 1972. Vol. III. P. 230–233; Cheynet J.-Cl. Basil II and Asia Minor // *Byzantium in the year 1000* / Ed. by P. Magdalino. Leiden, Boston, 2003. P. 87–89.

⁴ См.: Каждан А.П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы // *Byzantinische Zeitschrift*. 1973. Bd. 66. С. 54–59; ср.: Сюзюмов М.Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 316–318.

⁵ См.: Мохов А.С. Императорская канцелярия в правление Василия II (976–1025) // Кондаковские чтения III. Материалы междунар. науч. конф. (Белгород, 8–9 октября 2010 г.). Белгород, 2010. С. 227–233.



В историографии, посвященной отдельным византийским семьям X–XII вв., основное внимание традиционно уделяется фамилиям провинциального происхождения, входившим в состав т.н. военной знати. Массовая публикация в последние годы сфрагистических источников предоставляет возможность более детального изучения этой группы византийской аристократии. Более того, именно данные сфрагистики позволяют на примере некоторых фамилий проследить процессы, характерные для византийской элиты в целом. Данная работа посвящена Алиатам – одной из семей, принадлежавших к малоазийской провинциальной знати.

Семья Алиатов упоминается в источниках со второй половины X до середины XV в. Отметим, что для фамилии провинциального происхождения столь длительный срок существования является большой редкостью. А.П. Каждан отмечал, что первоначально это семейство принадлежало к военной знати: «Алиаты дали 5 полководцев на протяжении XI в.»⁶. Однако, с середины XII столетия они вошли в состав «столичной бюрократии» и в последующее время были представлены чиновниками, придворными и священнослужителями⁷.

Происхождение фамильного имени Алиатов является спорным. По одной из версий оно восходит к античному преному *Ἀλυάττης*. Его носили, например, некоторые лидийские цари из династии Мермнадов. Наиболее известным из них является Алиатт III (617–560 гг. до н. э.), в правление которого Лидийское государство достигло наивысшего расцвета⁸. Согласно другой точке зрения, патроним произошел от названия небольшого города *Ἀλυάττα* (*Alyatta*, *Alyatti*) на границе исторических областей Галатия и Вифиния⁹. Однако в позднеантичное и ранневизантийское время ни личное имя Алиатт, ни малоазийский город Алиатта в источниках не упоминаются.

В историографии высказывалось мнение, что семья Алиатов происходила из Каппадокии. Основывается оно на единственном упоминании в сочинении Никифора Вриенния Феодора Алиата «каппадокийца и приближенного василевса» Романа Диогена¹⁰. По мнению Ж.-Кл. Шене и К. Холмс, Алиаты принадлежали к влиятельной группе аристократических семей (династов), происходивших из восточных районов Малой Азии. В 70–80-е гг. X в. они, вместе со Склирами, Фоками, Вурцами, Малеинами, Куртикиями, Таронитами принимали активное участие в военно-политической борьбе с императорами Македонской династии¹¹.

Первым представителем семьи Алиатов, который упоминается в византийских нарративных источниках, является Анф Алиат (*Ἄνθος ὁ Ἀλυάτης*). Иоанн Скилица писал о нем как об участнике мятежа Варды Склира против Василия II в 976 г.¹² После этого в исторических сочинениях какие-либо сведения об Алиатах отсутствуют около 100 лет. Только в начале 70-х гг. XI в. Михаил Агталиат и Продолжатель Скилицы упоминают о военачальнике Романа IV Диогена (1068–1071) Феодоре Алиате (*Θεόδωρος ὁ Ἀλυάτης*)¹³. Остальные представители данной фамилии, жившие в последней четверти X – XI в., известны исключительно по сфрагистическим и эпиграфическим данным. Таким образом,

⁶ Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 144.

⁷ Там же. С. 144, 176, 179. Всего А.П. Каждан упоминает об 11 Алиатах; в настоящее время, благодаря публикации новых печатей, известны 14 представителей этой семьи.

⁸ См.: Meyer E. *Alyattes* // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1894. 1. Bd. Sp. 1707-1708.

⁹ В сочинении Стефана Византийского упоминается Алиатта – «крепость в Вифинии, названная в честь Алиатта, который захватил ее». См.: *Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt* / Rec. A. Meinekii. Berolini, 1849. T. I. P. 79.1-2.

¹⁰ Nicéphore Bryennios *histoire* / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975. P. 115.7-8.

¹¹ Cheynet J.-Cl. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990. P. 27-28, 228; Holmes C. *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)*. Oxford University Press, 2005. P. 191.

¹² *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 315-316, 318 (далее – Skyl.).

¹³ *Michaelis Attalioetae Historia* / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853. P. 170.11-14; *Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη / Επὶ. Ε. Τσολάκης. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 153.7-8. О Феодоре Алиате см.: Мохов А.С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) // *Античная древность и средние века*. 2003. Вып. 34. С. 283, 294-295.*



говорить об Алиатах, как о влиятельной семье, находившейся в центре политической и общественной жизни империи XI столетия, нет никаких оснований.

Последней четвертью X – первой половиной XI в. датируются две печати представителей семьи Алиатов. Обе буллы находятся в собрании Археологического музея в Преславе (инв. № 22936, 22175). На лицевой стороне моливдовула Михаила Алиата помещена надпись из четырех строк: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Μιχαήλ, на оборотной стороне также надпись из четырех строк: πρωτοσπαθαρίῳ καὶ ταξιάρχῃ τῷ Ἀλυάτῃ («Господи, помоги своему рабу Михаилу Алиату, протоспафарию и таксиарху»). По сфрагистическому типу (печати с двусторонними надписями) булла датируется рубежом X–XI вв.¹⁴

Таксиарх (ταξιάρχος) – византийская военная должность среднего ранга, которая упоминается в источниках с VII по XII вв. Первоначально таксиархи командовали отрядами по 100 воинов. Однако в ходе военной реформы второй половины X в. было сформировано большое число регулярных пехотных таксиархий. В военном трактате «De castrametatione», написанном около 1000 г., говорится, что таксиархия состояла из 500 тяжеловооруженных пехотинцев (ὀπλίτης), 200 воинов, вооруженных дротиками (ἀκοντιστής), и 300 лучников (τοξότης)¹⁵. Усиление роли пехоты, ставшей тактической основой боевого построения византийской армии, привело к повышению статуса таксиархов в командном составе вооруженных сил. В связи с этим, высокий для конца X в. титул Михаила Алиата (протоспафарий) выглядит вполне оправданно.

На лицевой стороне второго моливдовула помещено сильно поврежденное изображение святого, вертикальная надпись стерта. На оборотной стороне буллы надпись из пяти строк Λέων βασιλικὸς πρωτοσπαθᾶριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος «Лев, императорский протоспафарий и стратиг Херсона (?)». Печать плохой сохранности, чтение легенды гипотетично. Издатель датировал ее концом X – началом XI в.¹⁶ Следовательно, известному по строительной надписи 1059 г. патрикию Льву Алиату, стратигу Херсона и Сугдеи, она принадлежать не могла¹⁷.

С территории Болгарии происходит эпиграфический памятник, связанный с семьей Алиатов. Это греческая надпись на мраморной колонне из Круглой церкви в Преславе: Κύριε βοήθη τον δούλον σου Αληάτην στρατελάτην («Господи, помоги своему рабу Алиату стратилату»). Она неоднократно публиковалась, и ее прочтение не вызывает разногласий у исследователей¹⁸. Надпись датируется «периодом византийского владычества» – временем после завоевания города армией Иоанна Цимисхия (971 г.), или «...надпись могла появиться в самом начале XI в. при вторичном захвате Преслава византийскими войсками (1001 г.). Палеографические особенности надписи не могут разграничить эти два события»¹⁹.

Содержание надписи не позволяет установить положение Алиата в иерархии византийских командных должностей. В конце X–XI в. термин στρατηλάτης не обязательно обозначал военачальника высшего ранга (стратилат Востока, стратилат Запада). Так мог называть себя любой армейский командир или даже рядовой воин тагмы стратилатов²⁰. Необходимо также обратить внимание, что обе печати (Михаила Алиата, Льва Алиата) и надпись стратилата Алиата происходят из Балканского региона. Их датировка последней тре-

¹⁴ Йорданов И. Печати на таксиарси от территорията на България // Античная древность и средние века. 2006. Вып. 37. С. 218, № 13.

¹⁵ Three Byzantine military treatises / Text, transl., and notes by G.T. Dennis. Washington, D.C., 1985. P. 246.11-13.

¹⁶ Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993. С. 159, № 322.

¹⁷ О Льве Алиате см.: Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с. С. 15-19, № 8; Яковсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. № 17. С. 17-20; Скржинская Е.Ч. Рец. на кн.: Яковсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Византийский временник. 1953. Т. VI. С. 259-260.

¹⁸ Гошев И. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961. С. 31-38, Табл. XVII; Медынцева А.А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984. С. 64-65, № 17, Табл. XIII, 3.

¹⁹ Медынцева А.А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. С. 64.

²⁰ Подр. см.: Мохов А.С. Высший командный состав византийской армии в XI в.: стратилаты Востока и Запада // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византистов (Москва, 27-29 января 2011 г.). М., 2011. С. 159-162.



тью X – началом XI в. позволяет связать владельцев моливдовулов и автора надписи с боевыми действиями против киевского князя Святослава или Комитопулов.

Судя по приведенным сфрагистическим и эпиграфическим данным, при Иоанне Цимисхий и в начале правления Василия II представители семьи Алиатов служили в императорской армии и провинциальной администрации. Однако для уточнения социального статуса фамилии Алиатов необходимо обратиться к свидетельствам Иоанна Скилицы об Анфе Алиате. Следует отметить, что имя Анф является очень редким. Происходит оно, по всей видимости, от персонажа древнегреческой мифологии Анфаса²¹. Кроме того, в некоторых греческих синаксарях упоминается прп. Анф (Ἀνθος), но время и подробности его жизни неизвестны²². VII–X вв. датируются моливдовулы восьмерых военных и гражданских должностных лиц, носивших это имя²³. Еще один Анф, патрикий и эпарх Константинополя (?) упоминается в Житии Стефана Нового в связи с событиями конца 50 – начала 60-х гг. VIII в.²⁴

Ранее упоминалось, что Анф Алиат принимал участие в восстании Варды Склира. В сочинении Иоанна Скилицы содержится подробный рассказ о причинах и основных событиях мятежа (Skyl., 314-327). Об Анфе хронист пишет дважды, причем оба эпизода относятся к начальному этапу восстания и датируются коротким периодом времени – первой половиной 976 г.²⁵

События, которые привели к мятежу, произошли в Константинополе вскоре после смерти Иоанна I Цимисхия (10 января 976 г.). Для Василия Лакапина, управлявшего империей за молодых императоров Василия II и Константина VIII, магистр Варда Склир являлся опасным политическим противником. Опасаясь переворота, паракимомен удалил соперника из столицы. Прославленный военачальник был смещен с должности стратилата Востока и отправлен «стеречь Месопотамию от набегов сарацин» (Skyl., 314.70-72). В историографии назначение Варды Склира в Месопотамию часто расценивается как унижительное понижение по службе²⁶. Однако новая должность Склира «дука тагм в Месопотамии» не была равнозначна постам стратига или катепана Месопотамии, которые упоминаются в византийских Тактиконах X в.²⁷ Формирование новых военно-административных структур в данном регионе еще не было завершено, и для защиты границы между Мелитеной и Романоподем с конца 50-х гг. X в. находились тагмы восточной полевой армии. Известно, что одним из первых командиров этой военной группировки являлся будущий император Иоанн Цимисхий. Следовательно, Варда Склир получил под свое командование боеспособные регулярные войска, а не малочисленное фемное стратиотское ополчение²⁸. Однако Василию Лакапину все-таки удалось уменьшить влияние Склира на военные контингенты Востока, а также на дукат Антиохия. Одновременно с этим, на отдаленной восточной границе контролировать действия бывшего стратилата Востока было крайне сложно. Не случайно Варда покинул Константинополь спешно, а прибыв в Месопотамию, немедленно начал готовиться к мятежу.

Началу вооруженного противостояния между Склиром и Василием Лакапином препятствовало одно важное обстоятельство. По неизвестным причинам, в Константино-

²¹ Ἀνθάς (Анфас, Антас), сын Посейдона и Алкионы. См.: Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884. Bd. 3. Heft 1. S. 91.

²² См.: Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 713.

²³ См.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Hrsg. von F. Winkelmanns. Berlin, New York, 1999. Bd. 1. S. 149-152, Nr. 468-475; Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав. С. 32, № 16.

²⁴ См.: Λεοντίνη Μ. Ἀνθος, πατρικιος, κόμης του Οψικίου, εκ προσώπου του Κωνσταντίνου Ε' (μέσα του ούδοου αιώνα) // Βυζαντινά Σύμμεκτα. 1996. Т. 10. Σ. 37-43.

²⁵ О восстании Варды Склира подр. см.: Seibt W. Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 36-48.

²⁶ См. напр.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. S. 148, 182-183.

²⁷ Skyl., 314.70-71: δοῦκα τῶν ἐν Μесοποταμιά ταγματῶν. Ср.: Oikonomides N. Les listes de présence byzantines des IX^e et X^e siècles. Paris, 1972. P. 247.11, 263.31, 354.

²⁸ См.: Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / Ed. by E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 2001. Vol. 4. P. 134-135; Мохов А.С. «Триумфальный путь» Василия Лакапина // Историк, текст, эпоха. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. С. 134-136.

поле остался сын Варды Роман. Возможно, он был специально задержан в столице по распоряжению паракимомена и, фактически, являлся гарантией лояльности своего отца. Иоанн Скилица писал, что весной 976 г. Варда отправил в Константинополь «самого преданного и деятельного человека из своего окружения, Анфа по имени, Алиата по прозвищу», который должен был тайно увести Романа в безопасное место. Прибыв в «царственный город», Анф принялся распространять против Склира недобрые слухи. По этой причине он не вызвал подозрений у людей паракимомена. Алиат «утаившись, выкрал Романа и вместе они прибыли к Склиру». Когда последнее препятствие, не позволявшее «поднять оружие против царей и соплеменников» было преодолено, военные контингенты восточных фем, а также армянские и арабские союзники провозгласили Варду Склира императором (Scyl., 315.87 – 316.11)²⁹.

Следует обратить внимание, что в хронике не упоминается ни титул, ни должность Анфа Алиата, что для «Синописа историй» не характерно. Как правило, его автор обращал на подобные детали большое внимание, что отличает хронику Скилицы от сочинений других историков XI в. и делает ее весьма ценным источником по военно-административной истории Византии³⁰. В эпизоде о похищении Романа Склира хронист ограничивается только упоминанием о том, что Анф Алиат был наиболее преданным и самым деятельным в окружении Варды Склира³¹. Термин *ὑπηρεσία* неоднократно встречается в «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного (913–959) и военных трактатах второй половины X в. Он обозначает совокупность лиц, сопровождавших императора или другого командующего войском во время похода. В состав императорской ипересии входило до 200 человек. Среди них были военные и гражданские должностные лица, а также многочисленная прислуга³². У военачальников высшего ранга имелись свои ипересии, которые формировались из лично преданных людей: родственников, соплеменников, земляков и пр. Варду Склира также окружали многочисленные сторонники, некоторые из них служили ему еще со времен Иоанна I Цимисхия (Scyl., 314.67, 315.1-2). По нашему мнению, в Анфе Алиате следует видеть одного из провинциальных архонтов, который предпочел службу Варде Склиру императорской. Считать его простым слугой нет никаких оснований.

Получив известие о начале восстания, верные паракимомену Василию войска стали собираться у Кесарии Каппадокийской. Дороги, ведущие на Запад, были перекрыты и надежно охранялись. Варда Склир «занял неприступную крепость Харпут в Месопотамии... и устроил здесь убежище на случай поражения» (Scyl., 316.18-22)³³. Затем мятежники установили контроль над Мелитеной, где войско Склира остановилось, отправив вперед отряды разведчиков (*τῶν κατασκοπῶν*) для поиска безопасных путей к Кесарии. Примечательно, что императорские военачальники, как и Варда Склир, действовали согласно предписаниям военного трактата *De velitatione bellica*. В этом сочинении содержались рекомендации об охране дорог на своей территории и о разведке путей для перемещения войск на землях противника³⁴.

Скилица сообщает, что одним из разведывательных отрядов было поручено командовать Анфу Алиату. Однако действовал он крайне неудачно. В горном ущелье *Κοῦκου λίθου* его воины столкнулись с частью императорской армии под командованием Евстафия Малеина (Scyl., 318.64-65)³⁵. Мятежники, пытаясь завязать схватку, начали об-

²⁹ О Романа Склире см.: Seibt W. Die Skleroi. S. 60-65.

³⁰ См.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 1. S. 336.

³¹ Scyl., 315.1-2: τὰ μάλιστα ὄντα αὐτῷ τῶν δραστηκωτάτων ὑπηρετῶν.

³² Подр. см.: Мохов А.С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов // Известия Уральского федерального университета. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 105.

³³ *Χάρτετε* (совр. тур. Elâzığ, арм. Харберд) – мощная крепость у переправы через Евфрат. Кроме того, здесь проходили важные дороги в Закавказье и ал-Джезире. См.: Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935. S. 75-77, 103-104.

³⁴ См.: Three Byzantine military treatises. P. 152.

³⁵ Стратиг Тарса магистр Евстафий Малеин был одним из немногих известных военачальников, поддержавших Василия Лакапина. См. о нем: Saunders W.B.R. The Aachen Reliquary of Eustathius Maleinus, 969–970 // Dumbarton Oaks Papers. 1982. Vol. 36. P. 211-219.



стреливать врага. Стратиоты Малеина ответили, и некоторое время продолжалась перестрелка, которая не нанесла противникам особого ущерба. Тогда «Алиат, не сумев сдержать свой пыл, в безрассудном порыве бросился на врагов, но смертельно раненный пал, не успев совершить ничего достойного упоминания, а его воины укрылись в окрестных горах и лесных зарослях» (Scyl., 318.59-71)³⁶.

Описывая гибель Алиата, Скилица вновь не упоминает его титул, но называет Анфа экзархом разведывательного отряда. Вне всякого сомнения, командные посты в войске Варды Склира были четко распределены. Однако хронист ничего об этом не сообщает, так как официальными считались только военные должности в императорской армии, мятежники их занимать не могли. Поэтому для обозначения положения военачальников, принимавших участие в восстаниях, Скилица обычно использует термины архонт или экзарх (ἀρχων, ἑξάρχος). Отметим также, что этот автор часто называет архонтами любых высокопоставленных должностных лиц, как византийских, так и иностранных. Термин экзарх также неоднократно используется им для обозначения командиров отдельных отрядов или крепостных гарнизонов³⁷.

Например, при описании неудачной осады Тарса в 964/965 г. упоминается экзарх Монастериот (ἑξάρχων Μοναστηριώτην). Скилица пишет, что перед отступлением от города командующий византийской армией магистр Лев Фока отправил отряд Монастериота, который разорил округу, собрал много продовольствия и других припасов (Scyl., 269.14-17). В рассказе о подготовке восстания патрикия Варды Фоки против Иоанна Цимисхия хронист упоминает экзархов мятежников³⁸. По словам Скилицы, осенью 970 г. Фока покинул город Амасию, где он находился в ссылке, и отправился в Кесарию Каппадокийскую. Здесь уже собралось большое войско из его сторонников, которыми руководили экзархи Феодор и Никифор, сыновья патрикия Феодула Парсакутина³⁹.

Необходимо отметить, что оба эпизода из «Синописа историй», в которых упоминается Анф Алиат, содержат малозначимую информацию, так как Скилице не были известны его титул и должность. Возможно, он вообще не занимал никаких постов на императорской службе. Тем не менее, хронист перечисляет его личные качества: «преданный, деятельный, безрассудный». К. Холмс предположила, что рассказы об Алиате являются художественным вымыслом⁴⁰. По ее мнению, Иоанн Скилица включил в свое сочинение рассказы о «подвигах Алиата» для того, чтобы внести оживление в повествование. Далее она задается вопросами: «Почему Алиат пережил свое время?», «Почему Скилица сохранил рассказы об этом герое восстания Склира?» Ведь Анф Алиат был незначительной фигурой, слугой, входившим в личную свиту военачальника. Отвечая на этот вопрос, К. Холмс пишет, что причину столь пристального внимания следует искать в реалиях конца XI в. По ее мнению, в это время политическое влияние Алиатов было весьма значительным, они входили в число наиболее могущественных семей византийской аристократии⁴¹. Подкрепляя свои доводы, К. Холмс упоминает о «правителе Каппа-

³⁶ Отряд Анфа Алиата продвигался по дороге из Мелитены в Кесарию, а ущелье, где произошло сражение (στενοχωρία Κούκου λίθου) локализуется между совр. населенным пунктом Darica и перевалом Karahan Geçidi (1800 м н.у.м.). См.: Hild F. Das byzantinische Strassensystem in Kappadokien. Wien, 1977. S. 98.

³⁷ См.: Grosse R. Die Rangordnung der römischen Armee des 4. – 6. Jahrhunderts // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig, 1918. Bd. 15. S. 124-125, 157-158.

³⁸ Лев Фока, куропалат и domestik схол Запада, младший брат императора Никифора Фоки (963–969); Варда Фока – сын Льва Фоки, племянник Никифора II. Подр. см.: Ёурић И. Породица Фока // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1976. Књ. XVII. С. 253-255, 272-280; Cheynet J.-Cl. Les Phocas // Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu. Paris, 2011. P. 338-345, 346-350.

³⁹ Scyl., 291.11-14: ἑξάρχοι οἱ τοῦ πατρικίου Θεοδούλου παῖδες τοῦ Παρσακουτηνοῦ Θεόδωρος καὶ Νικηφόρος. Лев Диакон упоминает среди сторонников Фоки трех сыновей Феодула Парсакутина – Никифора, Феодора и Варду. Кроме того, он пишет, что они приходились предводителю мятежа двоюродными братьями. См.: Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C.B. Nasii. Vonnae, 1828. P. 112.2 – 113.3. О Парсакутинах см.: Thonemann P. The Maeander Valley: a historical geography from antiquity to Byzantium. Cambridge, New York, 2011. P. 260-261.

⁴⁰ Holmes C. Basil II and the Governance of Empire. P. 204-206.

⁴¹ Ibid., P. 205. П. Стефенсон в рецензии на монографию К. Холмс поддержал эти доводы, отмечая, что Скилица своими рассказами о героическом предке стремился повысить репутацию семьи Алиатов.



докии» Феодоре Алиате, приближенном Романа IV Диогена и стратиге Херсона Льве Алиате, известном по строительной надписи 1059 г.

По нашему мнению, точка зрения К. Холмс является ошибочной. У Иоанна Скилицы не было причин возвеличивать Алиатов. Как в правление Василия II, так и на рубеже XI–XII вв. эта семья не играла значимой роли среди византийской знати. Об этом свидетельствует, например, отсутствие в источниках упоминаний о родственных связях Алиатов, их земельных владениях, основанных ими монастырях, высоких должностях в армии и гражданской администрации. В «Алексиаде» Анны Комниной упоминается некий Алиат (ὁ Ἀλυάτης), который вместе с другими военачальниками охранял от войск Бозмунда Тарентского крепость Главиница⁴². В апреле 1108 г. он погиб в одном из сражений с норманнами⁴³. Отметим, что Анна Комнина не упоминает ни титул, ни должность, ни даже имя Алиата. «Человека значимого», из влиятельной семьи, дочь Алексея I, вероятно, должна была знать лучше.

В исследовательской литературе неоднократно поднимался вопрос об источниках, которыми пользовался Иоанн Скилица, описывая период правления Василия II⁴⁴. В начале своей хроники Скилица перечисляет имена 14 авторов, писавших исторические сочинения до него (Scyl., 3.11 – 4.35). Однако до наших дней сохранились тексты только 6 из них, остальные либо полностью утрачены, либо небольшими фрагментами включены в состав более поздних источников. Например, упомянутый Скилицей Феодор Севастийский⁴⁵, по всей видимости, являлся автором хроники, посвященной событиям правления Василия II, включая мятежи Варды Склира и Варды Фоки⁴⁶.

Ряд исследователей полагают, что в IX–XI вв. существовали сочинения, посвященные деятельности знаменитых военачальников или истории могущественных аристократических кланов (Аргиры, Фоки, Курсуасы, Склиры, «старшие» Дуки)⁴⁷. До наших дней сохранился только один такой текст – рассказ о подвигах магистра и доместика схол Иоанна Куркуаса, включенный в хронику Продолжателя Феофана в сокращенном и переработанном виде⁴⁸. Учитывая компилятивный характер «Синописа историй», не исключено, что Иоанн Скилица использовал подобные сочинения при составлении своей хроники. Во всяком случае, появление двух эпизодов, связанных с Анфом Алиатом, проще объяснить их заимствованием из «семейной хроники» Склиров, чем проявлением «художественного вымысла» компилятора Скилицы.

Подводя итоги, отметим, что исходя из современного состояния источников нельзя считать Анфа родоначальником семьи Алиатов. Кроме него, в последней трети X – начале XI в. известны еще несколько представителей этой фамилии (таксиарх Михаил, стратиг Лев, Алиат стратилат). По нашему мнению, роль Алиатов в период правления Василия II была незначительной. Эта семья не входила в число влиятельных фамилий Востока, и сравнивать ее со Склирами, Фоками и другими могущественными кланами Анатолика и Каппадокии нет никаких оснований. Анф Алиат, погибший в самом начале вос-

См.: Stephenson P. [Rev.]: Catherine Holmes, Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford University Press, 2005 // Byzantinische Zeitschrift. 2007. Bd. 100. Heft. 1. S. 221.

⁴² Вопрос о локализации Главиницы (ὁ Γλαβινίτζης) является дискуссионным. По мнению И. Снегарова, она находилась в Южной Албании, к востоку от города Авлона (Αυλώνας, совр. алб. Vlora), у совр. населенного пункта Qafa e Gllavës. См.: Снегаров И. История на Охридската Архиепископия. София, 1995. Т. 1. С. 168–171. Однако ряд исследователей считают, что Главиница располагалась в горах на границе Албании и Македонии, северо-западнее Охрида. См.: Византијски извори за историју народа Југославије / Обр. Ј. Ферлуга. Београд, 1966. Т. III. С. 330 и уп. 428, 391–392 и уп. 48.

⁴³ Annae Comnenae Alexias / Rec. D.R. Reinschet, A. Kambylis. Berlin, New York, 2001. Т. I. P. 398.68–82.

⁴⁴ Подр. см.: Сюзюмов М.Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Византийское обозрение. 1916. Т. II. С. 125–127; Kazhdan A. A history of Byzantine literature (850–1000). Athens, 2006. P. 273.

⁴⁵ Scyl., 3.28 – 4.30: «Феодор, епископ Сиде и его племянник, носивший то же имя, настоятель церковей Севастии». Во второй половине X – первой половине XI в. высшим иерархом в Севастии являлся митрополит. См.: Épistoliers byzantins du X^e siècle / Ed. par J. Darrouzès. Paris, 1960. P. 85, Ep. 10; 228, Ep. 23.

⁴⁶ См.: Prokić B. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes: codex Vindobonensis hist. graec. LXXIV. Ein Beitrag zur Geschichte des sogenannten Westbulgarischen Reiches. München, 1906. S. 23–24.

⁴⁷ Для обозначения этих источников Х. Хунгер использовал термин „Kriegstagebuch“ («Военный дневник»). См.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 330, 391; Καρπόζηλος Απ. Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι. Αθήνα, 1997. Т. 2. Σ. 39.

⁴⁸ Theophanes Continuatus / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 425.11 – 428.2.



стания Варды Склира, являлся одним из архонтов мятежного военачальника. Значительные по численности, политическому влиянию и военным возможностям ипересии Склиров, Фок, Малеинов, Вурцев представляли постоянную угрозу для стабильности византийского государства. Разгромив к 991 г. малоазийские военные кланы, император предоставил фемным архонтам альтернативу – службу в императорской армии⁴⁹. Алиаты, как и Парсакутины, «младшие» Дуки», Вриеннии, Дафномилы, Катакалоны, Иаситы и др. семьи, сделали выбор в пользу легитимной Македонской династии. В последующие десятилетия они продолжали служить в вооруженных силах и провинциальной администрации, некоторые из них даже занимали весьма высокие должности. Однако и для первой половины XII в. нет никаких оснований включать Алиатов в число самых могущественных византийских семей. Возвышение Алиатов произошло еще позже – в XIII столетии, при дворе Никейских императоров, и в XIV в. Фессалонике и Эпире.

THE ALYATES FAMILY TO BYZANTIUM IN X–XI CENTURY

A.S. MOKHOV

*Ural Federal University,
Ekaterinburg*

e-mail: rkb2004@yandex.ru

The article is devoted to the history of Alyates, family in Asia Minor. The 14 members of aristocratic family are noted in historian sources (X–XI c.). Anthes Alyates, insurrectionist of Bardas Skleros (975/976), Leo Alyates, strategos of Cherson and Sougdaia in the reign of Isaac I Komnenos (1057–1059) and Theodore Alyates, strategos of Cappadocia in 1070–1071 are famous representatives of the family. Mainly, the remaining members of this family are known for sphragistic data. In the X–XI c. Alyates stated in the high positions in the military and the provincial administration of Byzantium. Since the beginning of the XII century they are mentioned in the sources as officials of the civil administration or priests.

Keywords: Byzantium, Alyates family, byzantine provincial aristocracy, sigillography prosopography.

⁴⁹ Утверждение П. Стефенсона о том, что в ходе подавления мятежей было вырезано множество мелких династов не соответствует действительности. См.: Stephenson P. [Rev.]: Catherine Holmes, Basil II and the Governance of Empire. P. 221. Многократно большие потери византийская военная элита понесла в войнах с болгарским царем Самуилом.



УДК 930.1(09)

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ НА СЛУЖБЕ КОЛОНИАЛИЗМА: КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

А.С. КОСТЯХИН*Липецкий государственный
педагогический университет**e-mail: Chara.62@mail.ru*

В статье подняты две актуальные проблемы: 1) проблема либерально-демократических идеалов и их непосредственной реализации в форме модели западного конституционного государства и 2) проблема характера и значения конституционной колониальной политики Британии, юридически оформленной Законом об управлении Индии 1935 г.

Ключевые слова: либерально-демократические ценности и институты, конституционализм, парламентаризм, федерализм, Британская империя, Индия, Канада, Южноафриканский союз.

Настоящее исследование посвящено проблемам либерально-демократических ценностей и институтов и проблемам характера и значения Закона об управлении Индией 1935 г. (далее – Закон 1935 г.¹). В исторической науке он имеет дискуссионный статус: от мнимой, «рабской конституции», цементирующей британское владычество на Индостане², до настоящей, истинной конституции, открывавшей путь к свободе индийского общества³. Теоретическую актуальность исследования данного акта подчеркивает отсутствие отечественных монографических работ по данной теме, что связано с ее недостаточной изученностью в российской исторической науке: многие авторы (например, Л.В. Шапошникова⁴), затронувшие данную тему, лишь касательно и обобщенно рассматривали Закон 1935 г., детально не погружаясь в анализ данного акта⁵.

Для решения заявленных проблем сопоставим индийскую государственную систему, заложенную Законом 1935 г., с системой Канады, установленную Актом о Британской Северной Америке 1867 г.⁶ (далее – Акт 1867 г.), и государственной машиной Южноафриканского союза (ЮАС), учрежденной Актом о Южной Африке 1909 г.⁷ (далее – Акт 1909 г.). Указанные страны, с одной стороны, были примерно равны по своему политическому статусу и весу Индии, а, с другой стороны, отражали политическое многообразие Британской империи. Такое сравнение позволит установить закономерности, которыми руководствовались англичане при выборе государственной системы для той или иной зависимой территории, и поможет наглядно подчеркнуть цели их колониальной политики, проводимой конституционными методами.

По форме рассматриваемые конституционные акты отличаются от подобных актов государств континентальной правовой семьи, так как в Британии господствует англосаксонская правовая система. Если стиль написания конституций в континентально-правовой семье можно условно назвать общедекларативным (положения актов закрепляют в обобщенном, универсальном виде основы общественного и государственного строя, которые конкретизируются в иных актах), то стилю написания рассматриваемых нами Актов и Законов об управлении зависимых стран можно дать наименование казуистического. Данные правовые документы больше напоминают судебные решения, выносимые для конкретного случая – казуса (очень наглядно это представлено в статьях, на-

¹ Акт о правительственном строе Индии 1935 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины. М.-Л., 1936. С. 248-329.

² Распад Британской империи / Отв. ред. А.Г. Милейковский. М., 1964. С. 63; Шапошникова Л.В. Национально-освободительное движение в Индии в 1934-1939 гг. М., 1960. С. 18-22.

³ Володин А.Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. М., 1989. С. 53, 55, 57; История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. / Отв. ред. Р.Г. Ланда. М., 2006. С. 346.

⁴ Шапошникова Л.В. Национально-освободительное движение в Индии в 1934-1939 гг. М., 1960. С. 18-22.

⁵ Индийская конституция в прошлом и настоящем. Из истории развития конституционного процесса в Индии (1919-1950) / Под. ред. Л.В. Митрохина. Рязань, 2000. С. 5.

⁶ Акт о Британской Северной Америке 1867 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. М.-Л., 1936. С. 136-167.

⁷ Акт о Южной Африке 1909 г. // Там же. С. 174-216.



деляющих конкретного монарха (например, ст. 2 Акта 1867 г.), генерал-губернатора (например, ст. 11 Акта 1909 г.) властью): здесь нет общих положений, все статьи устанавливают достаточно развернутое правовое регулирование для конкретного конституционного отношения, не нуждающееся в дополнительных разъяснениях других актов (например, детально прописанная процедура «нарезания» (определения границ) избирательных округов по ст. 38-43 Акта 1909 г.); если же такого регулирования не устанавливается, то используется институт правопреемства – акт отсылает правоприменителя к предшествующему конституционному законодательству (например, установка правомочий Генерал-губернатора на основании предшествующего законодательства по ст. 12 Акта 1867 г.).

По содержанию рассматриваемые нами Акты и Законы об управлении не являются конституциями в современном смысле этого слова, так как конституция, помимо правового регулирования отношений между государственными органами, устанавливает основы общественного строя и юридический фундамент, на основе которого гос. органы будут строить взаимоотношения с человеком (например, главы 1 и 2 Конституции РФ 1993 г.⁸, раздел 1 Основного Закона Федеративной Республики Германия 1949 г.⁹, части II-IV Конституции Индии 1950 г.¹⁰). Ни Закон об управлении Индией, ни Акт о Британской Северной Америке, ни Акт о Южной Африке такие важнейшие аспекты политической системы не регулировали, полностью сосредоточившись лишь на конструировании государственных аппаратов. Однако данные акты регулировали такие аспекты, которые практически нельзя встретить в современных конституциях: например, строительство железных дорог (ст. 145 Акта 1867 г.) и управление ими (ст. 125-129 Акта 1909 г.), радиотелеграфия (ст. 129 Закона 1935 г.) и водоснабжение (ст. 130-134 Закона 1935 г.).

Рассмотрим, что представляли собой эти системы по горизонтали, т.е. государственный строй (форма правления), установленный Актом 1867 г., Актом 1909 г. и Законом 1935 г. для Канады, ЮАС и Индии соответственно.

Несмотря на то, что Канада и ЮАС ко времени издания Закона 1935 г. стали доминионами, а Индия оставалась колонией, в этих странах использовалась единая модель парламентарной монархии, прообраз которой – в Англии:

1. Законодательная власть принадлежала парламенту (ст. 91 Акта 1867 г., ст. 59 Акта 1909 г., ст. 30 Закона 1935 г.), в который по британской традиции входил английский монарх, представляемый Генерал-губернатором, и две палаты (ст. 17 Акта 1867 г., ст. 19 Акта 1909 г., ст. 18 Закона 1935 г.), одна из которых представляла интересы регионов и формировалась в административном порядке и (или) избиралась региональной легислатурой, а вторая представляла интересы всего общества и формировалась выборным путем. Законопроект приобретал юридическую силу после одобрения обеими палатами парламента и последующего его утверждения Генерал-губернатором или, если проект зарезервирован, монархом (ст. 55 Акта 1867 г., ст. 67 Акта 1909 г., ст. 32 Закона 1935 г.).

2. Вся полнота исполнительной власти принадлежала британскому монарху (ст. 9 Акта 1867 г., ст. 8 Акта 1909 г., ст. 2, 7 Закона 1935 г.), осуществление которой было возложено на его доверенное лицо – Генерал-губернатора (ст. 10 Акта 1867 г., ст. 9 Акта 1909 г., ст. 3, 7 Закона 1935 г.) назначаемого и смещаемого Его Величеством. Однако в исполнительной ветви власти устанавливался институт диархии (ст. 12-13 Акта 1867 г., ст. 13, 16 Акта 1909 г., ст. 9 Закона 1935 г.): часть полномочий Генерал-губернатор мог осуществлять по своему усмотрению, другую же часть только по указанию и согласию правительства, формируемого из числа парламентариев и ответственного перед палатами парламента (прямо в актах это не устанавливалось, однако вытекало из сути ст. 11, 18 Акта 1867 г., ст. 14 Акта 1909 г., ст. 10 Закона 1935 г. и конституционного обычая).

Таким образом, ведущая роль в государственном управлении должна была принадлежать палатам парламента, разрабатывающим и принимающим законодательство, формирующим и направляющим правительство, а Его Величество, представляемое Гене-

⁸ Акт о Южной Африке 1909 г. // Там же. С. 174-216.

⁹ Основной Закон ФРГ 1949 г. // Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты / Сост. Т.Г. Морщакова; под ред. и со вступ. стат. Ю.П. Урьяса. М., 1991.

¹⁰ Конституция Индии 1950 г. // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. М., 2006. С. 423-555.

рал-губернатором, должно было контролировать и санкционировать действия общественных представителей и ответственных перед ними министров.

Однако данная модель претерпевала существенные трансформации из-за изменения ряда переменных:

1. Положение Генерал-губернатора. Если положение Генерал-губернатора в государственных системах ЮАС и Канады действительно было сходно описанному выше, то совершенно иным оно было по Закону об управлении Индией 1935 г.

1.1. Законодательная власть. Если североамериканский (ст. 54 Акта 1867 г.) и южноафриканский (ст. 62 Акта 1909 г.) генерал-губернаторы контролировали законодательную инициативу парламента только по финансовому законодательству, то их индийский коллега при желании мог затормозить весь законодательский процесс. Индийские депутаты практически лишались свободы законодательной инициативы.

В отличие от представителей Его Величества в Канаде и ЮАС индийский Генерал-губернатор обладал мощнейшим инструментом влияния – чрезвычайно-указным правом, заключающимся в правомочии издавать указы равные по силе законам во время чрезвычайных обстоятельств (ст. 42-44 Закона 1935 г.). Генерал-губернатор мог осуществлять это право по своему усмотрению без согласия министров, ответственных перед депутатами, не беря во внимание, работает ли легислатура. Причем, его чрезвычайные указы могли действовать бессрочно, не нуждаясь в парламентском одобрении.

Таким образом, индийский Генерал-губернатор обладал несравненно большими механизмами воздействия на законодательную власть, чем его коллеги на юге Африки и на севере Америки. Однако не следует сбрасывать со счетов право абсолютного вето, которым обладали все три персоны (ст. 55 Акта 1867 г., ст. 64 Акта 1909 г., ст. 32 Закона 1935 г.), тем самым, имея решающее слово в законодательском процессе.

1.2. Исполнительная власть, построенная по принципу диархии, разделялась между Генерал-губернатором и ответственным перед парламентом правительством. Весь вопрос заключался в том, как данное разделение будет проведено. Многие из своих полномочий, особенно административных, генерал-губернаторы ЮАС и Канады осуществляли «в совете», т.е. по указанию правительства. Например, назначать генерал-лейтенантов провинций североамериканский Генерал-губернатор должен был «в совете» (ст. 58 Акта 1867 г.), а формирование всего административного аппарата происходило южноафриканским представителем Его Величества совместно с ответственными перед народными избранниками министрами (ст. 15 Акта 1909 г.).

Баланс сил в исполнительной власти Индии был не в пользу министров. Например, ст. 12 Закона 1935 г. устанавливала внушительный перечень особых обязанностей Генерал-губернатора, в рамках которого он мог действовать по собственному усмотрению без позволения Совета Министров. Причем, формулировки в данном перечне давались весьма расплывчато, их можно было толковать в сторону расширения исключительных полномочий Генерал-губернатора, причем согласно п. 3 ст. 9 Закона 1935 г. этим толкованием занимался он сам.

Таким образом, положение Генерал-губернатора в парламентарных государственных моделях Индии, Канады и ЮАС заметно различалось: от минимальной контрольной роли в Канаде и ЮАС, где власть представителя Его Величества во многом (хотя далеко и не во всем) приобретала символический характер, до максимальной в Индии, где Генерал-губернатор обладал возможностью воздействовать и управлять всей государственной машиной (причем, в условиях чрезвычайного положения Генерал-губернатор, издав прокламацию по ст. 45 Акта 1935 г., мог на время полностью сломать парламентарную систему и единолично управлять британской колонией). Такое различие вносило существенное изменение в сущность парламентарной модели, создавая в Канаде и ЮАС государственную систему, близкую к Великобритании, а в Индии, наоборот, искажая ее до неузнаваемости и низводя в разряд мнимого парламентаризма.

2. Формирование палат парламента. Порядок формирования предопределял политическую сущность данных органов власти.

2.1. Нижние палаты центральных легислатур Канады (ст. 37 Акта 1867 г.), ЮАС (ст. 32 Акта 1909 г.) и Индии (ст. 18 Закона 1935 г.) формировались непосредственно обществом путем выборов. Однако, насколько полно и достоверно различные интересы все-



го общества были отражены в парламентах, зависело от избирательных систем. В Канаде, по меркам того времени, избирательная система была достаточно демократичной (например, согласно ст. 41 Акта 1867 г. активным избирательным правом от округа Альгома пользовались британские подданные мужского пола, достигшие 21 года, являвшиеся домохозяевами). Однако ст. 40 того же документа закрепляла мажоритарную избирательную систему, которая способствовала функционированию двухпартийной политической системы, где обе партии были лояльны британской монархии, одна из которых играла роль «правительства Его Величества», а другая – «оппозиции Его Величества»¹¹.

В ЮАС избирательная система была крайне антидемократичной, основанной на расистских принципах, по которым интересы 7 млн. населения представляло 1,5 млн. белых¹². Цветное население было практически полностью лишено избирательных прав. В самом акте это напрямую не устанавливалось (Акт 1909 г. в ст. 36 отсылал к избирательному законодательству провинций), хотя косвенно это хорошо просматривалось (привязка изменения границ избирательных округов к изменению численности британских подданных европейского происхождения (ст. 34 Акта 1909 г.)).

В Индии (1, 6 приложения к Закону 1935 г.) британские власти, напротив, пытались представить все многообразие общества. Однако при помощи курриальной избирательной системы, значительно искажавшей реальное соотношение общественных сил (например, индусы, включая неприкасаемых, имели 70% голосов, но только 55% депутатских кресел¹³), они представляли в выгодном для себя свете, пытаясь натравить различные социально-политические группы друг на друга. Кроме того, устанавливая значительные имущественный (например, для выборщиков в Пенджабе требовалась выплата ежегодного муниципального налога в 50 рупий или в 25 рупий в год при условии владения землей) и образовательный (в большинстве провинций он был равен вступительным экзаменам в институт или выпускным экзаменам в средней школе, при этом необходимо учитывать уровень грамотности населения, составлявший 8%) цензы¹⁴, англичане отстраняли от избирательного процесса неблагонадежные слои населения. Таким образом, по подсчетам современных исследователей, до избирательных урн могли прийти лишь 12% взрослого населения¹⁵. Представительная функция нижней палаты законодательства еще больше деформировалась положением ст. 18 Закона 1935 г., отдававшим 33% мест (125 из 375) представителям от княжеств, не избираемых, пусть даже в таком искаженном выборном порядке, как описанный выше, а назначаемых в административном порядке князьями – верной опорой британской короны на индийском субконтиненте.

Таким образом, британцы в Канаде, а особенно в ЮАС и Индии, различными способами так формировали представительные органы, что они отражали интересы общества в пользу английской короны.

2.2. Верхняя палата. Британцы использовали достаточно распространенный в те времена (например, в Российской Империи с Государственным Советом и Государственной Думой после реформ 1905-1906 гг.) прием противопоставления двух палат парламента, равных в законодательных полномочиях (для принятия законопроекта требовалось согласие обеих палат, каждая из которых могла наложить вето на проект, преодолеть которое другая палата не могла), но разных по составу: более либеральной нижней палате противопоставлялась более консервативная верхняя. Консерватизм верхней палаты достигался:

– в Канаде – административным порядком формирования (назначал Генерал-губернатор по ст. 24, 32 Акта 1867 г.), квалификацией для занятия должности (британский подданный, достигший 30-летнего возраста и преодолевший весьма значительный

¹¹ Звавич И. Введение к Акту о Британской Северной Америке 1867 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. М.: Л., 1936. С. 133.

¹² Звавич И. Введение к Акту о Южной Африке 1909 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. М.: Л., 1936. С. 169.

¹³ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М., 1979. С. 440.

¹⁴ Рейснер И. Введение к Акту о правительственном строе Индии 1935 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины. М.: Л., 1936. С. 247.

¹⁵ Плешова М.А. Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления. М., 1992. С. 35.

имущественный ценз (4 тыс. долларов) (ст. 23 Акта 1867 г.) и пожизненным статусом сенатора (ст. 29 Акта 1867 г.);

- в ЮАС – смешанным порядком формирования (8 членов назначал Генерал-губернатор, 32 избирались провинциальными народными собраниями (ст. 24 Акта 1909 г.)), квалификацией (30 лет, британский подданный европейского происхождения, собственник недвижимого имущества, оцененного в 500 фунтов (ст. 26 Акта 1909 г.)) и пусть не пожизненным, но весьма продолжительным сроком пребывания на своем месте – 10 лет (ст. 24 Акта 1909 г.);

- в Индии – использовались подобные методы, однако главный заключался в порядке формирования: хотя здесь Генерал-губернатор был не при делах, однако согласно ст. 18 Закона 1935 г. помимо провинциальных легислатур в формировании Государственного Совета принимали участие индийские князья, своими представителями занимая 40% мест в палате (104 из 260).

Таким образом, британцами конструировались такие парламенты, в которых одна палата ограничивала и сдерживала другую, тем самым во многих случаях освобождая англичан от необходимости прямого вмешательства в законодательный процесс. Потенциальные радикальные свободололюбивые решения нижней либеральной палаты ударялись о глухую стену консерватизма верхней палаты, что способствовало стабильному развитию страны, причем стабильному развитию в рамках Британской империи.

Итак, есть три государственные машины, разобранные по горизонтали:

- канадская, с минимальным контролем Англии в лице Генерал-губернатора, но двухпартийной системой лояльных Туманному Альбиону партий и с заложенной возможностью противостояния нижней с верхней палатой легислатуры;

- южноафриканская, с тождественной ролью представителя Его Величества, но крайне отягощенная расистским принципом формирования парламента;

- индийская, с доминированием Генерал-губернатора во всех государственно-властных отношениях и с народным представительством, в весьма искаженном виде представляющим народные интересы.

Теперь перейдем к анализу государственных систем по вертикали, т.е. территориально-политического устройства (форме государственного устройства), установленного Актом 1867 г., Актом 1909 г. и Законом 1935 г. для Канады, ЮАС и Индии соответственно.

В данном вопросе англичане сделали ставку на федеративную модель по типу США:

1. Установив двухуровневую систему государственных органов:

- в Канаде: центральный уровень – Генерал-губернатор, Тайный Совет, Сенат и Палата общин (ст. 10, 11, 17 Акта 1909 г.); региональный уровень – Лейтенант-губернатор, Исполнительный Совет (или Исполнительное правительство), Законодательное Собрание, к которому в Квебеке добавлялся в качестве верхней палаты Законодательный Совет (ст. 58, 63, 64, 69, 71, 88 Акта 1909 г.);

- в ЮАС: центральный уровень – Генерал-губернатор, Исполнительный Совет, Сенат и Палата собрания (ст. 8, 12, 19 Акта 1909 г.); региональный уровень – Администратор провинции, Исполнительный комитет, Провинциальный Совет (ст. 68, 70, 78 Акта 1909 г.);

- в Индии: центральный уровень – Генерал-губернатор, Совет Министров, Государственный Совет и Палата собрания (ст. 7, 9, 18 Закона 1935 г.); региональный уровень – Губернатор, Совет Министров, Законодательное Собрание, к которому присоединялся в ряде провинций Законодательный Совет как верхняя палата (ст. 48, 50, 60 Закона 1935 г.).

2. Определив двухуровневую компетенцию, разграничив правомочия центральных и региональных органов власти. Например, в Канаде:

- безопасность и оборона, основные вопросы экономической сферы (регулирование торговли и обмена, денежное обращение, банковское дело, судоходство и др.), уголовное право, некоторые важные аспекты гражданского (банкротство, авторское право) и семейного (брак и развод) права были отнесены к исключительной компетенции центра (ст. 91 Акта 1867 г.),

- административное и муниципальное право, судопроизводство, оставшиеся вопросы гражданского и семейного права, вопросы местного значения попали в исключительную компетенцию провинций (ст. 92).



В ЮАС размежевание полномочий предусматривала ст. 85 Акта 1909 г., а в Индии – ст. 99-107 с приложением 7 Закона 1935 г.

3. Разделив финансовые системы, отделив бюджет центра от бюджета регионов (в Канаде – раздел 8 (в частности ст. 102, 126) Акта 1867 г., в ЮАС – ст. 89, 117 Акта 1909 г., в Индии – ст. 136-144 Закона 1935 г.).

Территориально-политическая система в зависимых странах-членах Британской империи была достаточно централизована:

1. В отношении двухуровневой системы. Высшее должностное лицо провинции, власть которого была зеркальна Генерал-губернатору в центре, назначалось и было ответственно перед центром (ст. 58 Акта 1867 г., ст. 68 Акта 1909 г., ст. 48 Закона 1935 г.). Причем, если такие лица в Канаде и ЮАС, подобно Генерал-губернаторам, могли только контролировать провинциальные государственные системы, то в Индии губернатор, как и его побратим на центральном уровне, помимо контроля, мог активно вмешиваться в государственное управление и законотворчество, подменяя под себя провинциальную легислатуру с ответственным перед ней Советом Министров (например, ст. 52, 88-90, 93 и 108 Закона 1935 г.). Так, ст. 52 Закона 1935 г. с увесистым перечнем особых обязанностей губернатора, подобным описанному выше для Генерал-губернатора, и с не менее расплывчатыми формулировками могла приводить все к тем же злоупотреблениям, законность которых никто оспорить не мог, ведь право толкования «особых обязанностей» все так же предоставлялось их обладателю (п. 3 ст. 50). А ст. 93 в условиях чрезвычайного положения временно позволяла губернатору присвоить себе любые полномочия палат легислатур и министров и полностью взять бразды правления провинцией в свои руки. Провинции не имели собственных судебных систем: вся судебная ветвь власти представляла собой стройную цепь судебных органов, формируемых из центра. Например, в Канаде: Суды графств – Окружные суды – Высшие суды – Генеральная апелляционная палата (ст. 96, 101 Акта 1867 г.), судьи которых назначались Генерал-губернатором по согласованию с Сенатом и Палатой общин (ст. 99 Акта 1867 г.). В ЮАС (ст. 95, 96, 98 Акта 1909 г.) и Индии (ст. 200, 220 Закона 1935 г.) судебные системы были устроены по такому же принципу.

2. В отношении разграничения полномочий. Если сравнить положение американских штатов по Конституции США 1787 г.¹⁶ (они были не вправе выходить из состава федерации, вводить внутреннюю таможенную, собственную валюту, вести международную политику, иметь вооруженные силы (раздел 10 ст. I), во всем остальном штатам была предоставлена полная свобода (поправка X)) с положением провинций в Канаде, полномочия которых были приведены выше, то становится очевидным заявленный тезис о централизованном характере федеративной модели. Субъекты южноафриканской и индийской федерации находились еще в более ограниченном положении, чем Канады. Ст. 85 Акта 1909 г. устанавливала перечень дел для провинциальных органов власти ЮАС. Данный перечень был скромнее канадского (по преимуществу вопросы местного значения), но, главное, акт, принятый в рамках этого перечня провинциальной легислатурой, не должен был противоречить подобному акту центральной легислатуры (ст. 86 Акта 1909 г.). Поэтому, скорее можно было говорить о полномочиях, делегированных из центра. По сравнению с ЮАС в Индии, на первый взгляд, дело по данному вопросу обстояло значительно лучше. Однако это было не так (ст. 99-107, приложение 7 Закона 1935 г.): исключительная компетенция центра – внешние сношения, военно-морские, сухопутные и военно-воздушные силы, денежное обращение и чеканка монет, перепись населения; совместная компетенция – уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право, семейное право, а также арбитраж (причем, необходимо учесть, что первенство отдавалось центру, и при наличии федеративного закона и закона провинции по аналогичному вопросу действовал первый), исключительная компетенция провинций – полиция, провинциальная государственная служба, образование, вопросы местного значения.

Таким образом, в Индийской федерации все важные вопросы были либо в исключительной компетенции центра, либо находились под его прямым контролем в сфере со-

¹⁶ Конституция США 1787 г. // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. М., 2001. С. 348-358.

вместной компетенции. Кроме того, даже в эту крайне суженную исключительную компетенцию провинций центр мог вмешиваться при помощи специфических полномочий Генерал-губернатора: - широкие формулировки «особых обязанностей» (ст. 12 Закона 1935 г.) с вольным правом их толкования (п. 3 ст. 9) позволяли представителю Его величества вмешиваться в региональные дела; - вопросы, которые не были распределены в 7 приложениях к Закону 1935 г., ст. 104 того же акта предлагала распределить самостоятельно Генерал-губернатору, который мог изъять вопрос из провинциальной компетенции.

3. Отсутствие одного из важных компонентов региональной правовой системы – собственного конституционного акта: государственные системы провинций устанавливались и регулировались положениями центральных конституционных актов (в Канаде – раздел 5 Акта 1867 г., в ЮАС – раздел 5 Акта 1909 г., в Индии – часть 3 Закона 1935 г.).

Таким образом, хотя британцы и брали за основу федеративные принципы государственного устройства, однако на деле это не предусматривало существенной децентрализации власти, особенно в Индии, где федерация носила жестко централизованный характер.

Далее необходимо установить цели и закономерности британской колониальной политики, проводимой конституционными методами. Главными взаимосвязанными между собой целями английской политики были:

1. Эффективное использование ресурсов (не только экономических, но и геополитических) зависимых территорий.

2. Сохранение своего господства на этих территориях, без которого было бы невозможно реализовывать первую цель.

Приемлемая модель была найдена в лице западной конституционной государственной системы. С одной стороны, она давала политические основания для присутствия иностранной державы на чужой территории и управления ею:

– установив конституцию, ограничивающую деятельность институтов власти, и учредив парламент, представляющий общество, англичане закладывали фундамент рационально-легальной легитимности своей власти, основанной на вере участников политической жизни в справедливость правил формирования и функционирования власти и в возможность своего влияния на принятие политических решений;

– установление западных демократических институтов превращало британцев из захватчиков в благодетелей и просветителей и позволяло им возобновить риторику в духе «бремени белого человека» Р. Кишлинга.

С другой стороны, новая государственная система, включив при помощи парламента и ответственного правительства в себя местные общественно-политические силы (федеральная система произвела такое включение на центральном и на региональном уровнях), позволяла при умелом контроле использовать их на благо метрополии:

– местные силы, направляемые британцами, проведут своими силами и социально-политическими ресурсами в нужном Англии русле модернизацию страны, что позволит метрополии более эффективно использовать ресурсы своей колонии;

– решение насущных проблем направит часть протестной энергии местных политических сил в конструктивное русло, что будет способствовать реализации второй цели английской колониальной политики; в процессе решения таких проблем неминуемы политические ошибки и непопулярные решения (особенно в крайне разнородных обществах с множеством интересов, где принятие любого важного решения неминуемо ущемит интересы какой-либо социальной группы), тяжесть которых падет на головы местной элиты, что сразу скажется на ее образе, чем воспользуются ее местные конкуренты;

– при умелом использовании разнородности общества (допуске одной части общества к конституционной модели и отстранению другой (ЮАС) или усилению борьбы социально-политических групп за власть (Индия), которой, в случае прихода к ней в результате жесткой борьбы, одна из групп будет распоряжаться под строгим надзором британцев и проигравшей стороны, ждущей реванша) возможно посеять политическую междоусобицу, которая привела бы к взаимному ослаблению местных сил и, соответственно, усилению позиций англичан.

1. Главной целью использования Канады была геополитическая, как союзника по Лиге Наций, возможного военного партнера-помощника, политической базы против



США на американском континенте. Реализация этой цели была бы невозможна без поддержки канадского общества, состоящего почти полностью из европейского населения и достигшего высокой ступени политического развития. Поэтому Канаде была предоставлена парламентарная модель государственной системы с минимальной контрольной ролью со стороны английской короны. Умеренно же централизованный характер федерации объясняется, главным образом, проблемой Квебека с его сепаратистскими наклонностями франкоговорящего населения. Такой тип федерации был в данном случае золотой серединой, предоставляющей Квебеку определенную степень самостоятельности, но и оставляющей за центральной властью механизмы воздействия на провинцию. Собственные органы власти в каждой из провинции (независимые от центра в той степени, в которой это необходимо для управления подвластной территорией) с собственной компетенцией (очерченной кругом исключительно провинциальных дел) позволят повысить эффективность управления страной, что предоставит Британии возможность более эффективно использовать ресурсы зависимой территории.

2. Несмотря на желание противопоставить ЮАС возросшим немецким владениям в Африке, для Англии основной целью была другая - огромный рудник бесценных полезных ископаемых. Белое меньшинство не могло свергнуть британское господство, так как без него участь этого меньшинства была бы незавидной. Установка британцами федеративной модели объясняется как чисто административным соображением, так и политическим: необходимо было заручиться поддержкой белого бурского населения, насильственно попавшего под власть Англии, но и сохранить механизмы воздействия на их территории, чем и объясняется централизованный тип федерации.

3. Индия активно использовалась англичанами как нескончаемый источник ресурсов, рынок сбыта, рекрутская база для формирования своих вооруженных сил. Такие цели требовали более жесткой и централизованной власти, однако в условиях практически полного отсутствия населения, на которое можно было бы опереться (европейцы), применение такой модели власти было чревато потерей этой самой власти. Но на помощь британцам пришла крайняя разнородность (этнолингвистическая, конфессиональная, кастовая, социально-экономическая) индийского общества. Именно ее можно было использовать в модели западного конституционного государства на благо метрополии. С его помощью британцы могли передать сложные общественные процессы местным политическим силам, представленным в парламенте нужным англичанам образом, и сыграть на их противоречиях. Сами же британцы при помощи Генерал-губернатора могли выступить в качестве арбитров в этих противоречиях. Федеративная модель предоставляла возможность утвердиться противостоящим местным элитам и социально-политическим группам в различных провинциях, что дало бы им социально-экономические и политические ресурсы для борьбы друг с другом и привело бы, как было указано выше, к обострению политической междоусобицы. Федеральная система позволяла англичанам противопоставить реформистским силам крайне реакционные в лице индийских князей, включив их княжества в федерацию и предоставив им существенные рычаги воздействия на общеиндийском уровне посредством центральной легислатуры.

Общие выводы:

1. Закон об управлении Индией, как и рассмотренные конституционные акты Южноафриканского союза и Канады – система легитимизации британской власти в зависимых государствах и использования местных общественных сил на благо метрополии посредством либерально-демократических институтов власти – западной конституционной модели государства, построенной на принципах парламентаризма и федерализма, но воплощенных в искаженной форме, модифицированной под потребности англичан и превращающей общество зависимых стран из самостоятельного активного субъекта политического процесса в инструмент удержания власти и эффективного использования зависимой страны на нужды метрополии.

2. Либерально-демократические идеалы, воплощаемые в форме ценностей и реализуемые в форме политико-правовых институтов – относительно и не универсальны. Нет прямого следствия между их установлением и автоматическим благоденствием и процветанием общества в целом и индивида в частности. Все зависит от особенностей



общества, в котором они устанавливаются, и от реального воплощения данных ценностей и фактического применения данных институтов.

LIBERAL DEMOCRATIC IDEALS ON COLONIALISM SERVICE: THE CONSTITUTIONAL METHODS OF A COLONIAL POLICY OF BRITISH EMPIRE

A.S. KOSTIAKHIN

*Lipetsk State Pedagogical
University*

e-mail: Chara.62@mail.ru

In article two actual problems are: 1) the problem of liberal democratic ideals and their direct realisation in the form of model of the western constitutional state and 2) the problem of character and value of the constitutional colonial policy of Britain – problem of the Government of India Act of 1935.

Key words: Liberal democratic values and institutes, constitutionalism, parliamentarism, federalism, British Empire, India, Canada, the South African union.



ОБРАЗ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1936-1939) В ПРЕССЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ¹

А. А. ПЧЕЛИНОВ-ОБРАЗУМОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: malay@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются оценки, данные прессой Российской Зарубежья республиканскому лагерю в годы Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. В среде российской политической эмиграции выделялись 3 основных общественно-политических течения: правое (консервативное), левое (революционное) и нейтральное (либеральное), каждое из которых имело свои печатные органы, отражавшие их идеи. Степень объективности (или субъективности) периодического издания напрямую зависела от принадлежности его к тому или иному политическому течению российского политического сообщества, что проявилось в освещении рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., российская политическая эмиграция, эмигрантская пресса, Испанская Республика.

Начавшаяся в Испании в июле 1936 г. Гражданская война вскоре приковала к себе взоры всех политических сил Запада. Не стало исключением и Российское Зарубежье, в котором Испанская война вызвала бурные дискуссии, в полной мере отразившиеся на страницах периодической печати. Одним из ключевых вопросов в освещении эмигрантской прессой событий на Пиренейском полуострове было создание образа сторон, противоборствующих в гражданском конфликте. Целью настоящей статьи является анализ образа Испанской Республики (республиканского стана), созданного на страницах прессы российского эмигрантского сообщества во время Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.

В ходе изучения поставленной проблемы мы обратились к периодическим изданиям трёх основных идейно-политических лагерей российской эмиграции: правому, левому и нейтральному. Пресса консервативного толка представлена в статье журналом «Часовой» (официальный печатный орган Русского общевойскового союза (РОВС) – крупнейшей антисоветской военизированной организации Российского Зарубежья), и газетой «Возрождение», выходившей под эгидой Российского центрального объединения (ассоциация российских эмигрантов-монархистов).

Анализ публикаций таких периодических изданий, как журнал «Социалистический вестник» (орган Заграничной Делегации Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков)), журнал «Наш Союз», официальное издание просоветской эмигрантской организации «Союз возвращения на Родину», и газеты Союза Младороссов «Бодрость!» позволяет составить представление о мнении левого фланга российской эмиграции по интересующему нас вопросу.

Важными для исследования являются также материалы прессы, отражающей мнение представителей нейтральной части российской эмиграции. К периодическим изданиям данной направленности относились газета «Последние новости», выходившая при поддержке либеральной эмигрантской организации Российское демократическое объединение (лидером которой был глава партии кадетов П.Н. Милуков), а также журнал «Новая Россия», включавший демократически настроенных деятелей эмигрантского сообщества, в числе которых был А.Ф. Керенский, являвшийся главным редактором данного печатного органа. Все названные периодические издания выходили в Париже. Выбор прессы именно этой российской диаспоры обусловлен тем, что в межвоенный период во Франции проживала большая часть эмигрантов, покинувших Россию, а Париж был признанной «столицей» Российского Зарубежья.

¹ Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2012 г.



Прежде всего, следует остановиться на рассмотрении периодики наиболее активного в политическом отношении правого крыла российской эмиграции. Испанская Республика характеризовалась консервативной печатью Российского Зарубежья крайне отрицательно. Буквально всё, что было с ней связано, вызывало резкое осуждение с её стороны. Это было связано с тем, что испанское законное правительство воспринималось европейским общественным мнением как исключительно левое, прокоммунистическое, а также с распространённым в среде российской белоэмиграции отождествлением происходящего в Испании с событиями 1917-1920 гг. в России. Поэтому весь негативный настрой правого эмигрантского лагеря к советской власти механически переносился на Республиканскую Испанию.

В одном из первых номеров, посвящённых началу Гражданской войны, «Возрождение» дало испанскому Народному фронту следующее негативно-ироническое определение: ««Френте популяр» – собрание представителей почтенных Лиг прав человека, Лиги борьбы с антисемитизмом, левых учёных, снобов литературы, сознательного пролетариата, проникшихся сознательностью герцогинь и виконтесс, собирающих у себя в салонах избранное общество, добравшихся до власти коммунистов и социалистов»¹. Законное правительство Испании, соответственно, именовалось на страницах консервативных эмигрантских изданий «марксистским правительством», «испанскими большевиками», «красной властью», «красными тиранами Испании» и даже «испанской керенщиной» (что в устах представителей правого крыла российской эмиграции было явно бранным словом, поскольку последние считали А.Ф. Керенского главным виновником установления в России советской власти), а Республика в целом – «ненастоящей», «полупочтенной или вовсе непочтенной»². «... Может ли кто-либо отрицать, что коммунизм держит сейчас в руках Испанию и её правительство. Пусть никто... не тешит себя иллюзией, будто нынешнее испанское правительство имеет что-либо общее с демократией», – утверждало «Возрождение»³.

Правительство Народного фронта было представлено крайне непопулярным, не имеющим сколько-нибудь значительной поддержки населения⁴. «Несомненно, что в Испании имеется немало лиц, сочувствующих идее Народного фронта, социализму и коммунизму и анархистам. Но большинство их в другом лагере», большинство населения, вопреки сообщениям зарубежной прессы, «в полной мере сочувствует борьбе за восстановление Национальной Испании, а главное той борьбе, которая обещает освободить его от террора и насилия красных», – отмечал генерал Н.В. Шинкаренко⁵.

Реальная власть в «красной Испании», по мнению консервативной эмигрантской печати, принадлежала советским представителям: «полномочному послу СССР в Мадриде товарищу Моисею Розенбергу, являющемуся фактическим диктатором красной Испании и распоряжающемуся от имени товарища Кабаллеро [Ларго Кабальеро – А.П.] всеми политическими демаршами «республиканского» правительства», генеральному консулу в Барселоне Антонову-Овсеенко – «архи-ловкому и архи-сметливому советскому дипломату» и «известному специалисту по гражданской войне», товарищу Гельфанду – «неофициальному руководителю испанской пропаганды», и его помощнику «корреспонденту «Известий», известному Мишке Кольцову», советскими же советниками контролировалась и республиканская армия⁶. «Я подчёркивал силу влияния Москвы в якобы демократической республике г. Азаны [Мануэль Асанья – А.П.]. Я думал, особенно после падения правительства Ларго Кабаллеро, что к власти придут люди трезвые, люди открыто-

¹ Семёнов Ю.Ф. Два фронта // Возрождение. 1936. №4037. С.1.

² Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // Возрождение. 1936. № 4038. С. 2; Семёнов Ю.Ф. О направлениях борьбы // Возрождение. 1939. № 4170. С. 1; Поход на Мадрид // Возрождение. 1936. № 4036. С. 1; Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 188. С. 12.

³ Наблюдатель. «Нейтралитет» – война в Испании // Возрождение. 1936. № 4039. С. 1.

⁴ Н. Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. С. 5; Белый. Гражданская война в Испании // Часовой. 1937. № 185. С. 10; Он же. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 187. С. 10; Генерал Франко // Возрождение. 1936. № 4036. С. 8; Параллели // Возрождение. 1936. № 4036. С. 1; Ольденбург С.С. Что происходит в мире // Возрождение. 1936. № 4036. С. 2.

⁵ Белый. Гражданская война в Испании // Часовой. 1937. № 185. С. 10.

⁶ Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 196. С.22-23; Он же. Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 197. С.19-20.



го рассудка и крепких рук, которые поставят советские симпатии рядом с симпатиями Мексики, Великобритании или Франции. Однако, правительство Негрина пошло по пути уступок советам ещё дальше...», – писал в «Часовом» собственный корреспондент журнала в Испании⁷.

Весьма нелестные характеристики давались правыми изданиями политическим деятелям Республиканской Испании. Так, президент Испанской республики М. Асанья – это «испанский Керенский», а его правительство – «клика адвокатско-учительских политиканов, стремящихся захватить чужие дворцы и чужие лимузины и с неслыханным упорством толкающих несчастный испанский народ на кровавый танец войны»⁸. Премьер-министр правительства Народного фронта Ларго Кабальеро – «испанский Ленин», а лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури – «жрица свободной любви» и «красная фурия»⁹. «Некий Дерутти [лидер каталонских анархо-синдикалистов Б. Дурутти – А.П.], ныне один из главных начальников барселонской милиции – уголовный преступник, выдачи которого уже давно требует аргентинское правительство»¹⁰. При первой опасности «доблестные защитники демократических свобод» со «злыми, «свинными» лицами» бегут за границу, прихватив награбленные ценности («... на каждой руке по четыре браслета (конечно, золотых), дорогие часы»)¹¹.

На законное правительство консервативные издания возлагали и вину за развязывание братоубийственной бойни. «Испанский народный фронт переполнил чашу народного терпения, и вся Испания сейчас охвачена гражданской войной», – отмечало «Возрождение»¹². Гражданскую войну «нужно и можно было предотвратить» даже после начала мятежа: требовалось для восстановления законности и порядка «назначить генерала Франко военным министром, чрезвычайные обстоятельства требуют необычных действий», но «вместо этого правительство велело стрелять по войскам из Марокко, высадившимся в Алжесирасе [Альхесирасе – А.П.], и этим начало гражданскую войну»¹³.

В правой белоэмигрантской печати помещалось также большое количество сообщений о репрессивной политике правительства Народного фронта и преступлениях республиканцев. «Здесь на испанском юге всё население против большевиков. ... Красные зверствуют, как и у нас. Мы, вот, прошли уже десятка два селений, и я лично видел разрушенные, сожжённые и загаженные храмы, трупы детей и женщин», – сообщалось в письме русского добровольца в Испании, опубликованном в журнале «Часовой»¹⁴. В районах, контролируемых законным правительством, «насилие и полное порабощение населения составляют основу управления и командования»¹⁵. Постоянные реквизиции, ««добровольные пожертвования» на разные «Соккоро Рохо Интернациональ», МОПР, Комсомол и т.п.», «невероятные грабежи», бессудные расправы, угнетение, голод, произвол царят в «большевистской Испании»¹⁶. «Таким же и остался звериный лик военного коммунизма, повторяемый в наши дни на испанский лад. Никаких эволюций...», – отмечал белоэмигрант-доброволец, сражавшийся в войсках Франко¹⁷.

Не скупаясь на эмоции, правая пресса живописала зверства республиканских войск. Так, ополченцы, защищавшие правительство Народного фронта, характеризовались следующим образом: «Рабочие милиции – это сущая наша красная гвардия. Фуражки, красные перевязи на рукавах, тупая ярость в глазах, и лишь только попадают пленные – кровь рекою»¹⁸. Некий очевидец, посетивший позиции республиканцев под Севильей, сви-

⁷ Орехов В.В. Ещё об Испании // Часовой. 1936. № 176. С.2; Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 196. С.22.

⁸ Там же. С.23.

⁹ Там же. С.22; Красная Фурия // Возрождение. 1936. № 4037. С. 2.

¹⁰ Я видел ненависть // Возрождение. 1936. № 4037. С. 2.

¹¹ Алек. Письма белого офицера // Возрождение. 1936. № 4045. С. 2.

¹² Ольденбург С.С. Что происходит в мире // Возрождение. 1936. № 4036. С. 2.

¹³ Испанская национальная революция // Возрождение. 1936. № 4037. С. 1.

¹⁴ Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. № 173. С.5.

¹⁵ Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 188. С. 12.

¹⁶ Семёнов Ю.Ф. Неприступные крепости Коминтерна // Возрождение. 1936. № 4038. С. 1; Коммунисты в Испании // Возрождение. 1936. № 4037. С. 1; Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 187. С.10; Белогорский Н. Под Мадридом // Часовой. 1938. № 206. С. 9; Гренадёр. Письма из Испании. 1939. № 238-239. С. 15.

¹⁷ А.Е. Путевые заметки (по Белой Испании) // Часовой. 1938. № 210. С. 7.

¹⁸ Параллели // Возрождение. 1936. № 4036. С. 1.



детельствовал: «...я спустился в Дантов ад. Я видел, как женщины буквально выматывали кишки из раненых противников. Я видел, как мужчины резали горло женщинам, как двенадцатилетние мальчишки плевали в лицо умирающим, глумились над пленными, которых вели на расстрел»¹⁹. По данным «Возрождения», в Сан-Себастьяно «молодые девушки-коммунистки» из женских боевых отрядов, которые организует «синьора Долорес Ибаррури, по прозвищу «За Пассионалия»» топорами убивали стариков «жестче, чем мужчины»²⁰. Полковник Али Гурский отмечал, что бойцы-республиканцы ещё более жестоки, чем индейцы: «... выкалывают глаза, вставляя туда найденные на убитом св. образки, режут на кусочки тело и т.д.», «мурашки бегают по спине при одном воспоминании, что бы было бы с русским, если бы его захватили красные»²¹.

Неоднократно встречалась на страницах изданий и информация о преследованиях католической церкви на территории, подконтрольной законному правительству, и массовых убийствах её служителей²². По словам Ю.Ф. Семёнова, спортсмены, вернувшиеся из Барселоны, «в один голос рассказывали о царящем там красном терроре: церкви сжигали, священников убивали, монахинь голыми выгоняли на улицы из монастырей»²³. Некий француз, побывавший в Испании, свидетельствовал: «... мебель вытаскивали, обливали керосином, затем жгли сами церкви, публично оскверняли священные сосуды и церковную утварь. Я не знаю, остался ли в Барселоне теперь в живых хотя бы один священнослужитель... три монашки были публично облиты керосином, и специальный поджигатель поджёг их на глазах у всей толпы...»²⁴. По словам автора заметки, эта «ужасная сцена» могла произойти только в «мрачное средневековье» и ярко свидетельствует о том, что в правительстве Народного фронта отсутствуют культурные люди²⁵.

Однозначно осуждалась консервативной печатью и борьба народов Испании – «союзников марксистского правительства» – за национальную автономию (прежде всего басков), напоминая правым эмигрантам подобные процессы на территории бывшей Российской империи. «Тут, как и у нас, Великая и Неделимая, так же, как и у нас, имеются самостийники, готовые бороться даже рядом с красными, лишь бы получить хотя бы в красных условиях, но всё же свою самостийность...», – писал генерал Н.В. Шинкаренко²⁶. Баскские националисты сравнивались на страницах «Часового» с галичанами Петлюры, воевавшими за «вільну Україну»²⁷. По мнению белоэмигрантского добровольца, «самая большая трагедия» басков, которым «популярны «забили голову» независимостью», состояла в том, что они сражались против таких же националистов, как они²⁸.

Негативно относилась к испанским республиканцам и газета младоросской партии. В публикациях «Бодрости!» они именовались «красными», «проповедниками классовой ненависти»²⁹. Приход к власти правительства Народного фронта, по мнению издания, был напрямую связан с революционным кризисом в стране, что напоминало российские события 1917 г.: «В Испании, где сильны были все пережитки прошлого – славного и ужасного, яркого и жуткого – идеи и понятия, с которыми был связан наш Октябрь, нашли себе новое эхо. Началось с того же. Тем же и продолжилось. Разрушали, уничтожали, убивали, притесняли, громили, били, безумствовали. Применительно к новым «методам» обращались к одной из форм прошлого: зывали к демократии»³⁰. Однако, по мнению автора статьи, нынешняя Республика не имела ничего общего с демократией: «Надругательство над трупами монахинь демократия? Это было бы смешно, если

¹⁹ Я видел ненависть // Возрождение. 1936. № 4037. С. 1.

²⁰ Красная Фурия // Возрождение. 1936. № 4036. С. 2.

²¹ Али Гурский. Ночь в карауле // Часовой. 1939. № 220. С.15.

²² Семёнов Ю.Ф. Непрístupные крепости Коминтерна // Возрождение. 1936. № 4038. С. 1; Коммунисты в Испании // Возрождение. 1936. № 4037. С. 1; Белогорский Н. Под Мадридом // Часовой. 1938. № 206. С. 9; Гренадёр. Письма из Испании. 1939. № 238-239. С. 15.

²³ Семёнов Ю.Ф. Национальная революция в Испании // Возрождение. 1936. №. 4036. С.1.

²⁴ Коммунисты в Испании // Возрождение. 1936. № 4037. С. 1.

²⁵ Там же. С. 1.

²⁶ Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. № 187. С.11.

²⁷ Падение Сантандера // Часовой. 1937. № 196. С. 10.

²⁸ Алек. Письма белого офицера // Возрождение. 1936. № 4046. С. 8.

²⁹ Казем-Бек А. Слова и факты // Бодрость! 1936. № 110. С. 1; Маньяки мирового пожара // Бодрость! 1936. № 94. С. 2.

³⁰ Обозреватель. Накануне победы Франко // Бодрость! 1938. № 171. С. 3.



бы не было так грустно». Республиканцы рассматривались младоросским периодическим изданием как разрушительные революционные элементы – «силы анархии»³¹.

Печатный орган российских национал-революционеров повторял традиционную для того периода ошибку, отождествляя сторонников Республики с коммунистами. По мнению издания, республиканцы были изначально обречены на поражение, поскольку отстаивали устаревшие идеи: «Коммунизм... не является в 1936 году той силой, какой он был в 1917»³². Объяснялось это тем, что «коммунизм был силён, пока говорил от имени трудящихся, поднимавших революционное знамя против капитализма, пока оставался мечтой, пока его применение на практике, не привело к режиму такой эксплуатации слабых, какой не видала, ни одна современная страна»³³. Реальную опору Республики, составляли, по мнению издания, не марксистские идеи, а противоречия отдельных этнических групп (басков и каталонцев), что позволяло «Бодрости!» квалифицировать гражданскую войну как «пиренейский эпизод, раздутый до масштабов международных»³⁴.

Весьма реалистично оценивались младоросской газетой военные возможности республиканцев, в частности, указывалось, что недостаточная подготовка войск менее всего сказывается в горной местности, подходящей для партизанских действий³⁵. Отсутствие неоправданной критики вооружённых сил Республики резко контрастировало с сообщениями правой эмигрантской прессы.

Прокоммунистический «Наш Союз» изображал республиканский лагерь исключительно с положительной стороны. Издание стремилось показать, что абсолютное большинство населения страны полностью поддерживало правительство Народного фронта и неприязненно относилось к путчистам. По сообщениям журнала, жители освобождённых городов и сёл с неподдельной радостью встречают республиканские войска: «угощают хорошим вином и чем могут»³⁶. Насильно мобилизованные в армию Франко «перебегают к нам при первой возможности», – отмечал Зинькевич (российский доброволец, воевавший на стороне законного правительства)³⁷. Просоветский печатный орган с похвалой отзывался о республиканских вооружённых силах и службах тыла. «Госпиталь, в котором я лежу, выше всяких похвал. Отношение великолепное, медицинский персонал на высоте», – писал в редакцию эмигрант П. Языков, сражавшийся в рядах интербригадцев³⁸. Любые просчёты и ошибки республиканцев, соответственно, объяснялись подрывной деятельностью «международного фашизма» и его агентов³⁹. Публикации «Нашего Союза», таким образом, соответствовала тону периодической печати СССР.

Несколько иной была позиция социал-демократической эмигрантской прессы. Российские эмигранты-меньшевики сразу решительно и открыто стали на сторону Республики. На страницах «Социалистического вестника» правительство Народного фронта рассматривалось как единственно законное, избранное «при соблюдении всех конституционных гарантий подавляющим большинством испанского народа», олицетворяющее все демократические и прогрессивные силы Испании⁴⁰. Ключевая роль в Испанской Республике, по мнению издания, принадлежала рабочему классу, который не только выступал в качестве консолидирующей силы антифранкистского лагеря (включавшего также революционное крестьянство и городские мещанские массы) и являлся главным организатором отпора мятежникам, но и выступал «в роли авангарда всего мирового социализма в его борьбе против мирового фашизма»⁴¹. Республиканская Испания, тем самым, представляла в качестве лидера мировой революции.

³¹ Обозреватель. Накануне победы Франко // Бодрость! 1938. № 171. С. 3.

³² Вильчковский К. Испанский урок // Бодрость! 1936. № 106. С. 1.

³³ Там же. С. 1-2.

³⁴ Вильчковский К. Испанский урок // Бодрость! 1936. № 106. С. 1.

³⁵ Испанская трагедия // Бодрость! 1936. № 100. С. 3.

³⁶ Языков П. Бой под Гвадалахарой // Наш Союз. 1937. № 5. С. 10.

³⁷ Зинькевич. Гибель товарища Вавилы // Наш Союз. 1937. № 5. С. 11.

³⁸ Языков П. Бой под Гвадалахарой // Наш Союз. 1937. № 5. С. 10.

³⁹ М. Русские эмигранты в рядах антифашистов // Наш Союз. 1937. № 5. С. 10; Зинькевич. Гибель товарища Вавилы // Наш Союз. 1937. № 5. С. 11.

⁴⁰ За испанскую свободу – за мировую демократию! // Социалистический вестник. 1936. № 14-15. С. 2.

⁴¹ Испанский фронт // Социалистический вестник. 1936. № 16. С. 1, 3; Испанские события и война // Социалистический вестник. 1936. № 17. С. 1; Испания – цитадель свободы // Социалистический вестник. 1936. № 18-19. С. 2.



В «Социалистическом вестнике» всячески подчёркивались героизм и самопожертвование республиканцев⁴². Отмечая, что «революционный энтузиазм широких народных масс творит чудеса», авторы журнала, тем не менее, вынужденно констатировали: «... было бы самообольщением закрывать глаза на трудности и на поражения и неудачи⁴³». Присутствие умеренно-критических оценок республиканского лагеря выгодно отличало социал-демократический печатный орган от иных (рассмотренных нами) эмигрантских изданий левого толка⁴⁴.

Либеральные периодические издания Российского Зарубежья давали различные оценки правительству Народного фронта. «Последние новости» П.Н. Милюкова считали его слишком левым, «Новая Россия» А.Ф. Керенского рассматривала как обычное демократическое правительство. Необходимо подчеркнуть, что эпитет «левое» для обозначения законного правительства встречался на страницах газеты П.Н. Милюкова достаточно редко, не именовалось оно также «красным» и «большевистским». Отсутствовала тотальная критика по отношению к республиканскому лагерю. Этим нейтральная белоэмигрантская пресса существенно отличалась от консервативной периодической печати Российского Зарубежья.

Главную опасность «Последние новости» видели не в деятельности законного правительства, а в нарастании в стране левого радикализма – активизации коммунистов и анархо-синдикалистов. Последние, по мнению издания, представляли особую опасность в Каталонии⁴⁵. С точки зрения либерального печатного органа, правительство неправильно организовывало отпор мятежникам, а именно – вместо того, чтобы положиться на верные ему армейские части, либо провести мобилизацию на подвластных ему территориях, допустило почти бесконтрольную раздачу оружия населению и формирование рабочей милиции, создаваемой преимущественно крайне левыми элементами⁴⁶. Так, газета информировала читателей о захвате власти в Малаге и Барселоне коммунистами и анархистами, проведении «революционных» преобразований: установлении контроля над банками, захвате собственности⁴⁷. Однако, подобные сообщения были характерны лишь для первых месяцев войны. В ходе конфликта издание пересмотрело свою позицию, и к концу гражданской войны данная газета стала более активно поддерживать законное правительство. Эта перемена, скорее всего, была связана с общей антифашистской направленностью либерального печатного органа, особенно усилившейся после Чехословацкого кризиса и Мюнхенского сговора (1938). Так, на страницах газеты стали появляться сообщения о патриотическом поведении защитников законного правительства, всплеск которых пришёлся на декабрь 1938 – январь 1939 гг. – время битвы за Каталонию⁴⁸.

Сочувствовавший победе Республики, известный философ Российского Зарубежья Г.П. Федотов, тем не менее, соотносил Народный фронт, прежде всего, с коммунистами и анархистами, полагая, что буржуазные демократы не играют в нём большой роли, что полностью расходилось с мнением А.Ф. Керенского⁴⁹. По мнению Федотова, в «голом ви-

⁴² Абрамович Р. На испанском фронте // Социалистический вестник. 1936. № 22. С. 10-11; Пересмотр // Социалистический вестник. 1936. № 21. С. 1; Гарви П. Они не пройдут // Социалистический вестник. 1937. № 7-8. С. 15-17; Довольно самообмана! // Социалистический вестник. 1938. № 12. С. 1-2.

⁴³ Испанские события и война ... С. 1.

⁴⁴ Гарви П. Испытания испанской революции // Социалистический вестник. 1937. № 9. С. 13-14; Испанский кризис // Социалистический вестник. 1937. № 10. С. 1-2; Гарви П. Испанская трагедия // Социалистический вестник. 1937. № 12-13. С. 5-6; Он же. Агрессоры и капитулянты // Социалистический вестник. 1938. № 9-10. С. 1-2; Довольно самообмана! ... С. 1-2; Испанская трагедия и европейская демократия Довольно самообмана! // Социалистический вестник. 1938. № 12. С. 1-2.

⁴⁵ Положение в Каталонии // Последние новости. 1936. № 5602. С.1.

⁴⁶ Испанское восстание // Последние новости. 1936. № 5597. С.1; Испанские события // Последние новости. 1936. № 5598. С.1.

⁴⁷ В Каталонии. Коммунисты и анархисты вместо генералата // Последние новости. 1936. № 5598. С.1; В Малаге // Последние новости. 1936. № 5598. С.1; В Барселоне // Последние новости. 1936. № 5600. С.1; Советы в Каталонии? // Последние новости. 1936. № 5600. С.1; Сцены террора в Малаге // Последние новости. 1936. № 5603. С.1; В Каталонии // Последние новости. 1936. № 5608. С.1.

⁴⁸ Испанский вопрос // Последние новости. 1938. № 6474. С.1; Взрыв патриотического энтузиазма в Каталонии // Последние новости. 1938. № 6488. С.1; Трудности Франко // Последние новости. 1939. № 6491. С.1; В районе Эстремадуры // Последние новости. 1939. № 6493. С.1; Патриотическая тревога в Барселоне // Последние новости. 1939. № 6505. С.1.

⁴⁹ Федотов Г. П. Passionaria // Новая Россия. 1936. № 14. С.15.



де» республиканцы представляли собой рабочих, борющихся против аристократии, принимаемой за буржуазию. Крестьянство же он ошибочно считал нейтральной силой, не включившейся в борьбу. Иной была точка зрения приват-доцента Бернского университета, философа Д.О. Гавронского, посетившего Республиканскую Испанию. Народный фронт, по его мнению, состоял из 3 группировок: 1) социалистов и коммунистов; 2) анархистов; 3) республиканцев-демократов. При этом особо отмечалось, что испанские коммунисты не имели ничего общего с коммунистами русскими, и являлись «настоящими социалистами в западноевропейском смысле этого слова»⁵⁰. Их отличие от других социалистов заключалось в том, что они «более последовательны, более энергичны, лучше организованы и дисциплинированы»⁵¹. Анархисты представляли самую значительную группу Народного фронта, «закрывающую вместе с тем в себе истинную внутреннюю слабость этого фронта», что отмечал также и Г.П. Федотов. По мнению автора, анархисты с их принципами «абсолютной децентрализации» и «героической бездисциплинированности» были «главным образом виноваты в том, что действия Народного фронта носили недостаточно организованный характер»⁵². Д.О. Гавронский полагал, что основная сила Народного фронта заключалась в его «громдах людских кадрах, в неподдельном воодушевлении примкнувшей к нему молодёжи и в денежных средствах», а слабость - в «чрезвычайно плохом вооружении, в отсутствии организации и в недостатке истинных вождей»⁵³. К сторонникам законного правительства российский философ, в отличие от Г.П. Федотова, относил: рабочих, крестьян, мелких служащих и чиновников. А саму гражданскую войну он считал «борьбой двадцати миллионов бедняков против двух миллионов богатых и зажиточных»⁵⁴. По мнению Д.О. Гавронского, борьба испанских республиканцев была оборонительной и даже пассивной и не имела «большевистского характера», поскольку Народный фронт противодействовал лишь «тем фашистским кругам, которые активно против него выступали», и не преследовал мелких и средних собственников⁵⁵. Д.О. Гавронский считал победу Республики наиболее вероятным исходом войны, однако, указывал на перспективу затягивания конфликта. Г.П. Федотов, напротив, полагал, что Народный фронт обречён на поражение, отмечая, что даже в случае его победы над мятежниками начнётся другая гражданская война между коммунистами, анархистами и буржуазными демократами, которых только на время объединило чувство опасности⁵⁶. Из всех деятелей республиканского лагеря авторы «Новой России» особенно выделяли лидера испанских коммунистов Д. Ибаррури. Г.П. Федотов считал её «воплощением испанской революции» и выражал ей поддержку, однако, при этом давал не слишкомлицеприятную характеристику, считая олицетворением «страсти и жестокости»⁵⁷. Д.О. Гавронский откровенно восхищался Ибаррури, называя её «самой значительной и морально сильной личностью всего Народного фронта», и отмечал, что она пользуется «совершенно исключительным и заслуженным уважением»⁵⁸. Что же касается газеты «Последние новости», то она не выделяла какого-либо отдельного представителя Республики.

Таким образом, на страницах эмигрантской прессы были созданы диаметрально противоположные образы Испанской Республики: от резко негативного до однозначно положительного. Консервативная печать курс подвергала тотальной, и, во многом, безосновательной критике республиканский лагерь (его политику, правительство и лидеров, вооружённые силы).

Оценки периодических изданий левого толка были различны. Негативный образ Испанской Республики был создан в национал-революционной (младоросской) периодике. Просоветская пресса, напротив, излишне идеализировала республиканцев. В публикациях печатного органа эмигрантов-меньшевиков также присутствовала изрядная доля

⁵⁰ Гавронский Д.О. Шесть недель гражданской войны в Мадриде // Новая Россия. 1939. № 3. С.1-2.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С.8; Федотов Г.П. *Passionaria*. С.15.

⁵⁷ Там же. С.14.

⁵⁸ Гавронский Д.О. Шесть недель гражданской войны в Мадриде... С.8.



субъективизма, однако, в сравнении с другими левыми эмигрантскими изданиями, «Социалистический вестник» создал более объективный образ Республики.

В эмигрантской нейтральной печати не было безоговорочной поддержки Республики, как в просоветских изданиях, однако, в целом, симпатии этого лагеря были на стороне законного правительства Испании. Об эволюции позиции печатного органа в отношении республиканского стана можно говорить лишь на примере газеты «Последние новости», перешедшей от нейтральных оценок к поддержке Республиканской Испании.

THE IMAGE OF THE SPANISH REPUBLIC (1936-1939) IN THE PRINT MEDIA OF RUSSIAN POLITICAL EXILE

A.A. PCHELINOV-OBRAZUMOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: malay@bsu.edu.ru

The article deals with evaluation data of the Russian press abroad, Republican-sky camp during the Spanish Civil War 1936-1939. Among Russian political exiletion allocated 3 major social and political trends: the right (conservative), left (revolutionary) and neutral (liberal), each of which had its ne-chutney agency reflecting their ideas. The degree of objectivity (or subjectivity) periodically of the first edition was directly dependent on affiliation to a particular political current Russian political community, as reflected in the coverage of the problem.

Keywords: The Spanish Civil War 1936-1939., The Russian political emigration emigre press, the Spanish Republic.



СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЕКТОР НАЦИСТСКОГО КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ АУШВИЦ: УНИЧТОЖЕНИЕ ТРУДОМ ИЛИ ШАНС НА ЖИЗНЬ?

Л.А. ВИКУЛОВА

Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: mivon@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме использования труда узников в аграрном секторе концентрационного лагеря Аушвиц. Рассматриваются условия, в которых содержались и работали заключенные, отмечается специфика труда сельскохозяйственных бригад по сравнению с другими рабочими командами.

Ключевые слова: нацизм, Вторая мировая война, концентрационные лагеря, узники, принудительный труд, сельскохозяйственные бригады, фермы.

Карту гитлеровской Германии и оккупированных ею европейских государств невозможно представить без тысяч лагерей различного назначения. Всего было создано «55 концентрационных лагерей и других мест массового уничтожения узников, 1 082 их филиала, 7 205 трудовых лагерей, 371 лагерь для беженцев, 2 071 тюрьма и иные места заключения, 506 гетто и 80 лагерей для рабочих организации Тодта. Всего же, включая многочисленные лагеря для военнопленных, было создано 14 033 лагеря. Наибольшее число из них, кроме самой Германии, размещалось в Польше (1671)»¹.

Концентрационный лагерь Аушвиц, построенный весной 1940 г., известен во всем мире как крупнейший центр массового уничтожения европейских евреев, где по приблизительным данным погибло, по меньшей мере, 1 100 000 человек². Для всего мира он стал символом Холокоста, геноцида и террора. Тем не менее, на протяжении всего периода своего существования Аушвиц сохранял за собой и статус трудового лагеря. Уже в первые месяцы работы лагеря, согласно декрету главы Генерал-губернаторства Ганса Франка от 16 октября 1939 г. о «тотальной мобилизации» всех поляков в возрасте от 18 до 60 лет³, узников начали использовать в качестве рабочей силы, необходимой для дальнейшей застройки лагерного комплекса. Но спустя полгода концепция использования труда узников подверглась модификации, и в ноябре 1940 г. заключенных стали привлекать для работы в сельскохозяйственном секторе⁴.

После Второй мировой войны феномен Аушвица был детально изучен и проанализирован в многочисленных публикациях западных исследователей. Среди них следует отметить В. Бенца, М. Гилберта, Л. Давидович, Ф. Пипера, П. Сеткевича, Д. Чех⁵. К сожалению, приходится констатировать отсутствие интереса к данной проблематике как в советской, так и в российской исторической науке. Публикации по истории системы нацистских концентрационных лагерей или отдельных лагерей можно назвать скорее эпизодическими, в то же время внимания исследователей заслуживают работы Л.М. Макаровой, П.М. Поляна, М.И. Семиряги, Д.Е. Мельникова и Л.Б. Черной⁶.

¹ Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С.109.

² Piper F. *Ilu ludzi zginęło w KL Auschwitz. Liczba ofiar w świetle źródeł i badań 1945-1990.* Oświęcim, 1992. S.92.

³ Marszlek J. *Labor camps in the General Government, 1939-1945 // Pro memoria. Information bulletin* №11, January 2001. P. 37.

⁴ *Auschwitz 1940-1945. Central issues in the history of the camp. Vol.1: The establishment and organization of the camp / A. Lasik, F. Piper, P. Setkewicz, I. Strzelecka.* Oświęcim, 2000. P.141.

⁵ Benz W. *A concise history of the Third Reich.* Los Angeles - London, 2007; Gilbert M. *Auschwitz and the allies.* London, 2001; Dawidowicz L. *The Holocaust and the historians.* London, 1981; Piper F. *Auschwitz prisoner labor. The organization and exploitation of Auschwitz concentration camp prisoners as labors / translated by W. Brand.* Oświęcim, 2002; Piper F. *Ilu ludzi zginęło w KL Auschwitz. Liczba ofiar w świetle źródeł i badań 1945-1990.* Oświęcim, 1992; Setkewicz P. *The histories of Auschwitz IG Farben Werk camps 1941-1945.* Oświęcim, 2008; Czech D. *Kalendarz wydarzeń w KL Auschwitz.* Oświęcim, 1992.

⁶ Макарова Л.М. *Идеология нацизма.* Сыктывкар, 2005; Полян П.М. *Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе.* М., 2010; Семиряга М.И. *Тюремная империя нацизма и ее крах.* М., 1991; Мельников Д., Черная Л. *Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер.* М., 1982.

Среди значительного комплекса проблем, оставшихся за пределами исследовательского интереса советских и российских ученых, стоит и вопрос использования труда узников концентрационных лагерей в нацистской Германии. В связи с этим, в современном российском обществе до сих пор отсутствует четкое понимание того, в каких условиях жили и работали заключенные. Быть зарегистрированным в качестве узника, пригодного для работы, означало часто лишь отсрочку смертного приговора. В то же время использование заключенных в различных секторах экономики «третьего рейха» давало им шанс на жизнь.

В данной статье представлен труд узников в сельскохозяйственном секторе концентрационного лагеря Аушвиц с учетом его специфики и значения. Источниковую базу исследования составляют документы архива Государственного музея Аушвиц-Биркенау (Республика Польша) и интервью с бывшими узниками концентрационного лагеря⁷. Свою роль в понимании проблемы принудительного труда играют опубликованные источники, к которым относятся материалы судебных процессов над бывшими руководителями гитлеровской Германии, воспоминания заключенных, а также мемуары эсесовцев, служивших в лагере Аушвиц и его филиалах⁸.

Идея использовать труд узников концентрационных лагерей в сельском хозяйстве принадлежала рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру. Еще до войны он способствовал появлению сельскохозяйственных команд на базе концентрационных лагерей, например, для создания садов в Дахау⁹. Что касается Аушвица, являвшегося в начале своей деятельности транзитным и пересыльным лагерем, специальная сельскохозяйственная бригада была сформирована там уже в первые месяцы работы лагеря. Узники, входившие в эту команду, занимались обработкой сельскохозяйственных угодий, ранее принадлежавших местным жителям, выселенным со своих территорий, ибо они вошли в так называемую «сферу интересов» лагеря¹⁰. Непосредственное решение создать фермы и экспериментальные станции по разведению агрикультур вокруг концентрационного лагеря было принято в конце ноября 1940 г.¹¹ Это произошло после встречи Г. Гиммлера с комендантом лагеря Аушвиц Р. Хессом, когда последний представил отчет о состоянии работ по расширению лагеря, о возникающих при этом сложностях и потенциальных возможностях использования близлежащих к лагерю территорий. В автобиографии Р. Хесс так описал свой визит к рейхсфюреру СС: «Он стал намного внимательнее слушать, когда я заговорил об окружающих территориях. Для ясности объяснений я использовал карты. В тот же момент он встрепнулся, начал быстро ходить вокруг карт и раздавать одно за другим указания относительно того, что должно быть построено в этой зоне. Аушвиц должен был стать экспериментальной сельскохозяйственной базой на Востоке. Здесь имелось то, чего уже не было в Германии. Имелась рабочая сила. Все необходимые эксперименты предполагалось провести здесь. Он говорил о строительстве огромных лабораторий и ферм. Говорилось о разведении всех разновидностей домашнего скота. Нужно было немедленно начать поиск специалистов. В планах стояло рытье прудов, осушение территорий и строительство дамб на Висле. Он изъявил желание сам осмотреть все это так скоро, насколько это было возможно, и был настолько увлечен дискуссией, в деталях описывая свои планы, что адъютант был вынужден напомнить ему о том, что его уже долгое время ожидают важные посетители»¹².

⁷ См., напр.: Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Аушвиц Лисачук Ольгой Куприяновой // Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания и интервью / сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. Воронеж, 2010. С. 83-125.

⁸ См., напр.: Аушвиц глазами СС. Рудольф Гесс, Пери Брод, Йоганн Пауль Кремер. Освенцим, 2008. 233 с.; Wspomnienia Rudolfa Hossa, komendanta obozu oświęcimskiego / Opracowanie, wstęp i przypisy Dr. Jan Sehn; wydanie trzecie. Warszawa, 1965.

⁹ Piper F. Auschwitz prisoner labor. The organization and exploitation of Auschwitz concentration camp prisoners as labors / translated by W. Brand. Oświęcim, 2002. P.186.

¹⁰ Strzelecka I. The agricultural sub-camps of Auschwitz // Pro memoria. Information bulletin №11, January 2001. P. 21.

¹¹ Czech D. Kalendarz wydarzeń w KL Auschwitz. Oświęcim, 1992. S.40.

¹² Wspomnienia Rudolfa Hossa, komendanta obozu oświęcimskiego / Opracowanie, wstęp i przypisy Dr. Jan Sehn; wydanie trzecie. Warszawa, 1965.



Первый визит Г. Гиммлера в Аушвиц состоялся 1 марта 1941 г. Тогда и было принято решение о трансформации лагеря из транзитного и пересыльного в концентрационный для постоянного содержания узников. Планировалось расширение Аушвица, строительство огромного филиала в деревне Бжезинка и размещение в деревне Дворы завода химического концерна «ИГ Фарбениндустри»¹³. Помимо этого Г. Гиммлер дал указание использовать так называемую «зону лагерных интересов» на сельскохозяйственные нужды. Выполняя этот приказ, в марте-апреле 1941 г. эсэсовцы выселили из своих домов жителей деревень Плавы, Райско, Брошковице, Бабице, Бжезинка и Херменже, после чего «сфера интересов» Аушвица расширилась до 4 000 га¹⁴. На месте названных деревень выросли 6 огромных ферм: в Райско посадили сады, в Херменжах построили птицеферму и рыбное хозяйство, на остальных фермах выращивали зерновые, различные виды овощей, держали сотни голов крупного рогатого скота, лошадей, а также свиней и большое количество кур.

До весны 1942 г. на фермах работали исключительно мужчины. Но после открытия в марте 1942 г. женского отделения в лагере основной процент работников на фермах составляли женщины. Так, в 1943 г. в сельскохозяйственном секторе было занято 3 900 заключенных, из них 1 500 мужчин и 2 400 женщин. 23 марта 1944 г. на 1 751 мужчину приходилось 2 487 женщин¹⁵. Такую высокую занятость женщин в сельскохозяйственном секторе можно объяснить тем, что при строительных работах и на промышленных предприятиях спрос на женскую рабочую силу был меньше. К этому следует добавить, что в женском отделении фактическое количество узниц намного превышало предельно допустимую норму по размещению, поэтому перенаправление их на фермы помогало решать проблему с расселением в лагере.

Необходимо отметить, что еще при первом выселении жителей из близлежащих к лагерю домов им запрещалось уводить с собой рогатый скот, лошадей, свиней и кур. Животных разместили в конюшнях, свинарниках, загонах для коров, курятниках и кроличьих клетках, которые расположили в бараках рядом с лагерем. За домашними животными должна была следить специальная команда узников, состоявшая приблизительно из 50-60 человек¹⁶. В 1941 г. нацисты создали специализированные животноводческие и растениеводческие фермы, большинство скота перевели туда.

В 1940 г. основная функция садов, растущих вокруг лагеря, сводилась к обеспечению поставок свежих фруктов на кухню для эсэсовцев. В 1941 г. сады перенесли в близлежащую деревушку Райско¹⁷, где их площадь была значительно расширена, там же разместилось крупное растениеводческое хозяйство. С 1942 г. на базе этой фермы построили опытную станцию, в которой исследовательская работа сводилась, главным образом, к выращиванию азиатского каучуконосного растения кок-сагыза¹⁸. Создание такой лаборатории на базе Аушвица было не случайным, в это время уже полным ходом шло строительство завода для химического концерна «ИГ Фарбениндустри», ориентированного на производство синтетической резины. Для проведения экспериментов была набрана группа узниц, имевших высшее образование по специальностям биология и химия. Первоначально узницы жили в лагере Аушвиц II Биркенау и каждый день ходили на работу в Райско. Но когда в Биркенау разразилась эпидемия тифа, одна из работниц этой команды скончалась. Тогда было принято решение о поселении узниц из этой бригады в тех домах, где жили эсэсовцы. Там они проживали до 12 июня 1943 г.¹⁹, пока в Райско не был построен специальный лагерь для узниц, работавших на растениеводческое хозяйство. Нужно отметить, что ввиду того, что экспериментам по выведению каучуконосного растения уделялось

¹³ Czech D. Kalendarz wydarzeń w KL Auschwitz. Oświęcim, 1992. S.52.

¹⁴ Strzelecka I. The agricultural sub-camps of Auschwitz // Pro memoria. Information bulletin №11, January 2001. P. 21.

¹⁵ Piper F. Auschwitz prisoner labor. The organization and exploitation of Auschwitz concentration camp prisoners as labors / translated by W. Brand. Oświęcim, 2002. P.186.

¹⁶ Ibid. P.190.

¹⁷ Зенба А. Подлагерь Райско // Информационный бюллетень Comité international d'Auschwitz, июль 1974. №7(160).

¹⁸ Освенцим – Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1988. С.20.

¹⁹ Czech D. Kalendarz wydarzeń w KL Auschwitz. Oświęcim, 1992. S.442.

большое внимание, условия, в которых узницы жили в лагере в Райско, были значительно лучше условий содержания заключенных в основных лагерях Аушвиц и Биркенау.

Следующими сельскохозяйственными предприятиями, созданным на месте выселенных деревень, стали птицеферма и рыбное хозяйство в Херменжах. Они начали действовать весной 1941 г. Помимо 2 000 кур, нескольких сотен гусей, индюшек, 3000 кроликов и 100 000 цыплят, вылуплявшихся ежегодно в инкубаторе, там также занимались разведением фазанов, тетеревов и нутрий²⁰. Большинство работников составляли женщины. Кроме выполнения ежедневных обязанностей по содержанию фермы, они вели четкую статистику по поголовью, анализировали результаты разведения, следили за качеством меха у кроликов, и в зависимости от того, какого цвета и состава получался мех, расселяли или сводили кроликов.

Команда, обслуживавшая рыбное хозяйство, состояла из мужчин. Их основной обязанностью была чистка прудов, общая площадь которых составляла 380 га. Также они занимались починкой дамб, заменяли воду в прудах, запускали в них рыбу, кормили, а затем вылавливали ее. Пепел и кусочки обугленных человеческих костей, привезенных из крематориев Биркенау, использовались для выравнивания дна прудов. В состав этой команды входил персонал, обслуживающий ихтиологическую лабораторию, оснащенную микроскопами, термометрами, различными пробирками и другими приборами. Сотрудники вели постоянное наблюдение за температурой воды, воздуха и земли, а также занимались изучением болезней рыб и бактериологического состояния почвы²¹.

В Будах, Бабицах, Плавах и Биркенау помимо животноводческих хозяйств располагались растениеводческие фермы. Узники, работавшие там, занимались выращиванием зерновых, картофеля, свеклы, капусты, также они заготавливали сено и фураж для крупного домашнего скота. В Будах узниц задействовали на работах по очистке и углублению прудов, по разведению фруктовых и хвойных деревьев, а также по обрезке тростника и дикорастущего кустарника²². Если заключенные не были заняты на полевых работах, то их, независимо от пола, заставляли осушать и выравнивать каналы, убирать камни с полей, строить дороги, а также сносить ненужные строения. Бывшая узница О.К. Лисачук вспоминала о работе в сельскохозяйственной бригаде следующее: «Мы осушали болота. Рыли четырехугольными лопаточками, копали рвы, широкие и глубокие. Это ж всё в грязи. Да. Там рядом лес, густой лес, и хворост рубят в лесу. В эти рвы клали хворост, а потом грязью присыпали. Они осушали болота и сеяли там пшеницу, всё, что им хотелось. Немцы»²³.

Специфика труда узников, занятых в сельском хозяйстве, обуславливала условия труда заключенных. Самой лучшей и легкой работой считалось садоводство, особенно выращивание кок-сагыза. Помимо того, что это была относительно легкая физическая работа, узницы, входившие в бригады, постоянно контактировали с гражданским населением. В связи с этим им выдавали лучшую одежду и предоставляли возможность поддерживать личную гигиену. Сложнее и тяжелее было работать в команде, занимавшейся очисткой и углублением прудов. Там женщины постоянно трудились в воде и грязи, не имея возможности отдохнуть из-за присутствия надсмотрщиков. Отдельно следует отметить тот факт, что в 1944 г. из-за недостатка лошадей узницы были вынуждены впрягаться в плуги и боронить землю. Эту работу их заставляли выполнять вне зависимости от погодных условий, будь то дождь или даже снег. Причем, за малейший проступок надсмотрщики могли избить или вообще убить заключенного. Помимо того, что некоторые виды работ были очень тяжелыми физически, зачастую они оказывались трудновыполнимы с психологической точки зрения. Это относится к выравниванию дна прудов с помощью пепла сожженных узников. Используя пепел, заключенные натывались на опра-

²⁰ Auschwitz 1940-1945. Central issues in the history of the camp. Vol.2: The prisoners – their life and work / T. Iwashko, H. Kubica, F. Piper, I. Strzelecka, A. Strzelecki. Oświęcim, 2000. P.99.

²¹ Piper F. Auschwitz prisoner labor. The organization and exploitation of Auschwitz concentration camp prisoners as labors / translated by W. Brand. Oświęcim, 2002. P.191.

²² Auschwitz 1940-1945. Central issues in the history of the camp. Vol.2. P.99.

²³ Интервью с бывшей узницей концентрационного лагеря Аушвиц Лисачук Ольгой Куприяновой // Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания и интервью / сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. Воронеж, 2010. С. 93.



вы очков, вставные челюсти и т.д. Аналогичная ситуация возникала при использовании пепла для удобрения сельскохозяйственных полей.

В целом, узники, работавшие на фермах и при экспериментальных лабораториях, содержались в лучших условиях, нежели заключенные Аушвица, Биркенау и филиалов, обслуживавших промышленные предприятия. На фермах было больше возможностей раздобыть овощи, фрукты, яйца, выловить рыбу и использовать эти продукты как своего рода «валюту» на лагерном «черном рынке». Бывшие узники, особенно женщины, отмечали еще один позитивный момент работы на фермах – для них это была редкая возможность почувствовать себя свободными от гнетущей лагерной атмосферы, а также возможность оказаться наедине с природой. За исключением тех узников, что работали на ферме в Биркенау, заключенные находились довольно далеко от газовых камер и крематориев и, соответственно, могли избежать ежедневного психологического испытания быть свидетелями массового уничтожения людей. Они не задыхались от дыма с тошнотворным запахом спаленной плоти, валившего и день, и ночь из труб крематориев.

Безусловно, основной функцией концентрационного лагеря Аушвиц являлось физическое уничтожение узников, тем не менее, на протяжении всего времени существования лагеря он поставлял также рабочие руки для различных отраслей производства «третьего рейха». Использование бесплатного труда узников в сельскохозяйственном секторе было выгодно с экономической точки зрения. Большая часть продукции ферм Аушвица поступала на кухни, обслуживавшие эсэсовский гарнизон лагеря, остальная продукция отправлялась в Германию. Следует отметить, что нацисты использовали и интеллектуальный потенциал заключенных, заставляя их работать в исследовательских лабораториях.

Многие узники, особенно те, кто уже какое-то время находился в Аушвице или Биркенау и имел представление об отлично налаженном там механизме уничтожения людей, попадая в сельскохозяйственные бригады, ощущали разницу, как в условиях содержания, так и работы. Тем не менее, очень скоро им становилось очевидно, что главное отличие их жизни в сельскохозяйственных бригадах заключается лишь в специфике выполняемых работ, основные же атрибуты лагерной системы принудительного труда оставались неизменными. Узники по-прежнему были подневольны и пребывали во власти надсмотрщиков, рацион питания оставался таким же скудным, трудовой день начинался до рассвета и заканчивался после заката солнца. Таким образом, принцип «уничтожения трудом» был характерен для аграрного сектора, равно как и для всего лагерного комплекса Аушвица, а попадание в сельскохозяйственные бригады означало зачастую лишь отсрочку даты смерти.

THE AGRICULTURAL SECTOR OF AUSCHWITZ NAZI CONCENTRATION CAMP: THE DESTRUCTION BY LABOR OR THE CHANCE TO SURVIVE?

L.A. VIKULOVA

*Voronezh State Pedagogical
University*

e-mail: mivon@mail.ru

This article is concerned about the use of prisoners' labor in agricultural sector of Auschwitz concentration camp. The attention is paid to the conditions, in which prisoners lived and worked, and to the specific of labor in agricultural brigade in comparison with the others.

Keywords: Nazism, the Second World War, concentration camps, prisoners, forced labor, agricultural brigade, farms.



ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ПОСЛЕ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА: ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ С УЧАСТИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОЛЬШИ В ЭМИГРАЦИИ

В.В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

Автор рассматривает последние попытки урегулирования польского вопроса на международной арене после трагического поражения Варшавского восстания 1944 г. с участием польского правительства в эмиграции. Особое внимание уделяется политике Великобритании, которая после разрыва дипломатических отношений по инициативе СССР с лондонскими польскими властями в апреле 1943 г. нередко была вынуждена выступать в качестве представителя польских интересов.

Ключевые слова: польский вопрос, Великобритания, У. Черчилль, Советский Союз, И.В. Сталин, Польский комитет национального освобождения.

В годы Второй мировой войны судьба Польши в послевоенной Европе была предметом, пожалуй, самых острых дискуссий среди ведущих держав антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании – по сравнению с вопросами урегулирования относительно других стран восточной части Центральной Европы.

Важной вехой в развитии польского вопроса в военные годы стало трагическое Варшавское восстание 1944 г., отчаянная и неудавшаяся попытка польского правительства в эмиграции и, прежде всего, лояльных ему сил подполья воспрепятствовать созданию просоветской Польши. С одной стороны, данное восстание, вызвавшее большой резонанс в мире и в англо-саксонских странах в частности, спровоцировало резкую риторику со стороны Великобритании и США, адресованную советскому руководству, и, казалось бы, снижение их уровня отношений с Советским Союзом. С другой – одним из главных итогов восстания было заметное уменьшение значения правительства Польши в эмиграции (лондонского), что, безусловно, повлияло на обсуждение и выработку вариантов урегулирования польского вопроса.

В связи с этим представляют интерес попытки найти приемлемое решение польского вопроса после Варшавского восстания, а именно, последние попытки с непосредственным участием польского правительства в эмиграции. В дальнейшем урегулирование данного вопроса фактически станет монополией держав «Большой тройки». При этом мы, безусловно, уделим особое внимание политике Великобритании, на территории которой правительство Польши в эмиграции находилось большую часть войны; эта держава после разрыва дипломатических отношений по инициативе СССР с лондонскими польскими властями в апреле 1943 г. нередко была вынуждена выступать в качестве представителя польских интересов, а после поражения Варшавского восстания ее стремление достичь урегулирования в польском вопросе еще более усилилось.

События Варшавского восстания вызвали резонанс в британском обществе и, конечно, всколыхнули многочисленную польскую диаспору. Вполне в данном русле были заявления правительства Великобритании (наряду с США) советскому руководству; отношения осложнились.

Вместе с тем обострение британо-советских отношений в связи с вопросом помощи повстанцам в Варшаве, по всей видимости, не оказало значительного влияния на британскую политику по отношению к СССР. Так, это не нашло никакого отражения в обсуждении в Форин Оффис вопроса отношения к Советскому Союзу и, в частности, перспектив послевоенного взаимодействия двух держав. Во внешнеполитическом ведомстве Великобритании доминировало мнение о необходимости сотрудничества после войны.



В этой связи высказывались, например, предложения о пересмотре и усилении договора от 26 мая 1942 г.¹ 18 августа глава Центрального департамента Ф. Робертс отмечал, что военная безопасность в Европе может быть обеспечена только при сотрудничестве с Россией². Довольно показательным представляется следующее мнение. 10 августа сотрудник Северного департамента Дж. Вильсон писал, что Великобритании в отношениях с СССР необходимо четко обозначить свои жизненные интересы, в частности, в ближневосточной нефти и безопасности коммуникаций в Восточном Средиземноморье; неизбежным следствием этого автор считал признание «российских жизненных интересов в Восточной Европе»³.

В то же время проблема урегулирования польского вопроса теперь стояла как никогда остро. Ясно обозначилась перспектива существования двух польских правительств – одного, признаваемого западными союзниками, а другого – Советским Союзом. Основным итогом поражения Варшавского восстания 2 октября стало значительное ослабление польских «лондонских» властей. На территории Польши, при советском содействии, активизировалась работа по становлению просоветской администрации. Главным образом, при помощи НКВД шла ликвидация подпольных структур, подчинявшихся эмигрантскому правительству. Советское руководство оказывало активную помощь Польскому комитету национального освобождения (ПКНО)⁴ в организации власти, используя в полной мере фактор военного присутствия⁵. Это вызывало сильное беспокойство британского руководства, которое было наиболее тесно связано с польскими эмигрантскими властями. В этой ситуации британский премьер У. Черчилль был вынужден фактически взять на себя разрешение польского вопроса путем переговоров с И.В. Сталиным. В этом контексте вряд ли можно согласиться с мнением, высказанным Дж. Котовидисом и Дж. Рейнольдсом, о том, что дальнейшие попытки Черчилля решить польский вопрос объясняются некоторым ростом влияния Великобритании на польскую политику Сталина, который был обусловлен ее отношениями с эмигрантским правительством⁶.

Британское руководство испытывало беспокойство в связи с ростом советского влияния в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, который был напрямую связан с продвижением Красной Армии в данном регионе. В связи с этим вставал вопрос о принципах сотрудничества, который требовал скорейшего разрешения. Это находило отражение, например, в уже упоминавшихся дискуссиях в Форин Оффис, а также среди военного руководства. Доминировало мнение о необходимости сотрудничества, однако вставал вопрос о способе его реализации. Во внешнеполитическом ведомстве Великобритании поднимался вопрос о целесообразности организации регулярных переговоров на уровне штабов в рамках британо-советских союзнических отношений⁷. В подкомитете (штабе) послевоенного планирования⁸ высказывалась точка зрения о необходимости удовлетворения «разумных требований» СССР в регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, если советское руководство не будет противиться требованиям британского правительства в отношении важных для него регионов⁹. В целом после провала «пакета» Форин оффис для данного региона на Московской конференции в октябре 1943 г.¹⁰, который исходил из принципа совместной ответственности за Европу, в плани-

¹ Post-war collaboration with Russia. June–October 1944 // The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–45 / Ed. by G. Ross. Cambridge; N.Y., 1984. P. 157–166.

² Minute by Roberts. 16 August 1944 // Ibid. P. 163.

³ Minute by Wilson. 10 August 1944 // Ibid. P. 162.

⁴ Манифест о создании ПКНО был провозглашен в г. Хелм 22 июля 1944 г. См. подробнее о целях И.В. Сталина и польских коммунистов при образовании данного комитета: Носкова А.Ф. Сталин, польские коммунисты и создание Польского комитета национального освобождения // Славяноведение. 2008. № 3. С. 3–21.

⁵ Карпов А.В. Советский Союз и возникновение «народной власти» в Польше // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 28–30.

⁶ Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939–1947. Leicester, 1986. P. 102.

⁷ Post-war collaboration with Russia. June–October 1944 // The Foreign Office and the Kremlin. P. 162.

⁸ Штаб послевоенного планирования состоял при Объединенном комитете начальников штабов Великобритании.

⁹ Effects of Soviet policy on British strategic interests. 6 June 1944 // The Foreign Office and the Kremlin. P. 167–168.

¹⁰ См. подробнее: Василенко В.В. Федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике польского и чехословацкого правительств в эмиграции и Великобритании, 1939–1943 гг. //

ровании наблюдается тенденция к урегулированию путем обозначения сфер влияния, хотя по-прежнему достаточно широко распространена идея о необходимости трехстороннего взаимодействия. В этом контексте разрешение весьма сложного польского вопроса было особенно важным, поскольку затрудняло формулировку британской политики по отношению ко всему региону. Как показали дальнейшие события, взгляды премьера находились в русле данных дискуссий, однако Черчилль нашел своеобразный способ определения принципов британо-советского сотрудничества в более важном для Великобритании регионе Юго-Восточной Европы (ЮВЕ).

В начале октября, то есть вскоре после поражения Варшавского восстания, представительная британская делегация во главе с Черчиллем направилась в Москву. Британский премьер уже в ходе своей первой встречи со Сталиным 9 октября выступил с инициативой урегулировать польский вопрос, испросив разрешения советского лидера на прибытие представителей правительства Польши в эмиграции – премьер-министра С. Миколайчика, министра иностранных дел Т. Ромера и председателя Рады Народовой С. Грабского. Сталин выразил согласие предпринять еще одну попытку, отметив необходимость их переговоров с представителями ПКНО. Заручившись поддержкой советского лидера относительно обсуждения польского вопроса с участием «лондонских» поляков, Черчилль выступил с предложением урегулирования британо-советского сотрудничества в ЮВЕ по принципу разделения сфер влияния, которое стало известно впоследствии как «процентное соглашение». Не вызывая сомнения интерес британского премьера во влиянии в Греции. Секретарь министра иностранных дел Великобритании Э. Идена П. Диксон писал впоследствии: «...никто из нас не хотел думать о Польше, в то время Греция особенно занимала все наши мысли»¹¹. Сталин фактически принял соглашение, предложенное Черчиллем, и в дальнейшем, как небезосновательно считают ряд исследователей, в своей политике в данном регионе в целом придерживался его условий¹². В этом контексте представляется справедливым мнение видного британского ученого Дж. Робертса, что, по сути, это соглашение означало признание принципа: «страна или страны, которые предприняли оккупацию, и должны контролировать» данную территорию¹³. Это непосредственно касалось и Польши. Очевидно, замысел Черчилля состоял в том, чтобы оставить ее, наряду с Чехословакией, в сфере влияния СССР. В то же время применение этого принципа не означало отказа от сотрудничества и взаимодействия – идея, довольно отчетливо присутствовавшая тогда в планах трех союзных держав¹⁴. Как следствие, важным был вопрос о приемлемости влияния в глазах союзников. На наш взгляд, именно в этой связи и рассматривался польский вопрос.

Британский премьер, фактически отказавшись от идеи влияния в Восточно-Центральной Европе как неосуществимой, стремился к достижению приемлемого для союзных правительств и западного общественного мнения разрешения польского вопроса. Таковым Черчилль считал на данном этапе создание временного польского правительства на основе соглашения между эмигрантскими властями и ПКНО, которое в сложившихся условиях можно будет представить как выражающее интересы польского народа. Впоследствии было необходимо проведение свободных выборов. На наш взгляд, определенную роль в политике Черчилля играло и личное желание максимально учесть в сложившихся обстоятельствах интересы руководства Польши в эмиграции, которое было союзником Великобритании в ходе всей войны, а сформированные им вооруженные силы по-прежнему воевали на фронтах вместе с британскими частями. Это отчасти выражалось и в более решительной позиции британского премьера по вопросу расширения территории Польши за счет Германии по сравнению с точкой зрения Форин Оффис, что проявилось в ходе его визита в Москву. Однако представляется сомнительным его выска-

Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск 14. 2010. № 7 (78). С. 90-97.

¹¹ Цит. по: Rothwell V. Britain and the Cold War, 1941–1947. L., 1982. P. 174.

¹² См., напр.: Наринский М.М. Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 90.

¹³ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 89.

¹⁴ См., напр.: Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2002. С. 291-305.



зывание о возможности включения Штеттина в состав Польши – по-видимому, Черчилль поддержал Сталина в ходе переговоров только для того, чтобы убедить «лондонских» поляков придти к соглашению¹⁵. В своих мемуарах британский премьер однозначно заявляет, что всегда был противником польско-германской границы по Западной Нейсе¹⁶. Точку зрения Форин Оффис в октябре 1944 г. можно проиллюстрировать словами Робертса: «Британское общественное мнение уже отреагировало весьма неодобрительно на идею, что Польша должна быть расширена до Одера, и нам предстоит проделать немало работы, примиряя британское общественное мнение даже с меньшей компенсацией...»¹⁷.

В то же время эмигрантское руководство явно не отдавало себе отчет в серьезности сложившейся ситуации. Миколайчик, понимавший, что наступил переломный момент в решении судьбы Польши и рассматривавший возможность компромисса с СССР, был явно в меньшинстве. Эмигрантские власти в это время разрабатывали и далеко идущие проекты, оторванные от реальности. Так, в октябре была одобрена инициатива военных властей о проведении переговоров с британским правительством по вопросу двустороннего сотрудничества в регионе Балтийского моря. В конце октября в ходе реализации этого предложения состоялась беседа сотрудника польского посольства в Великобритании Ю. Вейтко с главой Центрального департамента Ф. Робертсом. Заинтересованность польского эмигрантского правительства в сближении политической линии по вопросу безопасности на Балтике с точкой зрения британского правительства по данному вопросу не встретила отклика. Робертс подчеркнул взаимосвязь этого вопроса с переговорами великих держав, в том числе британо-советскими, которые проходили в Москве. Как следствие, представитель Форин Оффис отметил преждевременность обсуждения этого вопроса¹⁸.

Тем временем в Польше наблюдается обострение внутривнутриполитической обстановки. Происходит ужесточение курса новой власти по отношению к своим политическим оппонентам. Теперь вместо провозглашавшейся недавно политики «открытых дверей» и готовности к конструктивному диалогу объявлялась пропагандистская война, которая сопровождалась усилением репрессивных мер по отношению к оппозиционным силам, прежде всего членам Армии Крайовой (АК). Этот поворот отмечается большинством историков. В этой связи необходимо выделить точку зрения И.С. Яжборовской, которая убедительно доказывает, что это изменение политики было обусловлено, прежде всего, внедрением сталинских рекомендаций в работу ПКНО. Они не оставляли поля для маневра группе во главе с В. Гомулкой, стремившейся расширить поддержку среди иных партий и населения¹⁹. Как следствие, уменьшились возможности для соглашения с эмигрантскими властями.

В ходе переговоров в Москве Миколайчику были предъявлены уже известные условия²⁰ – признание конституции 1921 г. как основы для новой власти и линии Керзона в качестве основы для советско-польского разграничения, также был поднят вопрос о необходимости немедленного проведения аграрной реформы в стране, – однако теперь практически в ультимативной форме. При этом основным по-прежнему являлся вопрос восточной границы Польши. Черчилль прилагал все усилия для того, чтобы добиться согласия делегации эмигрантского правительства на советские требования. Так, оказывая давление на Миколайчика, он подчеркивал в ходе заседаний поддержку британским правительством советской позиции по границе, проводил частные беседы с лондонскими

¹⁵ Запись заседания с представителями польского правительства в Лондоне. 13 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 447.

¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 530. Безусловно, с помощью этого тезиса в своих мемуарах Черчилль проводит мысль о том, что на Потсдамской конференции он (в противовес Эттли) смог бы отстоять меньшие приращения Польши за счет Германии.

¹⁷ Цит. по: Rothwell V. Op. cit. P. 175.

¹⁸ Pismo E. Raczynskiemu. 6 października 1944; Pismo J. Weytko E. Raczynskiemu. 30 października 1944 // Archiwum Akt Nowych. Ambasada RP w Londynie, 1919–1945. Sygnatura. 1612. S. 43–46

¹⁹ Яжборовская И.С. «Согласовать со Сталиным» (Советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943–начале 1945 г.) // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 57–59.

²⁰ Миколайчик и другие представители правительства Польши в эмиграции были на переговорах в Москве в начале августа 1944 г.



поляками, которых он характеризовал как «приличных, но немощных глупцов»²¹. В результате он смог добиться лишь признания Миколайчиком линии Керзона в качестве демаркационной, что не устраивало советского лидера. Сталин не выказывал готовности к компромиссу. Более того, весьма активно в переговорах с Черчиллем и лондонскими поляками вела себя делегация ПКНО. Так, в ходе заседания 13 октября при поддержке Сталина фактически солировал председатель Крайовой Рады Народовой (КРН) Б. Берут, предъявляя претензии польскому эмигрантскому руководству²². Черчилль в письме королю охарактеризовал люблинских поляков²³ как «холопов», которых «еще свет не видел»²⁴. Разочарованный итогами переговоров по польскому вопросу, британский премьер считал, что их необходимо возобновить «через три недели». Он связывал этот срок с окончанием президентских выборов в США, надеясь, очевидно, получить американскую поддержку в данном вопросе²⁵. Однако Миколайчик обоснованно опасался, что его согласие принять советские требования в полном объеме, включавшие и урегулирование отношений с ПКНО, который квалифицировался эмигрантскими властями как «типичное марионеточное правительство»²⁶, будет равносильно его отставке. В результате он заявил о необходимости консультаций с правительством.

По итогам переговоров в Москве Миколайчик пришел к выводу, что у польского эмигрантского правительства не остается иной альтернативы, кроме признания советских требований. 27 октября, выступая перед Национальным советом, он подчеркивал: «без признания линии Керзона и ... учета советского престижа по вопросу Комитета Национального Освобождения у нас нет возможности урегулировать польско-советские отношения». В этом русле он также привлек внимание к существованию единого британо-советского фронта по вопросу польской восточной границы при «пассивной, до настоящего времени, позиции США»²⁷. Нужно отметить, что позиции премьера в правительстве были непрочными. Это было обусловлено отчасти и недавним смещением Соснковского с поста верховного главнокомандующего. В то время он мог рассчитывать лишь на поддержку людовцев²⁸, отчасти социалистов и партии труда. Также его неизменным сторонником был Грабский, однако и его позиции были шаткими. В своем выступлении Миколайчик также фактически обозначил задачи, которые правительство могло бы осуществить в сложившейся ситуации. Он отмечал необходимость расширения территории Польши за счет Германии, обозначая благоприятные перспективы в достижении этой цели, и обеспечения Польше максимально возможной степени независимости, которая была, как он подчеркивал, важнее границ²⁹. Однако его точка зрения не нашла поддержки среди членов совета. В целом в польском эмигрантском руководстве доминировало мнение, что оно должно заявить решительный протест новому разделу Польши, более того, именно это и должно было побудить союзников к действию³⁰.

Вместе с тем Миколайчик, сталкиваясь с непримиримой позицией оппонентов по вопросу о восточной границе, не терял надежды на достижение приемлемого для правительства урегулирования с СССР, рассчитывая в этом на поддержку Соединенных Штатов. Он был встревожен заявлением Молотова о согласии американского президента с линией Керзона в качестве советско-польской границы, которое прозвучало на конференции в Тегеране. В середине октября он апеллировал к Рузвельту с просьбой высказать американскую позицию по вопросу польской восточной границы, а также оказать влияние на Сталина с целью передачи Польше Львова и нефтяных месторождений Восточной Галиции, давая понять, что без последнего урегулирование отношений с СССР невоз-

²¹ Черчилль – королю Георгу VI. 16 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 487.

²² Запись заседания 13 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 448-458.

²³ ПКНО получил название Люблинского комитета, поскольку начал свою деятельность в Люблине.

²⁴ Черчилль – королю Георгу VI. 16 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 487.

²⁵ Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Там же. С. 456, 487.

²⁶ Дзенник польски и дзенник жолнежа. 1944 г. 27 июля // Архив внешней политики РФ. Ф. 0122. Оп. 266. П. 228. Д. 12. Л. 25.

²⁷ Цит. по: Dymarski M. Op. cit. P. 395.

²⁸ Члены крестьянской партии (Строннитство людове), одним из лидеров которой был Миколайчик.

²⁹ Dymarski M. Stosunki wewnętrzne wśród polskiego wychodźstwa politycznego i wojskowego we Francji i w Wielkiej Brytanii, 1939–1945. Wrocław, 1999. S. 395.

³⁰ Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski, 1919–1945: Od Wersalu do Jałty. Lublin, 1998. S. 421.



можно³¹. Однако надежды не оправдались. В ответном послании, переданном Миколайчику Гарриманом 22 ноября, президент США лишь повторил свою позицию о невозможности гарантировать какие-либо конкретные границы, в то же время обозначая свою возможную поддержку по вопросу компенсации Польше за счет Германии. Правда, американский посол в СССР был уполномочен сделать заявление относительно Львова³². В руководстве Польши в эмиграции после получения сообщения Миколайчика о позиции Рузвельта возобладало мнение, что не следует спешить с разрешением данного вопроса, поскольку успешные действия на западном фронте могут усилить позиции англосаксонских держав, в том числе и в польском вопросе³³. В этой ситуации премьер принял решение уйти в отставку и вернуться в правительство только тогда, когда будет уверен в его поддержке.

Уход в отставку Миколайчика 24 ноября историки обоснованно связывают с определенным переломным моментом в развитии польского вопроса – теперь переговоры польского эмигрантского правительства с СССР и ПКО были вряд ли возможны. Не случайно Э. Стеттиниус, исполнявший в то время обязанности госсекретаря, писал президенту: «отставка Миколайчика, по нашему мнению, сделает польский вопрос еще более острым и трудным»³⁴. Важно отметить, что отставка Миколайчика с поста премьера сопровождалась и уходом его однопартийцев из правительства. Как следствие, эмигрантские власти теряли поддержку весьма значимой в Польше, даже в условиях насаждения коммунистического режима, крестьянской партии. Непосредственным результатом этого стало значительное уменьшение значения лондонского правительства как для союзников, так и для СССР и польских коммунистов. Премьером польского эмигрантского правительства был назначен прибывший из Польши социалист Т. Арцишевский, настроенный против соглашения с СССР. В своей политике он был вынужден ограничиться протестами против политики великих держав и, прежде всего, Советского Союза по отношению к Польше.

THE POLISH QUESTION ON THE INTERNATIONAL ARENA AFTER THE WARSAW RISING OF 1944: LAST ATTEMPTS AT A SETTLEMENT WITH PARTICIPATION OF THE POLISH EXILED GOVERNMENT

V.V. VASILENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The author considers the last attempts of the Polish question settlement on the international arena after the Warsaw Rising of 1944 with participation of the Polish exiled government. Special attention is given to the policy of Great Britain who after the USSR's break of diplomatic relations with the Polish London authorities on the former's initiative fairly often had to represent the Polish interests.

Keywords: the Polish question, Great Britain, Winston Churchill, the Soviet Union, Josef Stalin, the Polish Committee of National Liberation.

³¹ The Polish Ambassador (Ciechanowski) to the Acting Secretary of State. 18 October 1944 // FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1329-1330.

³² President Roosevelt to the Prime Minister of the Polish Government in Exile (Mikolajczyk), at London. 17 November 1944 // Ibid. P. 1334-1335.

³³ Dymarski M. Op. cit. P. 397.

³⁴ The Acting Secretary of State to President Roosevelt. 25 November 1944 // FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1339.



УДК 94(497.2)

КОНЦЕПЦИЯ «ОСМАНИЗМА» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ БОЛГАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

М.В. ТОРТИКА (ЛОБАНОВА)*Харьковская государственная
академия культуры**e-mail: khazar@inbox.ru*

Статья посвящена изучению концепции османизма в интерпретации болгарских социал-демократических партий после младотурецкой революции 1908 г. Наибольший интерес вызывает дискуссия, развернувшаяся по этому вопросу в социалистической печати между идеологами радикального направления «тесного социализма» и лидерами левого центризма («левица» БРСДП (о)). На фоне резкой критики, характерной для платформ «правых» и «левых» социалистов, особое внимание привлекает позиция болгарского социалистического центризма. Теоретики указанного движения готовы принимать концепцию османизма как часть общедемократической программы, ведущей к созданию единой Балкано-Азиатской конфедерации.

Ключевые слова: «османизм», Болгария, социал-демократия.

Обращаясь к вопросу о причинах и сущности турецкой революции (1908 г.), невозможно избежать разговора об идеологической платформе ее центральной движущей силы, так наз. движения «Иттихад ве теракки¹» или, в отечественной интерпретации, движения младотурок. Возникает естественный вопрос о внутреннем содержании концепции «османизма», а также о причинах его последующей трансформации, во многом предопределившей формирование государственной доктрины «тюркизма» («пан-тюркизма»)².

Несостоятельность подобной идеологии оказалась, по всей видимости, одной из причин последовательного снижения политического авторитета младотурок. Вследствие этого, даже в условиях непродолжительной стабильности младотурецкого режима, османизм оставался неизменным поводом для многочисленных идейно-политических дискуссий, вспыхивавших на почве весьма противоречивых оценок государственной деятельности «Триумvirата»³, впрочем, как и всей политической программы проправительственной партии «Единение и прогресс»⁴.

Примером наиболее ярких дискуссий, связанных с политическими оценками идеологии османизма, являются публичные выступления болгарских социал-демократов и, прежде всего, тактические разногласия, отразившиеся в публицистическом наследии теоретиков Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) (БРСДП (т.с.)) и центристской «левицы» (по сути, самостоятельной фракции Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) БРСДП (о))⁵. Особенно острый характер указанные дискуссии приобрели благодаря вмешательству главного теоретика радикального направления болгарского марксизма, Д. Благоева. В частности, в статье

¹ «Иттихад ве теракки» в буквальном переводе – «Единение и прогресс».

² В дальнейшем указанные термины будут использоваться без кавычек.

³ «Триумvirат» – исторически сложившееся название политической элиты младотурецкого режима (Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша), представители которой после переворота в январе 1913 г. отстранили от власти большинство лидеров «Иттихад ве теракки».

⁴ Партия «Единение и прогресс» возглавила революционные преобразования в Османской империи. Как оппозиционное движение она возникла в 1889 г., позднее соединилась с группой политических эмигрантов (младотурок) в Париже. Политической программой этой партии считалось свержение режим султана Абдул-Хамида II и введение конституции, предусматривавшей созыв межнационального парламента (меджлиса).

⁵ В 1903 г. в социал-демократическом движении Болгарии произошел публичный раскол и возникли две конкурирующие партии – радикальная БРСДП (т.с.) и реформистская БРСДП (ш.с.). В 1905 г. началось формирование самостоятельной фракции левых центристов, которое завершилось созданием левоцентристской организации – Болгарского социал-демократического союза (БСДС) «Пролетарий». В 1909 г. произошло объединение БСДС «Пролетария» с БРСДП (ш.с.). Возникла новая, несколько аморфная, правосоциалистическая Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная).



«Балканский вопрос» он, дискутируя с «тов. Юрием» (очевидно, псевдоним д-ра Г. Тошева), писал о том, что Турция в ее современном состоянии не может поддерживать курс на Балканскую федерацию,⁶ устойчиво сохраняя присущие ей имперские традиции. «...Она хочет не только владеть подчиненными ей нациями, но и насильственно перетопить их в единую оттоманскую нацию...».⁷

В то же время, точка зрения публичного оппонента Д. Благоева, напротив, была нацелена на некоторое смягчение весьма резких утверждений последнего. В частности, политический визави Благоева выступал, во-первых, против того, что бы «...ожидать ... момента, когда рабочий класс уничтожит династии и провозгласит республику...», поскольку это отложит решение балканской проблемы как минимум на «десятки лет». Кроме того, он писал, что попытка взаимодействия на Балканах нужна уже сегодня, причем именно с привлечением Османской империи, поскольку путь к созданию политического консенсуса на Балканах заключается в принятии таможенных союзов (один из любимейших тезисов болгарских левых центристов) и в принятии балканских государств, наряду с Турцией, в потенциальную Балканскую конфедерацию. Балканские страны должны войти туда в том виде, в каком они существуют в настоящее время, однако, с перспективой их дальнейшей модернизации и государственной демократизации.⁸

Интересно, как данное положение весьма органично подхватывал и развивал далее такой признанный специалист по национальному вопросу, как П. Делирадев (болгарский социалист, центрист, политик, широко известный своей близостью к лидерам левого крыла македоно-одринской революционной организации (ВМОРО)⁹). «Таможенные союзы будут полезны не только для экономической эмансипации балканских государств, – писал он; одновременно это будет и решительный шаг к их политическому объединению, и гранитный камень в основании этого объединения...». В таких условиях, а именно в рамках Балканского союза, или любого иного типа межгосударственного объединения в данном регионе, игнорирование Турции невозможно. Будущая конфедерация в обязательном порядке должна включать в себя Османскую империю, тем более что она: «...самая значительная балканская и единственная малоазиатская величина...».¹⁰

В 1911 г. указанную концепцию одобрил и заново осмыслил еще один левый центрист, болгарский социалист, глава социал-демократической партии Румынии, в будущем председатель правительства Советской Украины, К. (Х.Г.) Раковский. Являясь одним из официальных авторов левоцентристского проекта Балканской конфедерации, К. Раковский решительно выступал в поддержку идеи таможенных союзов между Болгарией и Турцией.¹¹ Как следствие, он показательно игнорировал большинство обвинений, связанных с вопросом об этнополитической агрессивности младотурок, относя подобные аргументы скорее к проискам болгарских националистов или, в крайнем случае, к политической риторике сознательно ангажированных балканских политиков.¹² Для Османской империи гораздо опаснее стремление Великих держав к разделу потенциального «турец-

⁶ В противоречивых программах болгарской социал-демократии нач. XX ст. фигурировал не до конца осмысленный лозунг Балканской республики (федерации, конфедерации, автономии). Дифференциация указанного определения со временем приобрела не столько государственный, сколько внутрипартийный характер, отражавший динамику межфракционных социал-демократических отношений. Так, БРСДП (т.с.) стала выступать за создание классовой демократической республики на Балканах, БСДС или центристская «левица» БРСДП (о) избрала стержнем своей внешней политики курс на более толерантную Балканскую конфедерацию с османской автономией Македонии, наконец, правая фракция «объединенной» осторожно высказывалась в пользу союзных договоренностей с частью балканских государств, но при этом с учетом привлечения политических гарантий из Европы, и с перспективой болгарской автономии Македонии.

⁷ Благоев Д. Балканският въпрос // Съчинения. Б.м., 1960. Т. 13. С. 388.

⁸ Там же. С. 394.

⁹ Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО) представляла собой национально-освободительную организацию, действовавшую в пределах Османской империи. Основной задачей этой организации считалось осуществление 23 пункта Берлинского соглашения, по которому Македония должна была обрести автономию в рамках существующих турецких границ.левой фракцией македоно-одринской организации стало движение революционных групп Я. Санданского (например, «Санданский-Чернопеев»), которое опосредованно было связано с представителями как македонского, так и болгарского социализма (самые тесные контакты «левица» ВМОРО имела с БСДС «Пролетарий»).

¹⁰ Делирадев П. Балканската Конфедерация. Пазарджик: «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. С. 10.

¹¹ Раковски К. Турско-българските търговските преговори // Напред. 1911. 19 август.

¹² Раковски К. Нашата позиция. Балкански съюз и член 17 // Напред. 1911. 24 юни.

кого наследства», ибо подобный дележ может стать началом «...варварской главы европейской истории».¹³

Таким образом, политическая обстановка диктовала конкретные задачи, важнейшей из которых для Турции являлось сохранение целостности империи, которую, по мнению болгарских центристов-социалистов, как раз и пытался уберечь пришедший к власти государственный режим младотурок. Собственно, с указанной стороной внешнеполитической деятельности младотурецкого руководства были согласны даже некоторые из влиятельных идеологов БРСДП (т.с.). В частности, член «тесносоциалистического» ЦК, Хр. Кабакчиев (книга «Д. Благоев и партия тесных социалистов» была опубликована за два года до кончины автора, в 1938 г.) писал, что режим младотурок был препятствием не только для великих держав, но и для «...балканских государств, которые подготавливали завоевание и раздел европейских провинций Турции: Македонии, Фракии, Албании и др. ...».¹⁴

В таком контексте, очевидно, что одним из элементов государственной платформы младотурок мог и должен был стать принцип османизма. Это же стало причиной того, что наличие подобной идеологии практически не отталкивало такого марксиста как К. Раковский от публичной поддержки официальной политики Турции. Более того, именно Раковский в 1911 г. выдвинул идею специального оборонительного Болгаро-Турецкого союза, очевидно, рассматривая этот шаг в качестве первого камня, уложенного в фундамент потенциального балканского объединения.¹⁵

Показательно, что толерантное отношение К. Раковского к концепции османизма в 1911 г. косвенно подтверждал один из его наиболее влиятельных македонских оппонентов, лидер правого течения ВМОРО, публицист, филолог и общественный деятель, Х. Матов. Анализируя печатные выступления К. Раковского, Матов писал – он (*К. Раковский – Т.М.В.*) посетил Македонию тогда, когда уже никак нельзя было не заметить «...отоманизм..., инквизицию, политические убийства...».¹⁶ И все это никак не мешало проявлению положительной реакции Раковского. В расчете на перспективу дальнейших демократических преобразований в Турции, он был готов закрыть глаза на далеко не интернациональную государственную концепцию младотурок. Одним из конкретных проявлений подобной ангажированности болгарского социалиста Х. Матов называл равнодушное отношение Раковского к «оттоманизации нетурецких училищ...».¹⁷ Таким образом, следуя логике Матова (впрочем, заведомо предвзятой в вопросе о Македонии) можно сказать, что Раковский не просто «закрывал глаза» на государственный шовинизм младотурок, но практически поддерживал их политическую стратегию, позволяя «...младотурецкому комитету «Объединение и прогресс» существовать в качестве национальной политической организации».¹⁸

Итак, Раковский¹⁹ мог задавать тон общецентристского отношения к проблеме «оттоманизации» в Турции и до некоторой степени влиять на общее благоприятное впечатление, сложившееся в кругу международной социал-демократии по поводу реформаторской деятельности младотурок. В этой связи интересно, что многолетний оппонент К. Раковского, правый социал-демократ, член редакции околосоциалистического издания «Камбана» Г. Василев, напротив, всячески подчеркивал характерный для «турецкой общественности» национализм и даже шовинизм, который в Турции, по его мнению, имел, «особое значение».²⁰

¹³ Исаева О.Н. Македонская смута: взгляд русских консулов // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2003. Выпуск 6. С. 101.

¹⁴ Кабакчиев Х. Димитър Благоев и партия тесных социалистов. София, 1979. С. 172.

¹⁵ Раковски К. Балканската конфедерация и обранителен турско-български съюз // Напред, 1911. 14 октомври.

¹⁶ Матов Х. Македонска революционна система ВМОРО. Съчинения. София, 2001. С.247.

¹⁷ Там же. С.249.

¹⁸ Там же. С.249.

¹⁹ Участвуя в социал-демократическом движении Болгарии (1911 г.), К. Раковский стал директором и главным редактором основного издания левоцентристской оппозиции, социал-демократического ежедневника «Напред».

²⁰ Василев Г. Македония и турската революция. София, 1908. С. 36.



Во многом, очерченную выше логику К. Раковского, разделял П. Делирадев. Обращаясь к проблеме балканских союзов, он утверждал, что развитие и общий подъем большинства субъектов турецкого государства возможны, прежде всего, в «широких границах» империи. Однако этому мешает «национальная борьба», парализующая любые государственно-модернизационные процессы. Очевидно, отмечал автор публицистического эссе «Балканская конфедерация», что такое положение будет продолжаться еще долго. Несомненно, необходимы решительные реформы, способные удовлетворить национальные претензии конкретных регионов Османской империи, однако *(и этот тезис крайне показателен для понимания позиции центристов – Т.М.В.): «Корабль молодой Турции не укрепился еще настолько, чтобы не опасаться разрушительных волн вечно бушующего балканского моря...»*.²¹

Таким образом, многие теоретики «левицы» БРСДП (о) были склонны не замечать шовинистических элементов османизма, то ли недопонимая его внутренней сущности, то ли игнорируя ее в условиях борьбы за перспективу межнациональной Балкано-Азиатской конфедерации. Их оппоненты из партии «тесных социалистов», напротив, были готовы рассматривать варианты внутри балканской этнической солидарности только в условиях, как писал Хр. Кабакчиев, «классовой борьбы пролетариата». Поскольку, и в этом сходились все теоретики БРСДП (т.с.), только подлинная социалистическая революция, а не какие бы то ни было буржуазные идейно-политические концепции, способны защитить Балканы и Европейскую Турцию от происков европейского капитала и ее политической элиты.²²

Главный идеолог партии «тесных социалистов» Д. Благоев высказывался по этому поводу наиболее определенно: «...великооттоманский идеал младотурецкой партии не возродит Турции и не создаст оплот против завоевательной политики России и Австрии...».²³ Единственное, чем чревато, по мнению Д. Благоева, использование доктрины османизма – это «...возрождением оттоманской Турции, в которой господствуют земельно-владельческие элементы и турецкие национальные и «военные идеалы»...».²⁴ И все же, нельзя отрицать, что концепция османизма (как и более поздний тюркизм и пантюркизм) была и остается точкой преткновения в анализе национальной доктрины Османской империи начала XX ст. Более того, именно от этой концепции отталкивался в своем более позднем политическом развитии современный тюркизм, один из элементов национальной стратегии Турции.

Изучение османизма – это сложнейшая самостоятельная задача. Тем не менее, используя вопрос о младотурецкой революции в качестве иллюстрации взаимоотношений внутри болгарского социалистического движения, необходимо охарактеризовать феномен османизма как идейно-политическую и этногосударственную платформу политического движения младотурок.

Идеология османизма возникает в конце XIX ст. как некий идеологический протест политическому и экономическому вмешательству великих держав во внутренние дела Османской империи. «Согласно этой идеологии, все подданные империи объявлялись «османами» без различия вероисповедания и национальной принадлежности».²⁵ Болгарский историк Дженгиз Хаков рассматривает османизм как концепцию создания единого национального государства «османской нации» в пределах империи.²⁶

Фактически османизм – это государственный вариант разрешения национального вопроса, но в той форме, в какой его были готовы (то есть могли и хотели) воспринимать младотурки. Именно в этой связи легальный марксист, публицист В. Богучарский, комментируя книгу английского путешественника и публициста Э.Ф. Найта, иронизировал по поводу выводов последнего о сущности национальной программы младотурок: это иллюстрация того, «как не следует поступать при решении проблемы централизма и ав-

²¹ Делирадев П. Балканската Конфедерация. Т.-Пазарджикъ: «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. С. 27.

²² Кабакчиев Х. Димитър Благоев и партия тесных социалистов. София, 1979. С. 173.

²³ Благоев Д. Революцията в Турция и социалдемократията // Съчинения. Софя, 1960. Т. 13. С. 52.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914). Баку, 1966. С.161.

²⁶ Хаков Дж. История на съвременна Турция. София, 2008. С. 14.



тономизма». Национальную же программу младотурок он называл «централистически-националистической».²⁷ Действительно в прессе (газета «Османлы») часто проскальзывали намеки на приоритет титульной нации турок. При этом одним из основных аргументов являлось указание на организующую роль этой нации в процессе создания единой Османской империи. В то же время, к началу XX ст. требование отказа от национальной борьбы в пределах империи и, соответственно, решение национального вопроса в «националистическом» духе, предполагало, прежде всего, государственную, защитную функцию османизма. В результате, представитель младотурок Махмед Мурад писал (в издании «Мизан»): «...греки Крита или албанцы Македонии должны искать решение своих проблем только на путях борьбы за прогресс Османской империи... священная обязанность наших албанских братьев, так же, как... и единоверцев в Египте... состоит в том, что бы совместно, самоотверженно, состязаться в усердии, привести государство и халифат в долину благополучия...».²⁸

Данный тезис получает неожиданное развитие в очерках российского эсера, константинопольского корреспондента газеты «Киевская мысль» и журнала «Современник» Ш.Я. Горцева (Натадзе). В одной из своих статей он напишет: «...младотурецкая партия – националистическая. Боясь сепаратизма национальностей... они (*младотурки – Т.М.В.*) упорно не желали введения в провинциях земств, так как в них видели ячейки будущих автономий. А автономии провинций они считают концом единства оттоманской империи».²⁹ Впрочем, в этой связи сам Ш.Я. Натадзе подчеркивал, что автономия может стать, скорее, концом политической власти турок, но никак не концом страны, которая только окрепнет в условиях федерализации. Тезис, бесспорно, имеющий значение для стороннего наблюдателя, но вряд ли особенно приемлемый для государственной политики турецкой национальной партии. Тот же Натадзе в другой своей статье «Новый турецкий парламент» отмечал, что чем энергичнее «народности империи... отстаивают свои права», тем больше «пугаются... турецкие государственные деятели».³⁰

Этой мысли вторит газета «Стамбульские новости», выходявшая в Константинополе с ноября 1909 г. по июнь 1910 г. Ее главным редактором был Джелаиэддин Коркмасов – также один из представителей движения левых эсеров, участник революции 1905 г., сосланный в Сибирь и бежавший оттуда во Францию. В Париже он познакомился с Ж. Жоресом, Ж. Гедом и даже В.И. Лениным, после чего, по приглашению главы будущей коммунистической партии Турции Мустафы Субхи, приехал в Стамбул, где и начал издавать упомянутую газету. Агенты Особого отдела Департамента полиции в Константинополе проследили связи «Али Джамаль Кархмазова», как он именовался в соответствующих донесениях, с представителями Союза черноморских моряков³¹, с лидерами которого, в свою очередь, был связан и эсер Натадзе. Итак, вполне реально можно говорить о возможности прямых контактов между Коркмасовым и Натадзе, политические взгляды которых через руководство указанной организации могли влиять даже на Л.Д. Троцкого. Опосредованно эти связи сказывались и на внешнеполитической платформе болгарских левых центристов, с которыми Троцкий (благодаря своей многолетней дружбе с Раковским) находился в постоянном контакте.³²

²⁷ Найт Э.Ф. Революционный переворот в Турции (С предисловием В.Я. Богучарского). СПб, 1914. С. 4.

²⁸ Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 237.

²⁹ Горцев. Государственный кризис в Турции // Современник. 1912. № 8. С. 296.

³⁰ Горцев. Новый турецкий парламент // Современник. 1912. № 5. С. 215–224.

³¹ Донесение начальнику жандармского управления г. Одессы П.П. Заварзину / Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 60.

³² На основании донесений агентов Департамента полиции была отслежена группа с.-р., вышедших на контакт с российскими социал-демократами в Константинополе и Западной Европе в связи с транзитом нелегальной литературы (например, «Венская правда») в Россию. Содействие должно было оказываться как социал-демократам, «проживающим ... в Константинополе, так и в турецких портовых пунктах...». Эта же группа имела аналогичные контакты и на Кавказе, оказывая там соответствующую поддержку кавказским меньшевистским центрам. С этим, по всей видимости, мог быть связан приезд Камо (Тер-Петросян) в Константинополь: См. О нахождении Камо в Константинополе / ГАРФ. Ф. 529. Оп.1. Ед. хр. 20. Л. 20. Наконец, эта группа с.-р. была связана с некой Марией Соколовской в Париже, содержавшей там «кухмистерскую» (явочная квартира). Супругом Соколовской был «Джалая Каркмасов», по взглядам, как говорится в донесении, «...нечто среднее между социалистом и анархистом»: См. Агентурные сведения о революционной деятельности членов центрального совета профессионального союза судебных команд / ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр.18.



Основные мысли, высказываемые на страницах «Стамбульских новостей», были посвящены анализу концепции османизма и специфике разрешения национального вопроса в Османской империи. Уже в передовице данного издания говорилось о необходимости преобразования аморфной и распадающейся империи в единое национальное государство. С одной стороны, – это могло разрешить вопрос территориальной целостности страны, с другой подстегнуло бы процесс конституционной деятельности младотурецкого правительства. Впрочем, как для Дж. Коркмасова, так и для ответственного директора газеты Ахмеда Джевада, сложность поставленной младотурками задачи сомнений не вызывала: «...расы, входящие в состав империи, далеки от желаемого единения и от дружного энтузиазма перед политикой младотурок...».³³ И все же, по мнению газеты, деятельность младотурок – это не просто желание «отуречить» все входящие в империю нации, а естественное стремление для многих наций говорить на едином и понятном для всех языке (имеется в виду турецкий), и объединиться «...в чувстве любви и преданности дорогому для всех отечеству», стремление совместно отрешиться «от всяких надежд на возвращение к более или менее славному прошлому...».³⁴

С мусульманским населением этот вопрос мог решаться значительно проще, в то время как убедить христиан и иудеев было бы гораздо сложнее. Элементы сходных недоработок виделись «Стамбульским новостям» и в ряде действий младотурецкого руководства. Пример - реакция данного издания на военную реформу (один из публичных символов уравнивания мусульманских и немусульманских подданных империи). «Стамбульские новости» опубликовали фотографии, иллюстрирующие отношение христиан к данной реформе, - изображения «оборванных и угрюмых новобранцев из христиан, среди которых по виду немало и бородастых отцов семейств и подростков».³⁵

Итак, многие сторонники либерально-демократических идей в Турции, не отрицая возможных шовинистических всплесков османизма, были убеждены в общей состоятельности данной концепции. Они полагали, что указанная идеологическая платформа может являться серьезным аргументом в пользу отказа от территориальной автономии, а значит, затормозит развитие процессов национальной дисперсности, реально угрожавших целостности империи и подрывавших авторитет турецкой власти.

В своих идеологических пристрастиях младотурецкое движение не было однородным. Это (анализируя последствия турецкой революции и частичную трансформацию македонской проблемы) отмечали и многие болгарские социалисты. В масштабах БРСДП (о) Г. Василев, в частности, в своей публицистике останавливался на факте различных течений в национальной (для него шовинистической) концепции османов.

Итак, по крайней мере, часть иттихадистов воспринимала османизм как мировоззренческую платформу, необходимую для укрепления государства во главе с приоритетной (титულიной) нацией, которую В.Я. Богучарский называл «господствующей». В таком контексте турецкая нация могла развиваться как главенствующая, а ее взлет должен был быть запрограммирован на подавление и использование «подчиненных» национальностей.

Интересно, что подобные взгляды нашли неожиданное подтверждение в сложных теоретических построениях крупнейших представителей европейской социал-демократии. В частности, один из наиболее известных австромарксистов О. Бауэр, размышляя над этапами развития национальных групп в масштабах крупных империй, отмечал, что в данном случае превалирование одной титульной нации над другой – это за-

Л. 54-58. Троицкий мог быть связан по делам «Венской правды» с Союзом черноморских моряков, т.е. через Натадзе, с с.-р., а последние с Коркмасовым и младотурками. В частности, по донесениям Особого отдела, младотурки оказывали «...ЦК партии с.-р. материальную помощь»: См. Бюро заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе / ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр.19. Л. 63. Осведомителями фиксируются встречи с.-р. с принцем Сабах-Эддином: ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр.19. Л. 63. На похоронах Натадзе присутствовали не только «представители всех социалистических организаций», но и сам принц Сабах-Эддин и даже один из членов будущего «Триумвирата» Энвер-бей: Бюро заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе / ГАРФ. Ф. 529. Оп.1. Ед. хр. 20. Л. 63. Все это указывает на очень опосредованные, но несомненные контакты младотурок с российской левой эмиграцией и, очевидно, на контакты с с.-д. ярко выраженной центристской ориентации.

³³ Желтяков А.Д. Газета «Стамбульские новости» о политике младотурок в национальном вопросе (1909-1910) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1980. С. 45-46.

³⁴ Там же. С. 46.

³⁵ Там же. С. 48.

кономерный процесс, объективно ведущий к ускоренному формированию условий, необходимых для осуществления будущей социалистической революции. «Современная буржуазия, – писал он, – формирует не космополитических либералов, но национальных империалистов. Для таких национальных империалистов наличие подчиненных национальностей... факт желательный... Империалистический национальный принцип – это единство и свобода своей нации и господство над всеми другими народами...».³⁶ Правый социал-демократ Г. Василев задавал риторический вопрос, а не о младотурках ли написаны приведенные выше строки.³⁷ Такое предположение представляется вполне возможным, поскольку не только Балканы, но и Турция действительно попадали в круг политических интересов О. Бауэра.

Кроме того, один из ведущих теоретиков центризма – социал-демократ К. Каутский, – размышляя о национальном вопросе в полинациональных империях, прямо ссылаясь на опыт Турции. «Экономическое развитие Австрии и Турции, – пишет он, – не способствует... сплочению национальностей».³⁸ То есть, в данном случае, не происходит срастания наций в единое национальное государство, но, в то же время, открывается потенциальная возможность для создания института «национальной автономии». Тезис, чрезвычайно близкий левоцентристской идеологии.

Впрочем, существовала и другая интерпретация концепции османизма, которую проецировал близкий к младотурецким кругам поэт и философ Риза Тевфик: «Ныне, когда граждане империи завоевали свободное и конституционное священное государство, мы должны день и ночь трудиться во имя этого божественного дара, независимо от национальной принадлежности, жить дружно, как братья, и любить друг друга. Отныне должна исчезнуть скрытая и открытая ненависть и недоверие между нами. Мы должны возродить и оправдать свой старый «османизм»...».³⁹ Эту же точку зрения разделял и Сезай бей, который подчеркивал, что все народы Османской империи рождены в одной стране, «выросли в одном климате – дышали одним воздухом...», и поэтому для них «...лоно родины – исцелитель страданий и убежище от тревог...».⁴⁰ Именно в этом ключе авторы ранних младотурецких брошюр, размышляя о перспективах новой Турции, заявляли, что в создании фундамента «завтрашнего справедливого образа правления» должны участвовать все народы империи от македонцев и евреев, до турок, армян и курдов.⁴¹ Но апологеты османизма выдавали желаемое за действительное.

Тем не менее, отголоски такого рода пропаганды, доходя до центристских группы болгарских социалистов, создавали плацдарм для идеологического маневра, востребованного в условиях непрерывных межпартийных баталий. В результате, П. Делирадев, размышляя о взаимоотношениях народов и монархий вообще (однако, прежде всего в контексте турецкой истории), писал о полиэтническом конгломерате, который он называл – единый оттоманский народ, политическую и национально-религиозную неоднородность которого, он, тем не менее, совершенно ясно осознавал.⁴²

О дисперсности национально-культурного поля Османской империи размышлял и Д. Благоев. Он подчеркивал (в статье «Революция в Турции»), что стремление младотурок «перетопить все национальности в единую оттоманскую нацию» – это иллюзия. Но младотуркам придется использовать и административное насилие. При этом прикрываться они будут ширмой государственного управления и конституционным парламентом.⁴³ Несколько лет спустя Д. Благоев утверждал, что в смысле идеологии младотурецкий режим оказался даже хуже абдул-хамидовского, поскольку младотурки, в отличие от характерной для «зулюма»⁴⁴ беспринципной и наглой политики, привыкли скрывать

³⁶ Василев Г. Македония и турската революция. София, 1908. С. 129.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 130.

³⁹ Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908-1914). Баку, 1966. С.161.

⁴⁰ Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая пол. XIX – нач. XX вв.). М., 1971. С. 266-267.

⁴¹ Петросян Ю.А. К изучению идеологии младотурецкого движения // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 221-227.

⁴² Делирадев П. Балканската Конфедерация. Т.-Пазарджикъ, 1909. С.34.

⁴³ Благоев Д. Революцията в Турция // Съчинения. София, 1960. Т. 13. С. 76.

⁴⁴ «Зулюм» – исторически сложившееся название деспотического режима султана Абдул-Хамида II.



свое подлинное лицо под маской декларируемого ими «оттоманского единства и прогресса».⁴⁵

Таким образом, можно утверждать, что «тесные» были склонны к упрощению национальной программы младотурок, в то время как она изначально формировалась как многослойная концепция, зачастую вызывавшая разногласия даже внутри самой политической партии иттихадистов. В свою очередь, левые центристы представляли собой единственную фракцию болгарской социал-демократии, готовую сотрудничать с национальными организациями типа ВМОРО (группа Санданского-Чернопеева). Представители этого течения всячески содействовали правосоциалистическим организациям в Македонии. При этом большинство болгарских левых центристов прекрасно осознавало, что данные организации лояльны деятельности младотурок. Центристы были готовы терпеть националистические концепции младотурок в обмен на их государственный прагматизм и разрекламированные реформаторские проекты, воспринимаемые ими как первый шаг на пути к потенциальному балканскому объединению. Таким образом, теоретики «левицы» БРСДП (о) предпочитали видеть в идейно-политической стратегии младотурецкой партии перспективу нового наднационального государственного объединения – долгожданной Балканской конфедерации.

CONCEPT «OTTOMANISM» IN THE POLITICAL ESTIMATIONS OF BULGARIAN SOCIAL-DEMOCRACY

M.V. TORTIKA (LOBANOVA)

Kharkov State Academy of Culture

e-mail: khazar@inbox.ru

Article is devoted to studying of ottomanism concept in interpretation of the Bulgarian social-democratic parties after young-turks revolution of 1908. The discussion developed on this question in the socialist press between ideologists of a radical direction of “a close socialism” and leaders of the left centrism (“levitca” BRSDP (o)) causes the greatest interest. Against the sharp criticism, characteristic for platforms of the “right” and “left” socialists, the special attention is involved with a position of the Bulgarian socialist centrism. Theorists of the specified movement are ready to accept the concept of ottomanism as a part of the all-democratic program conducting to creation of uniform Balkan-Asian confederation.

Keywords: ottomanism, bulgaria, the social democrats.

⁴⁵ Благоев Д. Турция и България // Съчинения. София: Изд-во на БКП, 1961. Т.14. С. 90.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).04

ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ ЮЖНЫХ ОКРАИН В XVI ВЕКЕ*

А.И. ПАПКОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: papkov@bsu.edu.ru*

В статье характеризуется процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происшедший в XVI в. Анализируются противоречия, возникавшие между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством в результате напряженной конкурентной борьбы за господство в Днепро-Донской лесостепи.

Ключевые слова: Российское царство, Юг России, Днепро-Донская лесостепь, Крымское ханство, Речь Посполитая, порубежье.

Колонизация южных рубежей России началась в XVI в. и окончательно завершилась в XVIII в. после завоевания Крыма. В научной литературе отмечалось наличие дискуссионного, но мало обсуждаемого вопроса о так называемой «Большой границе» — границе между двумя группами (европейскими и неевропейскими) человеческих цивилизаций¹. Применительно к рассматриваемой территории под «Большой границей» обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и, сначала языческим, а потом мусульманским, Востоком. Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого выше региона. «Большая граница позднесредневековой Украины — это не политическая граница, а две зоны военного влияния, вслед за которым, а иногда и впереди которого продвигалось народнохозяйственное использование земель, часто вопреки желаниям властей. Зоны только с середины XVII в. начали оформляться в качестве политических границ...»². Думается, что эти слова вполне применимы и для общей характеристики ситуации, сложившейся в Днепро-Донской лесостепи, примыкавшей в XVI в. к южной окраине России. Таким образом, южную окраину России XVI в. вполне можно характеризовать как зону особых социальных условий, порубежье, на котором происходят этническая и социальная интеграция, что соответствует

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

¹ См.: Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989. С. 7—21.

² Там же. С. 10.



понятию «фронтир»³, введенному в оборот Ф. Дж. Тернером и уже достаточно активно используемому не только в зарубежной, но и в российской историографии⁴. Легко заметить, что наибольшее развитие в отечественной историографии концепция фронта получила применительно к изучению процесса освоения Сибири, вместе с тем ситуация «подвижной границы» была характерна и для других направлений расширения государственной территории России, в том числе и для южного в XVI–XVII столетиях⁵. Указанный подход представляется весьма перспективным для изучения истории колонизации Юга России в XVI столетии.

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс складывания территории единого Российского государства, и наступил новый этап в его развитии⁶. Как справедливо отметил М.К. Любавский, после присоединения к Москве всей Рязанской земли замкнулась окончательно Окская оборонительная линия и князь всея Руси получил полную возможность по собственной инициативе и усмотрению организовывать и вести оборону южной Украины своего государства⁷. По мнению М.Н. Тихомирова постепенное вхождение Рязанской земли в состав складывающегося Российского государства предопределило устойчивость рязанских удельных традиций⁸. Рязанский край и в XVI в. сохранял некоторые особенности своего социального устройства, восходившие к более раннему времени. Вместе с тем, в Рязанской земле благодаря ее пограничному положению пережитки феодальной раздробленности выражались слабее, чем в других княжествах, присоединенных к Москве. При этом, несмотря на расположение на границе со Степью, крымские татары появлялись в Рязанском крае не так уж часто. Причиной являлось географическое положение. Полоса лесов и больших рек защищала Рязанскую землю с востока и юга. Крымцам для того, чтобы попасть на территорию Рязанского края приходилось двигаться обходным путем, мимо Тулы, т.к. более короткий путь перекрывали притоки Дона. Дополнительным препятствием для татарских набегов являлась излучина притока Оки — р. Прони. Эта небольшая река с крутыми берегами течет с юго-запада на северо-восток.

В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Консолидация русских земель делала реальной перспективу решения этой задачи. Распространение владений России на протяжении XVI в. и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших, а нередко и самым основным, было южное. Здесь, в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способство-

³ См.: Воробьева Т.Д. История Камчатки с позиции методологии фронта // Пятые международные исторические и Свято-Инокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741-2011)»: материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 102.

⁴ См., например: Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Побережников И.В. Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 25-30; Егоров А.А. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191-203.

⁵ См., например: Мизис Ю.А., Кашенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI — первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1. С. 9-16; Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фронт и фрактал: подходы к компьютерному моделированию динамики русского фронта // Fractal Simulation. 2012. № 2. С. 26-35.

⁶ После присоединения Рязанского княжества территория княжества всея Руси выдвинулась к границам Поля на Донском левобережье.

⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 252.

⁸ См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 17.



вало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Кроме того, положение осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями: Крымским ханством, а в дальнейшем и с Речью Посполитой⁹. На протяжении длительного времени степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды. Они совершали набеги на славянские земли, грабили их и уводили население в рабство. Но проблемы, связанные с южнорусскими степями, этим не исчерпывались. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства. Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси¹⁰, а, начиная с 1507 г., владения князя всея Руси стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар. В Днепро-Донской лесостепи пролегали татарские дороги (сакмы или шляхи), огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам. Дело в том, что на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля здесь высыхала скорее, и быстрее появлялась трава, необходимая для татарских лошадей.

Стремясь закрепить за собой новоприсоединенные земли, российское правительство назначало туда своих наместников. Исключение составляли только северские города, в том числе Чернигов, Новгород-Северский и Путивль. Они вплоть до начала 20-х гг. XVI в. оставались во владении удельных князей. Кроме того, до ликвидации уделов Василия Стародубского и Василия Шемячича, на их территории не проводилось испомещения служилых людей из центральных российских уездов. Такая политика стала следствием того, что местное население не являлось надежной опорой Москвы на приграничных землях, а само их присоединение было весьма непрочным. Поэтому, помимо размещения войск на границах правительство стремилось создать здесь надежный заслон из верных помещиков¹¹.

Весной 1523 г., после «поимания» князя Василия Шемячича, Новгород-Северское княжество перешло в прямое подчинение Василия III. Таким образом официальная государственная территория княжества всея Руси продвинулась достаточно далеко на юго-запад. Северская земля, охватывавшая верхнее и среднее течение Десны и Сейма, на протяжении почти всего XVI в. оставалась самой юго-западной окраиной Российского государства. Благодаря пограничному положению Северской украины, по мнению М.Н. Тихомирова, здесь очень долго сохранялись традиции удельного времени¹². Как и на других окраинах, боярское землевладение на Северщине было развито слабо. Особенностью упомянутого региона можно считать наличие довольно обширной территории с тяглым населением — Комарицкой волости. Она располагалась вокруг Севска, в районе, окруженном со всех сторон лесами. Крупнейшим городом Северской земли был Путивль. В нем была единственная на Юге России в XVI—XVII в. каменная крепость. Второй по значению крепостью после Путивля в Северском крае являлся Новгород-Северский. Почти на самой границе с Великим княжеством Литовским стоял Чернигов. Недалеко от него находился Монастырев (Моравск). Значительной крепостью также был Рылск.

В XVI столетии интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь XVI в. прошел под знаменем колонизации русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на исконные земли, которые русские крестьяне были вы-

⁹ Данное обстоятельство уже отмечено исследователями. См. например: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 22-23.

¹⁰ В результате первой русско-литовской войны XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси. В том числе и города с прилегающей округой, находившиеся в рассматриваемом регионе, а именно: Чернигов, Путивль, Рылск и Новгород-Северский. Попытка Великого княжества Литовского вернуть утраченное в 1507-1508 гг. не увенчалась успехом и по условиям «вечного мира», подписанного 8 октября 1508 г., Литва признала все завоевания Ивана III. Не изменилась ситуация и после третьей (1512-1522 гг.) и четвертой (1534-1537 гг.) русско-литовских войн XVI в. (См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 363-379; Любавский М.К. Указ. соч. С. 248-249; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 18).

¹¹ См.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 220-228.

¹² Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 408.



нуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия¹³. Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто¹⁴. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Уже в начале XVI в. возникла Тульская оборонительная черта. К середине столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг: Данков, Шацк, Орел и др. Теперь условная граница Российского царства проходила южнее среднего течения Оки, пересекала верховья Дона, верховья Оки и оканчивалась на западе в верховьях Десны и Сейма. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы. Грунт лесной полосы отличается маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха¹⁵. Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI — первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее. Вышеизложенное дает основание усомниться в справедливости мнения Р.Г. Скрынникова о том, что «...истощение почвы и низкая производительность принудительного барщинного труда привели вскоре к резкому падению урожайности зерновых на государевой пашне и степных уездах»¹⁶. Скорее, низкие урожаи следует связывать с вышеописанными особенностями агротехники. Вместе с тем, судя по описаниям иностранцев, уже в XVI в. имелось четкое представление о значительно более высоком, по сравнению с центром России, плодородии почвы в Рязанском крае¹⁷.

Россия стремилась к колонизации Днепро-Донской лесостепи, т.к. это обеспечивало ей определенные преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми позволяло организовать новую линию обороны на пути татарских набегов. Прежняя схема защиты от вторжений крымцев, опиравшаяся на Тульскую засечную черту, не всегда оказывалась эффективной. Поэтому, по мере увеличения военных возможностей государства, в Поле стали выдвигаться русские сторожи и станицы. Затем начали создаваться опорные пункты, впоследствии ставшие центрами освоения края. Во-вторых, любое продвижение на юго-запад было выгодно России, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению на восток. К XVI столетию во взаимоотношениях княжества всея Руси с Польским королевством и Великим княжеством Литовским накопилось довольно много проблем. Кроме того, начиная с Василия III, московские государи претендовали на часть земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому. В 1503 г. русские послы от имени своего государя заявляли: «Ано не то одно наша отчи-

¹³ О домонгольских поселениях в Днепро-Донской лесостепи см., например: Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 1998. С. 19-22; Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 50-71; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII—XV вв. Елец, 1999. С. 54-88.

¹⁴ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. С. 41. Изначально крымско-русские отношения строились как равноправные. Однако вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств — прежних данников Крыма возложило на князя всея Руси обязанность выплаты «взимков» с этих территорий в пользу Крымского ханства. Вместе с тем, довольно быстро, сами крымцы начинают отказываться от употребления терминологии, выражающей данническую зависимость Руси (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // ОИ. 1999. № 2. С. 69-77; Она же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001. С. 225-271).

¹⁵ См.: Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 195.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 114.

¹⁷ См. об этом: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. V. С. 361.



на, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск <...> з Божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»¹⁸. Схожая ситуация возникла и во время мирных переговоров с литовскими послами в 1536 г. Последние утверждали, что войска Великого княжества Литовского воевали северские города, т.к. они принадлежат их государю, который отдал указанные населенные пункты Шемячичу и Можайскому, а те, изменив, передали их Москве. Российские бояре возражали, заявляя, что северские города всегда тянули к Киеву, а Киев — отчина великого князя всея Руси. В силу невозможности разрешить накопившиеся противоречия мир заключить не удалось, но было подписано перемирие сроком на пять лет, до 1542 г.¹⁹ К 1537 г. Смоленские и Северские земли были уже отвоеваны Россией, а Киевские, по Люблинской унии 1569 г., отошли к Королевству Польскому.

Со своей стороны, Речь Посполитая всячески пыталась помешать усилению России. Отсутствие значительных естественных рубежей служило предпосылкой для постоянного противоборства между двумя странами. Характерно, что оба государства свои территориальные претензии обосновывали с исторически-правовой точки зрения. Но реального значения юридические доказательства не имели. На первый план вышел другой фактор — колонизация. Тот, кто раньше успевал освоить спорные земли в военном и хозяйственном отношениях, утвердился на них, тот и выигрывал территориальный спор. Примечательно, что заселение южных окраин России и Речи Посполитой началось практически одновременно в последние десятилетия XVI в.²⁰

Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Они постоянно здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий. Последние находились на р. Волге, Днепре, Дону, Хопре, Орели, Самаре, Суре, Тихой Сосне, между Доном и Днепром, между Валуйкой и Северским Донцом²¹. В силу этого, степняки стремились не допустить колонизации Поля другими странами. Кроме того, эта территория в XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым. Ведь в случае похода на Крым русских войск, им длительное время приходилось продвигаться по безводной степи, имея громоздкие обозы. Хан же имел возможность собрать силы и постоянными нападениями небольших отрядов изнурять противника. Буферная зона являлась удобным местом для концентрации татар перед набегами и давала степнякам возможность уйти от погони.

Нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея через Поле на Москву в 1521 г. ясно показало необходимость пересмотра российской политики на южном направлении. В это время Россия держала значительные военные силы у своих западных рубежей, хотя активных боевых действий против Великого княжества Литовского и не вела. Тем не менее, крупные русские силы были сосредоточены и на южной окраине страны. Однако их расположение оказалось неудачным. Полки дворянской конницы не были выдвинуты к Туле, которая к этому времени уже имела каменную крепость и могла служить надежным опорным пунктом для борьбы с крымцами. В результате отряды Мухаммед-Гирея прошли по Муравскому шляху между верховьями Ворсклы и Северского Донца, повернули на северо-восток и двинулись к Коломне между Тулой и Рязанью. Такое развитие событий В.П. Загоровский объяснил отсутствием военных способностей у Василия III и недооценкой последней роли военной разведки на территории Днепро-Донской лесостепи. По его мнению, сторожевой и станичной службы в 1521 г. на Поле еще не существовало²².

Разграбив окрестности Москвы, 12 августа 1521 г., Мухаммед-Гирей начал отход, двигаясь мимо центра Рязанского княжества. Татары предприняли попытку захватить

¹⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 460.

¹⁹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. VI. С. 412.

²⁰ См.: Падалка Л.В. Прошлое полтавской территории и ее заселение. Полтава, 1914. С. 53.

²¹ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 72.

²² См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 66-69.



Переяславль-Рязанский, но она закончилась неудачей. В следующее десятилетие правительство Василия III продолжило совершенствование оборонительной системы на южной окраине страны, впрочем, не пытаясь организовать защитные мероприятия непосредственно на путях татарских набегов, на Поле. Полки дворянской конницы выдвигались на Оку. Первая роспись воевод «на берегу», т.е. в городах по Оке, появляется в записях за 1518/19 г. Это роспись воевод по полкам. В других случаях составлялись списки воевод «по берегу» не в полках, а в городах. Это города Серпухов, Кашира, Таруса, Коломна, Мещера, расположенные по р. Оке. К ним же относились и воеводы на р. Угре. В разряде 1527 г. появляется роспись воевод «от Поля», в которой к этим береговым городам прибавлена еще Рязань (Переяславль-Рязанский), а также Тула и Одоев, хотя два последних располагались не на Оке, а на р. Упе.

В 30–40-х гг. XVI в. достаточно четко выделяются две пограничные линии на Юге России. Главная — береговая, шедшая по р. Оке. Южнее располагалась линия от Поля, опорой ее постепенно становилась Тула. В нее входили города: Одоев, Белев, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск. В эту линию часто включали и город Рязань (Переяславль-Рязанский), который был выдвинут далеко вперед от основной береговой (по Оке) линии. К середине XVI в. линия «от Поля» получила название линии «от Крымской украины». Обе линии выполняли общую задачу. Анализ записей разрядных книг позволил В.И. Буганову заключить, что в Москве службу «по берегу» и службу «от Поля» воспринимали как нечто единое, цельное²³. Были построены каменные крепости в Зарайске и Коломне. После опустошительных нападений крымцев на рязанские земли в 1533 и 1535 гг. было принято решение о восстановлении г. Пронска, для укрепления подходов с юга к Переяславлю-Рязанскому²⁴.

Летом 1541 г. начинается история российской государственной разведки на Поле, на путях вторжения крымских татар. По распоряжению руководителя русского правительства кн. И.Ф. Бельского для осмотра татарских дорог была направлена станица Гаврилы Толмача. Однако после отражения очередного татарского нашествия российская активность в Днепро-Донской лесостепи затухла. Между 1541 и 1546 гг. крымские татары совершили несколько нападений на российскую Украину. В марте 1541 г. они приходили к Путивлю и воевали северские места. В августе 1542 г. крупный татарский отряд пытался разгромить села и деревни между Переяславлем-Рязанским и Зарайском²⁵.

Анализ конкретной истории борьбы России с крымскими татарами в первой половине XVI в. позволил В.П. Загоровскому прийти к выводу, согласно которому в рассматриваемое время Российское государство еще не предпринимало попыток реального продвижения в пределы Поля. По его мнению, документы этого времени еще не позволяют говорить о начале российской государственной колонизации рассматриваемого региона. Здесь не возникло ни одного, санкционированного правительством поселения, еще не было создано регулярной российской сторожевой службы, а выходы русских военных отрядов на территорию Поля были эпизодическими явлениями²⁶.

Уже к середине XVI в. российское правительство достаточно ясно осознало всю невыгодность для себя сложившейся в этом регионе геополитической ситуации. Поэтому, во второй половине XVI в., как только появились силы и средства, Российское царство начинает продвижение на Юг, в лесостепь. Россия получила возможность активизировать свою политику на южном направлении после завоевания Казани в 1552 г. Примерно в это же время началось последовательное строительство русских крепостей на окраине, к которой примыкало Поле. В апреле 1551 г. началось строительство г. Михайлова на р. Проне. Михайлов сразу же занял заметное место среди крепостей порубежья. Во второй половине XVI в. служилые люди этого города активно участвовали в сторожевой службе и в основании других русских крепостей на Поле. В 1553 г. недалеко от впадения р. Шачи в Цну, где был проход из степи через лес к мещерским и рязанским местам (Шатцкие ворота), был основан Шацк. Третьим русским городом, возникшим в середине XVI столетия на стыке

²³ См.: Буганов В.И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV — первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1980. С. 208-209.

²⁴ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 76-79.

²⁵ См.: Там же. С. 81-84.

²⁶ См.: Там же. С. 85-86.

украины и Поля, стал Дедилов. Он был основан юго-восточнее Тулы, на притоке р. Упы, р. Шиворони. Дедилов представлял собой деревянную крепость с шестью башнями, одна из которых была шестистенной. Он играл заметную роль в жизни Юга России вплоть до второй половины XVII в. С 25 марта по 20 июля 1555 г. шло строительство г. Болхова (первоначально он назывался по речке, на которой был поставлен — «Нутрь»). Появление этой крепости закрыло прямой путь татарам к Белеву и Козельску, улучшило военное положение Мценска, в значительной мере подготовило основание Орла. В этом же году к западу от Муравского шляха были выстроены Крапивна и Чернь²⁷. Летом и осенью 1557 г. под руководством воеводы М.И. Колычева происходило строительство стен и башен Рязска (вплоть до XVIII в. преимущественно употреблялись названия «Ряской» или «Рязской»). Во второй половине XVI в. служилые люди Рязска активно участвовали в сторожевой службе на Поле. Границы Рязского уезда постепенно распространялись к югу²⁸.

Среди городов, возникших в описываемое время на стыке Украины и Поля, особое место занимал город на Псле («Псельский город»). Он выдвинулся далеко в степь. Расстояние от него до ближайшей российской крепости Путивля составляло около 250 км. Располагался он при впадении р. Псел в Днепр. Просуществовал этот город всего несколько лет (1558—1562 гг.)²⁹.

С весны 1563 г. в записях разрядных книг появляется еще один город на южной окраине России — Новосиль. Древнерусский город Новосиль был разгромлен татарами в XVI в. После этого новосильский князь Роман Семенович перенес свою резиденцию в Одоев, а его приемники стали именоваться «князьями новосильскими и одоевскими». По договору 1494 г. с Великим княжеством Литовским это княжество перешло в состав княжества всея Руси. В 1525 г. кн. Иван Воротынский восстановил на р. Упе разрушенный татарами Одоев. В середине XVI в. Одоев считался вотчиной его сыновей — Михаила Ивановича и Александра Ивановича Воротынских. В.П. Загоровскому не удалось обнаружить никаких сообщений о Новосили в русских документах середины XVI в. Последнее обстоятельство дало основания для заключения о том, что Новосиль как «город реальный, живой» в это время не существовал³⁰. 15 сентября 1562 г. Иван IV «положил опалу» на князей Воротынских и «вотчину их доли велел взяти на себя...»³¹.

Осенью 1566 г., вероятно, был основан г. Орел, получивший свое имя от названия реки, на которой он был построен. В том же 1566 г. на рубеже Украины и Поля возник вотчинный город Епифань, который принадлежал кн. И.Ф. Мстиславскому. Епифань оставалась вотчинным городом до 1571 г. В 70-е гг. XVI в. епифанских казаков активно привлекали к несению общероссийской сторожевой службы в Днепро-Донской лесостепи. Епифань не была единственным исключением, кроме нее на вотчинных землях московских бояр существовали городки Венев (Городенск), известные с начала XVI в., и Чернь. Венев стоял на горе возле р. Вeneвы. Он был укреплен рублеными «городнями» стенами высотой около 1,5 сажень. Стены имели земляную засыпку. Общее количество дворов в Веневе доходило до 143³². В 1571 г., одновременно с Епифанью, Венев был отнят у И.Ф. Мстиславского. Несколько ранее, при ликвидации удела кн. М.И. Воротынского, перестала быть владельческим городом и Чернь. Примечательно, что служилыми людьми бывших вотчинных городов (Епифани, Одоева, Вeneва и Черни) в 70-е гг. XVI в. управляли не воеводы, а осадные головы³³.

В 1568 г. на Дону был построен г. Донков. Он быстро занял одно из ведущих мест среди окраинных городов. В 70—80-е гг. XVI в. район наблюдения донковских сторож был весьма значительным.

Города, стоявшие южнее Оки, составили новую оборонительную линию. Она шла от Путивля на р. Семи до Тетюш на Волге. В нее входили: Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивна, Тула, Дедилов, Епифань, Дон-

²⁷ Любавский М.К. Указ. соч. С. 296.

²⁸ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 95-98.

²⁹ Там же. С. 98.

³⁰ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 100.

³¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 344.

³² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии... С. 51.

³³ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 104-105.



ков, Рязск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и Тетюши. Украинные города сделались основой для организации сторожевой и станичной службы в Днепро-Донской лесостепи³⁴.

Российское царство вступило в непосредственную борьбу с Крымским ханством за обладание Полем в 1555 г., когда по решению царя и боярской думы в пределы Крымского ханства был направлен 13-тысячный отряд И.В. Большого Шереметева. Тактические цели похода не были реализованы в связи с начавшимся в это же время нашествием крымцев на Москву, завершившегося битвой под Судьбищами 3 июля 1555 г. Тем не менее, стратегическая задача — демонстрация возросшей силы Российского государства — была достигнута³⁵. В 1557 г. помимо традиционного сбора полков дворянской конницы у Оки был осуществлен выход воевод со служилыми людьми украинских российских городов глубоко в Днепро-Донскую лесостепь — к рекам Быстрой Сосне и Сейму. Таким образом на территории Поля создавалась временная передовая линия обороны. В города Украины (Дедилов, Мценск, Михайлов, Пронск, Карачев, Болхов) назначались по два воеводы. Один оставался командовать гарнизоном крепости, а другой во главе военного отряда отправлялся в степь. Показательно, что в дальнейшем, как метко подметил В.П. Загоровский, пункты расположения в 1557 г. русских войск на Поле стали местами трех новых российских городов³⁶ (Ливен, Ельца и Курска). Тем не менее, выход российских вооруженных сил к Быстрой Сосне и Сейму не привел к немедленному закреплению этой части Днепро-Донской лесостепи за Российским царством, а само расположение русских полков на южном направлении не отличалось постоянством и единообразием.

Анализ внешнеполитических действий правительства Ивана IV (прекращение военных действий в Ливонии на полгода, подтверждение перемирия с Польшей и Литвой) позволил В.П. Загоровскому обосновать положение о намерениях России добиться серьезного успеха в борьбе с татарами в 1559 г. В этом году российскими отрядами И.М. Вешнякова и Д.Ф. Адашева были нанесены удары по Крымскому ханству со стороны низовьев Дона и Днепра. Однако в данной операции были задействованы незначительные силы, и она оказалась малоэффективной. В дальнейшем (1560—1562 гг.) российский внешнеполитический курс постепенно изменился: западное направление стало преобладать над южным. Инициатива в Днепро-Донской лесостепи и примыкающих к ней районах перешла к татарам. Вероятно, московское правительство пришло к заключению о недостатке сил для активной обороны южного направления. Подобное противоборство с крымцами требовало постоянного присутствия на берегу Оки значительного воинского контингента, независимо от операций на других фронтах³⁷. В условиях продолжавшейся Ливонской войны, подобные меры были невозможны. В июле 1562 г. крымский хан Дивлет-Гирей совершил нападение на Мценск и Мценский уезд. Отошедшие от главных сил отряды Дивея-мурзы и Мустафы-аги разорили Болховской и Белевский уезды³⁸.

В.П. Загоровский также отметил важное разделение окраинных российских городов, которое прослеживается в разрядных записях 7072 (1563/64) г. Города по Оке (Белев, Перемышль, Лихвин, Калуга, Алексин, Таруса, Серпухов, Кашира, Коломна, Переяславль-Рязанский), Козельск за Окой, а также Тула уже не считаются городами, непосредственно примыкающими к Полю. Они составляют вторую линию обороны. Перечень городов «от Поля», составляющих первую линию обороны на Юге, ограничен следующими наименованиями: Дедилов, Пронск, Михайлов, Рязск, Мценск, Болхов, Одоев, города на Плове и Солове, Карачев, Брянск, Почеп, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль и Рыльск³⁹.

После строительства Донкова (1568 г.) происходит спад активности Российского государства в регионе, по крайней мере, бурного строительства новых городов на южной окраине страны в два последующих десятилетия не наблюдается. Общее построение обороны южных границ меняет свой характер. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится обязательным. Толчком к дальнейшему изменению российской политики на

³⁴ См.: Любавский М.К. Указ. соч. С. 297.

³⁵ Подробнее см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 115-121.

³⁶ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 127-128.

³⁷ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. С. 23.

³⁸ Подробнее см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 133-141.

³⁹ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 144-145.



южных границах послужили события 1570 г. В этом году нападение крымского хана на Россию не состоялось, но силы страны пришлось мобилизовывать для отражения возможного нашествия. Полки дворянской конницы возглавил лично Иван IV, прибывший вместе со своим сыном Иваном из Александровской слободы в Серпухов. Вероятно, тогда возникло представление о неудовлетворительном состоянии российской разведки, действовавшей в Днепро-Донской лесостепи, на путях подхода татар из Крыма к российским рубежам, а также появилось понимание необходимости реорганизации сторожевой и станичной службы.

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба. Ее организатором являлся боярин М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставлялись российские сторожи и станицы. Пограничная служба складывалась теперь из трех элементов: 1) путивльских и рыльских станиц, ездивших по утвержденным в Москве маршрутам; 2) сторож из окраинных российских городов, стоявших в утвержденных в Москве местах и наблюдавших за путями возможных татарских набегов; 3) общероссийских сторож, располагавшихся на Поле и высылавших по сторонам свои собственные станицы. Одна общероссийская сторожа находилась при впадении р. Балыклеи в Вапу, вторая — на левом берегу Дона, выше устья р. Хопра, третья — на р. Осколе, при устье Убли, а четвертая — на р. Сейме, при устье речки Хона.

Разгром крымцами русских войск в 1571 г., сожжение ими Москвы и разорение Рязанской земли привели к определенным изменениям в обороне южной окраины Российского царства. Эти перемены заметны уже при подготовке к отражению татарского вторжения 1572 г. Теперь практически все наличные русские силы было решено сосредоточить вдоль Оки. Полки дворянской конницы пополнялись служилыми людьми из городов, располагавшихся южнее Оки: Дедилова, Донкова, Орла, Новосили, Ряжска, Епифани, Шацка, Пловы и Соловы. В полном составе на месте остался лишь гарнизон Тулы и гарнизоны некоторых менее крупных городов, которые могли оказаться на пути татарского вторжения (Михайлов, Зарайск, Одоев). Победа при Молодях в 1572 г. способствовала закреплению такой практики при организации противодействия крымским набегам в дальнейшем.

С 1573 г. вооруженные силы украинских городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорыва татар к Москве. Обычно полки «украинного разряда» размещались в Туле, Дедилове и еще в каком-либо одном пункте. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. С 1572 г. здесь ежегодно стояло по пять полков. Пункты из размещения по 1598 г. практически не менялись. Большой полк размещался в Серпухове, полк правой руки — чаще всего в Тарусе, передовой — в Калуге, сторожевой — в Коломне, полк левой руки — в Кашире. Это однообразное и устойчивое размещение пяти полков «на берегу» отвечало целям исключительно пассивной обороны от крымских татар. Расстановка полков в две линии продолжалась вплоть до 1598 г. С 1599 г. вторая линия обороны исчезает и полки ставятся только в украинских городах. Они выдвигаются далеко вперед, к югу: большой полк стоит в Мценске, передовой — в Новосили, сторожевой — в Орле⁴⁰. Такое размещение говорит об усилении позиций Российского царства в рассматриваемом регионе, которое произошло в связи с постройкой новых городов. В 1575—1576 гг. было несколько изменено расположение общероссийских сторож. Так, самая западная сторожа с берега р. Сейма была переведена на Северский Донец, на устье р. Уд. В 1577 г. на сторожу к Северскому Донцу посылали детей боярских Брянск, Почеп, Стародуб и Новгород-Северский, кроме того, Орел и Карачев, а в случае необходимости — Новосиль, Болхов и Одоев. Сторожу на р. Осколе обеспечивали дети боярские из Тулы, Пловы, Соловы, Епифани, Венева, Мценска, а также из Болхова и Одоева. Разорение страны в результате неудачной для России Ливонской войны привело к сокращению количества общероссийских сторож на Поле с четырех до двух, в том числе была снята сторожа на Северском Донце. Остались сторожи при слиянии Оскола и Убли и на Дону, при впадении р. Богато-

⁴⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 28-29.



го Затона, в каждой из них находилось по 70 чел.⁴¹ К этому времени относится попытка официального включения Поля в состав России. Воевода М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский обозначили особыми знаками границы Российского царства в южной степи. Можно предположить, что подобные действия восточного соседа не оставили равнодушной Речь Посполитую. Так, в 1589 г. польский королевский канцлер Ян Замойский выступил с пропагандой проекта завоевания Смоленска и Северских земель, а также осуществления последующей унии двух государств⁴².

С 80-х годов XVI в. развернулось строительство крепостей на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом. В 1586 г. были основаны Ливны и Воронеж. Как справедливо отметил В.П. Загоровский, сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечить закрепление придонской части Поля за Россией⁴³. Такая задача стала актуальной в связи с появлением в Днепро-Донской лесостепи черкас. В это же время статус города приобрел Севск, который еще до 1582 г. был укрепленным пунктом⁴⁴. Повышение защищенности юго-западных окраин лежало в русле общегосударственной политики, направленной на усиление обороноспособности неустойчивых рубежей страны.

В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил поход на Москву. Для татар нашествие, в целом, окончилось неудачей, однако оно показало несовершенство российской оборонительной системы на юге страны. Крымцы прошли к Москве, оставив Ливны слева, а Воронеж — справа, за Доном. В итоге было решено построить еще один российский город на Елецком городище, поблизости от места, в котором летом 1591 г. татары Казы-Гирея форсировали Быструю Сосну. Елец был возведен в 1592 г. и с этого времени стали нести службу елецкие сторожи и станицы. С 1594 г. упоминается новый город Кромы, возникший к юго-западу от Орла. В 1596 г. были построены достаточно мощные деревянные крепости Белгород и Оскол⁴⁵. В том же году возвели крепостные укрепления Курска.

В 90-е гг. XVI в. создаются лесные засеки под Тулой. Они завершили создание оборонительной линии, известной в научной литературе как Тульская засечная черта. Она защищала исторический центр страны — Москву и прилегающие к ней районы.

Сильной русской крепостью на Поле стал Царев-Борисов, возведенный в 1599 г. при впадении Оскола в Северский Донец. Осенью этого же года стал серьезной крепостью еще один российский населенный пункт в Днепро-Донской лесостепи — Валуйка. По предположению В.П. Загоровского, основанному на том факте, что воевода В.В. Кольцов-Мосальский должен был оставить с собой зимовать в городе 150 стрельцов и казаков, 12 пушкарей, 20 плотников и одного кузнеца, строительство деревянной Валуйской крепости завершилось только в 1600 г.⁴⁶

Таким образом, к концу XVI в. укрепленные поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям. После постройки городов Крым быстро осознал угрозу своему положению в регионе и предпринял ответные меры. Поскольку уничтожить поставленные крепости крымцы были не в состоянии, они попробовали применить дипломатические средства. Однако все маневры крымцев были разгаданы, и заселение Поля продолжалось.

Речь Посполитая считала указанную территорию частью Северских земель, отвоеванных у Великого княжества Литовского Россией в начале XVI в. Очевидно, польское правительство никогда не отказывалось от намерения вернуть утраченные районы. После окончания неудачной для России Ливонской войны продвижение польских рубежей на юг и восток стало важным элементом государственной политики Речи Посполитой. Это,

⁴¹ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 156-187; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ. М.; Л., 1948. Вып. 20. С. 3-28. Здесь же см. подробную схему расположения станиц и сторож.

⁴² История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 197.

⁴³ Подробнее об основании этих городов см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 197-202; Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 73-74.

⁴⁴ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 200.

⁴⁵ Подробнее об основании этих городов см.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 144-145; Папков А.И. Указ. соч. С. 75-87.

⁴⁶ См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 226-227.



по мнению В.П. Загоровского, на первых порах соответствовало интересам основной массы украинского населения Приднепровья, устремившегося на Левобережье Днепра, подальше от польской администрации и феодалов⁴⁷. Однако в открытый территориальный конфликт с Россией в конце XVI в. польское правительство не вступало. Южные рубежи Российского царства беспокоили лишь украинские казаки, являвшиеся подданными Речи Посполитой. Именно реакцией на черкасские разбои объясняло российское правительство Казы-Гирею постройку городов на Поле, указывая, что от новых городов крымским улусам нет вреда, а только польза, т.к. «...тут воры черкасы больше не живут»⁴⁸.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Днепро-Донская лесостепь во второй половине XVI в. стала зоной ожесточенной конкуренции между Российским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. Причем Крым устраивало положение, сложившееся после уничтожения Большой Орды в 1502 г. Крымский хан считал Поле своей территорией, которую можно использовать не только как место летних кочевий, но и как своеобразную буферную зону. Наличие последней ставило Крым в преимущественное положение по отношению к своим северным соседям. Россия, оценив эту ситуацию, во второй половине XVI в. приступила к колонизации Поля. В исторической литературе неоднозначно оценивается характер российской колонизации Днепро-Донской лесостепи. До революции господствовало мнение о приоритете правительственной колонизации, под которой понималось освоение территории, организованное правительством России, переселявшем своих подданных на южную границу для организации ее обороны от крымских татар. Изменилась эта оценка в советское время, когда марксистская методология обязывала максимальное внимание уделять деятельности народных масс. Утверждалось, что заметную роль в заселении южных пространств сыграло народное движение на свободные земли. Было выдвинуто положение о более ранней народной колонизации⁴⁹, которая затем «переплелась» с правительственной⁵⁰. Представляется более правильным говорить о государственной колонизации, понимая под ней процесс, сочетающий в себе деятельность правительства по заселению рассматриваемых земель и вольное переселенческое движение, контролируемое российской администрацией и обреченное на провал без поддержки государства.

Колонизация Польской Украины, начатая российским правительством в конце XVI в. принесла положительные результаты. Вследствие целенаправленной российской политики (посылки сторожей в последней трети XVI в., затем организации освоения края, постройки крепостей в конце XVI — начале XVII в.) Россия смогла утвердиться на Поле, отеснив своих соперников.

ABSORPTION OF THE SOUTHERN BORDERLANDS BY RUSSIA IN THE XVI CENTURY

A.I. PAKOV

Belgorod National Research University

e-mail: papkov@bsu.edu.ru

The article deals with the process of Russia's state territory expansion in the Southern direction in XVI century. The author analyzes the contradictions between Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Crimean Khanate which resulted from their fierce competition for domination in the Dniepr-Don forest-steppe.

Keywords: Russian Tsarstvo, South of Russia, Dnepr-Don forest-steppe, Krym Khanstvo, Polish-Lithuanian Commonwealth, frontier.

⁴⁷ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 194.

⁴⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 396.

⁴⁹ См. например: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 20.

⁵⁰ Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронежского университета. Воронеж, 1969. Т. 87. С. 86.



КУПЕЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Д.С. ГРЕБЕННИКОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: grebennukovd@yandex.ru

Показаны изменения в промышленной деятельности уездного купечества губерний Центрально-Черноземного региона в конце XVIII – первой четверти XIX в. Изучение этого вопроса показало, что купеческая промышленность была представлена двумя видами производств: заводским и кустарным. Доля купцов имевших заводы в начале XIX в. составляла 10%. Среди купцов доля ремесленников в начале XIX в. также составляла около 10%. При увеличении налогообложения доля купцов-ремесленников сокращалась, а владельцев заводов наоборот увеличивалась. Основное количество купеческих заводов в конце XVIII – первой четверти XIX в. было представлено предприятиями перерабатывающими продукты сельского хозяйства. Это такие предприятия как: салотопни, кожевни, мыловарни. Наибольшее количество купцов занимавшихся ремеслом было представлено кузнецами.

Ключевые слова: купечество, промышленность, ремесло Центрально-Черноземный регион, динамика численности.

Отечественные историки выявили сферы приложения купеческих капиталов¹. Однако насколько было характерно для купечества занятие определенным видом деятельности остается открытым. Сложность изучения данного вопроса подчеркивал В.П. Бойко, который писал: «... трудно определить достаточно точно, кто чем тогда занимался»². Вместе с тем источники, сохранившиеся по Центрально-Черноземному региону, позволяют проследить доли купцов занятых определенной деятельностью, в том числе и производственной. Купцы Центрально-Черноземного региона вкладывали свои капиталы преимущественно в два вида деятельности. Большинство купцов занимались торговлей. Менее распространено в купеческой среде было производство. Купеческое производство было двух видов: промышленное и кустарное.

Интерес к истории промышленности наблюдается еще у дореволюционных авторов: Г.М. Веселовский, А.А. Тарачкова, и т.д.³ Кроме того, информация о промышленных заведениях в городах Центрального Черноземья, встречается в дореволюционных справочных изданиях и исследованиях статистического характера. С 1980-х гг. появляются работы по исследованию отдельных отраслей промышленности Центрально-Черноземного региона по отдельным городам.

Одной из губерний Центрально-Черноземного региона была Курская губерния. В Курской губернии в конце XVIII в. насчитывалось 284 предприятия: 2 салотопенных, 37 кожевенных, 3 суконных, 1 красильный, 9 восковых, 2 маслобойных, 1 пивоваренный, 3 канатных, 89 винокуренных, 74 кирпичных, 4 селитряных, 41 известковый, 1 гончарный, 2 ковровых, 2 полотнянных, 10 прядильных, 2 веревочных⁴.

А.А. Терещенко и Л.Н. Рянский считают, что приведенные данные на конец XVIII в. относятся ко всем заводам губернии, включая простаивавшие без работы⁵. Однако это не так. Как нам известно, даже в Белгороде существовали мыловаренные заводы, о которых, правда, нет достоверной информации. Если учитывать число белгородских мыловарен, то количество подобных заводов в губернии должно было быть большим. Это позво-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.А18.21.1992 от 14.11.2012 г.

¹ Демкин А.В. Русское купечество XVII-XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990.

² Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 33.

³ Города Воронежской губернии и их история и современное состояние с кратким очерком всей Воронежской губернии/сост. П.М. Веселовский и Н.В. Воскресенский. Воронеж, 1876; Тарачкова А. Материалы для истории торговли и промышленности в Орловской губернии. Орел, 1863. С. 68.

⁴ Терещенко А.А. Рянский Л.Н. Курский край в XIX в. Т. VIII. Курск, 2003. СС. 26-27.

⁵ Терещенко А.А. Рянский Л.Н. Указ. соч. С. 25.



ляет считать, что данные на конец XVIII в. приводятся только по работавшим заводам. К концу первой четверти XIX в. количество действующих заводов в Курской губернии, если верить приведенным А.А. Терещенко и Л.Н. Рянским сведениям, сокращается до 199. Однако сокращения численности заводов не должно было наблюдаться, так как по ряду производств с большим количеством предприятий авторы просто не располагают сведениями (винокуренные, кирпичные, известковые). А между тем, число подобных предприятий не должно было сократиться, исключение могли составлять винокуренные заводы, численность которых, как мы знаем, сокращалась изучаемый период. В 1828 г., по А.А. Терещенко и Л.Н. Рянскому, в Курской губернии численность предприятий была следующая: 93 салотопни, 24 мыловарни, 33 кожевни, 9 суконных, 4 свечносальные, 4 свечносальные, 12 восковых, 2 сахарных, 1 индиговое, 15 селитряных, 1 ковровое⁶. Общероссийскую известность имело кожевенное производство Курской губернии в конце первой четверти XIX в., когда в губернии насчитывался 61 кожевенный завод⁷. Таким образом, в Курской губернии сокращается численность предприятий, связанных с выработкой тканей, и увеличивается количество предприятий по переработке продуктов скотоводства, то есть возрастает количество предприятий, принадлежавших купцам.

Самый крупным промышленным центром Курской губернии являлся губернский город — Курск. В 1780-х гг. в Курске исследователи насчитывали 61 завод: 36 кожевенных, 15 кирпичных (1 казенный, 5 купеческих, 6 мещанских, 3 однодворческих), 7 известковых (1 казенный, 4 купеческих, 1 мещанский, 1 однодворческий), 1 воскобойный, 1 гончарный и 1 сальный⁸. В 1790-е гг. количество заводов в Курске возросло, в это время в городе располагалось 44 кожевни, 22 маслобойни, 5 мыловарен, 5 воскобоен, 5 пивоварен и 22 кирпичных завода⁹. Таким образом, в конце XVIII в. в Курске наблюдается рост численности кожевенных, воскобойных, мыловаренных и кирпичных предприятий, что было связано с ориентацией местной промышленности на переработку местного, большей частью сельскохозяйственного, сырья. Как правило, большинство заводов, на которых осуществлялась переработка продуктов скотоводства, находилось в руках купцов. Так известно, из 14 владельцев кожевен Курска в начале XIX в. тринадцать являлись купцами¹⁰. Объемы производства на Курских кожевенных заводах были весьма велики от 200 до 1500 кож, то есть на заводах использовался наемный труд. В прилегающем к губернскому городу уезде также имелись заводы. В 1780-х гг. промышленность Курского уезда была представлена 1 винокуренным, 3 известковыми и 4 кирпичными заводами¹¹.

Крупным промышленным центром Курской губернии являлся Белгород. Уже в 1773 г. в Белгороде имелись промышленные предприятия: 6 воскобоен, 13 известковых, 4 кирпичных и 1 мыловаренный завод¹². Развитие купеческой промышленности в Белгороде конца XVIII – первой четверти XIX в. отражает таблица 1. Доля купцов, владевших заводами и занимавшихся ремеслом, колебалась в 1785 – 1806 гг. в пределах 10%. С 1806 г. по 1822 г. наблюдается рост доли владельцев заводов-купцов и уменьшение числа ремесленников. Это указывает на рост благосостояния владельцев заводов и возросшие возможности сохранить купеческое звание.

Таблица 1

Динамика развития численности купечества занятого промышленным производством в г. Белгороде последней четверти XVIII – первой четверти XIX в.¹³

	1785 г.		1797 г.		1806 г.		1822 г.	
	Количество купцов		Количество купцов		Количество купцов		Количество купцов	
	(чел.)	%	(чел.)	%	(чел.)	%	(чел.)	%
Владельцы заводов	19	10,5	25	9	27	9	19	16
Ремесленники	17	10	-	12	28	10	3	3

⁶ Терещенко А.А. Рянский Л.Н. Указ. соч. СС. 26-27.

⁷ Хозяйственная статистика России. В. Андроссов. М., 1827. С. 173.

⁸ Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных об нем известий вкратце. М., 1786. С. 47.

⁹ Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1968. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Ларионов С. Указ. соч. С. 57.

¹² Новый и полный словарь Российского государства или лексикон. Ч. 1. М., 1788. С. 119.

¹³ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 218; Ф. 20 Оп. 1. Ед. хр. 44; Ед. хр. 113; Ед. хр. 244.



Долю купеческих заводов из общего количества предприятий Белгорода можно выявить по «Ведомости» 1797 г. В 1797 г. в Белгороде было 29 заводов, из них купеческих 25¹⁴, то есть 86% заводов Белгорода принадлежало купцам. Подобное явление наблюдается и в целом по Центральному Черноземью. Фактографические материалы по Черноземью подтверждают теоретические выводы Н.М. Дружинина о роли купеческого капитала в становлении отечественной промышленности¹⁵. Роль купеческого предпринимательства отмечена и в работах В.Н. Бернадского, по которому, на долю купечества приходилось до 59% открывавшихся заводов¹⁶.

Таблица 2 отражает информацию о роли купечества в развитии заводской промышленности Белгорода в конце XVIII – первой четверти XIX в. Одной из отраслей промышленности, в которую белгородские купцы вкладывали капиталы, было мыловарение. У С. Ларионова мы встречаем упоминание об одной мыловарне Белгорода в начале 1780-х гг.¹⁷. Видимо, это заниженные данные, так как в 1785 г. 8 купцов имели мыловарни. На мыловаренных заводах из животного жира производили мыло, продававшееся на внутреннем рынке. В 1797 г. купцов-мыловаров в Белгороде насчитывалось 5 чел. Мыловарни Белгорода выпускали в год 300-1200 пудов мыла. Пуд дешевого мыла стоил 3 руб. 20 коп., дорогого – 38 руб. 20 коп. Два завода выпускали дорогое мыло, доход от них составлял 38200-45840 руб. в год. Остальные предприятия производили мыло низкого качества и приносили своим владельцам ежегодно 960-2560 руб. На первый взгляд, представляется, что большинство владельцев мыловарен давали заниженные данные о производстве. Однако это не так, о чем говорит сокращение численности купцов-мыловаров к 1806 г., то есть в момент роста численности купечества. По количеству производимого мыла можно узнать, сколько имелось на заводе котлов, и необходимы ли были для осуществления производства наемные рабочие. На мыловарнях Белгорода производили 300-1200 пудов мыла в год, значит, был один котел и наем рабочих не требовался. Часто на купеческих предприятиях работали только хозяин с детьми¹⁸. Помимо мыла, в 1797 г. мыловары Белгорода реализовывали продукты пчеловодства (3 чел.), рыбу (1 чел.) и сало (1 чел.). В 1806 г. купцов в Белгороде, которые занимались мыловарением, было 7 чел. Об их ориентации на местный рынок говорит то, что пятеро из них имели лавки. К 1822 г. количество купцов-мыловаров в Белгороде уменьшается до 5 чел. с шестью заводами, исключая строившийся П.А. Томбовцевым. Таким образом, количество мыловаров среди белгородских купцов сокращается в первой четверти XIX в., что, по нашему мнению, было связано с неконкурентоспособностью отдельных предприятий.

Было развито в Белгороде и кожевенное производство. В 1785 г. выделкой кож занималось 4 чел. Эти купцы торговали скотом. К концу XVIII в. количество купцов-кожевенников продолжало составлять 4 чел. В 1797 г. на кожевнях производили 70-200 кож. Кожа «большой руки» стоила 5 руб., «средней руки» – 4 руб. Завод, производивший кожи «большой руки», принадлежал Я.И. Дружинину, на нем вырабатывалось 200 кож в год. Завод приносил 1000 руб. Заводы, выпускавшие кожу «средней руки», приносили 250-350 руб. в год. Владельцы заводов со столь малыми доходами должны были иметь дополнительные занятия. На подобных предприятиях трудились сами купцы с небольшим числом наемных работников¹⁹. Сам производственный процесс был весьма сложен²⁰. Присутствие наемных работников на кожевнях было связано с трудоемкостью работ – велись одновременные операции над порциями сырья, которые находились на разных стадиях обработки. Однако наемные работники были необходимы лишь в периоды

¹⁴ ГАБО Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 20б-10.

¹⁵ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 119.

¹⁶ В.Н. Бернадский. Крепостническое и капиталистическое предпринимательство в третьей четверти XVIII в. // Вопросы генезиса капитализма в России. М., 1960. С. 115.

¹⁷ Ларионов С. Указ. соч. С. 67.

¹⁸ Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 70.

¹⁹ Лаптев Р.А. Эволюция кожевенно-обувной индустрии Курской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Мат-лы междунар. конф. (май 2002). Тамбов, 2002. С. 307

²⁰ Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912). М., 1913. С. 36-40.



времени, когда работа была наиболее напряженной²¹. В 1806 г. среди белгородских купцов владели кожевнями 5 чел. Один из них – Д.Е. Татаринов, владел еще воскобойней. Кроме продажи кож, эти купцы торговали продуктами пчеловодства. К 1822 г. купцов с кожевненными заводами осталось 2 чел. Один из них – Д.Е. Татаринов имел воскобойню и торговал продуктами пчеловодства. Уменьшение числа кожевен в руках купечества связано с выходом из сословия или сменой занятий купцами с менее рентабельными предприятиями. Еще одной причиной уменьшения числа купцов-кожевенников является рост кожевенного производства в крестьянской и мещанской среде. Кроме того, единственными крупными потребителями производимых кож были армия и внешний рынок. Соответственно, спрос был невелик.

Таблица 2

Развитие заводской промышленности купечества Белгорода в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в.²²

	1785 г.		1797 г.		1806 г.			1822 г.		
	Количество предприятий	Количество владельцев	Количество предприятий	Количество владельцев	Количество предприятий	Количество владельцев	Купцы имеющие иные заводы	Количество предприятий	Количество владельцев	Купцы имеющие иные заводы
Мыловаренное производство	8	8	5	5	7	7	-	6	5	1
Салотопное производство и производство сальных свечей	3	3	4	4	10	11	2	8	8	2
Воскобойное производство	1	1	5	5	3	3	2	4	4	2
Кожевенное производство	4	4	4	4	5	5	1	2	2	1
Кирпичное производство	-	-	5	5	-	-	-	-	-	-
Иное производство	3	3	2	2	1	1	-	-	-	-
Итого	19	19	25	25	26	27	5	20	19	6

Химическая промышленность Белгорода конца XVIII – первой четверти XIX вв. была представлена переработкой животного жира. Переработка велась на заводах двух видов – салотопенных и сальных. На первых перетапливали сало на жир, на вторых – из загустевшего жира производили свечи. Однако разграничение на салотопни и сальни условно, часто эти понятия виделась современниками как синонимы. Так, в «Городовой обывательской книге» Белгорода 1806 г. упоминается об одном предприятии семей Набатовых. В записях по Алексею Семеновичу завод значится сальной²³, а у Петра Семеновича как салотопня²⁴. В 1785 г. в Белгороде было 3 салотопни, продукция отправлялась в Москву и к портам²⁵. В 1797 г. салотопен в Белгороде было три. На них выпускали 200-550 пудов жира в год. Бараний жир стоил 3 руб. 20 коп., говяжий – 3 руб. 80 коп. Объемы производства говорят о найме работников. Так, работа «...силами семьи показывается от 30 до 150 пудов, при найме сторонних показывается от 50 до 200 пудов в год»²⁶. В год салотопни приносили владельцам 960-2090 руб. В Белгороде 1797 г. имелась одна сальня П.Г. Алаторцова, доход от нее составлял 9760 руб. в год. На ней производили свечи, пуд которых стоил 48 руб. 80 коп. В 1806 г. владельцев предприятий с переработкой

²¹ Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. Л., 1947. С. 174.

²² ГАБО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 218; Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 44; Ед. хр. 113; Ед. хр. 244.

²³ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 62.

²⁴ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 61.

²⁵ Окунь С.Б. История СССР (лекции). Конец XVIII – начало XIX века. Ч. 1. Л., 1974. С. 20.

²⁶ Любимиров П.Г. Указ. соч. С. 183.



животного жира было 11 чел. Они торговали скотом (7 чел.), продуктами пчеловодства (3 чел.), провиантом (1 чел.). Двое из них имели другие заводы – В.А. Романов мыловарню, М.А. Томбовцов – воскобойню. Континентальная блокада должна была отразиться на переработке сала в Центральном Черноземье, как и на севере страны²⁷. Тяжесть условий Тильзитского мира для российской промышленности подчеркивал и М.Н. Покровский²⁸. Разорительность разрыва торговых отношений с Англией была связана с преобладанием вывоза отечественного сырья именно в эту страну²⁹. Должно было наблюдаться сокращение числа салотопен. Однако, судя по материалам конца первой четверти XIX в., отрицательный эффект был непродолжительным. Так, в 1822 г. переработкой животного жира занималось 8 белгородских купцов. Некоторые из них имели другие заводы: Л.А. Третьяков – медовый завод, П.М. Короткова – 2 мыловарни. В 1822 г. купцы, перерабатывавшие жир, имели 8 лавок и вели торг разными товарами. Большинство из них торговали скотом (5 человек) и продуктами пчеловодства – 4 чел.

По Ларионову, в Белгороде в середине 1780-х гг. было 6 воскобоен. В сведениях по 1785 г. мы встретили одного белгородского купца, «сучившего» восковые свечи – Р. Крашенинникова. К 1797 г. воскобойным делом занималось 5 купцов. На воскобойнях выпускали свечи для храмов, личных нужд людей, а также перетапливали воск и перегоняли мед³⁰. В год выпускалось 100-500 пудов воска. Пуд капанца стоил 19 руб. 50 коп., пробойного – 18 руб. 50 коп., таким образом, ежегодно воскобойня приносила 1850-9750 руб. Белгородские купцы в 1806 г. владели только тремя воскобойнями. Уменьшение числа белгородских купцов с воскобойными заводами объясняется сменой занятий. Так, П.Д. Боготырев стал владельцем салотопни и перестал содержать воскобойню. Наблюдается вкладывание денег владельцами воскобоен в иные производства. Так, Томбовцов имел сальный завод, а Татаринов – кожевенный. В 1822 г. из белгородских купцов держали воскобойни 4 чел. Двое из них имели еще другие заводы: Чумичев – салотопный, Татаринов – кожевенный. Кроме того, П.А. Томбовцов строил два новых завода – сальный и мыловаренный. Вкладывание денег в иные производства говорит об уменьшении доходов от битья воска. Как правило, владельцы воскобоен торговали продуктами пчеловодства. Однако встречаются и другие предметы торговли – провиант, фураж, рогатый скот и кожи.

Имелось в Белгороде и особенное, характерное для этого города производство – паление извести. У меловой горы были построены известковые заводы, которые после публичных торгов сдавались в оброк на шесть лет. В середине 1780-х гг. в Белгороде насчитывалось 13 известковых заводов с 57 печами. В год на них выпаливалось 9975 четвертей извести. В 1785 г. известь выпаливали Ф.В. Евдокимов, Василий и Яков Ивановичи Фомины. С начала 1790-х гг. заводы арендовали купцы П. Набатов и А. Морозов³¹. В 1797 г. палили известь купцы Б. Адоньин, Н. Фомин, мещанин И. Буданов. С 1802 г. содержал заводы А. Третьяков³², в 1805 г. он продлил аренду на четыре года³³. Уже в 1806 г. на откуп заводы взяла купчиха П.К. Адоньина. С 1814 г. заводы арендовал купец А. Алаторцев³⁴.

Имелись в Белгороде купцы с редкими, часто малорентабельными, предприятиями. В 1785 г., таких было трое: Д.Д. Лашин владел мельницей, И. Бутнев – солодовней, М.М. Андреев селитряным заводом. Солодовни представляли собой землянки, в которых зерно прорастало³⁵. Пророщенное зерно сушилось и перемальвалось после вне солодовни. Традиционным на Белгородчине было производство селитры³⁶. В 1797 г. среди купе-

²⁷ Ключевич А.С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства, переработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань, 1971. С. 239.

²⁸ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 198.

²⁹ Кулишер И.М. Указ. Соч. С. 226; Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912). М., 1913. С. 67.

³⁰ Пархоменко И.Г. Белгородская губерния (социально-экономический и историко-культурологический очерк). Белгород, 2001. С. 76.

³¹ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 410б.

³² ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 236.

³³ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 10.

³⁴ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 113об.

³⁵ Отдел II // Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Выпуск первый Курский уезд. М., 1883. С. 33.

³⁶ Дворецкий Е.В. Первый завод Белгородчины // К истории Белгородчины. Вып. 2. Белгород, 1990. С. 11-15.

ческих предприятий выделялись 5 кирпичных заводов. Еще в середине 1780-х гг. упоминаются 4 кирпичных завода в Белгороде³⁷. Кирпичные заводы представляли собой сараи с печью для обжига кирпича. Как правило, работа на них была сезонной - производство велось летом. Два семейных работника успевали обжечь за лето 50-60 тыс. кирпичей³⁸. Кирпичные заводы создавали на время при потребности рынка в кирпичах³⁹. Самый крупный кирпичный завод в 1797 г. принадлежал белгородскому купцу В.И. Фомину, на нем обжигали 31 тыс. кирпичей в год. Самые малые объемы производства были у Я.Т. Немыкина - 12 тыс. кирпичей. Тысяча кирпичей стоила 5 р. 50 коп., то есть доход от кирпичного завода составлял 66 - 170,5 руб. Такие предприятия не могли служить единственным средством существования купцов, поэтому их владельцы занимались торговлей. В Белгороде имелась и пивоварня, в 1797 г. ее содержал купец И.К. Сабакин. Для производства он покупал овощи, что указывает на производство спирта. Другой купец - М.М. Бутнев в 1797 г. владел солодовней, производившей 25 четвертей ржаного и ячменного солода в год. Доход от солодовни достигал 100 руб., поэтому основным занятием Бутнева была торговля. Он перепродавал мед, воск, вошину и рогатый скот. В 1806 г. один белгородский купец имел завод, который приносил невысокие прибыли - С.М. Носов. Он в каменной бане перетапливал мед. К 1822 г. предприятий, которые были бы для купцов Белгорода дополнительным источником заработка, а не основным, не встречается. Значит, владельцы малорентабельных предприятий либо покинули сословие, либо больше внимания стали уделять торговле.

Промышленная деятельность белгородского купечества была представлена не только заводским производством, но и ремеслами. В 1785 г. купцов Белгорода, которые занимались бы ремеслами, насчитывалось 17 чел.⁴⁰: 5 портных, 4 кузнеца, 3 чеботаря, 2 столяра, 1 часовщик, 1 седельник, 1 мастер по изготовлению хомутов. В 1797 г. ремесленников было не менее 20 чел.⁴¹: 6 портных, 3 чеботаря, 2 рукавичника, 2 кузнеца, 1 шапочник, 1 печник, 1 бондарь, 1 столяр, 1 мастер по выделке кож, 1 мастер серебряных дел и 1 мастер масляных красок. В 1806 г. среди белгородских купцов было 28 ремесленников⁴²: 6 кузнецов, 3 портных, 3 рукавичника, 2 шапочника, 4 чеботаря, 2 столяра, 1 бондарь, 1 ситник, 1 мастер, делавший коты, 1 часовщик, 1 серебряных и золотых дел мастер, 1 мастер масляных красок. Рост числа кузнецов указывает на более высокие доходы этих ремесленников. Часто ремесленники занимались и торговлей. Так, в 1806 г. рукавичник М.И. Платонов продавал мелочный товар. Сильно сократилось количество купцов-ремесленников к 1822 г. В 1822 г. лишь 3 купца занимались ремеслом⁴³: бондарь, кузнец и столяр. Из них торговал лишь кузнец П.А. Анцыфоров. Уменьшение числа ремесленников указывает на их низкие доходы. Доля ремесленников среди белгородских купцов в 1785-1806 гг. колебалась в районе 10-12%. С увеличением налогообложения и введением послаблений для торгующих крестьян количество купцов-ремесленников уменьшается. Они стали больше внимания уделять торговле или выбыли из сословия.

В Белгородском уезде также имелись промышленные предприятия. Однако социальный состав владельцев предприятий неизвестен. По Ларионову, в 1780-е гг. в уезде насчитывалось: 6 винокуренных, 4 известковых, 3 кирпичных и 1 кожевенный завод.

Рассмотрим производственную деятельность купечества уездного города Курской губернии Обоянь. Благодаря «Городовым обывательским книгам», мы располагаем информацией за 1785 и 1792 гг.⁴⁴ С. Ларионов, описывая промышленность Обояни и Обоянского уезда, видимо, располагал неточной информацией: «фабрик и заводов ... не имеется»⁴⁵. В литературе имеется упоминание о том, что в Обояни и Старом Осколе ломали бут-

³⁷ Ларионов С. Указ. соч. С. 67.

³⁸ Отдел II // Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Выпуск первый. Курский уезд. М., 1883. С. 20-21.

³⁹ Пархоменко И.Г. Указ. соч. С. 84.

⁴⁰ ГАБО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 218.

⁴¹ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 44.

⁴² ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 113.

⁴³ ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 244.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ед. хр. 6.

⁴⁵ Ларионов С. Указ. соч. СС. 104, 106.



вый камень и известняк⁴⁶. По «Городовой обывательской книге» 1785 г. в Обояни имелись заводы. Так, купец П.С. Пахомов имел воскобойню. Кроме того, в 1785 г. три купца Чикина владели мельницами в с. Услани. Один из них имел две мельницы и «пчелной» завод (возможно, воскобойня). В 1792 г. в Обояни уже не было купцов с заводами, но в купечестве города появляются ремесленники — 4 из 92 купцов (4%). Трое из них были кузнецами: А.Л. Колпаков, И.Г. Москалев, П.Г. Москалев. А купец А.С. Канунников являлся плотником. Все ремесленники торговали мелочным товаром. Таким образом, 9,5 % обоянских купцов в 1785 г. и не менее 4% в 1792 г. занимались промышленным производством.

В другом уездном городе Курской губернии — Рыльске в 1780-х гг. не было заводов⁴⁷. А вот в Рыльском уезде имелся один известковый завод⁴⁸. Специалисты по истории Рыльска утверждают, что во второй половине XVIII в. заводов в Рыльске не имелось. Так, по мнению В. Просецкого, первые промышленные заведения появляются в Рыльске в начале XIX в. Автор утверждает, что в 1807 г. в Рыльске имелось 12 заводов: 2 кожевни, 3 сальни, 1 салотопня, 5 мыловарен и 1 кирпичный завод⁴⁹. Многие из перечисленных Просецким заводов должны были находиться в руках купечества. Отдельные купцы и в 1820 г. продолжали содержать промышленные предприятия. Так, из «Ведомости о купечестве города Рыльска» 1820 г. мы видим, что к концу первой четверти XIX в. 4,6% купцов имели заводы. П.Ф. Фолимонов имел сальню и мыловарню, М.С. Почепцов — сальный и свечной заводы, С.Г. Семенов — салотопню, И.А. Ващенин — мыловаренный и свечной заводы⁵⁰. При этом строительство заводов продолжалось. Так, И.В. Шелихов в 1821 г. просил разрешения на постройку скотобойни и салотопенного завода⁵¹. В источнике не значится ни одного ремесленника, видимо, среди купцов Рыльска в 1820 г. они отсутствовали.

В небольших уездных городах Курской губернии, таких, как Богатый, Дмитриев, Льгов, Тим, Щигры, в 1780-х гг. не было промышленных предприятий⁵². Кроме того, архивных данных о занятиях купечества этих городов также не сохранилось. Однако мы встречаем упоминание о заводах в уездах, принадлежавших этим городам. Например, в Богатенском уезде было 2 винокуренных, 2 известковых и 2 кирпичных завода⁵³. В Дмитриевском уезде располагалась слобода Шереметьевых — Михайловка, в ней проживало даже купечество. В Михайловке имелись и заводы: воскобойный, маслостойный, пенькотрепальный, прядильный, красильный, кожевенный⁵⁴. Во Льговском уезде также имелись промышленные предприятия: полотняная, коверная и суконная фабрики, 18 винокуренных, 5 кирпичных, 1 известковый и 1 солодовенный заводы⁵⁵. В то же самое время в Тимском уезде был всего лишь один кирпичный завод⁵⁶. В Щигровском уезде имелось два завода — кирпичный и известковый⁵⁷.

В остальных уездных городах Курской губернии (Короча, Путивль, Фатеж, Суджа, Новый Оскол, Старый Оскол) уже в 1780-е гг. имелись заводы. В Корочах располагались заводы селитренный, кирпичный, известковый⁵⁸. Кроме того, в Корочанском уезде имелись еще заводы: 35 винокуренных, 2 селитряных, 3 кирпичных⁵⁹. А в Старооскольском уезде располагались предприятия: 1 коверная фабрика, 4 известковых, 2 кирпичных и 2 винокуренных завода⁶⁰. В Новом Осколе в 1780-е гг. имелось 2 винокуренных завода, а

⁴⁶ Пенская Т.М. Социально-экономическое развитие Белгородской губернии // Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 275-летию образования Белгородской губернии. Белгород, 2002. С. 45.

⁴⁷ Ларионов С. Указ. соч. С. 134.

⁴⁸ Ларионов С. Указ. соч. С. 135.

⁴⁹ Просецкий В. Рыльск. Воронеж, 1966. С. 30.

⁵⁰ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 299. Оп. 1. Ед. хр. 2.

⁵¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1036. Л. 1.

⁵² Ларионов С. Указ. соч. СС. 73, 81, 96, 145, 158.

⁵³ Ларионов С. Указ. соч. С. 75.

⁵⁴ Ларионов С. Указ. соч. С. 83.

⁵⁵ Ларионов С. Указ. соч. С. 98.

⁵⁶ Ларионов С. Указ. соч. С. 146.

⁵⁷ Ларионов С. Указ. соч. С. 160.

⁵⁸ Ларионов С. Указ. соч. С. 90.

⁵⁹ Ларионов С. Указ. соч. С. 91.

⁶⁰ Ларионов С. Указ. соч. С. 118.

в уезде располагалось 17 винокуренных заводов, в основном в слободе Слоновий Мост⁶¹. В Путивле встречаем заводы: «купоросный 1, известковый 1, кирпичных 5, принадлежащие все одному купцу тамошнему»⁶². Кроме того, в Путивльском уезде располагалось 4 кирпичных и 2 известковых завода. В Судже был один селитряный завод, принадлежавший сумскому жителю С. Могиляту⁶³. Кроме того, в Суджанском уезде имелось 5 винокуренных и 1 кирпичный завод⁶⁴. В Фатеже было 2 кирпичных завода помещика Долгинцева⁶⁵. Под 1788 г. мы располагаем другой информацией о заводах Фатежа. Их было два: кирпичный и веревочный, принадлежавшие помещику Долгинцеву⁶⁶. Кроме того, в Фатежском уезде имелись другие предприятия: полотняная и трепальная фабрики, 1 известковый и 5 кирпичных заводов⁶⁷.

В Старом Осколе в 1780-е гг. имелось только 11 кирпичных заводов⁶⁸. Число кирпичных предприятий немногим увеличилось к 1830-м годам – до 12. В конце первой четверти XIX в. в Старом Осколе один купец владел пивоварней – Я.Е. Головин⁶⁹. На данной пивоварне имелся один семидесятидвухведерный котел. По нашему мнению, с начала XIX в. в Старом Осколе появляются первые промышленные предприятия по переработке продуктов животноводства, так как к 1830-м гг. подобных заводов насчитывалось довольно много. Так, в 1830-е гг. известны 8 салотопен, 10 воскобоек, 6 кожевен, 4 мыловарни⁷⁰.

Подводя итоги по купеческой промышленности в Курской губернии конца XVIII в., можно сделать следующие выводы:

- чем крупнее был город, тем больше в нем была численность купечества и тем сильнее развита промышленность;
- доля купцов, владевших заводами, в общей численности купечества в первой четверти XIX в. увеличивается;
- доля купцов, занятых ремеслами, наоборот, уменьшается;

с конца XVIII – начала XIX в. в крупных городах Курской губернии все больше становится купеческих предприятий, перерабатывающих продукты скотоводства.

MERCHANT INDUSTRY IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE LATE XVIII – THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)

D.S. GREBENNUKOV

Belgorod National Research University

e-mail: grebennukovd@yandex.ru

The changes in the industrial district of the merchants provinces of Central Black Earth region in the late XVIII - the first quarter of the XIX century. The study of this question showed that the merchant industry was represented by two types of processes: the factory and handicraft. The share of merchants who had plants in the early XIX century. was 10%. Among merchants artisans share in the beginning of XIX century. is also about 10%. By increasing the proportion of tax merchants artisans declined, and owners of factories on the contrary increased. The basic amount of the merchant plants at the end of XVIII - first quarter of the XIX century. was represented by enterprises processing agricultural products. These are such enterprises as: salotopni, tanneries, soap factories. The greatest number of merchants engaged in trade was represented by blacksmiths.

Keywords: merchants, industry, craft Central Black Earth region, population dynamics.

⁶¹ Ларионов С. Указ. соч. С. 111, 112.

⁶² Ларионов С. Указ. соч. С. 125.

⁶³ Ларионов С. Указ. соч. С. 139.

⁶⁴ Ларионов С. Указ. соч. С. 141.

⁶⁵ Ларионов С. Указ. соч. С. 151.

⁶⁶ Новый и полный словарь Российского государства или лексикон. Ч. 6. М., 1788. С. 99-100.

⁶⁷ Ларионов С. Указ. соч. С. 153.

⁶⁸ Ларионов С. Указ. соч. С. 117.

⁶⁹ ГАКО. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

⁷⁰ Никулов А.П. Старый Оскол. (Историческое исследование Оскольского края). Курск, 1997. С. 365.



УДК 94:631.243.32(47+57)''17/18''

ХЛЕБНЫЕ ЗАПАСНЫЕ МАГАЗИНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

П.П. КОТОВ

*Сыктывкарский
государственный
университет*

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

На основе законодательных актов прослеживается появление в России сельских хлебных запасных магазинов, создаваемых на случай неурожая. Выявляется, что они формировались длительное время, приобрели относительно четкие очертания системы лишь в конце 1820 – начале 1840-х годов и имели заметную специфику функционирования у разных податных сословий страны.

Ключевые слова: неурожай, запасные хлебные магазины, хлебные сборы, хлебный капитал, продовольственный капитал, общественная запашка.

Большим бедствием для России были неурожайные годы. Особенно тяжело они сказывались в период господства феодальных отношений, когда главную сферу экономики страны представляло сельское хозяйство и его основа – земледелие. Для простых граждан недородные годы несли потенциальную, нередко – прямую опасность массовых голодовок. Для господствующего класса и государственной власти возрастала вероятность бунтов, несвоевременной выплаты податей, увеличения смертности и других тяжелых последствий. Основные старания государственная власть направляла на создание продовольственных резервов, стержневым костяком которых стали сельские хлебные запасные магазины. Они появляются в России в XVIII веке и просуществовали до революции 1917 года. Однако, в научных трудах как обобщающего, так и регионального характера сохраняются лишь отдельные упоминания о существовании этого явления¹. По сути сведения о хлебных магазинах ограничиваются исследователями материалами из энциклопедических дореволюционных изданий. Поэтому изучение создания и функционирования сельских хлебных запасных магазинов является актуальным. Без изучения этого сюжета история крестьянства России XVIII – начала XIX века, да и страны в целом остается неполной.

Вопросы истории возникновения и эволюции системы хлебных запасных магазинов не оценены даже с точки зрения информационных возможностей законодательства России. Между тем, таковое вполне доступно для исследователей и по выдвинутой проблеме в полной мере опубликовано в Полных собраниях законов Российской империи². Оно представлено указами верховной власти и высших органов управления. Эти документы и будут в центре анализа в предлагаемой работе.

По мере укрепления и совершенствования институтов государственного управления России на проблему неурожая все чаще обращалось внимание, в том числе и со стороны верховной власти. Так, с эпохи Петра I постепенно выстраивается система ежегодных отчетов о посевах, урожаях и обеспеченности населения своими хлебами в регионах. С начала XIX в. стали требовать еще и сведения «о всходах и произрастании хлебов»³. Таким образом, власть пыталась оценивать ресурсы и вовремя реагировать на возникающие проблемы с обеспечением продовольствием населения на местах. Эта реакция иногда выражалась в действиях, которые применяются и в современной России. В 1798 г., например, в связи с плохим урожаем приостановили отправку хлеба из Архангельской гу-

¹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVIII в. – 1861 г.). М., 1993; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984 и др.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗ РИ – 1). Т. I – VI. СПб., 1830; Собрание Второе (ПСЗ РИ – 2). Т. I – VI. СПб., 1830–1884.

³ См., подробно: Котов П.П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX вв. // История государства и права. 2010. № 22. С. 12–14.

бернии за границу «доколе будет сие нужно»⁴. Предпринимались и меры, которые носили комплексный характер воздействия на земледельческое производство. Но их конечной целью являлось стремление обеспечить более стабильный и высокий уровень земледелия. К таким мерам относилось создание в 1765 г. Вольного экономического общества, призванного, в том числе обобщать и распространять передовые для своего времени приемы обработки земли, агротехнические «новшества», орудия труда и другие способы увеличения эффективности сельского хозяйства. Не без воздействия влиятельных и активных его представителей правительство пыталось внедрять новые земледельческие культуры. Наиболее масштабно это проявилось при распространении картофеля. В том же 1765 г. был опубликован указ и «Наставления» Сената о разведении картофеля⁵. После многолетних тщетных усилий правительство Николая I ввело с 1842 г. обязательную его посадку на крестьянских полях⁶.

В течение времени укреплялось мнение о введении прямых мер для преодоления недородов. Еще в 1718 г. принималось решение «о заведении хлебных запасов для вспоможения поселянам в случае недостатка хлеба от неурожая и других несчастных приключений бывающих»⁷. В связи с неурожаями 1723 и 1724 годов необходимость формирования хлебных запасов актуализируется. Для начала предпринималась попытка организации учета ситуации с продовольствием в стране. В 1723 г. Петр I приказал «в Камер-коллегии учинить Контору и придать к ней Особого человека, который бы всегда мыслил и доносил о магазейнах Государственных и о прочих, каким образом, во время недорода, народ довольствоваться...»⁸. В январе следующего года царь определил «места нужным магазейнам: 1) Петербург, 2) Рига, 3) на Дону, 4) на Днепре или Десне, 5) в Смоленске, 6) в Астрахани; главные из сих 1, 2, 3, прочие меньше». С другой стороны, он повелел: «Учинить экономии Генерального, которого должность первая над хлебом, чтоб везде запасной был, дабы в неурожайные годы народ голоду не терпел». Петр I не скрывал заимствования опыта европейских стран, который следует приспособить к условиям России. В частности, в том же законе 1724 г. указывалось, что «сию должность (Генерального – К.П.) взять из иностранных Уставов, и к тому свое прибавить и предложить»⁹. Однако дальнейших четких разъяснений по практической реализации создания зерновых запасов не последовало. Великий реформатор вскоре скончался, и многие его начинания, в том числе по организации хлебных резервов, не получили развития.

Затем верховная власть России довольно длительное время не издавала общегосударственных нормативов по формированию хлебных резервов. В этом направлении, правда, отдельные, разрозненные усилия предпринимались в некоторых регионах, как правило, по результатам «недородных лет». Известно, что в 1734 г. местные органы власти пытались создать запасные хлебные магазины в Смоленской губернии, в 1749 г. – в Архангелогородской губернии. Данные попытки не получили развития и необходимого воплощения на практике.

К идее создания зерновых запасов вновь вернулись после кончины императрицы Елизаветы I. В указе Сената от 14 февраля 1761 г. было обращено внимание, что в периоды «неурожая хлеба, цена оному была чрезвычайно велика» и зерна «поселяне многие на посев не оставили». В результате возникали опасные для феодального государства ситуации, когда население империи «в казенных платежах великие недоборы приключили». Поэтому законодатель предписал «иметь в запасе хлеб на годичное продовольствие и на будущий посев ... у помещиков, в Дворцовых, Синодальных, архиерейских и монастырских вотчинах, и кто б деревни не имел, и у однодворцев»¹⁰. Обязав владельцев самим позаботиться о своих крестьянах, государство планировало за счет казны «хлебные магазины завести во всех городах». В именном указе от 20 августа 1762 г. Екатерина II

⁴ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 18445. С. 169.

⁵ Там же. Т. XVII. № 12406. С. 141-148.

⁶ ПЗС РИ – 2. Т. XVII. № 15296; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 12. Д. 1206. Л. 2-2 об.; Д. 1454. Л. 28 об.

⁷ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

⁸ Там же. Т. VII. № 4175. С. 27.

⁹ Там же. № 4420. С. 204-205.

¹⁰ Там же. Т. XV. № 11203. С. 648-649.



объясняла предполагаемые шаги тем, «дабы всегда цена хлеба в Моих руках была»¹¹. Этот закон остался на бумаге. На его исполнение требовались большие средства, каковых правительство страны не могло себе позволить.

Да и сенатский указ от 14 февраля 1761 г. долгое время не имел практических последствий. В нем отсутствовали «точные правила» его реализации и контроля над исполнением. Лишь после секуляризации церковных владений новое ведомство – Коллегия Экономии первым из органов исполнительной власти отреагировало на четырехлетней давности закон. 10 марта 1765 г. Коллегия Экономии издала для своих крестьян распоряжение «во всякой деревне иметь годовой запас хлеба, перемежая оный ежегодно свежим», не уточняя порядок его реализации. Лишь в «Наставлении Экономическим Правлениям» от 4 апреля 1771 г. впервые говорилось о создании «запасных хлебных магазинов», которые следовало «наполнять (ежегодным – К.П.) сбором с каждой души при хорошем урожае по полчетвертику¹², а при посредственном в полы»¹³. И это «Наставление» в части формирования хлебных запасов не получило практического продолжения. Ведь вновь не прояснились нормы и правила строительства и содержания «запасных хлебных магазинов».

Подобные «неясности» остались и при введении «хлебной подати» по указу от 23 июня 1794 г. По нему в 18 губерниях России с каждой ревизской души вводился ежегодный взнос по 15 коп. ассигнациями (далее – асс.) и четвертику ржи. Предусматривался и сбор крупы: в казенной деревне по одному гарнцу, в помещичьей деревне – полгарнца с души. В других 6 губерниях страны законодатель ограничился только «хлебными сборами» в размере 2 четвериков ржи и 1 гарнца круп с ревизской души. В остальных 17 губерниях хлебные сборы отсутствовали¹⁴. В четырех из последних по закону от 8 октября 1796 г. «хлебная подать» все-таки была установлена. Однако, вскоре по указам от 10 и 18 декабря 1796 г. все учрежденные натуральные хлебные взносы с крестьян заменялись денежными сборами из расчета «по 15 копеек за каждый четверик»¹⁵.

Более основательно правила введения и содержания «сельских запасных хлебных магазинов» были прописаны в «Учреждении об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г. По этому законодательному акту в России оформлялась новая категория сельских жителей – удельные крестьяне. В законе указывалось, что «для отвращения могущего случиться от недорода хлеба недостатков» при каждом удельном приказе «надлежит учредить запасный хлебный магазин». Удельные крестьяне избирали из своей среды старост, которые отвечали за должное устройство и поддержание строений этих магазинов, своевременный и полный сбор хлеба с крестьян и «правильное распоряжение запасами». Хлебный сбор учреждался в объеме 0,5 пуда ржи с 1 десятины (далее – дес.) посева озимых и «10 фунтов овса и толико же число гречи». Надлежало «продолжать сей сбор безостановочно, не смотря на количество хлеба, в магазине хранящегося». Через каждые 2 года «старый» хлеб следовало продавать и покупать или менять на «новый». Зерно можно было выдавать «в займы на пропитание и на посев» только удельным крестьянам, но не менее 4 пудов «на заемщика»¹⁶.

Пример удельной деревни послужил образцом для дальнейшего законотворчества верховной власти. Она начала выстраивать систему мер, призванную нивелировать последствия неурожаев. При этом государство окончательно отказалось от непосредственного участия в ее создании и финансовых затрат. Они перекладывались на сельских и городских тружеников. По сути, вводилась новая государственная подать.

По закону от 7 августа 1797 г. произошло разделение «казенных сел на волости». Одновременно, по аналогии с удельной деревней, в каждой казенной волости предписы-

¹¹ ПСЗ РИ – 1. Т. XVI. № 11649. С. 57.

¹² До конца XIX в. зерновые хлеба в России измерялись в мерах объема. Наиболее крупной мерой являлась четверть. Она обнимала 8 четвериков или 64 гарнца (соответственно в четверик входило 8 гарнцев). Весовое содержание этих мер заметно различалось по разным родам хлебов. Так, вес четверти пшеницы или озимой ржи варьировался вокруг 8 пуд., ячменя – 7 пуд. и овса – 6 пуд.

¹³ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

¹⁴ Там же. Т. XXIII. № 17222. С. 530-531.

¹⁵ Там же. Т. XXIV. № 17628. С. 226; № 17661. С. 244.

¹⁶ Там же. № 17906. С. 525-569.

валось создать запасной хлебный магазин¹⁷. При исполнении данного закона местные чиновники не проявили необходимого «радения». Это и подтвердил запрос, оформленный в виде указа Сената от 20 марта 1798 г.¹⁸. Поэтому 29 ноября 1799 г. Павел I подписал еще один закон, который более четко регламентировал правила создания запасных хлебных магазинов в казенной и помещичьей деревне и усиливал ответственность за них невыполнение. Хлебные магазины следовало «устроить» в селениях, «где не менее 50 дворов, где нет, соединить селения». В «местах безлесных» до постройки «магазинов» разрешалось «сохранять запасной хлеб, как там по введенному жителями обыкновению сохраняется, как то: в ямах и даже немолочный в скирдах». Законодатель требовал ввести строгий учет зерна, своевременно обновлять его и «накопить (в магазинах – К. П.) по 3 четверти ржи и 3 четверика ярового овса или ячменя» на каждую ревизскую душу¹⁹.

Определялся и новый принцип «хлебных сборов» – с ревизской души. Отныне ежегодно после окончания жатвы с души необходимо было собрать озимых «не менее по полчетвертику и яровых по полугарнцу»²⁰. В результате исчезал существенный недостаток более ранних норм, в которых не учитывалось, что во многих губерниях России, особенно Европейского Севера отсутствовал точный учет крестьянской пашни. Здесь даже при составлении отчетов о посевах и урожаях хлебов в графе формуляра о площади запашки писали – «по неизмерению показать немочно» или «размеру земель в десятины никогда не бывало и затем показать невозможно»²¹. Это обстоятельство, конечно, вызывало сложности с определением размеров хлебных сборов. Поэтому в 1808 г. и в удельной деревне России ввели по душевой принцип накопления хлебных запасов²².

После Отечественной войны 1812 г. выяснилось, что на местах четкого исполнения правил о запасных хлебных магазинах так и не налажено. В ходе обсуждения этого вопроса с собственниками земли и крестьян (помещиками и удельным ведомством) в 1816 и 1819 годах правительство Александра I заключило, что опасность последствий от неурожая в России преувеличена, и нормы создания хлебных резервов излишне завышены. Было сделано и другое, не лишнее здравого смысла обобщение: в силу значительного своеобразия регионов и особенностей положения разных податных сословий огромной империи «буквальное» исполнение одинаковых и жестко регламентированных правил о запасных хлебных магазинах на местах «неудобно и затруднительно», в некоторых из них – невозможно. В связи с этим предполагалось заменить хлебные запасы «особым денежным капиталом», сформированным путем единовременного сбора со всех крестьян по 25 коп. асс. с ревизской души²³.

Однако сложности с обеспечением хлебом населения в неурожайный 1821 г. изменили планы правительства, хотя предыдущие намерения были учтены. По именным указам от 14 апреля 1822 г. в Европейской России и от 22 июля этого же года в Сибири создавались «губернские комиссии для продовольствия жителей»²⁴, которые по своему усмотрению могли сохранять запасные хлебные магазины или учреждать «денежный капитал». Первый путь избрали 40 губерний страны. В них полагалось «сбирать ежегодно по 4 гарнца на каждую ревизскую душу» и довести запасы зерна до 2 четвертей на душу (включая 0,5 четверти ярового). В других 12 губерниях за счет годовых сборов по 25 коп. асс. следовало накопить такую сумму средств, которой «в соображении с местными условиями» хватило бы на приобретение 1 четверти хлеба на каждую душу. При расчете указанной суммы в каждой губернии учитывались средние за предыдущие 5 лет цены на зерно. В 1824 г. в ведение губернских комиссий народного продовольствия были отнесены и городские хлебные магазины. С другой стороны, по-прежнему положения «о хлебных запасах», как и последующие подобные законы не касались «Грузии, Бессарабии и

¹⁷ ПСЗ РИ – 1. Т. XXIV. № 18082. С. 676-677.

¹⁸ Там же. Т. XXV. № 18448. С. 170-171.

¹⁹ Там же. № 19203. С. 895-899.

²⁰ Там же. С. 898.

²¹ Котов П.П. Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – начала XIX веков на примере Европейского Севера // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 111-118.

²² ПСЗ РИ – 1. Т. XXX. № 23020. С. 256.

²³ ПСЗ РИ – 2. Т. XLI. Отделение 1. № 43240. С.477.

²⁴ ПСЗ РИ – 1. Т. XXXVII. № 29000. С. 146-154.



колонистов горных». На особом положении находились также Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии.

Изначально даже ряд высокопоставленных чиновников России выражали сомнения в эффективности обновленной системы, вытребованной для создания хлебных резервов на случай неурожая. В частности, в ходе, инициированной в 1827 г. главой удельного ведомства Л.А. Перовским «ревизии» выяснилось, что ни в одном запасном хлебном магазине удельных имений не накоплен положенный запас зерна – по 2 четверти на ревизскую душу. Мало того, чиновники пришли к выводу о невозможности создания нормативного запаса хлеба при существующих правилах его формирования – для этого нужно было 32 года «бездоимочного» сбора хлеба или 48 лет денежных сборов. Но крестьяне, обремененные податями и повинностями, не могли полностью и регулярно вносить хлеб и имели большие недоимки по этим статьям. Да и неурожай в рамках тридцати - сорокалетних периодов случались по 5 – 6 раз. Это послужило причиной для изменения принципа наполнения запасных хлебных магазинов в удельной деревне. В его основу положили общественную запашку. Под нее в 1828 – 1829 гг. была выделена лучшая часть крестьянской тягловой пашни. Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности²⁵. Одна доля собранного зерна ссыпалась в запасные хлебные магазины, другая – продавалась и 10% полученной суммы поступали в «хлебный капитал», остальные деньги распределялись между чиновниками в качестве вознаграждений. Такая практика функционирования сельских запасных магазинов в совокупности с созданием денежных накоплений просуществовала, с частными корректировками, до отмены крепостного права в удельной деревне страны в 1863 г.

Следует признать, что за счет сокращения крестьянской пашни и усиления эксплуатации населения в удельной деревне России удалось создать действенную систему накопления хлебных и денежных запасов на случай недородных лет. Так неурожай 1833 г. удельная деревня пережила без особых затруднений в отличие от помещичьей и казенной деревни. В последних хлебных резервов в запасных магазинах оказалось менее половины от необходимых потребностей, а в губерниях с «хлебным капиталом» средств хватило на покупку только трети надобного продовольственного зерна²⁶.

На сложившуюся ситуацию правительство отреагировало достаточно оперативно и вновь учло положительный опыт удельной деревни. Уже 5 июля 1834 г. издается «Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствии», по которому для помещичьих и казенных крестьян вводились и хлебные, и денежные сборы²⁷. Во всех губерниях страны (за исключением упомянутых ранее территорий) этих крестьян обязали в каждом сельском обществе завести хлебные запасные магазины. В качестве дополнительных натуральных и денежных повинностей на крестьян возложили строительство, ремонт и охрану этих магазинов. Само собой, они должны были создавать и хлебные припасы, установленная норма которых, относительно 1822 г. снижалась до 1,5 четвертей на ревизскую душу (1 четверти озимых и 0,5 четверти яровых). Напротив, ежегодные душевые натуральные сборы возвышались до «получетверика озимых и 2 гарнцев яровых». Вскоре, по указам от 12 июля срок этих хлебных сборов в помещичьей деревне и от 25 июля того же 1834 г. в казенных селениях ограничили 16 годами²⁸.

Помимо хлебных взносов на помещичьих и казенных крестьян налагались и прямые денежные сборы по 10 коп. асс. на ревизскую душу, взимаемые ежегодно вместе с подушной податью. Общую сумму «хлебного (или продовольственного) капитала» предполагалось довести до 1,6 руб. на душу. В отношении городов законодатель ограничился лишь созданием «хлебного капитала», который следовало сформировать за счет выплат с мещан по 15 коп. асс. с ревизской души в течение последующих 20 лет²⁹. Тем самым государство отказалось от внедрения запасных хлебных магазинов в городах, оставив таковые лишь в городских поселениях Архангельской губернии.

²⁵ ПЗС РИ – 2. Т. II. № 1406. С. 819-821.

²⁶ Там же. Т. XLI. Отделение 1. № 43240. С.477.

²⁷ Там же. Т. IX. Отделение 1. № 7253. С.691-705.

²⁸ Там же. № 7272. С. 718-725; № 7300. С.787-797.

²⁹ Там же. № 7253. С.693; № 7272. С. 720; № 7300. С. 788.

В связи с отменой в 1839 г. ассигнаций и переходом на серебряный рубль, затем и на приравненный к нему кредитный рубль изменились и нормы «хлебного капитала». Его душевая сумма определялась на селе в 48 коп. серебром (далее – сер.) путем ежегодных сборов по 3 коп., в городах – в 1 руб. при взносах по 5 коп. в год³⁰.

Непосредственный контроль по исполнению законов 1834 г. возлагался на губернские комиссии продовольствия, предводителей дворянства и земскую полицию. Они же совместно с крестьянским «миром» распоряжались запасами хлеба. Эти запасы из конкретных сельских магазинов использовались на нужды только тех крестьян, которые были «прикреплены» к таковым и вносили в них ежегодные натуральные взносы. Иные подходы действовали относительно «продовольственных капиталов». Их, строго с разрешения правительства, местные власти могли употребить в интересах населения любой части или всей губернии.

В 1839 г., после создания министерства государственных имуществ в его ведение передавались все сельские хлебные запасные магазины и «продовольственные капиталы» казенной деревни. Законом от 16 марта 1842 г. правила их формирования были скорректированы. Прежде всего, вдвое умножались ежегодные душевые взносы – натуральные до 1 четверика озимых и 4 гарнцев яровых, денежные до 6 коп. сер. Правда, при достижении положенной нормы хлебов в запасных магазинах по 1,5 четверти на ревизскую душу и средств «продовольственного капитала» по 48 коп. сер. соответствующие годовые душевые сборы наполовину сокращались, т.е. возвращались к уровню 1834 г. Как только запасы становились менее установленного уровня душевые взносы вновь удваивались. Кроме того, по новым порядкам государственные крестьяне получили право пополнять запасные магазины мукой (ранее это запрещалось) и зерном с общественной запашки³¹. Однако попытки внедрения последней в 1840-х годах в государственной и помещичьей деревне, в отличие от удельной деревни не увенчались успехом и были свернуты.

После 1842 г. активность законодателя по усовершенствованию комплекса мер, направленных на преодоление последствий от неурожая в стране прекратилась. Выработанные к этому времени правила формирования хлебных и денежных запасов он считал достаточными и эффективными и не изменял их до отмены крепостного права. В ходе буржуазных реформ в России эти правила отменялись, и функционирование хлебных запасных магазинов было изменено, что требует специального исследования.

Обратим внимание еще на два сюжета, связанных с историей сельских хлебных запасных магазинов и отраженных в законодательстве конца XVIII – первой половины XIX в. Во-первых, строения под запасные магазины крестьян обязывали возводить из своего леса. Если такового в распоряжении крестьян не было, тогда материал разрешено было заготавливать «в казенных лесных дачах», правда, без «попенных денег», т.е. по льготной цене. Подобные правила действовали и при ремонте хлебных магазинов. Во-вторых, в случае необходимости, крестьяне могли получить хлеб из созданных ими же запасов только в ссуду и под поручительство (с согласия) сельского общества. Ссуда подразумевала увеличение долга на 6% за каждый год, что, вероятно на практике далеко не всегда выполнялось и достаточно специфически проявлялось в среде разных категорий российского крестьянства. Во всяком случае, в 1857 г. выяснилось, что в 5 удельных имениях России, в том числе и северных, проценты с заемщиков взыскивались только в размере годовых, даже если ссуда не возвращалась несколько лет. Департамент «строго указал» взимать проценты за каждый год отдельно, но разрешил не взыскивать их, если хлебный долг возвращался из первого урожая³².

Таким образом, анализ законодательных актов показывает, что в течение длительного времени в России разрабатывались критерии по формированию хлебных и денежных запасов на случай неурожайных лет. Правительство ассоциировало в качестве их ядра сельские хлебные запасные магазины. Выработка норм основания этих магазинов прошла в несколько этапов. В первой половине XVIII в. верховная власть скорее декларировала идею создания хлебных запасных магазинов и, по сути, ограничилась попыткой налаживания информации о состоянии с продовольствием населения в регионах. Затем,

³⁰ ПЗС РИ – 2. Т. XLI. Отделение 1. № 43240. С. 477.

³¹ Там же. Т. XVII. Отделение 1. № 15386. С. 176-184.

³² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2248. Л. 23-27, 53.



во второй половине XVIII в. государство отказалось от идеи финансирования строительства запасных магазинов. С другой стороны, оно обязало владельцев земли и крестьян выработать правила организации хлебных резервов и их создание за счет податного населения. Провал этой инициативы изменил подходы центральной власти к назревшей проблеме. На третьем этапе, в конце 1790 – начале 1820-х годов она вырабатывает относительно четкие и унифицированные правила о хлебных запасных магазинах и жестко требует их исполнения. Четвертый этап ознаменовался отказом законодателя от единых правил по созданию продовольственных запасов. Постепенно, наряду с требованием формирования собственно хлебных резервов вводится и норма накопления определенных денежных средств – в рамках «хлебного (иначе – «продовольственного») капитала». При этом, все эти правила и нормы имели заметную специфику у разных категорий податных сословий – мещан, удельных, помещичьих и государственных крестьян.

В статье не ставилась цель осветить практику исполнения принятых законов. Естественно, их реализация далеко не всегда соответствовала требованиям. Известно, что в начале 1860-х годов во многих запасных магазинах государственной деревни отсутствовало до половины и более положенных запасов зерна. Еще большие недостатки обнаружались у помещиков, а в некоторые имения даже ко времени отмены крепостного права не были созданы хлебные запасные магазины. Более благополучная ситуация наблюдалась в удельной деревне. Приведенные факты дополнительно актуализируют необходимость дальнейшего изучения затронутой проблемы.

CROP FAILURE GRANARIES ACCORDING TO RUSSIAN LEGISLATIVE SOURCES OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

P.P. KOTOV

Syktuykar State University

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

The article, on the basis of legislative acts, shows the appearance in Russia of crop failure granaries. The author reveals that these granaries were created for a long time and their system had acquired relatively clear outline only in the late 1820s – early 1840s. The article tells that crop failure granaries had their own specific features of functioning for every taxable estate in the country.

Keywords: crop failure, crop failure granaries, grain contributions, grain capital, food capital, public ploughing.



УДК 94(470)"18/19"

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБЛИКА КАЗАЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Г.О. МАЦЕВСКИЙ*Старооскольский филиал
Воронежского государственного
университета**e-mail: 2007nauka@mail.ru*

Статья посвящена особенностям социально-демографического облика российского казачества на рубеже XIX–XX вв., так как именно к этому периоду обращается большинство современных представителей казачества, государственной власти и исследователей при определении «образца» для возрождения казачества.

Ключевые слова: казачество, казацьи войска, военно-служилое сословие, этнос, Российская империя.

Процесс возрождения казачества на рубеже XX–XXI вв. вновь актуализировал темы, связанные с историей казачества. Среди учёных, государственных и политических деятелей, да и самих потомков казаков всё чаще поднимаются вопросы: что значит возрождение; что необходимо возрождать; какую эпоху истории казачества брать в качестве «образца для подражания»; насколько затребовано сегодня возрождение сословных и этнокультурных особенностей казачества?

При этом некоторые исследователи предлагают трактовать термин «возрождение» как категорию «социальной реконструкции»¹, другие – как реформаторский процесс или как процесс самовосстановления казачества², третьи – как «возобновление многонационального российского духа во всех его видах»³, четвёртые – как «воскресение тех черт, которые предопределяют его сущность как субэтноса»⁴. Сами казаки под «возрождением» зачастую понимают возвращение к образу жизни, сложившемуся к концу XIX – началу XX вв.⁵, «возрождение разрушенного казацкого уклада»⁶. До недавнего времени в самом широком спектре мнений по данным вопросам чаще всего рассматривалась такая дилемма: казачество должно возрождаться как военно-служилое сословие с характерными, традиционными формами местной самоорганизации, самоуправления, несения преимущественно военной службы, решения земельного вопроса с соответствующей социальной и политической организацией и статусом или же как социоэтнос, этнокультурная общность с восстановленным самобытным укладом жизни и административно-территориальной автономией.

Государственная власть, определяя свою стратегию по отношению к казачеству всё больше склоняется к первой составляющей данной дилеммы. В этой связи не случайно, что в принятом в 2005 г. ФЗ «О государственной службе российского казачества» под казачеством понимались только «граждане Российской Федерации, являющиеся членами казацких обществ» или «добровольные объединения граждан в форме некоммерческой организации». 3 июля 2008 г. Президентом РФ Д. Медведевым была принята новая «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Но и там речь шла в основном о создании условий для возрождения государственной службы российского казачества и ни слова не говорилось ни о возрождении национальных традиций казачества, ни о национальном принципе отбора в казацьи вой-

¹ Астапенко Г.П. Возрождение казачества как процесс социальной реконструкции // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов-н/Дону, 1995. С.14.

² Трут В.П. Возрождение казачества: сущность, пути, перспективы // Проблемы казацкого возрождения: Сб. ст. Ростов-н/Дону, 1996. Ч.1. С. 80.

³ Глущенко В.В. Казаки и народы Кавказа. 2-е изд. Ростов-н/Дону, 1999. С.145.

⁴ Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Дону, 1995. С.139.

⁵ Давидович В.Е., Скорик А.П. Исторический социотип донской казацкой культуры // Научный альманах «Цивилизации и культуры», Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 244.

⁶ Корнеев В. Создана Ассоциация донского казачества // Известия. 1990. 10 марта.



ска, не говоря уже о реабилитации в качестве «исторически сложившейся культурно-этнической общности людей». Показательным является и тот факт, что в сборнике «Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества», подготовленном группой специалистов Министерства регионального развития РФ, которому государство поручило «поддерживать и развивать» российское казачество, глава «Анализ тенденций и прогноз перспектив государственной службы российского казачества» заканчивается анализом «исторического опыта Российской империи по привлечению казачества к несению государственной службы» на рубеже XIX-XX вв.⁷

Данная статья посвящена особенностям социально-демографического облика российского казачества на рубеже XIX-XX вв., так как именно к этому периоду обращается большинство современных представителей казачества, государственной власти и исследователей при определении «образца» для возрождения.

Как военно-служилое сословие казачество к началу XX в. было представлено 11 казачьими войсками: Донским, Кубанским, Терским, Уральским, Сибирским, Астраханским, Оренбургским, Забайкальским, Семиреченским, Амурским и Уссурийским, а также Якутским городовым казачьим пешим полком, Иркутским и Красноярским казачьими дивизионами, Камчатской городской казачьей конной командой.

Воспринимая казачество неотъемлемой составной частью государственного организма, власть в XVIII-XIX вв. играла исключительную роль в его жизни. Она формировала новые, «служилые», казачьи войска, поддерживала и регулировала численный состав казачества, нередко включала в его состав представителей других наций и сословий, переселяла, распускала и переформировывала существовавшие казачьи войска. Так, необходимость усиления границ привела к созданию по инициативе правительства в 1748 г. Оренбургского казачьего войска из ясачных крестьян, отставных солдат и татар; в 1787 г. образуется Черноморское войско из части Запорожского; в 1808 г. – Сибирское, основу которого составили сибирские городовые казаки, крестьяне и представители местных сибирских народов; в 1817 г. – Астраханское из местных городовых команд; в 1832 г. – Кавказское линейное из терских, гребенских, кубанских, малороссийских казаков и приписанных крестьян. В 1851 г. было образовано Забайкальское войско, в состав которого кроме местных казаков вошли русские крестьяне, буряты и эвенки. В 1858 г. было создано Амурское войско, в формировании которого приняли участие забайкальские казаки и 2 тыс. солдат штрафных частей из корпуса Внутренней стражи; в 1867 г. – Семиреченское на основе двух полковых округов Сибирского казачьего войска, население которых ещё недавно являлись тобольскими крестьянами, с включением в состав войска представителей местного населения и даже китайцев; в 1889 г. – Уссурийское, основу которого составил полубатальон Амурского казачьего войска, а в последующие годы к войску были приписаны донские, кубанские, оренбургские казаки.

Кроме вышеперечисленных, периодически создавались и упразднялись казачьи войска и войска, бывшие на положении казачьих – чугуевские (1700-1803) и бахмутские (1700-1764) казаки, Бутское (1769-1797, 1803-1817), Екатеринославское (1787-1796), Дунайское (Новороссийское) (1828-1868), Украинское (1812-1817), Азовское (1828-1860), Ставропольское калмыцкое (1739-1842), Башкиро-мещерякское (1798-1863), Крымское татарское (1784-1796) и Греческое (Албанское) (1775-1859) войска, а также временные части, бывшие на положение казачьих (пандурские, литовские казаки и др.)⁸.

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. [9] казачество («войсковые казаки» по переписи) рассматривалось лишь с точки зрения его сословного состояния и составляло 2928842 человек обоего пола, т.е., около 2,34% от всех «русских подданных». В Европейской части России проживало 1439750 человек (1,55% от всех «русских подданных» региона) на Кавказе – 968742 человека (10,6% от всех «русских

⁷ Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества: сборник материалов по результатам социологического исследования / О.А. Ефанова, Ж.А. Шишкова, А.Ю. Соклаков. М., 2008. С. 17.

⁸ Анцунев И.А. Казаки и военные поселенцы на Днестре и Буге XVIII-XIX веках // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 30-39; Савельев Е. П. Древняя история казачества. М. 2005; Казин Х.В. Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры. СПб., 1912.

подданных» региона); в Сибири – 256401 человек (4,5% от всех «русских подданных» региона); в Средней Азии – 253862 человека (3,29% от всех «русских подданных» региона); в Привисленской губернии – 1709 человек (0,02% от всех «русских подданных» региона); в Хиве – 43 человека; в Бухаре – 423 человека; в заграничном плавании на военных судах – 3 человека; в Финляндии – 2 человека.

Таким образом, наибольшая концентрация казачьего сословия была на Кавказе, затем Сибири, Средней Азии и Европейской России. Наименьшая концентрация в Финляндии, Хиве, Бухаре и Привисленской губернии (территория бывшего «Польского царства»), т.е. там, где казачьи формирования находились на городской или пограничной службе. При этом, в среднем по России, в сельской местности проживало 2756921 представителей войскового казачьего сословия (т.е. 94,13% от всех казаков), а в городах – 171921 человек (5,87% от всех казаков). Соотношение мужчин и женщин было почти идеальным – 49,45% и 50,55% соответственно⁹.

Территориально казачьи войска условно подразделялись на «европейские» и «азиатские». При этом к «европейским» можно отнести как казачьи войска, располагавшиеся на территории Европейской России, так и Кавказа. К «азиатским» – казачьи войска, дислоцированные в Сибири и Средней Азии.

На территории Европейской России располагались: Войско Донское – область Войска Донского, Астраханское казачье войско – Астраханская губерния и Оренбургское казачье войско – Оренбургская губерния. В процентном соотношении казачество Европейской России составляло 49,16% от численности всех казачьих формирований. На территории Кавказа: Кубанское казачье войско – Кубанская область и Терское казачье войско – Терская область, составлявшие 33,07% от числа всех казаков. Таким образом, «европейское» казачество составляло 82,23% от численности всех казачьих войск Российской Империи.

К концу XIX в. казачьи войска Европейской России и Кавказа не были этнически однородными (табл. 1). Преимущественно они были представлены русскими – до 76,53%. Украинцы составляли 20,12%; белорусы – 0,14%; калмыки и др. монголо-бурятские народы – 1,33%; татары – 1,41%; другие, к числу которых могут быть отнесены осетины, башкиры, мордва, киргизы, ногайцы, казахи, поляки, французы и т.д., составляли 0,46%.

Более всего русских – 97,1% было в Войске Донском; менее всего – 42,86% в Кубанском казачьем войске. В то же время украинцев в Кубанском войске было 56,9%, а в Астраханском их почти не было. Калмыков было больше всего в Войске Донском – 27199 человек, что составляло 2,65% от численности войска; а татар в Оренбургском войске – 32895 человек, т.е. около 9% от всех оренбургских казаков. Осетины были представлены только в Терском казачьем войске и по разным оценкам составляли около 1% от всего состава войска¹⁰.

Конфессиональный состав казачества также не был однородным (табл. 2). Доминировало, естественно, православие, которое исповедывало не менее 90% казаков Европейской России и Кавказа, старообрядцев и раскольников было около 6,8%. Большинство калмыков было ламаистами – до 1,3%; татары, кроме нагайбаков, исповедовали, в основном, ислам – 1,4%.

Больше всего раскольников было в Войске Донском – 113640 человек, что составляло 10,1% от всех донских казаков; в Терском войске их насчитывалось 28420 человек, т.е. 15,6% от всех терцев. Самым меньшим был удельный вес раскольников в Кубанском войске – 1,5% или 13640 человек. В количественном выражении меньше всего раскольников было в Астраханском войске – 628 человек, т.е. 2,2% от всех астраханских казаков.

К казачьим войскам Азиатской России традиционно относили: Сибирское казачье войско, располагавшееся на территории Акмолинской, Семипалатинской областей и Томской губернии; Забайкальское казачье войско – Забайкальская область; Семиреченское казачье войско – Семиреченская область; Амурское казачье войско – Амурская область; Уссурийское казачье войско – Приморская область. Уральское казачье войско рас-

⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб, 1905. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Табл.VIII. «Распределение населения по сословиям и состояниям».

¹⁰ Киреев Ф.С. Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. №3. С. 270-284.



полагалось на территории Уральской области, которая также относилась к азиатской части Российской империи. В общей сложности на территории Азиатской России проживало 17,42% от численности всех казачьих войск Российской Империи.

К концу XIX в. казачьи войска Азиатской России были представлены: русскими – до 90,3%, бурятами – 5,88%. Татары составляли 1,7%, украинцы – около 1%, калмыки – 0,02%. Других, к которым можно отнести марийцев, эвенков, башкир, алтайцев и т.д., было около 1,1% (табл. 1).

При этом самыми этнически однородными были Амурское и Уссурийское казачьи войска, где доля русских составляла более 99,7%. Самым этнически мозаичным было Забайкальское войско, где русских было всего 85,82%, украинцев – 0,13%, бурят – 13,9%, других – 0,15% (табл. 1).

Таблица 1

Распределение казачьего населения казачьих войск по языку в 1897 г.

Регион / язык		Русский		Украинский		Белорусский		Монголо-бурятский		Татарский		Другие	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Европейская Россия 1418733 чел.	Астраханское войско 26970 чел.	25970	96,29	-	-	-	-	700	2,59	300	1,12	-	-
	Войско Донское 1026263 чел.	996465	97,1	2307	0,22	92	0,01	27199	2,65	-	-	200	-
	Оренбургское войско 365500 чел.	310940	85,07	10865	2,97	1493	0,41	914	0,23	32895	9	8393	2,32
	всего	1333375	93,99	13172	0,93	1585	0,11	28813	2,03	33195	2,34	8593	0,59
Кавказ 954498 чел.	Кубанское войско 787197 чел.	337403	42,86	447954	56,9	1233	0,16	-	-	54	-	553	0,08
	Терское войско 167301 чел.	145508	86,97	16329	9,76	586	0,35	2727	1,63	252	0,15	1899	1,14
	всего	482911	50,59	464283	48,64	1819	0,19	2727	0,29	306	0,03	2452	0,26
Сибирь 230587 чел.	Амурское войско 21569 чел.	21507	99,7	62	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-
	Забайкальское войско 195253 чел.	167573	85,82	248	0,13	-	-	27155	13,9	-	-	277	0,15
	Уссурийское войско 13765 чел.	13723	99,7	42	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-
	всего	202803	87,95	352	0,15	-	-	27155	11,78	-	-	277	0,12
Средняя Азия 257577 чел.	Сибирское войско (с Томской губ.) 113653 чел.	103882	91,4	4181	3,68	-	-	-	-	1425	1,25	4166	3,67
	Уральское войско 114166 чел.	106688	93,5	-	-	-	-	963	0,8	6306	5	209	0,2
	Семиреченское войско 29757 чел.	28125	94,5	299	1	-	-	104	0,35	408	1,37	821	2,3
	всего	238695	92,67	4480	1,74	-	-	1067	0,41	8139	3,16	5196	2,02
Российская Империя 2861395 чел.	без учёта находящихся на невоинских территориях	2257784	78,91	482287	16,85	3404	0,12	59762	2,09	41640	1,46	16518	0,57



В вероисповедальном плане наблюдалась не меньшая пестрота (табл. 2): доминировало, безусловно, православие, которое исповедовали не менее 87,63% казаков. Раскольников было 8,62%, мусульман – до 1,23%, буддистов – 2,52% и других, в число которых входили шаманисты, католики и др. – около 0,003%.

Более всего раскольников (около 50% от состава всего войска) было в Уральском войске, буддистов (13,9% войскового состава) в Забайкальском, мусульман – в Уральском (5%) и Сибирском (1,4%). Амурское и Уссурийское казачьи войска были практически полностью представлены православным вероисповеданием (табл. 2).

Таблица 2

Распределение казачьего населения казачьих войск по вероисповеданию в конце XIX – начале XX вв.

Казачьи войска	Вероисповедание (в %)				
	православие	раскольники	ислам	ламаизм, буддизм	другие
Астраханское	95,7	2,3	1		
Донское	86,2	10,1		2,6	0,1
Оренбургское	89	2,9	7,9		0,2
Кубанское	98,4	1,5			0,1
Терское	82,4	15,6	0,2	1,6	1,2
Амурское	до 100				
Забайкальское	86	0,1		13,9	
Уссурийское	99,5	0,5			
Сибирское	97,5	1,1	1,4		
Уральское	44,1	50	5	0,8	0,1
Семиреченское	98,2		1,4	0,4	

Таким образом, казачество в рассматриваемый период не представляло из себя этнического и вероисповедального монолита. Становление и развитие казачьих войск происходило в основном в XIX в., в период расцвета имперской политики России, освоения ею Кавказа, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. В этих условиях государство создавало, распускало и реформировало казачьи войска, исходя из своих хозяйственно-экономических, военно-политических, дипломатических и иных интересов. В пополнении казачьих войск принимали участие представители разных социальных, сословных, этнических и вероисповедальных групп. Государство активно «оказачивало» государственных и заводских крестьян, мещан, однодворцев, приписывало к казачьему сословию военнопоселенцев, солдат, ссыльных, военнопленных, инородцев и др.

При этом необходимо отметить отличия, существовавшие у «европейских» и «азиатских» казачьих войск. Казаки Европейской России и Кавказа имели более длительную историю развития и взаимодействия с государством. У некоторых из них, в частности Воска Донского, сложились свои субкультурные, которые с определённой долей условности можно считать «социосубэтническими» (А.И. Козлов), особенности хозяйственно-экономической и социально-политической жизни. Другие эти «особенности» наследовали от своих исторических предшественников – Кубанское казачье войско от Запорожской Сечи, Терское казачье войско от терских и гребенских казаков – развивая и обогащая их в процессе адаптации к новым условиям сословно-имперской России. В связи с этим у «европейских» казаков сословные традиции преобладали. «Азиатские» казаки, многие из которых были приписаны к казачьему сословию совсем недавно, что более всего было характерно для Амурского и Уссурийского казачьих войск, не обладали сложившимися сословными традициями, а их самосознание было более крестьянским, чем казачьим, в отличие от казачьих сообществ Европейской России и Кавказа.

Кроме того, необходимо отметить, что многие казачьи войска вследствие расширения границ Российской империи в XIX в. оказались вне традиционных сословных условий жизни и пограничной службы, на внутренних территориях государства. Это привело к необходимости масштабного реформирования казачьих войск: от переселения на новые территории и попыток придания новых, зачастую чуждых, функций до «расказачивания» и «окрестьянивания».



К началу XX в. произошло «расщепление» сословно-правового и социально-экономического статуса казачества, само казачье сословие внутренне тоже разделилось на «сословия». Большинство казаков занималось земледелием, но существовало и «казачье духовенство», входившее, в то же время, в российское духовное сословие; и «казачье торговое сословие», складывающееся с середины XIX в., когда наиболее предприимчивые казаки получили законную возможность откупиться от военной службы, вступив в войсковые торговые общества¹¹. Было и «казачье дворянство», входившее в состав российского дворянского сословия, и наделённое многими его правами и привилегиями. После 1867 г. в казачьей среде за счёт сокращения сроков службы и количества служилых казаков начинает формироваться ещё одна категория – неслужилые казаки. Активно формируется и развивается «казачья интеллигенция-разночинство»: учителя, врачи, инженеры, юристы, писатели, историки, художники, архитекторы. Появляются «казаки-буржуа», «казаки-рабочие», «казаки-ремесленники», идёт активное имущественное расслоение.

С большей или меньшей долей условности и приближённости можно говорить об отдельных – донском, терском, кубанском – «войсковых казачьих субэтносах» внутренне объединённых региональными, прежде всего, культурно-историческими, фольклорными, хозяйственно-бытовыми особенностям. Но рассматривать всё российское казачество того времени в качестве единого «казачьего субэтноса» не корректно. Скорее всего, правильнее говорить даже не о субэтнической, а субкультурной составляющей особенности различных казачьих войск.

С этой точки зрения можно рассматривать несколько видов или типов казачьих сообществ, существовавших в истории. «Материнскими» казачьими сообществами «базовой», «первой линии», повлиявшими на становление социокультурных, политических и иных особенностей других казачьих сообществ, можно считать исторически сложившиеся группы донцов и запорожцев, имевших достаточно длительную историю развития и взаимодействия с Российским государством. Казачьи сообщества «второй линии», «дочерние», во многом воспринявшие и продолжавшие развивать самостоятельно политические традиции «исторических» войск – терско-гребенское казачество, оказавшее влияние на формирование и развитие, «служилых» казачьих сообществ Северного Кавказа, в том числе, Кубанского и Терского казачьих войск; а также Яицкое казачество, определившее своеобразие «служилых» казачьих войск Урала, Оренбуржья, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. При этом на формирование и развитие «служилых» казачьих войск «третьей линии» в большей или меньшей степени могли оказывать определённое влияние, в том числе и социокультурное, и политическое, «материнские» казачьи сообщества. До середины XIX в. существовали ещё и городские казаки, инородческие войска на правах казачьих и т.д.

Российское государство никогда не рассматривало казачество в качестве самостоятельной и однородной этно-конфессиональной группы, активно «переплавляя» в «котле народов» этносы и вероисповедания с целью формирования особой сословной группы – «касты воинов», «военных поселенцев», «военных крестьян» для решения политических, дипломатических, хозяйственно-экономических и иных задач, возникающих перед государством на различных этапах его эволюции.

Учитывая позитивный исторический опыт, большую роль, которую играли казаки образования в политическом, военном и хозяйственно-экономическом освоении присоединённых к Российской империи новых регионов, охране и прикрытии восточных и южных границ государства, в начале XX в. правительство рассматривало вопрос о создании нового Туркестанского казачьего войска, предназначенного сыграть особую роль во включении Средней Азии в российскую политико-экономическую систему. Основу этого войска должны были составить специально выделенные для этого части и подразделения Донского, Сибирского и Семиреченского казачьих войск. Однако, несмотря на детальную и фундаментальную разработку этого проекта, реализован он не был в силу

¹¹ Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 249.



ряда причин, главной из которых стала нехватка финансовых средств и людского контингента¹².

В 1916-1917 гг. была даже попытка создания Евфратского (или Тигр-Евфратского) казачьего войска из терцев, кубанцев, кордов-язидов и армян. Но и эта попытка не имела продолжения вследствие революционных преобразований, потрясших российскую государственность в 1917 г.

Таким образом, казачество к рубежу XIX-XX вв. сформировалось как *полиэтническая, социокультурная сословно-служилая общность с преобладанием русского этнического компонента, с особыми формами сословной, войсковой политической, социальной, культурной и бытовой организации, характеризующаяся поликонфессиональностью с определяющим доминированием православия не только как веры, но и как культурно-идеологической основы российской имперской государственности.*

Затребовано ли в начале XXI в. возрождение казачества в качестве некоего «неословия», несущего преимущественно военную, государственную или иную службу? Готовы ли сами потомки казаков стать «военно-служилым» сословием со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями? Эти вопросы продолжают оставаться открытыми и актуальными для осмысления...

FEATURES OF SOCIAL-DEMOGRAPHIC SHAPE OF THE COSSACKS AT THE TURN OF XIX TO XX CENTURY

G.O. MATSIEVSKY

*Sary Oskol Branch
of the Voronezh State University*

e-mail: 2007nauka@mail.ru

Article is devoted features of socially-demographic shape of the Russian Cossacks on a boundary of XIX-XX centuries. By this period the majority of modern representatives of the Cossacks, the government and researchers addresses at definition of "sample" for Cossacks revival.

Keywords: Cossacks, the Cossack armies, military-serving estate, ethnos, the Russian empire.

¹² Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С.12-13.



ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е.С. СИДОРОВИЧ

*Институт истории Украины
Национальной академии наук
Украины, г. Киев*

e-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua

В статье анализируются материалы Полного Собрания Законов Российской империи, которые касаются экономической деятельности французских переселенцев на территории Новороссийского края во второй четверти XIX ст. Автор выделяет основные отрасли промышленности и сельского хозяйства, в которых были задействованы эти иностранцы. Анализируется также основные работы известных российских и украинских ученых, обращающие внимание на присутствие и деятельность французов в регионе.

Ключевые слова: Француз, овцеводство, юридический документ, коммерция, негоциант.

В первой половине XIX века Российская империя, в экономическом плане, имела значительный ресурсный потенциал, что дало возможность ей внедрять разные отрасли хозяйства. Иностранцев привлекали, как специалистов в определенных экономических сферах, которые вводили новые методы и технологии в развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли и др. Привлечение западноевропейских подданных к развитию отдельных уголков государства стало обычным явлением в выделенный период. Императрица Екатерина II сделала этот процесс более массовым еще во второй половине XVIII в. Основными причинами появления французов, как и других иностранцев, на территории юго-западной части Российской империи были: надобность в заселении новоприсоединенных территорий; сельскохозяйственное освоение этих земель; внедрение некоторых отраслей промышленности, которые характерны для выделенного региона (овцеводство, виноделие и др.); необходимость в создании из черноморских портов центра коммерческих отношений южной России с Западной Европой¹, в том числе и с Францией. Тем самым привлечение негоциантов к созданию торговых фирм в регионе, что должно увеличить количество импортного и экспортного товарооборота.

Новороссийский край начинал становиться центром юго-западной части Российской империи еще с конца XVIII в. Царское правительство после присоединения современного юга Украины в 1774 и 1783 гг. приглашала для освоения этого региона выходцев из Западной Европы, что продолжалось и в выделенный период. Так, вместе с немцами, болгарам, греками и другими иностранцами переезжают и французы. Правительство для легализации их экономической деятельности выдает серию юридических документы, что позволяет им, на благоприятных условиях, основывать свои предприятия, вести коммерческие отношения и др. В статье проводится анализ нормативных документов Полного Собрания Законов Российской империи (Собрание 2) (далее – ПСЗРИ), которые выделяют экономическую деятельность французских специалистов на территории Новороссийского края. Данная статья есть продолжением исследования автора, который уже анализировал материалы ПСЗРИ (Собрание 1)². Автор также предоставляет историографический анализ работ известных ученых, которые, используя юридические документы, фрагментарно описывали французское присутствие на юго-западе царского государства. Российские и украинские историки в разные историографические периоды исследовали тематику влияния иностранных, в том числе и французских, переселенцев на экономическое развитие этого региона в первой половине XIX ст. Дореволюционная историография

¹ Сидорович Е.С. Російське законодавство щодо товарообміну з Францією через Чорноморські порти наприкінці XVIII – першій половині XIX ст. // Культура народів Причорномор'я. 2011. № 216. С. 147-151.

² Сидорович Е.С. Французькі підприємці, мігранти та переселенці на території Новоросії наприкінці XVIII – першій половині XIX ст. (за документами ПСЗРИ) // Вісник Луганського національного університету ім. Т.Г. Шевченка. у друці.



именно со второй четверти начинает использовать документы ПСЗРИ для систематизации и конкретизации деятельности французских переселенцев на юге современной Украины. Выделяются такие ученые как В. Андроссов³, К. Арсеньев⁴, Г. Афанасьев⁵, Д. Багалий⁶, А. Скальковский⁷ и др. Ученые советского периода так же продолжают использовать юридические документы Российской империи для изучения региональной истории, выделяя влияние французов в становлении Новороссийского края. Например, С. Боровой⁸, О. Вайнштейн⁹, И. Гуржий¹⁰, Е. Дружинина¹¹, В. Золотов¹², А. Парусов¹³ и др. Историография современного периода продолжает вводить в научный оборот документы ПСЗРИ, анализируя фрагментарно деятельность французов в истории современного юга Украины. Среди ученых выделяются: А. Машкин¹⁴, П. Черкасов¹⁵, В. Захаров¹⁶ и др. Таким образом, историография проблематики присутствия французских переселенцев на юго-западной части царского государства (на основе материалов ПСЗРИ) представлена в работах известных украинских и российских историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

Основой источниковедческой базы представлены нормативные акты Российской империи (ПСЗРИ). Эти документы позволяют конкретизировать как внутреннюю политику правительства по отношению к западноевропейским переселенцам, так и выделить основные отрасли экономики, где были задействованы французы. В первой половине XIX ст. между Францией и Россией отношения улучшаются после падения Наполеоновской империи и реставрации Бурбонов. Николай I (1825-1855 гг.) был одним из инициаторов возобновления политических и экономических связей с королевством, что, в конечном итоге, отобразилось в коммерческих связях. Российский исследователь В. Потемкин писал по этому поводу: «На первом же приеме дипломатического корпуса в Зимнем дворце в конце декабря 1825 года Николай обнаружил особую любезность к французскому послу Ла Ферронэ... Уже тогда наметилось желание царя, ставшее особенно настойчивым с 1827-1829 гг., тесно сблизиться с Францией...»¹⁷. Впоследствии, данный факт отобразился в юридических документах Российской империи, что привело к возможности более интенсифицировать товарооборот между двумя странами через черноморский регион. Так, например, указом императора Николая I от 23 декабря 1825 года были уменьшены пошлины на экспортный и импортный товар из Западной Европы, в том числе и из Франции. В этом документе было прописано, что налог на вывозимый товар из Новороссийского края был установлен в размере 40 копеек с пуда. Для купцов, которые занимались оптовой торговлей в регионе, это было ощутимым улучшением. Так же документ

³ Андроссов В. Хозяйственная статистика России. М., 1827.

⁴ Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб, 1848.

⁵ Афанасьев Г.Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892.

⁶ Багалий Д.И. Колонизация новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический етюд. К., 1889.

⁷ Скальковский А. Опыт о торговых и промышленных силах Одессы. Одесса, 1839. 88 с.; Его же. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793-1823). Одесса, 1837; Его же. Торговая промышленность в Новороссийском крае. Одесса, 1851; Его же. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823 гг. Ч. 2. 1796-1823 гг. Одесса, 1838.

⁸ Боровой С.Я. Франция и внешнеторговые операции на Черном море в последней трети XVIII – начале XIX века (Источниковедческие заметки) // Французский ежегодник 1961 г. С. 496-506.

⁹ Вайнштейн О.Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху великой революции (1789-1796 гг.). Харьков, 1924.

¹⁰ Гуржий И.О. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861 року). Киев, 1962.

¹¹ Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. М., 1981.

¹² Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963.

¹³ Парусов А.И. Из истории внешней торговли России в конце XVIII – первой четверти XIX вв. / Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII – XIX вв. Сб. ст. Горький, 1975. С. 39-57.

¹⁴ Машкин О. М. Іноземці в соціально-економічному житті України кінця XVIII - першої половини XIX ст. / НАН України. Інститут історії України. Киев, 2008.

¹⁵ Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII-XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. 2001. Вып. 4. 327 с.; Черкасов П.П. Россия и Франция в XVIII в. Итоги и перспективы исследования // Новая и Новейшая история. 1993. № 3. С. 58-74.

¹⁶ Захаров В.Н. Внешнеторговая деятельность иностранных купцов в портах Азовского и Черного морей в середине и второй половине XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 4. С. 85-102.

¹⁷ История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М, 1941. С.400.



предоставляет информации и про привозные товары: «шелковые изделия – 12 рублей с фунта, ...шерстяные товары – 3 рубля с фунта...»¹⁸. Соответственно, уменьшение пошлин привело к увеличению французских торговцев на территорию юга современной Украины. Так, в списках купцов за 1826 год, которые официально зарегистрировались в Одессе, значились: И. Рубо, И. Рено, К. Сикард, Шалле, П. Лоде и др.¹⁹. Одним из основных результатов введения новых таможенных налогов стало увеличение товарооборота, что привело к тому, что Одесское порто-франко (основанное в 1817 году) начало не справляться с наплывом иностранных товаров. Правительство решило расширить ее территорию для улучшения коммерческих сделок и уменьшения времени при выгрузке продукции в порту. Так, указом Комитета Министров от 12 января 1826 года было приказано: «...2) нынешней Одесской Портовой Таможне поручить все прочие дела о товарах, привозимых в Одессу морем и отправляемых оттуда водою же за границу... 3) сию последнюю Таможню перевести к морскому берегу на то место, где построен новый пакгауз для складки товаров; а занимаемая ныне ею здания, кои по местоположению своему весьма удобны для устройства в них биржи, отдать на сей предмет городу, который обязуется принять на себя постройку новаго для Таможни здания со всеми удобствами для помещения, какия будут нужны...»²⁰. Данный факт привел к улучшению товарооборота через Одессу, которая окончательно стала центром черноморской торговли во второй четверти XIX в. Российское правительство, создавши благоприятные условия для деятельности французских негодантов, поощряла основания их торговых групп на юго-западе царского государства. 13 февраля 1826 года Комитет Министров разрешил создать иностранцам Ленсену и Делеге Торговую компанию на 15 лет в Одессе²¹. Царское правительство продолжает выдавать указы, которые уменьшают налоги на некоторые вывозимые товары. Так, 10 января 1828 года Сенат приказал продолжать поощрять купцов, которые вывозят кожу из черноморских портов, уменьшением пошлин, что привело к увеличению экспорта этой продукции во Францию²². В следующем указе от 29 марта 1833 года уменьшалась также пошлина на экспорт сырых кож из черноморских портов²³. В указе Комитета Министров от 11 апреля 1833 года было прописано, что на три года разрешается без пошлины можно вывозить канаты и веревки, которые также покупали французские купцы²⁴. 5 мая 1836 года указом было продолжено еще на три года беспошлинный вывоз этой продукции²⁵, а 4 марта 1839 года было снова разрешено на три года свободный выпуск за границу канатов и веревок²⁶.

Правительство также выдавало на купеческие корабли таможенные паспорта, что привело к возможности негодантам поднимать на своих кораблях российские флаги. Данный факт позволял им беспрепятственно перевозить товары по Черному морю. Это известно из указа Комитета Министров от 6 февраля 1832 года²⁷. В 1837 г. французские купцы 1 и 3 гильдий получили право производить розничную торговлю в Новороссийском крае даже после истечения срока их льгот и лицензий²⁸.

В 1840-х годах продолжается создание торговых компаний на юге современной Украины. Так, Комитет Министров выдал указ 10 марта 1839 года, где было прописано: «... граф де Прадель, ... Марселин де Френь, Берье сыну и Е. Барбье учредить в Империи Российской акционерную компанию под названием общества мореплавления и торговли на Черном море...»²⁹. Через год были дополнены обязанности этого общества – после чего оно стало контролировать торговлю и с Востоком³⁰. Таким образом, эта коммерческая

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) (Собрание 2). СПб, 1830. Т.1. С.24-26.

¹⁹ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф.4., оп.2., д.2., л.12-15.

²⁰ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.1. С.57-61.

²¹ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.1. С. 206-208.

²² ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.3. С. 15.

²³ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1834. Т.8 (Отделение 1). С.192.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1837. Т.11 (Отделение 1). С. 191-192.

²⁶ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1840. Т. 14 (Отделение 1). С. 190.

²⁷ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1833. Т.7. С. 60-61.

²⁸ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1838. Т.12 (Отделение 1). С. 192-193.

²⁹ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1839. Т. 14 (Отделение 1). С. 194-201.

³⁰ ПСЗРИ (Собрание 2.). СПб, 1842. Т. 17 (Отделение 1). С. 10-15.



группа должна была объединить под своим управлением всю черноморскую и азиатскую торговлю.

Результатом экономического сближения двух государств стало подписание Трактата о торговле и мореплавании, который заключили император России и король Франции 4 сентября 1846 года. Этот договор некоторыми своими статьями был похож на Коммерческий трактат 1787 года³¹. В новом договоре было прописано про свободный торговый путь между черноморскими и средиземноморскими портами, про отмену пошлин на экспорт и импорт товаров в обоих государствах, а также официально прописано про создание российского генерального консульства в Париже³².

Таким образом, возобновление коммерческих отношений между Францией и Россией через черноморский регион было связано с изменением государственной власти в западноевропейской стране. Издание серии юридических документов царского правительства касательно деятельности французских купцов была направлена на интенсификацию товарооборота между двумя странами. Это привело к подписанию торгового договора, который благоприятно проявился в установлении двухсторонних экономических связей и улучшении деятельности негодантов в Новороссийском крае во второй четверти XIX в.

Основное внимание также царское правительство уделяла экономическому освоению Новороссийского края, приглашая западноевропейцев принимать участие в этом процессе. На протяжении всей первой половины XIX ст. переселялись мастера, ремесленники, садоводы, аграрии и другие специалисты на юг современной Украины. Среди них выделялись и французы. На этом акцентировал свое внимание, например, исследователь А.М. де-Рибас³³. Он писал, что для поддержания инициатив этих иностранцев продолжается выработываться юридическая база, как это было в первой четверти XIX ст.

В выделенный период французы остаются крупными землевладельцами Новороссийского края. Так, известный генерал-майор Кобле был херсонским помещиком, что известно из материалов ПСЗРИ. В одном из документов прописано про борьбу этого дворянина с саранчой у него в имении³⁴. Иностранные дворяне не только могли получить земельные наделы на территории региона, но также и имели право занимать государственные и военные должности после присяги на подданство Российской империи. Это касалось и французов. Такие распоряжения были прописаны в указах Государственного Совета и Министром обороны³⁵.

Российское правительство поощряла активную деятельность французских специалистов. А. Скальковский писал, что одними из известнейших садоводов были эти иностранцы³⁶. Так, указом Сената от 14 сентября 1828 года была введена денежная помощь для аграриев, которые занимались высадкой садов в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях^{37,42}. В следующем году было увеличено пособие до 10 тыс. рублей на поддержку развития садоводства на территории Новороссийского края³⁸.

Во второй четверти XIX ст. царское правительство контролировала процесс переселения, введением полицейского надзора за французскими эмигрантами. Указом Государственного Совета от 30 января 1835 года было разрешено местным властям вести надзор за прибывшими иностранцами, в том числе и французами³⁹. Архивные документы Государственного архива Одесской области подтверждают факт выполнения это приказа. Так, в документах местной полиции значились французы, которые находились под наблюдением. А именно: Л. Равеля⁴⁰, Сорон⁴¹, Ф. Леноар⁴², Ж. Бюфере⁴³ и другие. Все эти представители французской нации были специалисты в разных отраслях экономической сферы.

³¹ ПСЗРИ (Собрание 1). СПб, 1830. Т.22. С.771-785.

³² ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1848. Т.22 (Отделение 1). С. 425-431.

³³ Де-Рибас А.М. Из прошлого Одессы. Сборник статей. Одесса, 1894. С. 387-388.

³⁴ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.2. С.1127.

³⁵ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1833. Т.7. С.652.; ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1847. Т.21 (Отделение 2). С. 145-146.

³⁶ Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793-1823). Одесса, 1837.

³⁷ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.3. С.829-830.

³⁸ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1830. Т.3. С.102-103.

³⁹ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1836. Т.10. С.88-89.

⁴⁰ ГАОО. Ф.1. Оп. 167. Д. 62. Л. 11.

⁴¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 166. Д. 51. Л. 3.

⁴² ГАОО. Ф.2. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

⁴³ ГАОО. Ф.1. Оп. 166. Д. 44. Л. 19.



Французские специалисты были также задействованы и в развитии овцеводства на юге современной Украины. Правительство, поддерживая компанию И. Кемпе, выдает 24 марта 1836 года паи для предприятий, которые были направлены на разведение овец и баранов на территории Новороссийского края⁴⁴. Дальнейшие действия правительства были направлены на создания благоприятных условий существования таких предприятий. 17 апреля 1839 года указом Государственного Совета было разрешено французским промышленникам покупать земли для устройства фабрик на юго-западе Российской империи⁴⁵.

Таким образом, юридическая база царского государства предоставляла французским специалистам благоприятные условия для развития из предприятий, тем самым положительно влияя на становление Новороссийского края во второй четверти XIX ст.

Российские правовые механизмы по привлечению французских специалистов были внедрены в жизнь. А. де-Рибас⁴⁶, П. Гергили⁴⁷, Ю. Головки⁴⁸ и другие исследователи писали, что французы принимали участие в развитии аграрного сектора, животноводства и коммерции в Новороссийском крае. А. де-Рибас, по этому поводу, писал: «Вообще следует заметить, что французы в истории Одессы появились как первые инициаторы разного рода предприятий, были как-бы первые учителя в разных отраслях промышленности. Очень часто опыт их для них много не приносил никакой выгоды, послужил другим примером для подражания, и ошибки первых предпринимателей от их повторения. В истории одесской торговли французы играли второстепенную роль»⁴⁹. Таким образом, царское правительство смогло привлечь определенное количество французских мастеров, ремесленников, аграриев и других специалистов, которые принимали участие в освоении выделенного региона.

Следовательно, нормативные документы предоставляют информацию касательно экономической деятельности французских переселенцев. Проанализировав материалы Полного Собрания Законов Российской империи можно выделить основные отрасли, где выделенные западноевропейцы были задействованы царским правительством:

- Налаживание коммерческих связей между Францией и Россией через черноморский регион;
- Основание и деятельность торговых компаний негоциантов;
- Освоение земельных ресурсов французскими дворянами на юге современной Украины;
- Развитие садоводства, овцеводства и других экономических сфер жизни Новороссийского края;

Анализ нормативных документов ПСЗРИ (Собрание 2) позволяет конкретизировать один из аспектов международного экономического сотрудничества России и Франции в XVIII-XIX ст.

THE ECONOMIC ACTIVITY OF FRENCH MIGRANTS ON THE TERRITORY OF NOVOROSSIYSKIY REGION IN THE SECOND QUARTER OF XIX CENTURY: LEGAL ASPECT

E.S. SIDOROVICH

Institute of History of Ukraine National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev

e-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua

In the article was analyzed the materials of Complete Collection of Laws of the Russian Empire which has information about economic activity of French settlers on the territory of Novorossiyskiy region in the second quarter of XIX century. Author allocate main sector of industry and agriculture, where these foreigners was enable. There analyses main papers of the noted Russian and Ukrainian scientists who pay attention to presence and activity of Frenchman in the region

Keywords: Frenchmen, sheep breeding, juridical document, commerce, merchant.

⁴⁴ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1837. Т.11 (Отделение 1). С.235-236.

⁴⁵ ПСЗРИ (Собрание 2). СПб, 1840. Т.14 (Отделение 1). С.365-366.

⁴⁶ Де-Рибас А.М. Из пришлого Одессы. Сборник статей. Одесса, 1894.

⁴⁷ Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794-1914. К, 1999.

⁴⁸ Головки Ю.І. Доповідь про торгівлю та судноплавство на Чорному морі (1805 р.) як джерело з історії Чорноморських портів південної України // Південний архів. 2009. Вип. 30. С. 184-188.

⁴⁹ Де-Рибас А.М. С. 387-388.



СОСЛОВНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.А. ТИТОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: shabanova.alesya@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности сословной и профессиональной структуры населения городов Курской губернии на основе материалов первой Всеобщей переписи населения. Данные переписи в определенной степени являются свидетельством переходного состояния общества из сословно-представительского в классовое, показателем формирования новых социальных групп, характерных для капиталистического общества.

Ключевые слова: Курская губерния, городское население, сословно-классовая структура, профессионализация, социальные группы.

На рубеже XIX и XX столетий российское общество по-прежнему оставалось сословным, несмотря на все реформы, проводимые правительством в XIX веке. Российское законодательство до конца имперского периода делило общество на четыре основных сословия – дворяне, духовенство, городские обыватели (купечество, мещанство и почетные граждане) и сельские обыватели (крестьяне). При данной сословной организации общества положение каждого человека находилось в строгой зависимости от его сословной принадлежности, которая определяла род его занятий, круг общения, диктовала определенный кодекс поведения. Для такой организации была характерна иерархия социума, выраженная в неравенстве сословий, их положения и привилегий¹. По мнению В.О. Ключевского существенным и наиболее осязательным признаком такого деления служило различие именно прав, а не обязанностей, которыми были наделены сословия².

Сословия как основа социальной структуры общества сохранялись при обработке и публикации материалов Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. Помимо сословного распределения, здесь также содержатся сведения о национальном составе, грамотности и образовании различных сословий, их семейном положении и др. Эти данные свидетельствуют о том, что в конце XIX века сословия представляли собой специфические образования, отличавшиеся различным уровнем социального развития, правовой и внутренней свободы. Несмотря на процесс разложения сословного строя со второй половины XIX века (ослабления зависимости населения от государства и высших сословий и уравнивания их прав), он и в начале следующего столетия продолжал сохраняться не как пережиточное явление, а как целая система.

Особенности сословной структуры населения по данным переписи рассмотрим на примере типичного аграрного региона Российской империи – Курской губернии. Согласно материалам переписи население губернии составляло 2 371 012 человек. Большая часть населения находилась в Курском уезде (9,4 %), затем шли Обоянский (7,6 %), Грайворонский (7,5 %) и Белгородский (7,4 %) уезды. При изучении сословного состава отмечаем преобладание крестьянства, к которому перепись отнесла 2 216 910 человек, или 93,5 % всего населения. По уездам эта цифра колебалась от 81,8 % (Курский уезд) до 95,9 % (Тимский уезд). Второе место занимали мещане (4,2 %). 23 329 дворян потомственных и личных составляли 1 % населения губернии. Доля духовенства составляла 0,6 %³. В сравнении с общероссийскими показателями, курские несколько отличались, но в целом картина социальной структуры была типичной. Среди сословий Европейской

¹ Советская энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1241.

² Ключевский В.О. О государственности в России. М., 2003. С. 449.

³ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Курская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 60–61.



России доля крестьян была несколько ниже – 85,9 %, дворянство же напротив, составляло 1,5 %, духовенство – 0,5%, а доля всего городского сословия ровнялась 11,3 %⁴.

Несмотря на то, что сословная структура населения оставалась срезом социальной структуры России, соотношение сословий в городах имело свою специфику. В отличие от уездов, сословная структура населения городов отличалась большей разнородностью. Ведь город всегда был более многообразным, более динамично развивающимся, сложнее структурированным социально-культурным явлением, чем село.

Население городов Курской губернии составляло 221 527 человек (табл. 1). Из общей численности горожан на долю низших сословий приходилось около 90 %, в том числе мещан 69 714, или 31,5 %, крестьян 127 732 человек, или 57,6 %, других сословий 3 996 человек, или 1,9 % Удельный вес привилегированных сословий (дворян, духовенства, купцов) был невелик – 19 758 человек, или 8,9 %. Как видно из табл 1 в наиболее экономически развитых городах – Курске и Белгороде – доля мещан была выше общего показателя и ровнялась соответственно 32,8 и 38,9 %. В уездном городе Рыльске мещане составляли 47 %, тогда как крестьяне 40,3 % населения. Большой процент мещан был только в заштатном городе Богатом Обоянского уезда – 71,4 %. Здесь из 455 жителей 325 причислялись к мещанскому сословию. Доминирующим же сословием в городах оставалось крестьянство.

Таблица 1

Социальный состав городского населения Курской губернии по Всероссийской переписи 1897 г.⁵

Города	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне	Другие сосл.	Иностранцы	Всего в городах
Курск	6523	1471	1101	24850	40144	1420	212	75721
Белгород	1304	473	331	10326	13429	655	46	26564
Грайворон	258	105	137	2397	3306	131	6	6340
Хотмыжск	10	27	7	514	2258	47	-	2863
Дмитриев	377	49	140	2075	3321	105	6	6073
Короча	483	158	193	3023	6257	112	9	10235
Льгов	212	21	153	1848	1985	100	2	4321
Новый Оскол	313	52	84	985	1497	60	5	2996
Обоянь	364	192	160	4064	6785	263	4	11832
Богатом	24	12	3	325	73	18	-	455
Путивль	462	131	172	3078	5952	147	13	9955
Рыльск	697	270	233	5422	4651	261	15	11549
Старый Оскол	450	243	270	3567	10904	183	-	15617
Суджа	331	58	181	1192	5539	129	3	7433
Мирополье	47	72	22	385	9484	91	-	10101
Тим	231	42	93	1543	5389	79	1	7377
Фатеж	239	48	151	2017	3485	94	-	6034
Щигры	359	57	162	2103	3273	102	5	6061
Всего: в городах	12684	3481	3593	69714	127732	3996	327	221527
в уездах без городов	10645	10867	994	30630	2089178	6863	308	2149485
по губернии	23329	14348	4587	100344	2216910	10859	635	2371012

Таким образом, с точки зрения сословного деления в представленных городах преобладали две категории – крестьяне и мещане. Коренным слоем городских жителей являлось мещанство, по существу относящееся к низшему разряду городского населения. Крестьяне в городе, несмотря на свое численное преобладание, оставались в своем сословии, в состав городского общества не входили. Но крестьянство, жившее в городе и пришедшее из деревни, было основным источником пополнения мещанского сословия, что во

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 130.

⁵ Таблица составлена по: Первая всеобщая переписи населения Российской империи 1897 г. Курская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 60-61.



многим определяло его общественно-хозяйственную деятельность и повседневность. Доля других групп была незначительна. Однако, несмотря на малочисленность, их представители активно участвовали в организации городской повседневности.

В соответствии с «Законом о состоянии» «городским обывателем вообще» мог стать представитель любого сословия, имевший собственность в городе, или находившийся на государственной службе. В то же время в состав «городских обывателей в особенности», к городскому гражданству причислялись пять городских сословий, которые были ранжированы по следующей социальной лестнице: почетные граждане, купцы, мещане или посадские, ремесленники или цеховые, рабочие люди⁶. К привилегированным «городским сословиям» относились почетные граждане и купцы, а к «непривилегированным» - мещане, ремесленники и рабочие люди.

Рассмотрим динамику численности и удельный вес средних «городских сословий» на примере уездного города Белгорода (табл. 2). В Белгороде общая численность городского сословия в 1897 г. составляла 11 127 человек, или 42 % всей численности городского населения. Если сравнивать с аналогичными показателями за 1861 год, то численность городского сословия возросла в 1,4 раза, но их удельный вес заметно снизился (в 1861 году он составлял 67,2 %), что, скорее всего, связано с миграцией крестьянства в города (их доля возросла в 5,2 раза). Изменилось и соотношение привилегированных и непривилегированных городских сословий: в 1861 году количество мещан превышало купцов и почетных граждан в 4,8 раза, а в 1897 году разрыв увеличился в 13 раз. Увеличение численности почетных граждан А.А. Терещенко объясняется переходом в данное состояние части купцов, а значительное сокращение купеческого сословия – структурными изменениями в экономике Курской губернии: «более глубокая степень развития товарно-денежных отношений привела к сокращению многоступенчатости торговых операций и числа торговых посредников»⁷. Мещанское сословие к концу века составляло 38,9 % численности белгородского населения, а городские низы из числа крестьян – 50,6 %.

Таблица 2

Сословная структура населения города Белгорода за 1861 г. и 1897 г.⁸

Сословия	Количество человек	
	1861	1897
Дворяне потомственные	251	802
Дворяне личные и чиновники	247	502
Духовенство	666	473
Почетные граждане	40	470
Купцы	1 338	331
Мещане	6 639	10 326
Крестьяне	1 154	13 429
Военные	1 463	2
Иностранцы	-	-
Финляндские уроженцы	-	-
Не принадлежащие к этим сословиям	32	152
Не названные сословия	-	31
Итого	11 930	26 518

В условиях проведения либеральных реформ, развития капиталистических отношений и ростом внутреннего рынка, а также стабильного роста численности населения традиционная структура российского общества начала медленно трансформироваться. С одной стороны, сохранялось сословное деление, где местоположение каждого человека было закреплено религией, законом, обычаем, наследственностью, то есть условиями, независящими от субъекта; с другой стороны, на рубеже веков стратификация стала более

⁶ Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2003. С. 106.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Таблица составлена по: Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие... С. 115.



подвижной, горожане получили возможность в течение жизни менять свой статус. Наследственность сословной принадлежности больше не гарантировало человеку определенное место в обществе. Социальный статус в пореформенный период в большой мере был обусловлен сферой занятости, личной активностью в экономической и социальной отраслях.

Материалы переписи 1897 г. не только содержат сведения о сословной структуре общества. Показательно, что в той же переписи имеются данные о занятиях населения. Их наличие можно считать свидетельством переходного состояния общества, показателем формирования профессиональной, классовой структуры характерной для капиталистического общества. Основой для такой трансформации и ее внутренним механизмом считается профессионализация трудовой деятельности, которая, кроме углубления собственно профессиональной специализации, предполагает еще и консолидацию «представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции»⁹.

Профессионализация городского населения отражала дальнейший процесс разделения труда в обществе. При этом если применительно к сословиям процесс разделения труда носил обязательный, распространяющийся на все сословия и имеющий правовые ограничения характер, то в условиях развития капиталистического общества занятия населения определялись свободным выбором того или иного лица, носили индивидуальный характер и реализовывались на основе свободного договора. В этих условиях всякое занятие, а тем более профессия являлись личной деятельностью, выражали активное участие данного лица в социальной жизни страны¹⁰. Профессия, как правило (хотя и не всегда), определяет главное занятие человека, которое одновременно служит ему и основным источником материальных средств к существованию или личного дохода. Вместе с тем, профессия предполагает наличие специальности, реализацию определенного призвания, осознанного человеком, что необязательно для занятия, даже главного¹¹.

В переписи занятие рассматривалось, прежде всего, с точки зрения источника дохода, т.е. ограничительно по сравнению с понятием профессия. Именно в связи с этим в группировку о главных занятиях были включены также лица, не имеющие определенных занятий, а живущие за счет капитала, родителей, пенсии и т.п., т.е. основной принцип – источник дохода, и здесь прослеживается. Вместе с тем, судя по логике материалов переписи, главное занятие в ней все же понималось в основном как специальность. Лишь одна категория лиц, считалась не имеющей определенной специальности – поденщики и чернорабочие.

Отраслевая структура занятости городского населения Белгородского края представлена по пяти южным городам Курской губернии, которые наглядно демонстрируют специфику малых, средних и крупных городов губернии (табл. 3). Как видим наибольший процент самодельного (т.е. имеющее самостоятельный заработок) городского населения трудилось в промышленной сфере – 22,7 %, что является характерной чертой индустриализации региона (в уездных городах Курской губернии 20,9 %). Важную роль приобрела сфера обслуживания, которая по количеству занятых опережала торговлю – соответственно 18,5 % и 12,3 % – причем эта отрасль наиболее привлекала женщин из всех других областей занятий. Только 10,7 % городского населения были заняты сельским хозяйством.

Соотношение групп занятости городского населения в основном соответствовало средним показателям по Европейской России. По мнению Б.Н. Миронова, в основных сферах труда – промышленность, торговля, земледелие – доля занятых составила 50 % самодельного населения России. Сфера услуг (гостиницы и клубы, банки и парикмахерские, домовая прислуга и т.п.) давала работу почти 17 % населения, армия поглощала 8,7 % населения. Остальные работники были заняты в различных отраслях – от финансов до проституции¹².

⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 142.

¹⁰ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в XIX – начале XX века. М., 2004. С. 322.

¹¹ Там же.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история... С. 306.



Данные переписи свидетельствуют, что процесс перехода от аграрного общества к индустриальному во многом зависел от урбанизации. В отличие от уездов в городах сельское хозяйство не являлось основным занятием. Большая разница между городским и сельским населением была и в числе занимающихся непромысловой деятельностью. Это отражало, – как отмечал П.Г. Рындзюнский, – ведущую роль городов как центров административного управления, как мест пребывания обеспеченного нетрудового населения и, наконец, как пунктов концентрации достижений культуры»¹³.

Таблица 3

**Отраслевая структура занятости самодельного населения
белгородских городов Курской губернии в 1897 г. (без учета членов семьи)¹⁴**

Отрасль занятости	Белгород		Грайворон		Короча		Новый Оскол		Старый Ос- кол		Всего	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	чел	%
1. Сельское хоз-во*	618	53	411	40	662	95	91	8	446	248	2672	10,7
2. Промышленность	2139	759	345	92	462	104	191	48	1243	282	5665	22,7
3. Транспорт, связь, почта	707	7	17	-	14	-	21	1	57	2	826	3,3
4. Строительство**	575	-	84	3	56	-	82	-	752	-	1552	6,4
5. Торговля***	1102	263	156	36	410	51	114	10	834	96	3072	12,3
6. Финансы, стра- хование	19	-	4	-	3	-	1	-	8	-	35	0,14
7. Сфера обслужи- вания	850	1321	155	268	182	381	104	229	433	698	4621	18,5
8. Здравоохранение	54	19	10	6	28	7	19	7	30	17	197	0,8
9. Учебная и воспитательная деятельность	89	38	12	15	33	14	9	14	40	23	287	1,15
10. Наука, литера- тора, искусство	23	6	1	-	4	-	-	-	21	3	58	0,23
11. Администра- ция, суд, полиция	262	1	109	-	127	-	72	-	133	-	704	2,8
12. Вооруженные силы	1373	1	34	-	39	-	38	-	43	-	1528	6,1
13. Религиозная служба	105	551	20	-	25	8	13	5	53	18	798	3,2
14. Прочие отрасли	675	758	131	91	174	169	97	95	304	408	2902	11,6
Итого	8591	3777	1489	551	2219	829	852	417	4397	1795	24917	100

* Включая пчеловодство, лесное хозяйство, рыболовство и охоту. ** Включая жилищно-коммунальное хозяй-
ство. *** Включая общественное питание.

Группа занятий по переписи населения из таблицы распределены между отраслями занятости следующим образом: № 17-21 – сельское хозяйство, № 22-37, 39, 40 – промышленность, № 41-45 – транспорт, связь, № 38 – строительство, № 47-59, 61 – торговля, № 46 – финансы, страхование, № 13, 60, 62, 64 – сфера обслужи-
вания, № 11-12 – здравоохранение, № 9 – учебная и воспитательная деятельность, 10 – наука, литература, искусство № 1-3 – администрация, суд, № 4 – вооруженные силы, № 5-8 – религиозная служба, № 14, 15, 16, 63, 65 – прочие отрасли (включая заключенных, лиц, не имеющих определенного рода занятий и т.д.).

Активный процесс урбанизации и развитие капитализма открыл новые возможности для представителей разных социальных категорий российского государства. В ходе буржуазной модернизации российского общества сословия начинали постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. В основе данного процесса лежала эволюция сословно-ценностных ориентиров, когда под влиянием социально-экономических процессов капиталистического характера сословный статус в общественном сознании уступал место социальному, базировавшемуся на показателях финансового

¹³ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 176.

¹⁴ Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Курская губерния... С. 176–181.



благополучия¹⁵. На фоне привычных сословий начали выделяться новые социальные слои населения – рабочие и буржуазия, служащие и чиновники, интеллигенция и маргинальные слои. Каждая из данных групп отличалась своими определенными характеристиками, интересами и мировоззренческими установками, проведением производственного и общественного быта. Хотя, несмотря на то, что у каждой социальной страты имелись свои общие объединяющие черты, вместе с тем образ жизни его представителей внутри социальной группы мог существенно отличаться.

«Раскладывая» общество на подобные однородные социальные группы, необходимо конечно учитывать, что всякая социальная классификация, или стратификация, является в значительной мере условной и зависит от критериев, положенных в ее основу. В социально-профессиональной стратификационной системе группы делятся по содержанию и условиям своего труда. Особую роль здесь выполняют квалификационные требования, предъявляемые к той или иной профессиональной роли – обладание соответствующим опытом, профессиональным образованием, умениями и навыками¹⁶.

Рассмотрим формирование новых городских социальных групп на примере двух новых групп, которые более или менее точно вычленились по статистике первой переписи – рабочие и интеллигенция (табл. 4). Для анализа мы взяли уездный город Белгород и распределили среди данных групп соответствующие отрасли занятости. Следует отметить, что в связи с занятиями, население в переписи распределялось на самостоятельное (самостоятельное по терминологии переписи) и несамостоятельное (несамостоятельное), живущее на средство первого. Эту последнюю группу жителей составляли члены семей: жены, дети, престарелые родители, нетрудоспособные братья и сестры и т.д. Их численность также представляет интерес, поскольку они оказывали влияние на общую структуру занятости населения. Так в Белгороде из 26 564 жителей 12 368 человек имели самостоятельный заработок, а остальные 53,4 % несамостоятельного населения находились на их попечении.

Таблица показывает, что 32 % самостоятельного населения, или 3 961 человек, относилась к группе рабочие, причем количество мужчины в 4 раза превышало женщин. Численность несамостоятельного населения, членов семей рабочих составляло 6 151 человек. С их учетом доля рабочих в количестве всего занятого городского населения равнялась 38,1 %. Примечательно, что если мы подобно проанализируем другую новую социальную группу – интеллигенцию, то картина выйдет несколько иной. Среди самостоятельного населения их доля составит 7,7 % (948 человек из 12 368 самостоятельного населения), тогда как с учетом членов семей в численности всего населения Белгорода процент будет ниже – 5,9 %. Численность женщин занятых интеллектуальным трудом превышало количество мужчин среди самостоятельного населения почти в 2 раза.

Таблица 4

Новые социально-профессиональные группы уездного города Белгорода по Всероссийской переписи 1897 г.^{17*}

Социальные группы	Лица, имеющие самостоятельные занятия		Члены семей		Всего человек	Их доля в численности всего занятого городского населения
	м.	ж.	м.	ж.		
Рабочие	3202	759	2059	4092	10112	38,1%
Интеллигенция	332	616	192	418	1558	5,9%
Все население	8591	3777	4679	9517	26564	100%

* Группа занятий по переписи населения из таблицы распределены между социальными группами следующим образом: № 22-35, 37-42 – рабочие; № 3, 5-7, 9-11, 36 – интеллигенция.

¹⁵ Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2005. С. 404.

¹⁶ Радев В.В., Шкаратин О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 53.

¹⁷ Таблица составлена по: Первая всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Курская губернии... С. 177.

Социальные группы не были однозначно однородны по своему составу, внутри них складывались различные категории со своим определенным образом жизни, повседневным бытом. К примеру, фабрично-заводские рабочие существенно отличались от непромышленного пролетариата. В свою очередь среди рабочих фабрик и заводов квалифицированные потомственные рабочие и рабочие недавно пришедших из деревни и связанные с землей, представляли разные социальные группы.

В зависимости от сферы занятости, материального благополучия, уклада жизни формировался повседневный быт социальных групп. Городские формы досуга преимущественно были рассчитаны на средний класс и интеллигенцию. Представители рабочей среды и беднейшие горожане проводили свободное время иначе. Уровень жизни этих социальных групп городского населения Курской губернии был крайне низким. Сознание абсолютного большинства жителей было настроено на максимально полное использование времени для получения дохода. Малоимущие горожане с готовностью принимались за любую работу, а отдых оценивался как вынужденный простой. Некоторые вынуждены были идти просить милостыню. Но среди них немало было и профессиональных «тружеников».

Тем не менее, досуг для большинства городских социальных групп становился новой формой самовыражения вне рабочего места и определял их поведение в обществе. Важную роль в социокультурной жизни курских городов, в повышении общего культурного уровня горожан через организацию новых форм досуга играла интеллигенция. На рубеже столетий под эгидой передовой интеллигенции, которая становилась носителем городской культуры, возникают различные общественные организации, проводится культурная, просветительская, благотворительная, научно-исследовательская работа. Именно благодаря деятельности интеллигенции осуществлялось приобщение простонародной публики, рабочих в том числе, к достижениям отечественной и мировой культуры: литературы, театрального и музыкального искусства, отчасти, изобразительного искусства¹⁸. Народное просвещение представители интеллигенции рассматривали скорее как гражданский долг, нежели как коммерчески выгодное мероприятие.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века общество находилось в переходном состоянии, о чем в определенной степени свидетельствуют данные первой Всеобщей переписи населения. С одной стороны шел процесс размывания традиционных сословных групп населения, а с другой – происходило становление и развитие новых социальных групп объединенных общностью культурно-нравственных ориентиров, уровнем образования, включенностью во властные структуры, сферой занятости и способами извлечения дохода. Сословия утрачивали свои специфические привилегии, сближались друг с другом в правовом положении и постепенно трансформировались в классы и профессиональные группы. Процесс трансформации общества из сословно-представительского в классовое, то есть формируемого не законами и обычаями, а экономическими отношениями, имел в пореформенной России значительный успех, но к 1917 г. далеко не завершился.

CLASS AND PROFESSIONAL STRUCTURE OF URBAN POPULATION OF KURSK PROVINCE IN LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

A.A. TITOVA

Belgorod National Research University

e-mail: shabanova.alesya@rambler.ru

In the article we consider particularity of class and professional structure of the urban population of Kursk province on the basis of the first general census of the population. Census data to a certain extent are evidence of the transition position of society (the status society transforms into class society), an indicator of the formation of new social groups, which characteristic of capitalist society.

Keywords: Kursk province, urban population, social class structure, professionalism, social groups.

¹⁸ Семенов М.Ю. Проблема исторического исследования феномена городской культуры. Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX – начале XX вв. как часть городской культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета (История. Политология. Экономика. Информатика). Белгород, 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 128–136.



УДК 94(47).084.3

ГАЗЕТА СОЮЗА АНАРХИСТОВ-СИНДИКАЛИСТОВ «ГОЛОС ТРУДА» В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ (АВГУСТ 1917-НАЧАЛА 1918 ГГ.)

М. Ю. СМИРНОВ*Брянский государственный
университет им. академика
И.Г. Петровского**e-mail: Maxiaus@yandex.ru*

Данная статья посвящена событиям политического кризиса в России (август 1917 – начало 1918 г.). Автор рассматривает деятельность в этот период печатного органа Союза анархистов-синдикалистов «Голос труда». Особое внимание уделено эволюции отношений между анархистами и большевиками, выделяя те аспекты, по которым эти политические партии были солидарны друг с другом и по которым они абсолютно расходились.

Ключевые слова: Союз анархистов-синдикалистов, большевики, печатный орган, декларация, политический кризис, революция.

Судьба различных политических партий в России, их эволюция, причины упадка, распада и гибели стала предметом активного исследовательского интереса в начале 1990-х гг. До прекращения деятельности КПСС в августе 1991 г. история «непролетарских партий» в России также являлась предметом изучения советских историков. Проходили научные симпозиумы, были созданы проблемные советы, включавшие в себя крупных специалистов Академии наук СССР, существовавших тогда Академии общественных наук, Института марксизма-ленинизма, работавших над комплексной проблемой «История Великой Октябрьской социалистической революции». Историки справедливо отмечали, что причины «банкротства», «идейного краха», «закономерностей гибели», «несостоятельности мелкобуржуазной оппозиции» коренятся в противоречиях, присущих самим партиям, однако этими понятиями подменялся и очевидный вывод о решающей роли насилия в установлении однопартийности в стране.

Новый исторический опыт начала 1990-х, когда бывшая на протяжении около семидесяти лет единственной руководящей партией в стране КПСС без репрессий и острой политической борьбы сложила свои властные полномочия, заставил по-новому взглянуть на события далекого прошлого.

Главное различие между многопартийностью и однопартийностью заключается не в фактическом количестве партий, существовавших в стране, а в их реальном воздействии на политическую линию развития государства. Следует отметить, что даже находящиеся в оппозиции и не входящие в правительство партии могут участвовать в формировании многопартийной системы при условии, что с ними будут считаться правящие силы, что они смогут воздействовать на выработку государственной политики. В статье на материалах печатного органа анархистов – газете «Голос труда» – одного из немногих оппозиционных периодических изданий, дошедших до наших дней, дается анализ происходивших межпартийных отношений.

«Союз анархистов-синдикалистов» представлял одно из десятка различных направлений в идейно-политическом течении анархизма в России.

Первый номер его газеты «Голос труда» вышел в свет 11 августа 1917 г. Главные особенности этого издания, представлявшие интерес для современного исследователя, являются ярко выраженная оппозиционность по отношению к партии большевиков, отражение позиции «Союза анархистов-синдикалистов» по ключевым событиям революционного кризиса осени 1917 г.

К моменту выхода в свет анархистского «Голоса Труда» партии большевиков удалось привлечь на свою сторону симпатии значительной части рабочих Петрограда. Тем не менее, «Союз» сумел обрести определенное влияние среди заводских рабочих столицы, которые, судя по публикациям газеты, стали посещать его митинги, становившиеся все более многочисленными. «Союзу анархистов-синдикалистов» удалось создать группы и

в пригородах Петрограда: Кронштадте, Обухово, Колпино¹. Партийная газета, несмотря на все трудности, имела определенный успех и распространялась все лучше, даже на периферии.

В этих условиях была сформулирована основная задача «Союза»: усиление агитации, привлечение внимания трудящихся масс к своим идеям². Выполнению намеченных целей и должна была служить созданная газета, а также устная пропаганда.

В каждом номере газеты на конкретных примерах разъяснялось, как анархо-синдикалисты понимают задачи со всей очевидностью грядущей новой революции. Например, была опубликована серия статей о роли заводских комитетов, статьи о задачах Советов, о том, как решить аграрную проблему, о новой организации производства, обмена и т. д. Во многих публикациях, особенно редакционных, газета пыталась представить свое видение «подлинной освободительной Революции»³.

Так, в редакционной статье 1-го номера «Голоса труда» под характерным названием «Тупик Революции» говорилось: «Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше... Мы выступали бы определенно против программ и тактик "наших социалистических" партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с[социалистов]-р[еволюционеров], правых с[социалистов]-р[еволюционеров] и пр.). Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым классам иные задачи...»⁴.

Анархисты пытались убедить своих читателей в несостоятельности курса большевиков по развитию революции, в том, что только анархистские идеи являются истинными и верными для народа. Особые надежды при возобновлении деятельности организации связывались с возвращением многих сторонников их политического направления из-за границы. Анархисты раньше многих других своих политических оппонентов оценили сложившуюся критическую ситуацию в стране и пытались позиционировать себя в качестве «партии действия».

«Голос труда», призывал: «Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях... Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда революция на время зашла в тупик и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно»⁵. В следующих номерах газеты постоянно подчеркивалась необходимость немедленного выбора со стороны рабочих между большевиками и анархистами, не допускались никакие компромиссы: «Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем они остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие вовремя, пока чашки весов еще колеблются, бросить на свою чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую идею, – зависит в значительной (если не в главной) степени дальнейшая судьба и исход нынешней революции»⁶. Желание одержать верх в политической борьбе закрывало возможности для компромиссов, вымывало ключевую задачу происходивших в России революционных перемен – создания общества «добра и справедливости».

Тем временем партия большевиков шла к своему государственному перевороту. Она прекрасно понимала революционные умонастроения масс и надеялась использовать их, обеспечив себе успешный захват власти. Анархисты, наблюдая за этими тенденциями и не имея возможности перехватить инициативу, выступали с резкой критикой тактики большевиков: «Решение вполне логическое, ясное, простое, само собой напрашивающееся. <...> Надо решиться произнести последнее, логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. Не надо никакой власти. Вместо "власти" хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян... Тогда и только тогда победит революция»⁷. В статье подчеркивается главный опре-

¹ Волин В. Неизвестная революция 1917–1921. М., 2005. С. 185.

² Там же. С.186.

³ Там же.

⁴ Тупик Революции // Голос Труда. 1917. № 1. 11 августа.

⁵ Тупик Революции // Голос Труда. 1917. № 1. 11 августа.

⁶ Историческая грань // Голос Труда. 1917. № 2. 18 августа.

⁷ Голос Труда. 1917. № 3.



деляющий тезис анархистов по вопросу о власти в будущем государстве – «отсутствие власти», власть – у народа: «Или массы в непрекращающихся творческих исканиях сумеют, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах... Или – массы так и не сумеют построить в процессе этой революции свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни организации. В этом случае революция будет рано или поздно задумана; ибо довести революцию до победного конца могут только такие организации...»⁸.

Анархисты активно участвовали в революционных событиях в Петрограде, Кронштадте, Москве. Их цели предопределили политическую сдержанность в начальный послеоктябрьский период. «Союз анархо-синдикалистов» день за днем отслеживал деятельность большевистского правительства и анализировал ход событий. Газета, в течение трех месяцев выходившая ежедневно, пыталась разьяснить трудящимся все ошибки и преступления новой власти, одновременно развивая анархические идеи и указывая средства их осуществления.

В ряде статей: 27 октября («Что дальше?»), 3 ноября («Вторая Революция»), 4 ноября («Декларация и Жизнь»)⁹ анархисты настаивали на необходимости немедленно отказаться от политических методов диктатуры над массами, предоставить трудящемуся народу свободу организации и действия, что явно соответствует одному из основных аспектов анархистских воззрений, анархистской теории – у народа должна быть свобода, должен быть выбор, народ не должен чувствовать давление эксплуататоров, он должен сам вершить свою судьбу: «Мы говорим: с самого начала русской революции, т. е. с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться беспартийно, в свои трудовые, классовые организации, объединяя их между собою и направляя на единственно необходимую цель... Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, по прямой дороге»¹⁰.

В статье, озаглавленной «Новая власть», говорилось: «Где начинается власть, там кончается революция. Где начинается "организация власти", там кончается организация революции. Выражение "революционная власть" имеет ровно столько же смысла, сколько выражение "горячий лед" или "холодный огонь". То есть не имеет никакого смысла»¹¹. Анархисты-синдикалисты опять возвращались к идее несостоятельности новой власти, говорили, что о том, что она не является народной, что для народа, по их убеждениям, истинная власть может быть только той, которая находится в руках крестьян, рабочих, солдат, служащих и т. д., в трудовых организациях. Они подчеркивали, что именно такое государственное устройство принесет пользу для народа и обеспечит победу революции. В другой статье, озаглавленной «От тупика к тупику» (№ 15 от 6 ноября) содержится ответ на вопрос о создании нового государства: «Есть только одно средство вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться вовсе от организации центральной политической власти и от захвата ее партией или партиями. Приступить немедленно к помощи массам – всюду на местах – в деле энергического объединения их в трудовые беспартийные организации. Помочь приведению этих организаций в стройное целое, связываемое по городам и деревням, а затем – по районам и областям при помощи Советов этих организаций...»¹². В заключение статьи говорится: «Всякая власть есть гибель Революции. Никакая власть не придет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тот ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!»¹³.

В очередной статье анархисты возвращаются к своей идее организации рабочих и крестьян в союзы, считая, что они будут реальной силой для свершения революции и установления того государства, которое, по их мнению, будет справедливым, равным для всех и перспективным в будущем. При этом они активно описывали недостатки будущего

⁸ Голос Труда. 1917. № 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ От тупика к тупику // Голос Труда. 1917. № 15.

¹² Там же.

¹³ Там же.

политического строя большевиков, указывая, что свободы не будет, что вся власть будет основана на сильном государственном центральном аппарате, а значит, будет предписывать, распоряжаться и давить¹⁴. В анализе потенциального развития будущей диктатуры они не ошиблись, в итоге партия большевиков так и выстроили свою систему государственного управления. «"Вся власть Советам!" превратится на деле во власть партийных лидеров в центре. Вместо свободного, естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, "твердую революционную власть" – предписывающую, распоряжающуюся, давящую...»¹⁵.

Перечислив факты, доказывающие, что большевизм неминуемо завершится перерождением и предательством, автор статьи заключает: «Увы, таковы роковые законы политической борьбы... будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся "самочинными", "анархическими"; что "социалисты у власти" обрушатся на вас под этим предлогом со всею силою "социалистического" авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством, а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью – станут против вас ... вы будете горстью. Вас раздавят беспощадно, как "безумцев", как "анархистов", как "разбойников". <...> И на ваших могилах не поставят даже памятника...»¹⁶.

Таким образом, очевидно, что «Голос труда» как печатный орган союза анархистов-синдикалистов являл собой олицетворение идей и принципов анархистских воззрений, анархисты его использовали для критики существующей власти, призыва народа под свои знамена для свершения государственного переворота.

THE NEWSPAPER OF SOUZ ANARKHISTOV – SINDICALISTOV (UNION OF ANARCHISTS-SYNDICALISTS) «GOLOS TRUDA» IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL CRISIS IN RUSSIA, AUGUST 1917-THE BEGINNING OF THE 1918

M.Y. SMIRNOV

*Bryansk State University
named after Academician
I.G.Petrovski*

e-mail: Maxiaus@yandex.ru

The science article is dedicated to the developments of the political crisis in Russia (August 1917-the beginning of the 1918 years). Under the article the author reviews the importance of Souz anarkhistov – sindicalistov (Union of Anarchists) press organ "Golos Truda" in the determined period. The author analyzes the establishing and development of the press organ marking the peculiarities of the newspaper work and functioning in the period (the main subject of the articles, their tons, publishing time). The author pays much attention to evolution of the relationship between anarchists and the Bolsheviks from the beginning of August 1917 till the first trimester after the October Revolution. The author emphasizes the common aspects for the both political parties and their oppositional statements.

Keywords: Souz anarkhistov – sindicalistov, political crisis, Bolsheviks, press organ, declaration, revolution.

¹⁴ Новая власть // Голос Труда. 1917. № 14. 17 ноября.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.



УДК 94(497.1)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖВОЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ ПО МЕМУАРАМ Е.В. СПЕКТОРСКОГО

С.И. МИХАЛЬЧЕНКО

*Брянский государственный
университет им. академика
И.Г. Петровского*

e-mail: smikh10@mail.ru

Статья посвящена освещению политической и конфессиональной жизни Югославии (до 1929 г. - Королевства сербов, хорватов и словенцев) в неопубликованных мемуарах известного российского ученого и деятеля высшего образования Е.В.Спекторского.

Ключевые слова: Королевство сербов, хорватов и словенцев, Югославия, русская эмиграция, Е.В. Спекторский.

Одним из популярных направлений гуманитарных исследований последних двух десятилетий является изучение русской эмиграции первой волны. Многие из ее представителей оставили после себя мемуарные и дневниковые сочинения, являющиеся важными источниками по истории русского рассеяния¹. Наряду с воспоминаниями об обстоятельствах собственной жизни, авторы, конечно, не могли обойти стороной и политические, духовные, бытовые реалии тех государств, в которых они оказались. Мемуары, в этой связи, интересны не только для изучения истории собственно эмиграции, но и для исследования истории тех государств, куда забросила судьба их авторов. Одним из таких государств стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), куда переселилось - по разным подсчетам - от 40 до 70 тысяч человек из бывшей Российской империи². Значительное место югославским реалиям 1920-х – начала 1930-х годов уделяют хранящиеся в архиве Института Восточной Европы Бременского университета «Воспоминания» выдающегося отечественного ученого-обществоведа Е.В.Спекторского (1875-1951)³. Судьба распорядилась так, что большую часть времени (31 год), отведенного на творческую жизнь, Спекторский провел за рубежом, из которых более двадцати – в Югославии (в Белграде и Любляне)⁴.

Мемуары, судя по замечаниям в тексте, создавались автором в годы Второй мировой войны, когда он проживал в Любляне. К настоящему времени опубликованы отрывки из мемуаров, относящиеся к варшавскому и киевскому периодам жизни Спекторского⁵.

Предлагаемая статья посвящена характеристике отражения некоторых реалий политической и конфессиональной жизни межвоенной Югославии (КСХС) в остающейся пока неопубликованной части мемуаров Спекторского.

Русские эмигранты, прибывшие в январе 1920 г. из Одессы и затем переправленные через Грецию в КСХС, оказались в молодой, только образованной стране. К тому же сильно пострадавшей во время Первой мировой войны. Тем не менее, как вспоминал

¹ См. новейшие исследования мемуаристики эмигрантов: Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России. Белгород, 2009; Мемуары в культуре русского зарубежья. Сборник статей / Отв. ред. А. Данилевский. М., 2010; Гранков Д.А. Русская усадьба в эмигрантской мемуаристике. Автореф. дисс.... канд.ист.наук. М, 2013.

² Йованович М. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С.27-45.

³ См. подробнее: Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64-68

⁴ О Спекторском см.: Ермичев А.А. Е.В.Спекторский (1875-1951). Биобиблиографическая справка // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II. С.506-521; Ульяновский В., Короткий В., Скиба О. Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ, 2007; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-е – 1940-е годы). Брянск, 2010.С.37-86.

⁵ Воспоминания Е. В. Спекторского. Публ. С.И.Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. №3 (2010). P 161–199; Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступит. статья, примеч. и комментарии С.И.Михальченко // Проблемы славяноведения. Брянск, 2010. Вып.12. С.303-390. Mikhalchenko S.I. Polska końca XIX wieku we „Wspomnieniach” Evgenja Vasilevicha Spektorskiego // Res historica. Czasopismo Instytutu historii UMCS. Lublin, 2011. № 32. Str.137-158.

Спекторский, эмигрантов ждал теплый прием. «Добравшись до пограничной станции Джебджели, мы увидели, что попали в братскую страну. Нас встретил сербский священник с крестом на камилавке. Детям дали молоко, взрослым – джеванчичи, т.е. колбаски из разных сортов мяса, и вино. Оттуда мы двигались очень медленно, потому что железнодорожная линия еще не была исправлена после разрушений, произведенных отступавшей армией Маккензена. Мосты были взорваны, вместо станций были землянки, стрелки были разбиты. Так мы добрались до Вранье, простояв ночь в Скопье»⁶.

Столица Югославии и Сербии Белград представлял удручающее зрелище: «Белград тогда еще не оправился от бомбардировок, – вспоминал Спекторский. В старом здании университета с надписью «Миша Анастасиевић свом отечеству» вместо правой лестницы зияла огромная дыра, левая же лестница была без перил. Там, где впоследствии по плану русского архитектора выстроили новое здание, на куче развалин цвела акация. Целые кварталы (Топчидер, Чукарица, берег Дуная) были полуразрушены. Дворец был необитаем. Умиравший старый король Петр помещался в какой-то топчидерской даче, наскоро приведенной в жилой вид. А его сын регент Александр жил в одноэтажном доме вдовы Крсманич на площади Теразии. Из этого дома была пробита дверь в соседний магазин. Через него по вечерам регент в штатском платье, нахлобучив шляпу на голову, выходил инкогнито гулять пешком и, как Гарун-аль-Рашид, прислушивался к разговорам прохожих. А ночью у окна с револьвером и ручными гранатами ложился спать один из его телохранителей. Торговая жизнь только начинала налаживаться в Белграде. Каждый магазин торговал чем попало»⁷.

С 1924 по 1927 г. Спекторский работал в Праге⁸. Вернувшись в Белград после трехлетнего отсутствия, он обнаружил много изменений. Город стал «менее сербским и более югославянским городом. Много появилось в нем того космополитического «смесительного упрощения», отсутствие которого на Балканах когда-то так пленяло К.Н. Леонтьева. Изменились нравы. На улицах почти совсем нельзя было увидеть женщин в «либадетах» (атласных кофтах) и фесках под закрученной на голове косой. В «отменном» обществе сербы стали «любить», т.е. целовать руки дамам и приветствовать друг друга «кланам се», т.е. кланяюсь, чего не одобряли местные стародумы, ибо «серб никогда никому не кланяется»⁹.

Спекторскому, как юристу-государствоведу, было интересно устройство нового государства. «Мы приехали в еще неофициальное новое государство, – вспоминал он. – Его учредительное собрание открыло свою деятельность только в конце декабря 1920 года. Демократично было то, что в Белграде, в отличие от Варшавы и Праги, было созвано особое учредительное собрание. Но менее демократично было то, что формально оно не было суверенно согласно классической теории и бельгийскому образцу. Рядом с ним уже существовала династия, чем предрешался монархический образ правления в учредительном государстве. И члены собрания принесли присягу на верность королю. Тем не менее, в стране существовала республиканская партия. И в собрании обсуждался и даже голосовался проект социалистов о наименовании нового государства «югославянской республикой». Государство получило компилятивное название «королевства сербов, хорватов и словенцев», сокращенно СХС. <...>Это название как бы предполагало федерализм. В действительности же федералисты предлагали унитарное название «Югославия». Но против этого выступили сербские радикалы и демократы, считавшие Югославию австрийским детищем и придававшие большое значение тому, чтобы сербское имя не исчезло из названия нового государства, хотя бы ценой неуклюжего словосочетания».

Ученый отмечал, что «новое государство оказалось пестрым в вероисповедном, племенном и юридическом отношении. Можно было провозгласить великую Сербию с подчинением ей новых областей. Можно было провозгласить федерацию. В действительности же было создано нечто промежуточное, мало кого удовлетворившее. Было провоз-

⁶ Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01-30.230.II (Bonač, Vladimir). Л. 432.

⁷ Там же. Л. 441.

⁸ См.: Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Научная и преподавательская деятельность Е.В. Спекторского в Праге (1924-1928 гг.) // Slavia. Praha, 2011. Roc.80. Sesit 2-3. S. 198-205.

⁹ Спекторский Е.В. Указ. соч. Л. 728-729



глашено единство «троименного народа» и «сербско-хорватско-словенского» языка, хотя такого языка нет, как нет и «чехословацкого» языка».

Особую симпатию у Спекторского вызывал регент (затем король) Александр. «Это был статный и элегантный молодой человек, уже успевший пережить много тяжелого. Большой сербский патриот и верный друг России. Трудно перечислить все то добро, не только материальное, но и моральное, которое он сделал всем нам. ... Мы все считали его нашим королем. Иные даже мечтали о том, чтобы после ниспровержения большевиков он стал русским царем. И, когда его убили, мы его оплакивали как близкого нам и дорогого человека»¹⁰.

В отличие от отношения к Александру, его отношение к югославскому правительству было более скептическим «Приехав в Белград мы застали правительство Веснича. Его сменил кабинет Стояна Протича. Потом появился вернувшийся с версальской конференции Пашич. Быстрая смена кабинетов нам напомнила нашу «министерскую чехарду» перед революцией. Но вскоре мы увидели, что причины были иные. Министерское положение в изобилии давало то, что Колеб в одном секретном циркуляре префектам назвал *les faveurs publiques*¹¹ и, что остроумно изобразил сербский Гоголь Нишич в комедии «Госпођа министарка». После нескольких месяцев пребывания в должности министра получалось право на пенсию. И парламентарные партии ниспровергали друг друга, между прочим, и потому, что одни, мол, кормились достаточно, пора и честь знать и уступить место другим. Делопроизводство в министерствах оказалось довольно бестолковым. Бумаги часто терялись»¹².

В целом, Спекторский отмечал огромную волокиту, характерную для решения любого, даже мелкого, дела в югославских государственных учреждениях: «По одному несложному вопросу, касавшегося жалованья русских профессоров, наша делегация (Билимович, Тарановский и я) имела свыше пятидесяти хождений по присутственным местам. Иногда требовалась резолюция самого министра по совершенно мелким делам. Так, например, как и другие чиновники, я получил однажды ордер на право покупки одного метра дров за собственноручной подписью министра лесов и рудников». Ужасала Спекторского и коррупция, процветавшая в сербском истеблишменте. Когда Степана Радича назначили министром просвещения, он «первым делом сделал громадный заказ в собственном книжном магазине из казенного ассигнования на приобретение учебников»¹³. Причиной развития этого явления Спекторский видел как наследие турецкого прошлого с его «бакшишем», так и «первоначальное накопление», когда государственная служба понималась как кормление.

Не лучше, чем в правительстве, обстояли дела в скупщине (парламенте). «Ее заседания постоянно осложнялись тем, что в протоколах французской палаты именовалось *mouvements divers*¹⁴. Это дало стародумам основание называть парламент «прляментом», от слов «прлави» - грязный. А глава демократической партии Люба Давидович жаловался на превращение скупщины в кабак: раньше депутаты говорили как в церкви с амвона, а теперь, когда дети ругают друг друга, они оправдываются тем, что играют в парламент». Особенно отличались хорватские депутаты, которые «перешли всякую меру. Повидимому, они решили спровоцировать сербов с тем, чтобы иметь повод покинуть с треском скупщину и начать в Загребе чисто сепаратистскую работу». Их деятельность закончилась перестрелкой и убийством нескольких человек в парламенте¹⁵.

Важнейшей частью жизни югославянских народов была религиозная составляющая.

Первые впечатления от встречи с православной церковной жизнью в приютившей эмигрантов Сербии показали довольно сильные различия от русских православных реалий.

«В первое же воскресенье мы пошли в церковь, – вспоминал Спекторский. – Она оказалась пустой. Кроме священника и нас, русских, в ней не было никого. Мы еще не знали соответственного сербского «менталитета». Сербь очень дорожили православием,

¹⁰ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 502.

¹¹ Общественные милости (*фр.*)

¹² Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 508.

¹³ Там же. Л. 509.

¹⁴ Различные движения (*фр.*)

¹⁵ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 758.

ибо оно было их духовной опорой в борьбе против турок «за крейчасни и слобод у златну». Как подчеркивал мемуарист, «их понимание христианства героическое, а не аскетическое. Они чтят память священников, возглавлявших партизанские отряды. И толстовское понимание религии им совершенно чуждо. Продолжительное пребывание под турецким владычеством отучило их от хождения в церковь. Домашняя «слава» как бы заменяла им литургию. Кроме того, они распространили и на религию начало разделения труда. Солдат воюет, купец торгует, чиновник служит, земледелец пашет, а священник за них всех молиться. В сербской литературе есть рассказ о том, как один селяк впал в благочестие и запустил свою ниву, за что его отчитал поп: мое дело молиться, а твое – пахать. В белградских канцеляриях почему-то чиновники должны были являться по воскресеньям утром на службу. Они ничего не делали, пили турецкий кофе, но все-таки их не отпускали. И вот один русский, принятый на службу, отпросился в церковь. Шеф высказал предположение, что он хочет отслужить парастос, т.е. панихиду, по родным и охотно отпустил его. Но, когда тот опять отпросился и в следующее воскресенье, шеф возмутился: вы не монахи, а чиновники»¹⁶.

Полной людей церковь в местечке Вранье, где остановились эмигранты, только что прибывшие из России, оказалась только в первое воскресенье великого поста. Спекторский был немало удивлен особенностями сербского богослужения, в частности, отсутствием индивидуальной исповеди: «Когда священник вышел с дарами и сказал: «со страхом Божиим и верой приступите», никто не приступил. Но, когда обедня кончилась, сербы подошли к амвону. Священник прочитал молитву и стал их причащать. При этом взрослые разговаривали друг с другом, а бывшие на хорах дети шумели, плевали вниз и вообще вели себя очень не благоговейно. Но мне понравилось отсутствие личной исповеди». Факт отсутствия личной исповеди в сербской церкви навел Спекторского на более общие размышления, на сравнения католицизма и православия. «Я вспомнил случай, – писал мемуарист, – как в одной уездной церкви во время исповеди раздался голос одного офицера: «Я, батюшка, грешен и каюсь, но вашего любопытства удовлетворять не намерен». Вспомнил я католические исповедальни с визитными карточками и указанием приемных часов «духовных директоров», отпускающих не только прошлые, но и будущие грехи. Вспомнил я и казуистику когда-то прочитанного мной руководства к исповеди, составленного Альфонсом Лигурийским. И мне показалось, что индивидуальная исповедь свойственна только католичеству, и что она проникла в православие через Петра Могилу вместе с другими западными влияниями. Так, например, православная формула таинств безлична: «крещается, венчается раб Божий такой-то». Католическая же формула заменяет мистический процесс личным актом священника: «я крещую, я венчаю». И вот как раз в нашу формулу таинства покаяния вперлось нечто католическое, *ex ore aegrotantis*: «и аз, недостойный иерей».

Спекторский, не доверяя своим богословским познаниям, спросил у известного специалиста по истории церкви А.П.Доброклонского, не ошибается ли он, считая, что сербы, не поддаваясь католическому влиянию, сохранили древнюю христианскую форму покаяния, когда священник читает общую молитву, а каждый кается про себя. На это тот ответил, что «это только отчасти верно и что в России личная исповедь появилась и независимо от католичества, а именно в связи со старчеством. Но тогда получается нечто совсем иное. Одно дело, когда лица со смущенной совестью обращаются к человеку, прославившемуся святой жизнью, открывают ему свою душу и получают наставление от его мудрости, поднявшейся над земной суетой. И совсем другое дело формальная треба или исповедь перед действительно недостойным иереем, живущим меж детей ничтожных мира. Мне казалось, что и некоторые другие особенности сербского богослужения ближе к древней христианской традиции, чем то, к чему привыкли мы, русские. Так, например, пасхальная заутреня у них служится в четыре часа утра, а не в полночь, как у нас, что может быть, сделано для удобства господ»¹⁷.

Важной частью жизни русских эмигрантов было устройство русской церкви в Белграде. «Она помещалась сначала в трех комнатах, устроенных железнодорожной дирек-

¹⁶ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 435-436.

¹⁷ Там же. Лл. 436-438.



цией, потом в актовом зале одной гимназии, затем в сарае на старом кладбище, пока, наконец, для нее не было выстроено небольшое собственное здание. Ее настоятелем был отец Петр Биловидов. Человек без высшего духовного образования, он оказался прекрасным проповедником и законоучителем, а также большим любителем и знатоком церковного пения»¹⁸. Как отмечал Спекторский, Биловидов «заслужил почетное место в истории русской церковной жизни в Белграде».

Присутствие русских священников в жизни КСХС не ограничивалось одним храмом в Белграде. Некоторые русские священники получили сербские приходы в провинции. Как вспоминал не без иронии Спекторский, «про одного из них рассказывали, что, когда по просьбе больных он стал служить молебны об их здравии, то местный врач заявил претензию, что он нарушает начало разделения труда: пока больной жив, он состоит в ведении врача; и только, когда он умирает, он передается священнику. Про другого говорили, что к нему однажды пришла женщина с просьбой отслужить молебен о здравии заболевшего Мирка. Священник спросил: «Что, он лежит?» Она ответила: «Нет, стоит» – «И как стоит?» – «Да ведь это конь». – «Как же я могу служить молебен: ведь это не человек». – «Он лучше человека, он мне как сын». – «Да у него нет души». – «А я заплатила за него пять тысяч динар». Кончилось тем, что священник прочитал молитву над конем и покropил его»¹⁹.

Не случайным после таких происшествий было двойственное отношение сербского духовенства к русскому. «С одной стороны, ему было оказано широкое гостеприимство и предоставлена автономия под главенством митрополита Антония». С другой стороны, проявлялась определенная ревность. Так, «первоначально русским священникам не позволяли служить панихид на русских могилах. С неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви возле сербской церкви св. Марка (в ней во время войны немцы похоронили останки убитых сербами Александра Обреновича и его жены Драги). Еще с большим неудовольствием отнеслись к сооружению русской церкви на кладбище». При этом Спекторский соглашался, «что в данном случае сербы имели основание считать, что их обманули. Было дано разрешение на постройку копии разрушенной большевиками Иверской часовни в Москве. Снаружи так оно и получилось. Но внутри вместо часовни оказалась церковь»²⁰.

Спекторский оставил немало метких и не всегда лицеприятных описаний представителей югославского духовенства. Характеризуя возглавлявшего Сербскую православную церковь патриарха Димитрия, он вспомнил, в частности, об устроенном им в 1921 г. парадном обеде в честь русских: «Нас, привыкших к тому, что архиереи едят только постную пищу, поразило меню обеда: четыре мясных блюда. Патриарх ел с большим аппетитом, после чего начал ковырять зубочисткой в своих собственных и вполне здоровых зубах. А ему уже было 80 лет». Важную роль в жизни церкви играл и епископ охридский Николай. Он оказался «вдохновенным проповедником и автором интересных религиозно-философских статей ... Его считали масоном и отчасти даже еретиком, так что ему одно время не позволяли проповедовать в Белграде. Однажды он служил в нашей церкви и произнес на русском языке такую проповедь, что многие плакали»²¹. Вспоминал Спекторский и других иерархов.

Из православных праздников особенно запомнилось мемуаристу празднование Рождества, которое в Сербии празднуется «очень шумно, с выстрелами и петардами, чтобы поздравить Бога с рождением сына. По-сербски Рождество – «Божич», уменьшительное от Бога, «Боженьска». В сочельник вместо немецкой елки у сербов полагается «бадняк»: дубовые ветки с пожелтевшими листьями сжигаются в очаге. В Белграде за этими ветками отправляется в лес Кошутняк, длинная вереница военных частей с оркестром и частных автомобилей. Гвардейцы доставляют королю во дворец украшенный лентами бадняк. Он же осыпает их житом»²².

¹⁸ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 452-453.

¹⁹ Там же. Л. 507.

²⁰ Там же. Лл. 507-508.

²¹ Там же. Л. 506.

²² Там же. Л. 795-796.

С 1930 по 1945 г. Спекторский жил в словенской части Югославии и преподавал в Люблянском университете. Хотя мемуары оканчиваются на 1932 г., они все же содержат характеристику церковной (преимущественно, католической) жизни этих мест. Как подчеркивал Спекторский, значительное влияние на религиозную жизнь Словении оказала Австрия – «австрийская традиция пользовалась симпатией католического духовенства, не могшего примириться с заменой апостолического величества Габсбургов схизматическими Караджорджевичами». При этом «православие считалось неприятелем №1. Когда в Словении появились наши эмигранты, – продолжал Спекторский, – двух русских растерзали только за то, что они православные. Бем рассказал мне, как «жупник», т.е. приходской священник в Мирне объяснил в церкви смысл образования королевства СХС: «прежде у нас был император, а теперь король; император был нашей веры, а король чужой». Должно быть, не без влияния духовенства словенское население Корошки высказалось за присоединение к Австрии. Многим клерикалам улыбалась мысль об автономной Словении в составе восстановленной Австрии с Оттоном Габсбургским на престоле и о католическом поясе, тянущемся от Польши через Словакию, Венгрию, Австрию, Словению и Хорватию к Италии и Ватикану. Ненависть к сербам питалась австрокатолицизмом, вдохновившим песню «Srbe o vrbe» (повесить сербов на вербы), которую во время мировой войны распевали даже лица, сделавшие впоследствии в Югославии большую карьеру»²³.

К метким характеристикам сербских иерархов Спекторский прибавил портрет словенского епископа Еглича. «Когда я приехал в Люблян, – вспоминал Спекторский, – престарелый knezožkof, т.е. князь епископ Еглич был уже на покое. Этот Еглич как-то скупил и уничтожил все издание книги Цанкара «Эротика». Но вышло ее второе издание. И оно распространилось довольно широко. Самого же его упрекали, что он написал «Советы молодоженам» порнографического содержания. ... Еглич был меценат. На свои средства он построил в Шент Виде гимназию с интернатом. И он же дал сто тысяч на издание роскошного тома по поводу десятилетия люблянского университета. Его преемником был бывший профессор церковного права Рожман, краснощекий, жизнерадостный человек, большой любитель альпийских восхождений»²⁴. В целом же, по мнению автора воспоминаний, «словенское духовенство далеко не было однородно. И в его среде проявилась борьба отцов и детей. Как он отмечал, «стремление части молодого поколения священников к социальной правде вылилось в большевизанство. Антагонизм обнаружился, когда был закрыт один католический журнал, выразивший симпатии к красной Испании»²⁵.

Наиболее раздражавшим Спекторского моментом была торговля индульгенциями. Он описал такой случай: «Один словенец Барага, бывший миссионером среди американских краснокожих, был канонизован. Среди его родственников был собственник писчебумажного магазина в Любляне, тоже Барага, и ученица моей жены Туши Лейтгиб. Словенское духовенство содержало какую-то миссию в Индии. Однажды оно устроило особый павильон на «велесейме», т.е. выставке, посвященной этой миссии. Я купил в этом павильоне открытку с портретом Бараги. На ее обороте я прочел, что за израсходованный мной динар я приобрел не только изображение миссионера, но еще и отпущение каких-то грехов». «Вообще в Словении торговля индульгенциями процветала, – делал вывод Спекторский. – На какие средства при этом пускались иные духовные лица, видно хотя бы из распространенного не только среди одних баб с платочками на головах «расписания поездов в царство небесное»: тут были и экспрессы, и скорые поезда, и пассажирские, и притом, всех трех классов»²⁶. По мнению православного Спекторского, «во всем этом сказывался дух католической этики с ее иерократической гетерономией, согласно формуле *nil sine episcopo*, оттеснявшей Христа и т.п. заявление: «без Мен можете сотворити ничесо ж». Между Богом и человеком помещается посредник в лице «духовного директора», как выражаются французы; его задача авторитетно давать в конфессионале экспертизу относительно того, нравственно ли, безнравственно или же полунравственно то или иное деяние, прошедшее, настоящее или будущее, а затем отпустить соответственное прегрешение за то или иное мо-

²³ Спекторский Е.В. Указ.соч. Лл. 843-844.

²⁴ Там же. Л. 847.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 848.



ральное или материальное возмещение. Все это создавало во многих случаях атмосферу лицемерия». При этом мемуарист не мог не отметить, что «много лиц, особенно женского пола, были беззаветно преданы церкви». С другой стороны, «несмотря на клерикализм, в некоторых местах Словении господствовало грубое суеверие еще языческого происхождения: вера в «Зеленого мужа», «жаль жену» и т.п.»²⁷.

Завершая характеристику религиозной жизни Словении, Спекторский отмечал: «Как и в других католических странах, население Словении резко делилось на «практикующих», как говорят французы, и атеистов, на клерикалов и ненавистников церкви ... Не было той добродушно-скептической и терпимой середины, которая характеризует православный, в частности и наш русский быт. В демократических люблянских газетах, также как и в пражских, крайне шокировало то, что слово «Бог» писалось с маленькой буквы. Вся религия сводилась к клерикализму и христианство – к папизму»²⁸.

Таким образом, как представляется, мемуары Спекторского являются важным источником по истории политической и конфессиональной жизни межвоенной Югославии.

POLITICAL AND CONFESSIONAL LIFE OF INTERWAR YUGOSLAVIA ON MEMOIRS BY E.V. SPEKTORSKY

S.I. MIKHALCHENKO

*Bryansk State University named
after Academician I.G.Petrovski*

e-mail: smikh10@mail.ru

Article focuses on the characteristics of political and religious life of Yugoslavia (until 1929 - Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes) in the unpublished memoirs of the famous Russian scientist and leader of higher education E.V.Spektorsky.

Keywords: Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Yugoslavia, Russian emigration, E.V.Spektorsky.

²⁷ Спекторский Е.В. Указ.соч. Л. 849.

²⁸ Там же. Лл. 849-850.



УДК 947.085

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФРОНТОВЫХ ОТДЕЛОВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СВЯЗИ НКВД И ИХ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОПЕРАЦИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ 1942 ГОДА

**С. В. БЕЗРЯДИН,
А. В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН**

Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: guntero51@rambler.ru

В статье рассмотрены ключевые моменты в истории правительственной высокочастотной связи НКВД СССР в 1942 г. На основе архивных и опубликованных материалов анализируются изменения структуры, штатов, организации, технического оснащения фронтовых отделов правительственной связи в ходе боевого применения.

Ключевые слова: правительственная связь, резервирование, узел связи, аппаратура, усилительный пункт, абонент.

Системе правительственной связи вместе со всем народом и армией пришлось выдержать тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны. К началу боевых действий на территории СССР правительственная связь оказалась подготовлена слабо. Уязвимость воздушных линий связи для воздействия противника, отсутствие запасов оборудования, ведомственная разобщенность, отсутствие производственной базы для выпуска полевых вариантов высокочастотной (ВЧ) аппаратуры отрицательно сказались на управлении вооруженными силами в первые месяцы Великой Отечественной войны. Необходимость скорейшего решения этих проблем осознавалась руководством страны. В тяжелых условиях проводились серьезные организационные, технические, строительные мероприятия, направленные на улучшение системы правительственной связи.

К началу 1942 года Отделом правительственной связи НКВД было сформировано 10 отделов при каждом фронте и несколько армейских отделов на особо важных направлениях со своими ВЧ-станциями и обслуживающим персоналом. Их в разное время возглавляли Вакиш В.П., Воронин П.Н., Гриб М.А., Карпов Н.С., Киянов П.И., Короткий Г.Ф., Кособоков С.Н., Кострюков В.И., Кураков А.Д., Панченко А.Н., Хомяков М.С. и другие¹.

Вся стационарная составляющая была в ведении отделов правительственной связи НКВД, а линейная – Главного управления связи Красной Армии Народного комиссариата обороны (ГУСКА НКО) и Военно-восстановительного управления Народного комиссариата связи (ВВУ НКС). Такое состояние вещей создавало множество трудностей. Поэтому, постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) № 1129 «Об обеспечении бесперебойной телефонной правительственной связи между Москвой и штабами фронтов» от 11.01.1942 г. на НКВД были возложены функции по организации связи со штабами всех фронтов (Карельским, Ленинградским, Волховским, Северо-Западным, Калининским, Западным, Брянским, Юго-Западным, Южным и Кавказским), а также эксплуатации и охране всего линейного оборудования, а его строительство и восстановление оставалось за Наркоматом связи и Наркоматом обороны². В этом же постановлении закреплялось право использования ВЧ-аппаратов за членами ГКО, заместителями наркома обороны, заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии А.М. Василевским, заместителями начальника Генштаба (по направлениям), заместителями наркома внутренних дел, командующими и членами Военных советов фронтов, начальниками штабов фронтов и начальниками особых отделов НКВД фронтов³. Эти абоненты составляли особый список, все другие абоненты, не включенные в этот список, пользовались ВЧ-связью через другие каналы⁴.

¹ Книга памяти военнотружущих органов и войск правительственной связи, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общей ред. А.В. Старовойтова. М., 1995. С. 12.

² Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

³ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1833. Л. 57.



Нарком внутренних дел Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «После принятия всех магистральных линий связи Москвы со штабами фронтов проведено их обследование, которое выявило совершенно неудовлетворительное их состояние, требующее немедленного ремонта, замены железных вставок медными и т.д.»⁵. Поэтому в приложении по практическим мероприятиям предписывалось заменить железные провода на линиях бронзовыми, заменить и улучшить аппаратуру. Для использования в случае перемещения штабов фронтов следовало смонтировать на автомашинах 20 передвижных станций ВЧ-связи. Наркомат электропромышленности обязывался в месячный срок выполнить заказ на аппаратуру для ВЧ-связи и изготовить 500 шт. искателей повреждений ИП-38, а Наркомату среднего машиностроения предписывалось для ремонтно-восстановительных колонн поставить 50 грузовых 1,5-тонных машин и 50 пикапов⁶.

Специальных позывных для фронтовых ВЧ-станций не вводилось. Отделы правительственной связи фронтов использовали общие позывные, назначавшиеся Наркоматом обороны для пунктов, в которых располагались штабы⁷. Сотрудники, обслуживавшие линии правительственной связи, обеспечивались служебными удостоверениями формы 1-Б, дающими широкие права и полномочия⁸.

Для обслуживания линейного хозяйства ГУСКА НКО передало в оперативное подчинение Отдела правительственной связи НКВД 30 отдельных линейно-эксплуатационных рот связи, а ВВУ НКС – 18 рабочих колонн, за которыми закреплялось 17 вновь созданных линейно-фронтовых участков (ЛФУ)⁹. Переданные роты расставлялись на построенных магистральных линиях для эксплуатации и устранения дефектов: Калинин–Завидово – 920 рота, Калинин–Старица – 26 рота, сформированная в Лихославле, Калинин–Бологое – 744 рота, Бологое–Лыкошино – 921 рота и т.д.¹⁰ Кроме этого по состоянию на 25.02.1942 г. были организованы линии связи: Ижевск–Агрыз, Казань–Ижевск, Воткинск–Агрыз, Вятские Поляны–Казань, Нижний Тагил–Свердловск, Кузнецк–Куйбышев, Ульяновск–Куйбышев, Сызрань–Чапаевск, Златоуст–Челябинск, Магнитогорск–Челябинск, Моршанск–Тамбов, Пенза–Саранск¹¹.

В марте 1942 года для организации правительственной высокочастотной связи с фронтами Народный комиссариат электропромышленности передал НКВД телефонные станции ЦБх2У на 110 номеров – 9 шт., ЦБх2У на 50 номеров – 5 шт., ЦБх2У на 330 номеров – 1 шт., ЦБх2У на 440 номеров – 1 шт. и коммутатор на 30 номеров – 1 шт.¹².

В связи с возросшими заказами на аппаратуру всех видов, постановлением ГКО № 1449 от 15.03.1942 г. «Об обеспечении производства аппаратуры ВЧ-связи для нужд фронта...» на базе цеха дальней связи Уфимского завода № 628 был организован самостоятельный завод по производству аппаратуры дальней связи. Для этого выделялся бюджет в 10 млн. рублей в квартал, а также было вывезено из Ленинграда с завода «Красная Заря» и Москвы в Уфу: квалифицированных рабочих – 300 чел.; инженерно-технических работников – 25 чел.; специального оборудования – 200 единиц; специального инструмента – 50 тонн и материалов – 100 тонн. Главное управление трудовых резервов при Совете народных комиссаров (П.Г. Москатов) произвело досрочный выпуск ремесленников (от 16 лет), проходивших производственную практику на заводе № 628 и в Институте № 56, и передало их на работу в эти предприятия Народного комиссариата электропромышленности с последующим переводом на завод дальней связи. Заказы, кроме нужд правительственной связи, были запрещены. Завод и Институт № 56 Народного комиссариата электропромышленности были приравнены к предприятиям танковой и авиационной промышленности в части материально-технического и рабочего снабжения. Весь инженерно-технический персонал и рабочие, начиная с 3-го разряда и

⁵ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. л. 101.

⁶ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 95–96.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1835. Л. 78.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1825. Л. 64.

⁹ Павлов В.В. Правительственная электросвязь в истории России. Ч. 1 (1917–1945 гг.). М., 2001. С. 131.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1827. Л. 8.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1827. Л. 25–26.

¹² ЦА ФСБ России, Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1829. Л. 23.

выше, были освобождены от мобилизации. Передвижение грузов по железной дороге для завода было приравнено к передвижению военных грузов¹³.

ВЧ-аппараты устанавливались не только командующим фронтов и представителям Ставки ВГК, но и согласно постановлению ГКО № 1507 от 28.03.1942 г. – начальникам тылов фронтов в 11 пунктах их дислоцирования¹⁴. К этому моменту список абонентов ВЧ-связи вырос до 76 листов¹⁵. Узловое построение правительственной связи позволило организовывать прямые связи Ставки с конкретными фронтами, не прибегая к помощи третьих лиц, без чего нельзя было обойтись при использовании других видов связи¹⁶.

В мае 1942 года Отдел правительственной связи НКВД имел следующую структуру:

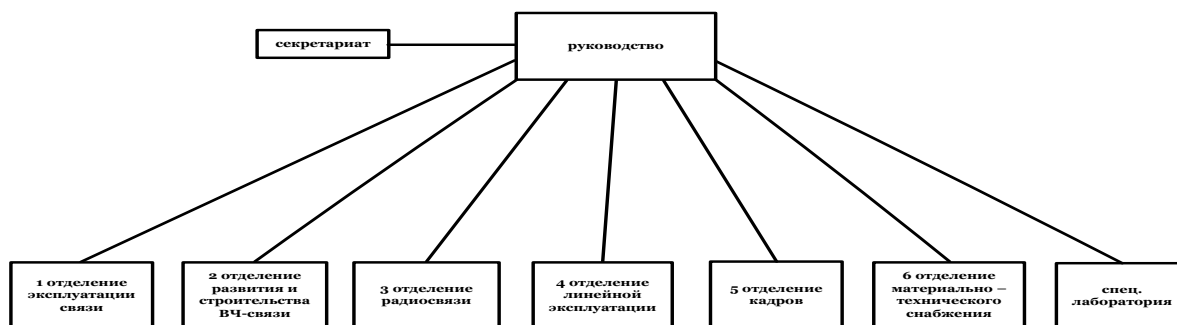


Рис. Схема структуры Отдела правительственной связи НКВД (май 1942 г.)

В мае-июне 1942 года были построены связи Хабаровск-Комсомольск, Челябинск-Касли (длина 150 км), Чкалов-Орск (сдалась в эксплуатацию позже назначенного срока из-за наводнения на р. Урал)¹⁷. Кроме того, в соответствии с указанием наркома связи И.Т. Пересыпкина о резервировании узлов правительственной связи и строительстве обходных связей для фронтовых станций, было произведено кольцевание узлов: Бологое, Калинин, Клин, Дмитров, Загорск, Рязань, Кашира, Серпухов, Тула, Ряжск, Мичуринск, Воронеж, Елец, Лиски, Каменск, Ростов, Россось, Шахты, Вологда, Ярославль, Чертково, Старый Оскол, Касторное, Краснодар, Армавир, Беломорск, Старобельск, Торжок, Ворошиловград, Тамбов, Тихвин, Н. Ладога, Б. Судское, Сталинград. На узлах Бологое, Ряжск, Воронеж, Чертково, Беломорск на кольцевых линиях организовали резервные пункты связи с переключением по 1 каналу СМТ-34 и трансляцией по каналу низкой частоты (допускалось только на начальном этапе войны)¹⁸. Для обеспечения всех работ были выделены грузовые 1,5-тонные машины с водителями из расчета: для Карельского фронта – 5; Волховского – 5; Северо-Западного – 3; Брянского – 5; Воронежского – 4; Донского – 4; Юго-Восточного – 6; Закавказского – 4; Ленинградского – 2 и Юго-Западного – 4¹⁹.

На заводах Народного комиссариата электропромышленности по заказу Отдела правительственной связи НКВД была создана портативная 2-канальная аппаратура надтонального высокочастотного телефонирования НВЧТ-42 «Сокол», работающая по воздушным и кабельным линиям связи в спектре частот 2,6–9,2 кГц. При использовании бронзовой цепи связь обеспечивалась до 700 км без усилительных пунктов. Именно эта аппаратура стала применяться в качестве основной для организации прямых каналов ВЧ-связи с фронтами.

На смену крупногабаритным СМТ-34 и ТВЧ-34 были разработаны полевые оконечные СМТ-42 («Сойка») и промежуточные ТВЧ-42 («Стриж») (3 канала), а также маскирующая аппаратура СИ-15 «Синица» – полевой вариант аппаратуры ПЖ-8, и приборы

¹³ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. л. 102; ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1825. Л. 103.

¹⁴ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1833. Л. 103.

¹⁶ Боевой путь войск специальной связи / под ред. П.Н. Воронина. М., 1967. С. 27.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1827. Л. 66, 74.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1828. Л. 91, 92.

¹⁹ Пор. 1825. Л. 20.



маскировки телефонной передачи «Соловей». Но уже в июле 1942 года И.В. Сталин приказал сократить программу III квартала 1942 года по заводу № 697 за счет заказов НКВД СССР по аппаратуре «Сойка» до 30 шт., «Стриж» до 20 шт., снять с программы III квартала 1942 года аппаратуру «Соловей» и измерительные чемоданы, перенести выпуск аппаратуры «Стриж», «Сойка» с IV квартала 1942 года на январь 1943 года²⁰. За счет этого, по постановлению ГКО № 2187 от 18.08.1942 г., Народный комиссариат электропромышленности обязывался изготовить для Отдела правительственной связи НКВД: к 15.01.1943 г. 50 полукомплектов аппаратуры типа «Сокол–Сова» и 25 трансляций к ней; к 31.01.1943 г. 10 комплектов аппаратуры типа «Соболь-П»²¹. Из-за существенных недостатков аппаратура «Соловей» и измерительные чемоданы были сняты с производства. Кроме этого Отдел правительственной связи провел мероприятия по их изъятию с низкочастотных каналов правительственной связи и замене на более совершенную засекречивающую аппаратуру²². Нарком связи генерал-лейтенант И.Т. Пересыпкин 10.09.1942 г. вообще запретил Отделу правительственной связи применять аппаратуру «Соловей» для связей Ставки ВГК с фронтами. Ее стали использовать в системе общевойсковой связи для полков, дивизий и армий²³. Согласно постановлению ГКО № 2443 от 23.10.1942 г. на заводе № 209 (г. Ленинград) была разработана более совершенная переносная специальная аппаратура «Волга», начало её серийного производства (30 полукомплектов) было намечено на I квартал 1943 года²⁴.

Поступление новых образцов аппаратуры, постоянное строительство новых станций и восстановление поврежденных объектов ВЧ-связи, эксплуатация возрастающего числа линий потребовали увеличения количества сотрудников Отдела правительственной связи. Приказом НКВД № 002700 от 13.12.1942 г. в г. Ленинграде и г. Горьком были организованы курсы (до 25 чел.) для подготовки технического персонала по обслуживанию станций правительственной связи со сроком обучения 3 месяца и стипендией в 500 рублей в месяц. Комплектование производилось из членов и кандидатов ВКП(б) и членов ВЛКСМ (18–40 лет), имеющих полное среднее образование, положительные характеристики и хорошее здоровье²⁵. Кроме этого был увеличен штат Отдела правительственной связи до 120 человек (приказ НКВД СССР № 002174 от 03.10.1942 г.)²⁶. В том же приказе говорилось об утверждении и издании инструкции по обслуживанию и профилактическим мероприятиям «оконечных» и промежуточных станций правительственной ВЧ-связи, а также о работе правительственной связи НКВД в военный период²⁷. В результате кадровых перестановок в руководстве начальником Отдела правительственной связи был назначен майор государственной безопасности М.А. Андреев, а И.Я. Воробьев стал его заместителем. Были разработаны требования, предъявляемые к техническим помещениям ВЧ-станций, располагаемым под землей. Общая площадь под станцию должна была быть не менее 60–80 м². Помещения разделялись по своему функциональному назначению на линейно-аппаратный зал (ЛАЗ), коммутаторный зал, генераторную и аккумуляторную. ЛАЗ представлял собой сухую комнату с оштукатуренными стенами и потолком, деревянным полом. Устанавливались и его параметры: ширина – не менее 330 см, высота – 270 см, длина – 600 см. К коммутаторному залу предъявлялись примерно такие же требования, особенностью было обязательное наличие гидроизоляционного слоя (не менее 15 см). Вход в аккумуляторное помещение должен был иметь тамбур, полы бетонировались и покрывались сверху асфальтом (2 слоя по 15 мм) или метлахской плиткой с плитусом из асфальта вдоль стен, высотой в 50 мм, составляющей одно целое с полом. В аккумуляторной располагались стеллажи, которые должны были быть изготовлены из сухого выдержанного дерева – сосны или лиственницы, 2-х ярусные, 2-х рядные, размером 350×80×190 см²⁸.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1825. Л. 6.

²¹ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1828. Л. 172.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1828. Л. 175.

²⁴ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.

²⁵ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

²⁶ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–34.

²⁷ Архив ФСО России. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–68.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1829. Л. 290.



Таким образом, к моменту контрнаступления советских войск под Сталинградом был своевременно осуществлен комплекс мер по созданию, организации фронтовых отделов правительственной связи. Смена поколений отечественной аппаратуры позволила вести секретные переговоры по линиям правительственной связи, перерывы связи были сведены к минимуму. Организация сети правительственной связи в масштабах страны способствовала в дальнейшем созданию отдельных частей войск правительственной связи на каждом фронте.

THE PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE FRONT-LINE DEPARTMENTS OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS AND THEIR MATERIAL-TECHNICAL MAINTENANCE IN COMBAT OPERATIONS OF THE RED ARMY OF 1942

**S.V. BEZRIADIN,
A. V. PEREPELTSIN**

*Voronezh State Pedagogical
University*

e-mail: gunter051@rambler.ru

The crucial moments in the history of the USSR People's Commissariat of Internal Affairs government high-frequency communication in 1942 are examined in the article. The changes of the structure, staff, organization and logistical support of the front-line departments of government communication on the basis of archival and published materials are analyzed.

Keywords: government communication, reservation, signal office centre, apparatus, repeater station, subscriber.



УДК 329 (47+57)ВКП (б):930.1

РОЛЬ СОВЕЩАНИЯ ИСТОРИКОВ 1944 ГОДА В ЦК ВКП (б) В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

О.В. ГРИШАЕВ*Воронежский государственный
университет**e-mail: grishaev@main.vsu.ru*

Значение совещания историков в 1944 года в ЦК ВКП (б) в развитии концепции русской истории в советской историографии.

Ключевые слова: совещание историков 1944 года в ЦК ВКП (б), советская историография русской истории

Это совещание сыграло особую роль в утверждении советской историографии русской истории¹. В работе совещания участвовали известные советские историки, в основном специализировавшиеся по истории дореволюционной России, секретари ЦК ВКП (б) А. А. Андреев, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВКП (б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой. Председательствовал на заседаниях А.С. Щербаков². Совещание открылось 29 мая 1944 г. Последующие заседания состоялись в июне-июле 1944 года. Причиной созыва совещания было то, что к началу 1944 г. в ЦК ВКП (б) была получена информация об отступлении ряда историков от марксистско-ленинской методологии и трактовок исторических событий. В частности, ученица М.Н. Покровского, член - корреспондент АН СССР, заместитель директора Института истории АН СССР А. М. Панкратова доносила в ЦК, что требования пересмотра историографии главным образом идут от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»³ (Е.В. Тарле и др.). Своих оппонентов А.М. Панкратова обвиняла в «полном отходе» от марксизма-ленинизма и «протаскивании под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории»⁴. Некоторые историки, воодушевленные резким нарастанием национально-государственных элементов в официальной пропаганде в годы войны, призывали «добить национальный национализм» (руководитель Высшей дипломатической школы проф. С.К. Бушуев, автор биографии А.М. Горчакова, номинированный на Сталинскую премию)⁵.

А.В. Ефимов и А.И. Яковлев готовили историографическое издание, призванное отразить национально-патриотический курс, и по, слухам, планировали реабилитацию трудов П.Н. Милюкова и Ключевского. С.К. Бушуев выступал за переоценку деятельности таких фигур как Аракчеев, славянофилы, Катков и Победоносцев, пересмотр в более положительном свете имперской внешней политики Александра I и Николая I. Е.В. Тарле, считавшийся лидером «национального» направления склонен был рассматривать им-

¹ См.: Бурдей Г.Д. Историк и война. 1941-1945. Саратов, 1991. С. 150-158; Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП (б) в мае-июле 1944 года) // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 254-268; Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Орел, 1994. С. 152-153; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа и сториков. СПб., 1995. С. 80-85; Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (История создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 148-160; Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 424-489; Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. СПб., 2009. С. 139-159.

² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 // Вопросы истории. 1996. №№ 2-7, 9.

³ Стенограмма... // Там же. № 2. С. 49

⁴ Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 55.

⁵ Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 432.



перскую территориальную экспансию как позитивное явление, поскольку в настоящем это увеличило способность СССР защитить население от немецкой угрозы⁶.

Это не устраивало ортодоксов образца 1930-х гг., кто не сколько занимался исследовательской работой, как вел «идейную борьбу за торжество марксизма».

Подготовкой и проведением совещания занимался идеологический аппарат ЦК. В ходе совещания внимание работников аппарата и историков было сконцентрировано на следующих основных проблемах: критике русского национализма, о котором открыто заговорили некоторые историки, сильном негативном влиянии школы Покровского, выражающихся в слабом освещении историками героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, в отрицательной оценке (как абсолютного зла) процессов присоединения к России нерусских народов; имела место критика антимарксистских взглядов, в частности, отступления от методологического принципа: классовая борьба - движущая сила исторического процесса и т. д. В наибольшей степени критике подверглись академик Е. В. Тарле, которого считали лидером «великодержавных шовинистов» среди историков, член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев, его статьи, рецензии и книга «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Х. Г. Аджемян, философ и публицист, автор статьи о кавказском мюридизме, присланной для публикации в «Исторический журнал», коллективные труды «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А. М. Панкратова и М. Абдыкалыков), и др. Установки ЦК на совещании были озвучены в выступлениях Е. Н. Городецко-го, С. М. Ковалева (историки, работавшие в аппарате ЦК) и других.

Главная задача ЦК и совещания 1944 г. состояла в критике «великодержавного шовинизма», проявившегося в военные годы в сочинениях ряда историков. Произошедшее в предвоенные и военные годы возрождение русской исторической науки, пусть и в редуцированной форме, появление серьезных монографических работ по всем основным периодам дореволюционной истории, русский национализм, частично в прагматических целях легализованный в ходе великой войны в ряде исследований явно обеспокоил правящую группировку. Необходимо было поставить жесткие идеологические преграды этому процессу, заставить работать историков в рамках исключительно формационного подхода и советского патриотизма.

К примеру, ортодокс Е.Н. Городецкий как пример абсолютно недопустимых антимарксистских и антиленинских идей привел заявление А.И. Яковлева, на заседании в Наркомпросе 7 января 1944 г. : «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. И радоваться, что киргизы вырезали русских в свое время, или, что Шамиль бокками сумел противостоять Николаю I, мне кажется, неудобно в учебнике»⁷. Кроме того, Яковлев призвал к дальнейшему развитию традиций Ключевского⁸. Выступающие на совещании представители ЦК и обслуживающие их историки подчеркнули недопустимость подобных умонастроений среди части историков, призывая трактовать историю России и СССР как многонационального государства (следует отметить, что и на уровне учебников и на уровне монографий эта задача оказалась в принципе невыполнимой).

Одним из итогов совещания 1944 г. было то, что была сохранена в неприкосновенном виде доктрина роли классов и классовой борьбы в историческом процессе, в подвергнутая беспрецедентной для того времени критике философом и публицистом Х.Г. Аджемяном. Последний, в своем выступлении на совещании, направленном против нигилистической трактовки русского прошлого, в частности, заявлял: «наша рассудочная, не доходящая до ступени разума историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний и значения Дмитрия Донско-

⁶ См.: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. Спб., 2009. С. 146-147.

⁷ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82-83

⁸ Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 69.



го, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова и т.д. Почему? Потому, что первые выступали против государства, государственного гнета своего времени, вторые же, наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства, его мощи, его независимости и суверенности. Первые разрушали, вторые – строили». Аджемян характеризовал как «дикие домыслы» официальное понимание классовой борьбы, при котором «народ выступает на арену истории как субъект лишь тогда, когда нужно разрушать, бунтовать, поднимать восстания и мятежи». В качестве примера подобных «домыслов» Аджемян приводил марксистскую интерпретацию пугачевского бунта, заявляя, что «государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за «лучшего царя», был не таким уж преданным делу народа вождем. Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых ... при победе Пугачева Россия поверглась бы в пучину кровавого одичания, а слова самого Емельяна: «Бог наказал Россию через мое окаянство» осуществились бы в гораздо более крупных масштабах»⁹. Характеризуя подобным образом Е. Пугачева, Аджемян в тоже время утверждал: «люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной, выступают перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа, народной воли, народной - мощи, как и народной немощи и бессилия, носителями национальных стремлений и национального самосознания». К ним он относил фельдмаршала Румянцева, занимающего Берлин, Суворова – штурмующего Измаил, Ермолова, завоевывающего горцев Дагестана, и даже императора Александр I - вступающего победителем в Париж»¹⁰.

Фактически роль шла об объективном освещении деятельности крупных исторических фигур прошлого, принадлежавших к «эксплуататорским классам». Более того, Аджемян критически отзывался о традиционном для советской историографии воспевании «пламенных революционеров»: «росчерком пера расправляясь с «палачами народов», которые при ближайшем рассмотрении часто оказывались проводниками и творцами прогрессивных стремлений истории, рассудочная историография придумывала утешительные антитезы. Она культивировала галерею химерических «революционеров», «борцов за свободу народа», которые противопоставлялись указанным «палачам»¹¹.

Марксистский ортодокс Б.М. Волин следующим образом отреагировал на подобные заявления (впрочем, речь в данном случае шла об одном из высказываний С.К. Бушуева, в какой-то мере единомышленника Аджемяна): «Как может поворачиваться, товарищи, язык у партийного советского человека, у большевистского пропагандиста-историка говорить о Каткове, Победоносцеве или об Аракчееве что-нибудь доброе! Ведь это же смердящие трупы!»¹².

Следует признать справедливость замечания Д.Л. Бранденбергера, что игнорирование оппонентами Панкратовой «классового анализа и этики «дружбы народов» было ... беспрецедентным»¹³.

Говоря о произведениях Маркса и Энгельса, составляющих методологическую основу советской исторической науки Аджемян высказывал совершенно «крамольную» мысль: «знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта»¹⁴.

⁹ Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 62.

¹⁰ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 61.

¹¹ Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 63-64

¹² Стенограмма совещания ... // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 83.

¹³ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самознания. 1931-1956. Спб., 2009. С. 147.

¹⁴ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 66

В результате в ходе совещания были признаны идеологически неприемлемыми высказывания академика Б.Д. Грекова об имевшем место в конкретных обстоятельствах тождестве интересов и нераздельности государства и народа в историческом прошлом России. Греков на совещании настаивал на истинности своей позиции: «Я продолжаю считать, что государство, являясь органом господствующего класса, осуществляет интересы, нередко совпадающие с интересами народа»¹⁵. В ответ выступающие оппоненты Грекова подчеркивали, что «единство государства и народа» могло быть характеристикой исключительно политической системы Советского государства с постулируемым отсутствием классовых антагонизмов. В частности, Е.Н. Городецкий заявил, что ««теория» нераздельности государства и народа ... является отказом от классовой оценки государства... ведет к смазыванию принципиального различия Советского государства от предшествующих ему государственных форм. Только Советское государство является организацией единства нации. Следовательно, нельзя переносить единство советского народа и государства на историческое прошлое»¹⁶.

Резкой критике подвергся академик Е.В. Тарле, который пытался изменить марксистскую оценку территориальным приобретениям России, развивал идею «наименьшего зла» для нерусских народов в присоединении к России, призывал признать ее цивилизаторскую роль на Востоке. Кроме того, он выступил против положений «царская Россия - жандарм Европы», «царская Россия - тюрьма народов». Еще до совещания Е.В. Тарле утверждал, что формула, что царизм является «жандармом Европы», «является ни чем иным, как шаблоном, каноном, шорами, которые мешают правильно рассматривать и оценивать внешнюю политику... Имеются как бы две пары темных очков, которые так долго были надеты на глаза историков, особенно русских. Первая пара - о роли России как «жандарма Европы». Вторая пара темных очков, еще больше мешающая видеть действительность, - это взгляды на Россию приблизительно в 20 - 30-х годах. Ненависть к России как силе, которой приписывалось основное реакционное движение, заставляя предъявлять к ней и основное обвинение в захватнических намерениях»¹⁷. Говоря подобным образом, Е.В. Тарле явно хотел использовать державные устремления Сталина и его соратников, обозначившихся к концу войны для пересмотра объективно антирусских и антигосударственных постулатов, характерных для интерпретации истории внешней политики России, восходящей к оценкам основоположников марксизма. Однако его аргументация была охарактеризована на совещании как отступление от марксистско-ленинской методологии, как попытка обелить царизм и его колониальную политику. С точки зрения легитимности советского политического режима это было логично, в противном случае неизбежно возникал вопрос: против каких негативных черт царского режима была направлена Октябрьская революция? В итоге Тарле отказался от своих заявлений. После окончания совещания, он писал А.С. Щербакову, что всегда считал царизм жандармом Европы, а Октябрьскую революцию - рубежом в истории России и всего мира, никогда не говорил «такой глупости», что пространство-главное наше преимущество в обороне¹⁸.

Большое место на совещании заняла критика книги «История Казахской ССР», основным редактором которой являлась А.М. Панкратова. Предполагалось, что книга может послужить образцом при подготовке аналогичных трудов по истории других национальных республик. Панкратова рассчитывала получить за эту книгу Сталинскую премию, однако книга получила неблагоприятные отзывы со стороны «великодержавных шовинистов». В отзывах о книге отдельных историков (в частности, А. И. Яковлева) отмечалось, что авторы не смогли в полной мере оценить тенденцию продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию как объективно обусловленную всем ходом общественного развития, исторически прогрессивную, преувеличили значение имевших место антирусских восстаний и других выступлений в складывавшихся взаимоотношениях двух народов. За этой книгой утвердился ярлык «антирусская». В целом восторжествовала оценка книги, сделанная партийными идеологами, согласно которой «Россия изображается ... как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматри-

¹⁵ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 4. С. 86.

¹⁶ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 4. С.83

¹⁷ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 3. С. С. 90.

¹⁸ Стенограмма совещания... // Вопросы истории.. 1996. № 2. С. 52



вается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России»¹⁹. Таким образом, была отвергнута концепция, восходящая к Покровскому, которая любое антирусское националистическое движение трактовала как «прогрессивное» и «освободительное». Кроме того, едва ли не все выступившие на совещании историков «ритуально» отмежевались от «школы Покровского» в целом, а не только по вышеупомянутому частному вопросу. Представляется, однако, что осуждение «покровщины» не было основной задачей совещания, она была в основном выполнена еще в довоенные годы и реанимация взглядов Покровского исключалась в силу многих факторов, главным из которых был тектонический сдвиг в сторону «руссоцентризма» в научной, культурной и общественной жизни, произошедший во время войны.

Совещание историков длительное время входило в категорию закрытых мероприятий ЦК. Никакой информации о нем в периодической печати не публиковалось. Значение совещания в том, что оно окончательно определило границы усвоения наследия дореволюционной исторической науки советскими историками. В предвоенные годы и в военные появилось большое число монографических исследований, написанных с державно-патриотических позиций, что было немыслимо в годы господства линии М.Н. Покровского и его последователей. Однако, русскому патриотизму, «руссоцентризму», востребованному в годы войны с точки зрения политического режима необходимо было поставить определенные ограничения. Были четко определены своего рода методологические «демаркационные линии», за которые категорически нельзя было заходить и те основополагающие постулаты советской исторической науки, которые в принципе не могли подлежать какому-либо пересмотру. В противном случае, это могло, в конечном счете, привести к делегитимации существующей власти, возникшей в результате событий 1917 и последующих годов. Как выразился С.М. Ковалев, заведующий отделом Управления пропаганды и агитации ЦК: «Если игнорирование реакционных моментов в истории нашей страны до 1917 г. ведет к тому, что Октябрьская социалистическая революция становится немотивированной, то, с другой стороны, принижение прогрессивных явлений в истории России, затушевывание передовых сил,двигающих исторический процесс вперед, приводит к тому, что пролетарская революция становится незакономерной»²⁰. Как писал А.М. Дубровский, «провозглашалась борьба на фронта – и против возвеличения царской политики, неумеренного воспеваания дореволюционной России и против очернения прошлого страны»²¹. Отныне историки были обязаны работать исключительно в рамках сложившейся марксистско-ленинской парадигмы, формационного подхода и советского патриотизма. Такой подход жестко и бдительно сохранялся вплоть до 1987 года.

THE SIGNIFICANCE OF THE MEETING OF HISTORIANS IN THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU (B) IN 1944 FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

O.V. GRISHAEV

Voronezh State University

e-mail: bo@bsu.edu.ru

The significance of the meeting of historians in the Central Committee of the CPSU (b) in 1944 for the development of the concept of Russian history in the Soviet historiography.

Keywords: the meeting of historians in the Central Committee of the CPSU (b) in 1944, the Soviet historiography of Russian history.

¹⁹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б). 1944 // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 197.

²⁰ Стенограмма совещания... // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 76.

²¹ Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 473.



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.01

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Н.М. КОМА*Институт государства и права
им. В. М. Корецкого НАН Украины,
г. Киев**e-mail: kchoma@mail.ru*

В статье характеризуются основные отечественные и зарубежные подходы к определению типов социального государства. Определены основные дискуссионные аспекты научного дискурса по проблематике. Изучаются различия между основными моделями с целью поиска перспективного ориентира для развития национальной модели социального государства. Предлагается авторская типология современных моделей социального государства, которые формируются в условиях глобализации и под влиянием конвергенции идеологий.

Ключевые слова: глобализация, конвергенция идеологий, социальное государство, модель социального государства, социальная модель.

Институт социального государства – предмет активных научных дебатов. Целостная модель социального государства (все чаще употребляется термин социальная модель) отсутствует. За последнюю четверть века выделен ряд моделей социального государства, которые отличаются объемом льгот и обоснованием права на их получение, финансированием и организацией. Мы ставим задачу систематизировать научные взгляды на проблему типологии моделей социального государства, раскрыть основные дискуссионные направления, и выработать свое видение изменений в классических типах моделей, которые, на наш взгляд, происходят под влиянием, прежде всего, вызовов глобализации и конвергенции идеологий.

Модели социального государства методологически базируются на разных идеологиях, которые предлагают зачастую противоположные подходы к решению социальных проблем¹, их многообразие объясняется, прежде всего, историческими компромиссами на начальном этапе существования социального государства². Социальная модель, рамки которой определяют позицию государства по отношению к обществу, – результат, с одной стороны, эволюции комплекса факторов (экономических, правовых, религиозных и др., а также традиций), специфических для каждой страны, а с другой – осознанного выбора³.

¹ Намчук В.А. Моделі соціальної держави // Стратегія регіонального розвитку: формування та механізми реалізації. Одеса, 2008. С. 219-221.

² Козаченко І.О., Ніколаєвський В.М. Особливості еволюції соціальної держави та їхня ревалентність до українських реалій // Вісник Харківського Національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2010. № 891. С.19.

³ Ройк В.Д. Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 10. С. 27.



Для Украины, как и для России, проблема самоидентификации в выборе модели социального государства, не решена, не сформирована доктрина организации социальной сферы, наработки по подготовке концепции социального государства носят поисковый характер. Такая тенденция присуща большинству постсоветских государств. Это актуализирует тему нашего исследования.

Модели социальных государств определяются не только объемом социальных расходов, но и их эффективностью для жизни общества. Существенным фактором, отличающим социальные модели, являются структура и конфигурация, сочетание важнейших институтов социальной защиты – страхования, социальной помощи, государственного социального обеспечения, медицинской помощи и образования, размеры ресурсов, направляемых на их функционирование, а также доминирующая роль одного из институтов социальной защиты⁴.

Попытки типологизировать модели социального государства имеют давнюю традицию в сравнительных исследованиях, но любая типология является упрощенной схемой, которая не может полностью отразить все многообразие социально-государственных программ. О. Панкевич приводит критерии, по которым можно классифицировать социальные государства: место социальной политики среди национальных приоритетов, распределение социальных функций между государством, гражданским обществом и предпринимательским сектором, “удельный вес” государственного сектора, особенности социальной политики относительно целей и инструментов осуществления последней, уровень доходов членов общества⁵.

Г. Виленский и Ч. Лебо по критерию масштабов государственного вмешательства в социально-экономическую сферу выделили “институциональную” и “остаточную” модели: в “остаточной” модели меры социального государства направлены избирательно, на беднейшие слои населения, при наличии достаточно слабо выраженной прогрессии налогов, а в государстве “институциональной” модели государственные меры помощи охватывают значительно более широкий круг людей и осуществляются за счет налогов, которые взимаются на основе достаточно высокой прогрессии.

Т. Тилтон и Н. Фернис выделили три модели социального государства: *позитивное государство социальной защиты* (англо-американская и англо-саксонская модели), *государство социальной безопасности* (государство социальной защищенности, государство социальной защиты), *социальное государство всеобщего благосостояния* (государство всеобщего благосостояния, социальное государство всеобщего благоденствия)⁶.

К. Эспин-Андерсон критериями типологии социального государства предлагает изменения в системах стратификации, степень расширения социальных прав и общественно-частная организация социального обеспечения. Основой классификации является попытка понять сущность социального государства через его политическую природу. Он вводит следующие параметры: уровень дегрегации, стратификация общества, государственное вмешательство (интервенция) и выделяет *либеральный, консервативно-корпоративистский* и *социал-демократический* (универсальный, скандинавский) типы⁷. Эта классификация уточнялась в последние два десятилетия.

Ряд авторов склоняются к выделению дополнительно *католического (латинского)* типа, в котором степень ответственности за судьбу человека низкая, как и в либеральном, а необходимая помощь для людей базируется на принципах христианской морали, поступает от семьи, общины, местной власти и в последнюю очередь - от государства⁸. В тоже время британский профессор Н. Гинсбург выделяет как четвертый тип *британское*

⁴ Джавадова С.А., Гончарова В.Д. Европейская социальная модель в новом социальном измерении // Экономический журнал. 2009. № 2 (16). С. 146.

⁵ Панкевич О.З. Соціальна держава: поняття та загальнотеоретична характеристика: автореф. дис... канд. юрид. наук. Львів, 2003. С. 9-10.

⁶ Normann F., Timothu T. The Case for the Welfare State. From Social Security To Social Equality. Bloomington/London. 1977. P. 3-21.

⁷ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990. P. 28-29.

⁸ Дребот О.М. Класифікація типів соціальної держави і моделей соціально-орієнтованої економіки // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Вип. 116. Серія: Економіка і фінанси. Севастополь, 2011. С. 51.

либерально-коллективистское государство всеобщего благосостояния, которое сочетает социалистический и либеральный типы⁹.

В украинской политической и правовой науке сформировалось несколько подходов к классификации моделей социального государства. О. Новикова, А. Силенко рассматривают две основные модели: *либеральную (остаточную)* и *социально-демократическую*¹⁰. И. Козаченко и В. Николаевский выделяют *неолиберальный, социально-католический и социально-демократический* типы моделей¹¹. Л. Четверикова выделяет либеральный и социал-демократический типы, а предложенный К. Эспин-Андерсеном третий тип социального государства (*корпоративистская модель*), по ее мнению, является разновидностью социал-демократического типа социального государства¹².

Исследователями моделей социального государства высказываются также мнения об уместности классификации социального государства по пропорции участия государства и гражданского общества в системе социальной политики¹³.

В. Намчук выделяет *патерналистскую, корпоративистскую и этатистскую* модели социального государства¹⁴. Для *патерналистской* модели характерно стремление достичь эффективности, используя фонды на обеспечение наиболее нуждающихся в помощи членов общества. Она отличается низким уровнем участия государства в решении социальных проблем. Основными условиями функционирования модели является минимальное вмешательство государства в рыночные отношения, ограниченное применение мер государственного регулирования, что не выходит за рамки выработки макроэкономической политики. *Корпоративистской* модели присуща законодательно закрепленное участие государственных и общественных структур в решении проблем индивида, группы, общины. *Этатистская* модель ориентирована на централизованную, дорогостоящую систему социального обеспечения, значительную государственную участие в социальном обслуживании. Контроль над реализацией государственной социальной политики осуществляется местными органами власти, подотчетными центральному правительству¹⁵.

В. Гойман по критерию уровня доходов выделяет следующие типы социального государства: *эгалитарный* (все члены общества получают равные блага, в материальном смысле все равны), *роулсианский* (справедлива такая дифференциация доходов, которая допускает относительное экономическое неравенство только тогда, когда оно способствует достижению более высокого уровня жизни малоимущих членов общества); *утилитарный* (большую часть общественного богатства должен получать тот, кто в большей степени приносит пользу); тип социального государства, *ориентированный на классическую модель рынка*¹⁶.

А. Александрова выделяет в качестве основных *универсальный и селективный* типы социального государства. Первая модель предполагает реализацию универсальной социальной политики (*социал-демократическая* модель социального государства), вторая – селективной социальной политики (*либеральная модель*). Третья модель (*корпоративистская*) является, по ее мнению, компромиссом между названными двумя¹⁷.

В. Торлопов отмечает традицию разделения на государства О. фон Бисмарка и У. Бевериджа, и выделяет *институциональную и резидуальную* модели государства благо-

⁹ Ginsburg N. Divisions of Welfare. A Critical Introduction to Comparative Welfare Policy. London, 1993. P.21.

¹⁰ Новикова О.Ф. Соціальна держава: концептуальна основа, критерії визначення та стратегічні пріоритети // Соціально-економічні аспекти промислової політики. Донецьк, 2009. Т. 1. С. 12-18; Силенко А. Чи є альтернатива державі загального добробуту? // Нова політика. 2000. № 1. С. 32-35.

¹¹ Козаченко І.О., Ніколаєвський В.М. Особливості еволюції соціальної держави та їхня ревалентність до українських реалій // Вісник Харківського Національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2010. № 891. С. 18.

¹² Четверікова Л.О. Соціальна держава: структурно-функціональний аналіз : автореф. дис... канд. політ. наук. Львів, 2006. С. 4-5.

¹³ Четверікова Л. Суть соціальної політики та аналіз її моделей в соціальних державах // Соціогуманітарні проблеми людини. 2005. № 1. С. 69.

¹⁴ Намчук В.А. Моделі соціальної держави // Стратегія регіонального розвитку: формування та механізми реалізації. Одеса, 2008. С. 219-221.

¹⁵ Лоренц У. Социальная работа в изменяющейся Европе. Киев, 1997. С. 57.

¹⁶ Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М., 1992. С. 139-140.

¹⁷ Александрова О. А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М, 2009. С. 104-105.



состояния¹⁸. Также этот исследователь выражает дискуссионную мысль о том, что если за основу классификации брать методы реализации государством своих социальных функций, то можно проводить различие между *автократическим* и *демократическим* типами социального государства¹⁹. Однако эта позиция противоречит доминирующему в научной литературе подходу, согласно которому социальное государство отождествляется с демократией.

Т. Мацонашвили выделяет три западноевропейские модели: *либеральную (англосаксонскую), скандинавскую (социал-демократическую), континентально-европейскую*²⁰. Л. Дериглазова, В. Яценко выделяют четыре европейские модели: *корпоративную (консервативную), социал-демократическую (скандинавскую), англосаксонскую (беверидджианскую) и юго-европейскую (латинскую)*²¹. По классификации, предложенной А. Готье, выделяются *социально-демократическая, консервативная, южно-европейская и либеральная* модели²².

В документах Еврокомиссии выделяются следующие модели: *континентальная (бисмарковская), англосаксонская (модель Бевериджда), скандинавская (северная) и южно-европейская (средиземноморская)*. Целесообразность выделения южноевропейской (южной) модели доказывает М. Феррера²³, учитывая, что этих странах системы социальной защиты были созданы или усовершенствованы лишь в течение последних десятилетий, а саму модель можно интерпретировать как развивающуюся, переходную, рудиментарную, с асимметричной структурой социальных расходов.

Е. Букоди и Р. Роберт различают шесть типов европейского социального государства: *социал-демократический, либеральный, южноевропейский, постсоциалистический корпоративистский; постсоциалистический либеральный*²⁴.

Наше авторское видение типологии моделей социального государства базируется, прежде всего, на понимании значимости конвергенции идеологий под влиянием глобализации и индивидуализации, когда элементы разных систем политических взглядов синтезируются, взаимно дополняя друг друга.

Со второй половины XX в. и до нашего времени классические политические парадигмы либерализма, консерватизма и социализма видоизменяются, и в этих традиционно альтернативных идеологиях просматриваются точки пересечения в подходах к смешанной экономике, политическому и культурному плюрализму, представительной демократии и т.п. С. Остюченко как неотенденции рассматривает формирование “нового лейборизма” в Англии, партии “новой середины” в ФРГ, концепций “либерального социализма” в Италии и др.²⁵ То есть, современный политический процесс фиксирует сближения идеологий, существенно трансформирует, модернизирует классические модели социального государства.

По нашему мнению, эпоха глобализации демонстрирует общемировую тенденцию к взаимовлиянию и взаимопроникновению, прежде всего, социалистических и либеральных идей, когда ставится цель достижения равновесия между свободным рынком и социальной защищенностью, государственным вмешательством и дерегулированием, коллективной интеграцией и индивидуализмом как образом жизни. Конвергенция социал-демократической и либеральной идеологий обусловлена ростом новых слоев среднего

¹⁸ Торлопов В.А. Основные модели социального государства // Человек и труд. 1998. № 6. С. 4-8.

¹⁹ Торлопов В.А. Социальное государство как инструмент гармонизации социальных отношений глобализации // Политология в России. 2003. №1.

²⁰ Мацонашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et contra. 2001. Т. 6. № 3. С.105-106.

²¹ Дериглазова Л. Закат социальной Европы? // Международный альманах „Европа”. Вып. 3. Тюмень, 2003 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.tempus.isu.ru/learn_mat.html; Яценко В. Гендер і „держава загального добробуту” в країнах Західної Європи // Політичний менеджмент. 2008. № 3. С.128-141.

²² Gauthier A.H. Family policy in industrialized countries: is there convergence? // Population. 2002. Vol. 57. No 3. P.453.

²³ Ferrera M. The “Southern Model” of Welfare State in social Europe // Journal of European Social Policy. 1966/ N.6 (1). P. 18-19.

²⁴ Bukodi E., Robert P. Occupational Mobility in Europe. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Luxembourg, 2007.

²⁵ Остюченко С. Конвергенція соціал-демократичної і ліберальної ідеологій під впливом глобалізації й індивідуалізації // Людина і політика. 2003. № 2 (26). С. 117-118.

класса, сокращением численности рабочего класса. Бывшее четкое противопоставление идей социализма и либерализма нивелируется, ищутся пути к объединению идеала равенства с требованиями индивидуальной свободы, принципа солидарности - с новым пониманием индивидуализма. Социал-демократические проекты наполняются элементами либерализма в отношении государства, экономики и общества, современная социал-демократия уже не выдвигает проекта изменения общественного строя даже как отдаленную цель и ориентируется не столько на “демократический социализм”, сколько на “социальную демократию”.

Влияние либерализма на социал-демократию не является односторонним процессом, поскольку либеральная идеология эволюционирует в понимании личности, ее роли в обществе, испытывает на себе, особенно в сфере социальной защиты, влияние социал-демократии. В идеологию либерализма вошли социал-демократические идеи социальной защищенности и справедливости, которые предусматривают перераспределение доходов от богатых в пользу малоимущих. Либералы сочли, что государство должно быть не только правовым, но и социальным – заботиться о благополучии всех граждан. Неолиберализм заметно акцентирует внимание на проблемах равенства и справедливости, человеческий капитал позиционируется как приоритет социальной политики; это предполагает развитие системы переподготовки рабочей силы, а не рост социальных выплат бедным и безработным. Следовательно, социал-демократия постепенно либерализуется, а либерализм – социал-демократизируется.

Неоконсерваторы также сформулировали новую модель отношений между индивидом и государством, гражданами и государством – индивид должен прежде рассчитывать на собственные силы и солидарность граждан, а государство должно обеспечивать ему условия жизни на основе правопорядка, стабильности и преемственности. В экономике был сделан упор на развертывание предпринимательской инициативы и широкую конкуренцию, резкое снижение налогов с целью высвобождения сил свободного рынка. В связи с ростом в современном обществе роли знаний и информации неоконсерватизм, как и другие идеологии, ориентируется главным образом на проблемы, культуры и качества жизни; культура и духовность рассматриваются как базовые ценности для освоения новых технологий, сохранение природы.

Наметился общий тренд в развитии моделей социального государства в европейских государствах: с одной стороны, сокращение социальных программ, стремление к повышению их экономической эффективности и отдачи, с другой – расширение социального партнерства, децентрализация. При этом происходит изменение роли и государства, и гражданина. Гражданин – уже не только объект социальной политики государства, но и активный субъект этой политики, избиратель в широком смысле, пользователь и производитель социальных услуг.

В результате диффузии идеологий и под влиянием вызовов XXI в. классические типы социального государства (либеральная, корпоративная, социал-демократическая) трансформируются, по нашему мнению, в *неолиберальную*, *корпоративно-либеральную* (*консервативно-либеральную*) и *социал-либеральную*. Активизация либеральной составляющей, на наш взгляд, обусловлена процессами глобализации. Связь между либерализмом и глобализацией очевиден; глобализацию и либерализм, прежде всего, объединяет идея примата реализации частного интереса в институционально благоприятном и беспрепятственном пространстве.

Неолиберальная модель социального государства интенсифицирует активность личности и трудовую мотивацию, развитие предпринимательского потенциала, повышение квалификации и переквалификацию. Государственные социальные программы сохраняются относительно уязвимых слоев общества. Акцент – на повышение доходов от работы все большего количества людей. Но, по нашему мнению, эта модель направлена на повышение качества жизни именно работающих и обходит неработающие категории, напр., молодых матерей.

Корпоративно-либеральная модель социального государства сохраняет высокий уровень социального корпоративизма, активизируется партнерство между государством и институтами гражданского общества, однако государственные социальные программы сужаются и все активнее поощряется индивидуальная инициативность для роста благо-



состояния именно за счет трудовой инициативности. Приоритет в программах социального обеспечения имеет не отдельный индивид, а семья.

Социал-либеральная модель социального государства характеризуется ослаблением принципа универсальности, сокращением всеобъемлющего характера и щедрости гарантий, наполнением содержания модели мотивам активизации инициативы индивида в самообеспечении.

По времени появления можем выделить *классические* (устоявшиеся, традиционные) модели, которые на сегодня уже трансформируются, видоизменяются, взаимовлияют, и *неомодели* социального государства (напр., модели, которые формируются в посттоталитарных государствах Центральной и Восточной Европы, проекты единой социальной модели ЕС и др.), которые еще не подтвердили готовность к эффективному внедрению в условиях глобализационных вызовов, находятся на организационной стадии, демонстрируют противоречиво-непоследовательные реформы.

По соотношению активности государства в решении социальных проблем и инициативности граждан в решении проблем благосостояния, выделим *патерналистскую, классическую и активизирующую модели* социального государства.

Патерналистская модель основывается на идее государственной опеки на социальной сфере, концентрации в руках государства ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения и социальной защиты населения и, в свою очередь, обеспечивают государству возможность быть субъектом принуждения. Социальная сфера, ее отрасли и учреждения огосударствлены, социальные услуги со стороны государства (различные социальные выплаты) являются чрезмерными, что не способствует развитию инициативности, активизации внутренних ресурсов личности. Этот тип теряет свою жизнеспособность под влиянием вызовов XXI века.

Классическая модель обеспечивает достаточный уровень социальной защиты уязвимых слоев населения и равный доступ граждан к базовым социальным гарантиям в сфере государственного здравоохранения, образования, социального обеспечения и трудовой деятельности. Это достигается не только за счет перераспределения материальных благ от богатых к бедным (это источник ослабевает в условиях экономической нестабильности), но и за счет повышения трудовой мотивации каждого члена общества и необходимой поддержки его усилий по реализации своего потенциала.

Активизирующая модель предполагает, что основной задачей государства является формирование системы условий для более полного использования трудового, интеллектуального, предпринимательского потенциала трудоспособных граждан, стимулирования их личной ответственности за самообеспечение. Социальное государство обеспечивает только основные потребности человека при обстоятельствах, когда человек не в состоянии обеспечить себе минимальный прожиточный уровень. Обязательным и решающим условием для получения помощи является обязанность трудоспособных граждан обеспечивать свое существование, быть социально активными, вкладывать свой труд в развитие общества, их готовность повышать квалификацию. Среди функций государства важнейшими становятся инициирование, активизация, стимулирование граждан, поднятие уровня их образования.

Конечно же, реальная социальная практика базируется не только на теоретических моделях, но и учитывает исторические, культурные, экономические и политические условия, поэтому преобладают смешанные модели, в которых выделяют наиболее характерные для той или иной модели признаки. Выбор конкретной модели социального государства всегда зависит от комплекса условий, определяется конкретным типом общественно-политического устройства государства, его идеологическими, духовными принципами, особенностями современного исторического этапа. Но в любом случае социальное государство в современных условиях с необходимостью предполагает наличие, с одной стороны, сильного государства, способного нести ответственность за развитие человеческих ресурсов, а, с другой, наличие развитых институтов гражданского общества, способных поставить государство под свой контроль.



APPROACH TO THE TYPOLOGY MODELS OF THE SOCIAL STATE

N. M. KHOVA

*V. M. Koretsky Institute of State
and Law of National Academy
of Sciences of Ukraine, Kiev*

e-mail: kchoma@mail.ru

In article the basic domestic and foreign approaches to definition of types of the social state are characterized. The basic debatable aspects of a scientific discourse on a problematic are defined. Distinctions between the basic models for the purpose of search of a perspective reference point for development of national model of the social state are studied. The author's typology of modern models of the social state which are formed in the conditions of globalization and under the influence of convergence of ideologies is offered.

Keywords: globalization, convergence of ideologies, welfare state, the model of the welfare state, the social model.



ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Р.М. КЛЮЧНИК

*Днепропетровский
национальный университет
им. Олеся Гончара, Украина*

e-mail: ruslan-dne@yandex.ru

Рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к изучению политического кризиса. Выделены признаки и критерии классификации кризисных явлений. Описаны возможности методологического синтеза в исследованиях политического кризиса.

Ключевые слова: политический кризис, политическая стабильность, системный подход, синергетика, политическое управление.

Актуальность изучения кризисных явлений в политике обусловлена, прежде всего, влиянием кризиса на развитие политической системы и отдельных ее элементов. Мировая практика свидетельствует, что с кризисами сталкиваются как демократические, так и авторитарные режимы. Особую актуальность данная проблематика приобретает на постсоветском пространстве: в условиях перехода к демократии возрастает вероятность возникновения кризисов.

Цель данной статьи – охарактеризовать основные подходы к изучению политических кризисов, сложившиеся в современной политической науке, прежде всего в рамках системной и синергетической парадигм.

Политический кризис – это временное прекращение функционирования отдельных элементов или институтов политической системы, усугубление и обострение политических конфликтов, эскалация политической напряженности. Кризис может приобретать различные формы (отставка правительства, роспуск парламента, введение чрезвычайного положения, изменение конституции и т.д.), однако любой кризис является следствием обострения неких глубинных противоречий в различных сферах общественной жизни. Под кризисом понимается специфическая фаза развития, которая характеризуется резким изменением привычного уклада жизни системы (подсистемы), нарушением равновесия, приводящая либо к ее переходу в новое состояние, либо разрушению системы.

Современная наука выработала по отношению к кризисам несколько концептуальных позиций¹. Во-первых, кризис рассматривается наукой как закономерное состояние развития системы, которое формируется на предыдущих ее этапах. Политический кризис не «падает с неба», если исключить из рассмотрения последствия для общества космических и экологических катастроф, а спонтанно складывается в общественном организме. Во-вторых, кризис представляет собой ослабление жизненных сил системы, способности сохранять состояние равновесия, достигать поставленных целей. Система утрачивает свою миссию, оказывается неспособной к целеполаганию и недееспособной. Отдельные ее подсистемы и элементы отклоняются от цели, формируют свои цели, либо живут бесцельно, так что миссия системы становится декларативной, теряет социальную опору. Система начинает «плаваться», утрачивать прежнюю целостность. В-третьих, кризис выступает как диалектическое единство двух процессов: разрушения и созидания. Благодаря ему происходит разрушение одних элементов, функций системы и возникновение других. В политической реальности наблюдаются многообразные соотношения между собой разрушения и созидания. Условно можно выделить три варианта: первый вариант предусматривает доминирование созидательных процессов, второй вариант отличается некоторым равновесием разрушения и созидания, а третий доминированием разрушения. Наконец, в-четвертых, кризис должен рассматриваться как сложное, комплексное явление, охватывающее социальную систему. Он представляет собой полиструктурное и полифункциональное образование. В качестве его важнейших характери-

¹ Сурмин Ю.П. Проблемы кризиса и антикризисных технологий // Грани. 2000. №2. С. 95-96.

стик выступают: сфера проявления, масштабы, степень охвата объекта или процесса, факторы порождения, характер поражения системы, и последствия для общества.

Можно выделить три группы противоречий, свидетельствующих о наличии политического кризиса.

К первой группе относятся функциональные противоречия, сущность которых состоит в функциональном расстройстве механизмов управления обществом, несоответствии методов работы органов государственной власти внешним и внутренним условиям политической жизни. Для преодоления таких противоречий достаточно проведения реформ с целью усовершенствования этих механизмов.

Структурные противоречия, составляющие вторую группу, определяются как несоответствие форм государственного устройства условиям жизни общества. Тогда наступает кризис властных структур и их легитимности. Структурные кризисы сопровождаются многочисленными социальными конфликтами, но могут протекать и мирно, особенно в странах с устойчивыми демократическими традициями.

Третью группу составляют системные противоречия, означающие, что ведущие элементы политической системы пришли к такой взаимной несогласованности, что ее уже невозможно устранить в рамках существующей политической системы. Причинами возникновения таких противоречий может быть чрезмерная активность или пассивность власти. Наиболее подвержены таким кризисам новые государства, не имеющие опыта демократического строительства.

Признаки политического кризиса можно выделить через признаки политической стабильности. Само понятие стабильности является довольно размытым, т.к. различные научные школы используют его применительно к различным объектам и их свойствам. К. Даудинг и Р. Кимбер определяют политическую стабильность как состояние, при котором политический субъект обладает способностью избегать случайностей, которые могут привести к изменениям критериев идентичности².

Ю.В. Мацневский предлагает обобщенный перечень признаков политической стабильности: 1) неприменение насилия; 2) длительное существование правительства (институтов власти); 3) наличие легитимного конституционного режима; 4) небольшое количество структурных изменений; 5) регулярность потока политических взаимодействий; 6) совокупность макропоказателей, свидетельствующих о стабильном развитии общества. Последний показатель является характеристикой системной стабильности, что в некоторой степени объединяет все вышеперечисленные признаки. Отрицательное значение данных переменных свидетельствует о наличии политического кризиса. Таким образом, наличие случаев политического насилия (убийства, покушения, теракты, перевороты), непродолжительное существование институтов власти, отсутствие легитимной власти, а также наличие структурных изменений являются проявлениями кризиса³.

Многообразие кризисных явлений обуславливает плюрализм подходов к их классификации. Так, исходя из масштабов кризиса, выделяют глобальный (охватывающий планетарную цивилизацию), национальный (протекающий в пределах одного государства), региональный (развертывающийся в пределах региона) и локальный кризисы. По длительности выделяют краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и сверхдолгосрочные кризисы. Наконец, исходя из характера разрешения, выделяют взрывные кризисы, завершающиеся социальным взрывом (часто революцией), и замирающие кризисы, ведущие к постепенному угасанию колебательного процесса в системе.

Исследование феномена кризиса в современной политической науке требует синтеза существующих методологических подходов. Творческое соединение диалектических, системных и структурно-функциональных методов познания дает возможность провести научный анализ основных аспектов кризисных явлений.

В рамках системного анализа политических кризисов отправной точкой исследования является политическая система. Именно она становится объектом исследования с дальнейшим выделением внутри нее предмета исследования. Исследуя политические

² Dowding K.M., Kimber R. The Meaning and Use of Political Stability // European Journal of Political Research. 1983. Vol.11. P.238.

³ Мацневський Ю.В. Деякі аспекти вивчення феномена кризи у політичних дослідженнях // Політичний менеджмент. 2008. №6. С.24-25.



кризисы, стоит уделить особое внимание анализу основных закономерностей функционирования не только политической системы в целом, а и отдельных ее подсистем.

Использование системной парадигмы в исследовании политического кризиса позволяет отразить ее статический аспект. Системный анализ предусматривает декомпозицию системы, частью которой выступает исследуемый предмет; структурно-функциональный анализ элементов системы; синтез элементов системы с учетом места предмета исследования в этой системе.

Понятие кризиса можно определить также в терминах синергетического подхода, активно используемого в современном политическом анализе. Основоположителем синергетики как междисциплинарного подхода является немецкий физик Г. Хакен.

Синергетика исходит из того, что в реальности линейный характер развития процессов и состояние равновесия доминируют не всегда. Следует учитывать сложность и непредсказуемость поведения систем в периоды их неустойчивого развития. В открытых структурах, которые находятся в неравновесных состояниях, могут спонтанно возникать условия, способствующие возникновению самоорганизации, т.е. переходу от беспорядка «неорганизованного хаоса» к упорядоченному состоянию. Такие структуры характеризуются как диссипативные: процесс диссипации (безвозвратных потерь энергии) играет в их возникновении конструктивную роль. Особое значение в этих процессах имеют флуктуации – случайные отклонения некой величины, характеризующей состояние системы, от ее среднего значения.

Синергетический подход позволяет описать возникновение и развитие различных систем, в том числе, политических, как процессы самоорганизации, происходящие в нелинейном, неуравновешенном, открытом социуме либо его подсистемах. Зарождение, становление, формирование социальных общностей рассматриваются в терминах самоорганизации, тогда как изменения государственного устройства или политического режима, переход к новому типу экономической политики интерпретируются как бифуркации системы. Под бифуркацией в синергетике подразумевают качественное изменение состояния системы, происходящее при изменении внутренних или внешних параметров и обусловленное ее собственным нелинейным законом развития.

В рамках синергетического подхода различают жесткие и мягкие бифуркации. К мягким бифуркациям относят политические реформы, не затрагивающие глубинные основы политического строя (политическую культуру, геополитические ориентации). К жестким бифуркациям относят революции и политические кризисы, которые приводят к коренным изменениям в системе управления, новой расстановке политических сил. Следует отметить, что в такой концепции рассматривают, прежде всего, системные кризисы, тогда как институциональные или функциональные кризисы могут сопровождать даже политические реформы. Политический кризис, как и революция и другие резкие изменения в развитии политических систем, с точки зрения синергетики являются закономерными и возникают в тот момент, когда в системе сформировались предпосылки к этому.

Проблема прогнозируемости политического кризиса может быть описана с помощью концепции аттракторов. В процессе развития нелинейной системы возникают специфические структуры – аттракторы, рассматриваемые в качестве целей эволюции, которые могут быть как правильными, так и хаотическими структурами. В системах детерминированного хаоса аттракторы усложняются и выступают не точкой, а целой областью, в которой происходят колебания. Языком аттракторов можно описать явления прогнозируемости и принципиальной непрогнозируемости, хаотического поведения нелинейной системы. При исследовании социальных систем под аттракторами понимают реальные структуры в пространстве и времени, на которые выходят процессы самоорганизации. Примерами аттракторов в политике могут быть личные качества политических лидеров, которые являются теми непрогнозируемыми компонентами системы, которые собирают вокруг себя важные ее элементы, вовлекают их в движение, борьбу за власть, сообщают системе определенные импульсы нестабильности, неуравновешенности. С точки зрения синергетики критические состояния или резкие изменения в политических системах могут быть описаны как кризисы усложненных аттракторов, т.е. резкие качественные изменения хаотического состояния системы, являющиеся переходными, неустойчивыми процессами. В рамках синергетического подхода выделяют три вида кризисов: 1) превраще-

ние хаотического состояния в упорядоченное; 2) усиление степени хаотичности, превращение умеренного хаоса в сильный; 3) резкое изменение амплитуды хаотических колебаний.

Возникновение и прекращение кризиса в системе связано с внутренними законами ее развития, что означает ограниченность возможностей контроля над этим процессом. Тем не менее, знание законов развития системы позволяют скорректировать ее параметры таким образом, чтобы она развивалась в нужном направлении. Кризисы в синергетике рассматриваются как закономерные, природные феномены развития, которые дают новые импульсы для развития.

Проблемы прогнозирования и предупреждения кризиса частично разрешаются с помощью синергетики и концепции цикличности социального развития. В аспекте синергетической парадигмы кризисы являются одновременно структурными, поскольку вследствие кризиса изменяются параметры системы, связи и отношения, и циклическими феноменами, т.к. кризис свидетельствует об этих изменениях и, вероятно, будет повторяться с определенной периодичностью.

Основные инновации, привнесенные синергетическим подходом в понимание политических процессов, заключаются в следующем: переосмысление феномена управляемости; новое понимание соотношения организации и самоорганизации в управлении социальными процессами; акцент на нелинейности и необратимости как важнейших характеристиках процесса развития социальных систем.

Таким образом, существуют два концептуальных подхода к анализу кризисных явлений. Первый – системный – определяет кризис как деструктивный по отношению к системе процесс, который подлежит нивелированию. Второй – синергетический – напротив, подчеркивает ценность кризиса и его положительное влияние на развитие политической системы. Методологический синтез указанных подходов является необходимым условием всестороннего изучения проблематики политических кризисов.

BASIC APPROACHES OF POLITICAL CRISIS RESEARCH

R. M. KLIUCHNYK

*Oles Honchar Dnepropetrovsk
National University, Ukraine*

e-mail: ruslan-dne@yandex.ru

Basic approaches of political crisis research are considered. The peculiarities and criteria of political crises classification are separated. The possibilities of the methodological synthesis in political crisis research are described.

Keywords: political crisis, political stability, system approach, synergetic, political management.



УДК 328.1((470+571);477)

ФАКТОР БАЛАНСА СИЛ МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ И ПАРЛАМЕНТОМ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В РОССИИ И УКРАИНЕ

А.А. РЯЗАНЦЕВ*Воронежский государственный университет**e-mail: and-ryazancev1@yandex.ru*

В данной статье рассматривается фактор баланса сил между президентом и парламентом в России и на Украине. Исследуется влияние указанного фактора на характер функционирования политических систем данных государств. Делается вывод об эффективности механизмов поддержания устойчивости институций государственной власти в России и Украине.

Ключевые слова: полупрезидентская (смешанная) республика; доминирующий, автономный, подчиненный, полностью подчиненный парламент; президент, баланс сил, распределение полномочий, парламентское большинство.

В полупрезидентских республиках, к числу которых относится политическое устройство современных России и Украины, особую роль в определении характера реализуемой модели управления играет распределение полномочий между президентом, как главой государства, и парламентом. В классической парламентской системе президент играет, очевидно, второстепенную роль – за ним остается право подписи принятых парламентом законопроектов и иногда формальное утверждение состава правительства, сформированного, опять же, парламентом. Реальным влиянием на исполнительную власть, а тем более на законотворчество президент не располагает. Права законодательной инициативы в такой системе президент также, чаще всего, лишен. Классические президентские модели функционируют на основе разведения компетенций президента и парламента, а также системы взаимных сдержек и противовесов, четко определяющей полномочия как законодателей, так и президентской администрации.

В полупрезидентских (смешанных) моделях, где глава государства выведен за рамки классической схемы разделения властей и наделен существенными полномочиями, баланс сил между ним и представительным органом может быть самым различным.

На основе классификации парламента, сформулированной Г.В. Голосовым¹, можно выделить четыре модели политических систем, по признаку отношений главы государства и парламента:

- Система с доминирующим парламентом (Франция периода Четвертой республики, современная Италия). Очевидно, что такая модель возможна лишь в парламентской республике, где президент наделяется полномочиями решением парламента. Глава государства, имеющий непосредственную легитимность (т. е. избранный населением на прямых выборах) не может быть досрочно отрешен от власти, и соответственно неизбежно выступает в качестве противовеса сколь угодно влиятельного представительного органа.

- Система с автономным парламентом (США). В данной модели парламента контролирует законодательный процесс, не может быть распущен или принужден к принятию не устраивающего его решения, а полномочия президента для вмешательства в его деятельность ограничены. Однако и сам представительный орган не имеет достаточных полномочий для «смещения» президента.

- Система с подчиненным парламентом (Франция периода Пятой республики). В подобной модели президент очевидным образом преобладает над парламентом, направляет и контролирует его работу. Глава государства имеет возможность распустить представительный орган, или шантажировать его угрозой роспуска, принуждая к принятию не устраивающего парламентариев решения².

¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 300.

² Стоит отметить, что для исключения злоупотреблений этим правом Конституциями чаще всего оговариваются случаи, когда президент имеет право на роспуск парламента.

• Система с полностью подчиненным парламентом (Узбекистан, Туркменистан). Такая модель формально предоставляет парламентам прерогативу на законотворчество, однако в реальности всей полнотой власти в стране обладает президент. Парламент выполняет лишь роль декорации. Единственная его функция заключается в легитимации существующего политического режима, формальном одобрении любого решения исполнительной власти.

Рассмотрим с точки зрения такой классификации взаимоотношения российского Федерального Собрания и Верховной Рады Украины с президентами этих государств.

По отношению к Государственной Думе Президент России имеет возможность применить процедуру роспуска палаты, с назначением новых выборов. Конституцией предусмотрены три основания, по причине которых возможен роспуск палаты, а именно:

- а) при отказе Государственной Думой в доверии Правительству, если премьер-министр сам выносит этот вопрос на рассмотрение палаты³;
- б) в случае трехкратного отказа утвердить представленную Президентом палате кандидатуру Председателя Правительства⁴;
- в) в ситуации повторного, в течение трех месяцев, выражения палатой недоверия действующему кабинету министров⁵.

Однако Конституцией также предусмотрены и ограничения реализации Президентом этого права: в период действия на всей территории России военного или чрезвычайного положения; с момента выдвижения Думой обвинений против Президента и вплоть до принятия соответствующего решения Советом Федерации, а также в течение шести месяцев до истечения срока полномочий Президента. В этих случаях глава государства теряет право роспуска Государственной Думы. Кроме того, нижняя палата не может быть распущена по основанию трехкратного отказа в доверии кабинету министров в течение трех месяцев, на протяжении года после своего избрания⁶.

Парламент, в свою очередь, имеет право инициировать процедуру импичмента (отрешения от должности) в отношении Президента, однако, во-первых, реализовать эту возможность трудно с процедурной точки зрения, во-вторых – Конституция не предусматривает ответственности Президента за нарушение Конституции и законов РФ. Речь может идти об отрешении Президента от должности лишь за измену Родине или иное тяжкое уголовное преступление. А вменить в вину такое Президенту, по мнению политолога С.А. Авакьяна, трудно даже при самой большой нелюбви к нему⁷.

Таким образом, как справедливо отмечает А.В. Глухова, в России существует резкий перекоп в балансе сил в пользу президентских полномочий (особенно в части формирования Правительства). Это провоцирует перманентный конфликт Президента с парламентом, прежде всего с Государственной Думой, представляющей различные политические ориентации, существующие в обществе⁸.

Подобный конфликт с Президентом Б.Н. Ельциным имел место в период работы Государственной Думы первого и особенно второго созывов и не раз грозил обернуться серьезным политическим кризисом. В 2001 году, уже Президент В.В. Путин, воспользовавшись личной популярностью среди населения и поддержкой внутри элит смог изыскать политическое решение. Из трех партий, в той или иной степени лояльных Президенту («Единство», «Отечество» и «Вся Россия»), была сформирована партия парламентского большинства – «Единая Россия», которая быстро монополизировала парламентский процесс. Она стала инструментом контроля над Госдумой, который позволяет Президенту избегать резких мер давления на законодательную власть, способных спровоцировать кризис.

³ Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 г. // Российская газета. 2009. 21 янв. Ст. 117.

⁴ Там же. Ст. 111.

⁵ Там же. Ст. 117.

⁶ Там же. Ст. 109.

⁷ Авакьян С.А. Президент РФ: эволюция конституционно-правового статуса // Конституционный Вестник. 1996. № (2) 18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rumiantsev.ru/kv/27/>

⁸ Глухова А.В. Почему в России так трудно достигается согласие? // Политика и экономика: проблемы взаимодействия. М., 2000. С. 171.



На Украине ситуация иная. Президент имеет возможность досрочно прекратить полномочия Верховной Рады в одном единственном случае: если в течение *тридцати дней* одной очередной сессии пленарные заседания не могут начаться. Кроме того, украинской Конституцией предусмотрено два ограничения: во-первых – Верховная Рада, избранная на внеочередных выборах, проведенных после досрочного прекращения Президентом Украины полномочий Рады предыдущего созыва, не может быть распущена в течение *одного года* со дня ее избрания, во-вторых – полномочия Верховной Рады не могут быть досрочно прекращены в последние *шесть месяцев* срока полномочий Президента Украины⁹.

Поправки, внесенные в Конституцию Украины в декабре 2004 года на волне «Оранжевой революции», предусматривавшие переход от президентско-парламентской к парламентско-президентской системе правления, также давали возможность роспуска Рады Президентом, если в течение месяца не сформирована коалиция депутатских фракций, обеспечивающая дееспособную работу парламентского большинства¹⁰. Однако после избрания президентом Виктора Януковича данная поправка, в числе прочих, была ликвидирована в связи с признанием процедуры ее принятия неконституционной¹¹.

Ресурсы для влияния на парламент путем формирования лояльного большинства у Президента Украины также меньше тех, которыми располагает его российский коллега. В силу особенностей электоральной карты Украины ни одна партия за все годы независимости с 1991 г. не смогла получить более половины мест в Раде и в одиночку сформировать большинство. Монополизация парламента на Украине с 2002 года существенно отличалась в меньшую сторону от российского уровня, что наглядно демонстрируют сравнение значений коэффициента политической монополизации Госдумы РФ и Верховной Рады Украины (по методике Херфендаля-Хиршмана) последних трех созывов (рис.).

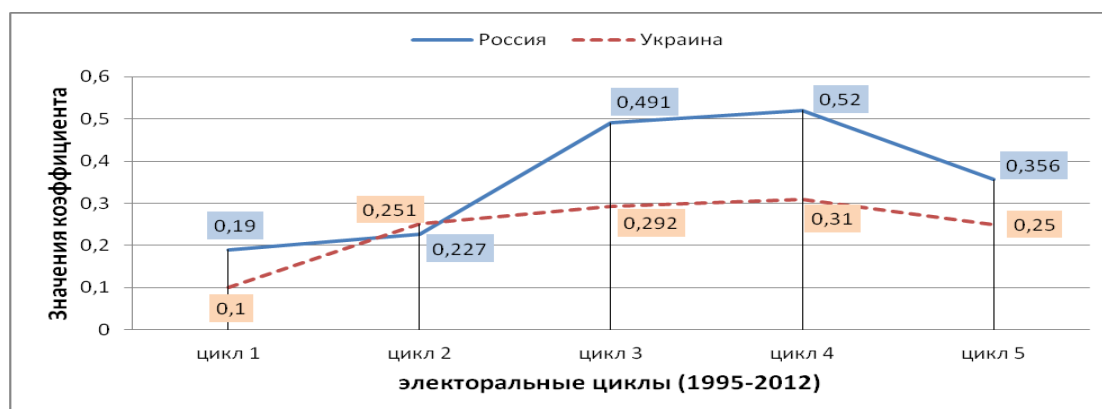


Рис. Коэффициент монополизации парламента России и Украины пяти созывов (1995-2012 гг.)

Таким образом, украинскую политическую модель можно отнести к числу систем с автономным парламентом. Президент не может распустить Верховную Раду или принудить ее к принятию не устраивающего ее решения. Кроме того, учитывая низкую степень монополизации украинского парламента, Президент и поддерживающая его партия постоянно вынуждены идти на диалог с другими политическими силами, в том числе и оппозиционными. Именно фактор такого политического баланса, как между ключевыми институтами, так и между конкурирующими политическими силами, придает украин-

⁹ Конституция Украины от 28 июня 1996 года // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. №30. Ст. 141.

¹⁰ О внесении изменений в конституцию Украины: Закон Украины от 8 декабря 2004 г. № 2222-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. 2005. №2. Ст. 44.

¹¹ Решение Конституционного Суда Украины от 30 сентября 2010 г. № 20-рп по делу о соответствии Конституции Украины (конституционности) Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 года № 2222-IV по конституционному представлению 252 народных депутатов Украины (дело о соблюдении процедуры внесения изменений в Конституцию Украины) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccu.gov.ua/doccatalog/document?id=123438>



ской политической системе устойчивость и способность «переваривать» острые политические кризисы.

Российская политическая модель относится к числу систем с подчиненным президенту парламентом. Ее устойчивость зиждется на контроле Президента над Государственной Думой. Утрата подобного контроля, при резком перекосе в полномочиях и в совокупности с отсутствием практики диалога политических сил, может привести к риску возобновления конфронтации между Президентом и парламентом с непредсказуемыми последствиями.

FACTOR OF THE BALANCE OF POWER BETWEEN THE PRESIDENT AND THE PARLIAMENT AS A FUNDAMENTAL COMPONENT OF STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS IN RUSSIA AND UKRAINE

A.A. RYAZANTSEV

Voronezh State University

e-mail: and-ryazancev1@yandex.ru

In this article to be told about factor of balance of political power between president and parliament in Russia and Ukraine. Influence of the specified factor on character of functioning of political systems of these states is investigated. A conclusion on the effectiveness of maintaining the stability of the institutions of state power in Russia and Ukraine becomes.

Keywords: semi presidential republic, dominated parliament, autonomous parliament, subordinate parliament, president, balance of power, distribution of powers, parliamentary majority.



ПРОЦЕССЫ ПАРТИЙНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В СТРАНАХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М.А. ВАРФОЛОМЕЕВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: varfolomeev@bsu.edu.ru

В статье фокусируется внимание на особенностях создания институциональной системы общества, где необходимыми основами и факторами достижения консолидации демократии является дискурс транзитивного типа политических систем. Значительное внимание уделяется консолидационному потенциалу партийных элит как одному из системных компонентов процесса консолидации демократии.

Ключевые слова: общественное согласие, транзитивный путь развития, дискурс политической элиты, консолидация общества.

Развитие демократического транзита в посткоммунистических обществах неотъемлемо связано со становлением и развитием партийной системы. Опыт реформ в странах Вышеградской группы, Балтийского, Балканского субрегионов Европы показывает, что характер партийной системы является важнейшим индикатором качества и степени консолидации демократии. Под партийной консолидацией понимается процесс функционирования партийной системы на основе достижения институционального, процедурного и ценностного консенсуса основных субъектов. Иными словами, сформированность института политических партий, готовность большинства из них соблюдать нормы и правила взаимодействия и гомогенность ценностных ориентаций и установок партийных элит являются главными параметрами партийной консолидации.

В современной политической науке сложились различные подходы к исследованию типов партийной консолидации. В классической транзитологии, на начальных этапах ее развития, распространенной была позиция, согласно которой результат транзита (а, следовательно, и партийной консолидации) зависел во многом от формы перехода. На основании такого критерия, как соотношение сил между правящими и оппозиционными группами, Т.Л. Карлом и Ф. Шмиттером были выделены четыре формы перехода к демократии:

- «навязанный переход», для которого характерно наибольшее рассогласование между первоначальными ожиданиями инициаторов перемен и реальным развитием событий (Россия, Украина, Белоруссия, Албания и др.);
- «реформистский переход», связанный с массовой мобилизацией, при которой преобразования осуществляются благодаря существенному давлению низов на правящие группы (Армения, Сербия, Словения, Хорватия, Грузия, ГДР и др.);
- «пактированный переход», состоящий в заключении пактов, соглашений, в которые оказываются вовлеченными правящие группы прежнего режима, а также те, кто был отстранен от власти или вообще не обладал никакой властью (Польша, Чехия, Венгрия, Болгария и др.);
- демократизация путем революции (Румыния)¹.

Исходя из предложенной классификации, можно предположить, что политические пакты играют в процессах демократизации исключительно положительную роль и способствуют консолидации политического режима, так как компромиссные стратегии наносят меньше ущерба для акторов, чем силовые и непосредственным следствием их заключения является формирование коалиции большинства. Соответственно, с одной стороны, пактированный переход создает наиболее благоприятные условия для партийной консолидации, тогда как с другой – опыт ряда посткоммунистических стран доказывает, что успешное завершение транзита возможно и вне пакта. В частности, Балканские страны,

¹ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии //Полис. 1999. № 3. С. 31; Карл Т.Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций //Полис. 2004. № 4. С. 14.

осуществившие реформистский переход – Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Босния и Герцеговина, характеризуются разным качеством демократии. И, конечно, показательным в данном случае является пример Румынии, где революционная демократизация не стала препятствием для приближения страны к разряду консолидированных демократий. Взаимообусловленность формы и результата демократического транзита очевидна только в Болгарии, единственной стране субрегиона, в которой, как и в государствах Вышеградской группы, был реализован пактовый вариант межрежимного перехода².

В качестве основных факторов, влияющих на степень институционализации партийных систем посткоммунистических стран, А. Мелешевич³ рассматривает внешнюю автономию партийной системы и внутреннюю стабильность. Автономия измеряется с помощью трех показателей: роль политических партий в рекрутировании кадров для законодательной ветви власти; роль политических партий в формировании исполнительной власти; сила партии и единообразие этой силы в различных регионах страны. Внутренняя стабильность, предполагает, что система должна демонстрировать паттерны взаимодействия между своими элементами, что можно измерить с помощью процента голосов, полученных партиями на выборах разного уровня и в разные периоды времени.

По итогам исследования А. Мелешевич приходит к выводу, что Эстония, Латвия, Литва, Россия и Украина демонстрируют совершенно различные модели институционализации партийных систем. Эстония является единственной страной, демонстрирующей устойчивое и последовательное движение к автономной и стабильной партийной системе. По сравнению с Эстонией партийная система Латвии менее устойчива: на всех выборах участвуют новые партийные образования, получающие, по меньшей мере, треть голосов избирателей. Что касается партийной системы Литвы, то здесь ситуация неоднозначна: при довольно высоком уровне автономии можно наблюдать низкий уровень стабильности.

Опыт Албании и Македонии доказывает, что евроинтеграция может рассматриваться как некое благоприятное условие для партийной консолидации, однако более важное значение, на наш взгляд, имеют институциональные особенности политической системы. Так, в странах, относящихся к категории систем успешно завершивших транзит (Болгария, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Чехия и др.), мы можем наблюдать сочетание высоких показателей величины Индексов РРІ (власть парламента) (колеблется в пределах 0,66 – 0,78), формы правления (от -1 до -6 соответственно) в условиях функционирования либеральной демократии. В большинстве указанных государств начало транзита сопровождалось формированием признаков партийной консолидации. В странах, в которых транзит еще не завершен, но продолжение этого процесса признается необратимым (Латвия, Хорватия, Эстония и др.) наличие аналогичных показателей сопряжено с процессами партийной консолидации, что стабилизирует воспроизводство политической системы. Следовательно, обобщая опыт успешных демократических транзитов в ряде европейских стран, можно выделить органичный тип их партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

Органический тип партийной консолидации может проявляться в разных формах. Различия в динамике избирательного законодательства, изменениях расстановки политических сил в период трансформации, в кондиции избирательных систем и профессионализме парламентариев предопределили особенности партийной консолидации. Так в Венгрии и Чехии функционируют «стандартные» двухблоковые партийные системы, в которых линии размежевания проходят между социал-демократами и консерваторами. В Польше складывается относительно равновесная система партийных взаимоотношений блоков левых и правых сил. Современная партийная система Словакии характеризуется явным отставанием в формировании стандартных межпартийных отношений. Основным фактором, повлиявшим на замедление процесса стандартизации политических субъектов в этой стране, является длительное доминирование на политической сцене Движения за

² Бродовская Е.В. Результативность посткоммунистических трансформаций в странах Балканского субрегиона Европы // *Dwadziecia lat transformacji w regionie Europy Srodkowo-Wschodniej i Poudniowej*. Lodz, 2010. P. 113-124.

³ См.: Meleshevich A. *Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine*. New York, 2007.



демократическую Словакию. По темпам трансформации партийная система Чехии и Венгрии представляет авангардную модель, приближающуюся по основным характеристикам к западноевропейскому типу. Учитывая страновые различия в уровне межпартийной конкуренции, Польша и Словакия представляют арьергардную модель.

В странах, где транзит не завершен или безуспешен, встречаются неорганические типы партийной консолидации. В условиях не благоприятных для сохранения демократического вектора развития (низкий показатель Индекса РРІ; значительная величина Индекса полномочий президента и гибридность политического режима), основой для партийной консолидации является не столько интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько стремление обеспечить воспроизводство властного статуса в рамках сложившейся политической системы (Россия, Казахстан, Азербайджан и др.).

Партийная консолидация неорганического типа предполагает существование системы «навязанного консенсуса», связанной с определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президентализма. Партийная консолидация обозначенного типа, как правило, отражает доминирование государственных институтов над структурами гражданского общества.

Выбор избирательной системы, является одним из институциональных факторов реализации различных типов партийной консолидации. Так, для номенклатуры, стремящейся сохранить свои властные позиции, более предпочтительной была мажоритарная избирательная система в сочетании с президентской или президентско-парламентской формой правления. Система большинства позволяла ей более эффективно использовать имеющиеся в наличие ресурсы. «Поэтому на парламентских выборах в 1989 - 1990-х гг. в ряде стран Восточной Европы были приняты системы абсолютного большинства (Белоруссия, Македония, Украина) или относительного большинства (Литва, Молдавия), которые в последующем трансформировались в пропорциональную избирательную систему»⁴. Для демократической оппозиции, напротив, более предпочтительным был выбор пропорциональной системы, институционально разрушающей монополию одной партии и коалиции правящих партий на власть, что способствовало дальнейшему развитию политических расколов, а значит и многопартийности, особенно в сочетании с парламентской формой правления.

Важным показателем дифференциации типов консолидации партийных систем на посткоммунистическом пространстве является минимизация экстремистских настроений⁵. Следует подчеркнуть, что экстремистский потенциал партийных систем стран ЦВЕ не превышают показатели Германии и других развитых государств. Дестабилизирующий потенциал может быть оценен только при включении в анализ коалиционного ландшафта. Например, в Болгарии, где имеются лишь три партии, турки, этническая партия которых получала на выборах 5 - 6 % голосов, оказываются более значимыми, чем националистическая партия с 10 % голосов во фрагментированном многопартийном парламенте Польши.

Для комплексного анализа процессов партийной консолидации целесообразно рассмотреть основные социальные и политические расколы. На первых этапах транзита приоритетное значение имели территориальные и культурные расколы. Именно они, актуализированные политической оппозицией, позволили сформировать представления о последующих общественных изменениях как о процессах восстановления сильной государственности и возвращения к основам европейской цивилизации. Меньшее распространение получили социально - экономические расколы («капитал - труд»), что вполне соответствует модели С. Роккана, в которой выделена определенная последовательность расколов: от территориально- культурных, нацио- и государство-образующих к социаль-

⁴ Митева Л.Д. Развитие партийных систем в странах Центральной Восточной Европы в переходный период (сравнительный анализ) // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6. С. 49.

⁵ См.: Байме К. Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 2. Постсоциалистические трансформации: в сравнительной перспективе. СПб. 2003. С. 64 - 101.



но-экономическим⁶. В некоторых странах, например, в Чехии или Польше, расколы имели более четкую определенность. Это способствовало формированию более устойчивых и менее фрагментированных партийных систем.

Уровень политической фрагментации в посткоммунистических странах периода транзита оставался достаточно высоким по сравнению с западноевропейскими показателями. Несмотря на это, в некоторых странах коалиционная политика партий носила прогрессивный характер. Так, в Венгрии, еще в 1994 г. произошло образование коалиции из левой (Венгерская социалистическая партия) и правой (Союз свободных демократов) партий, что явилось революционным шагом в политике того времени, так как в восточноевропейских странах борьба между левыми и правыми в те годы приняла форму антагонистического конфликта. При этом, следует учитывать, что в фазе консолидации демократии не наблюдается прямая зависимость между электоральной устойчивостью и партийной консолидацией. В свое время болгарская система с тремя релевантными партиями показывала наименьшую электоральную неустойчивость, но отсутствие массовых колебаний голосов было недостаточным условием консолидационного процесса, так как создание коалиции осуществлялось по традиционным образцам и нормам.

Итак, можно отметить, что ни одна из стран ЦВЕ не отвечает всем критериям партийной консолидации. Данные государства пока еще не могут рассматриваться в контексте западноевропейской традиции. «Специфика политических процессов в странах восточноевропейского региона в значительной степени определяется низким уровнем политизации населения, противоречивостью и сложностью демократизации политической системы, не говоря уже об аналогичных тенденциях в становлении гражданского общества»⁷.

Однако, следует отметить, что государства, согласно периодизации С. Хантингтона, относящиеся к «третьей волне демократизации», можно подразделить на три региона: центрально-европейский, балканский и российский. Наиболее передовым среди них по показателям партийной консолидации, является первый, хотя государства данного региона несмотря на значительные и неоспоримые достижения (Чехия, Венгрия, Польша), не соответствуют всем требованиям, предъявляемым к консолидированной партийной системе. Балканский регион, является промежуточным и содержит в себе как черты центрально-европейского, так и не в полной мере развитого российского. Отставание последнего объясняется целым рядом критериев, среди которых одно из центральных мест занимает специфика становления современной российской многопартийности.

Если говорить Центральной Европе, то лидером демократического транзита Венгрия является, так как либерализация режима началась в ней на 20 лет раньше. «С середины 90-х годов в политике венгерских партий становилась очевиднее преимущество в ходе их чередования у власти, а, следовательно, и сближение их позиций по текущим проблемам, что контрастировало с жесткой поляризацией политического пространства в других странах этого региона»⁸. Влиятельность либерально-космополитических сил в период реформ; широкие коалиции центристских партий лево-правого толка; практики сотрудничества между партиями позволили Венгрии первой войти в фазу демократической консолидации.

Результативность демократического транзита также достигнута в Польше. Там начало институционализации и легитимации партийной системы положили «круглый стол» 1989 г. и организованные летом того же года учредительные выборы. Основные «правила игры» были, таким образом, установлены, хотя исполнялись еще непоследовательно. В следующие два-три года ситуация улучшилась. Уже в 1993 г. оппозиция взяла власть, а силы, правившие до тех пор, стали оппозицией. Ведущие политические акторы приняли новые «правила игры», какие бы последствия они не влекли за собой в тактическом плане. «Солидарность» уступила власть посткоммунистическим силам, признав ре-

⁶ Елисеев С.М. Социальные и политические расколы, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в период демократического транзита // Политическая наука. 2005. № 3. С. 64.

⁷ Яжборовская И.С. Специфика трансформаций в Центрально-Восточной Европе // Полис. 1999. № 3. С. 46.

⁸ Дуткевич П. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 61.



зультаты выборов справедливыми. Вторым ключевым моментом институционализации и легитимации системы был 1997 г., когда по результатам выборов посткоммунистические силы передали власть «Электоральной акции Солидарность» (ЭАС) и Союзу Свободы. На этом основании, можно сделать вывод, что примерно к 1997 г. демократическая процедура стала единственно стабильным и значимым путем легитимации режима, или, используя терминологию Х. Линца и А. Степана, демократические правила стали «единственной игрой в городе». Институционализация партийной системы в Польше шла трудно и сопровождалась высоким накалом борьбы правых и левых, поляризацией всего общества, однако ее «партийная система на сегодняшний момент является представительной и открытой для широких кругов общества, быстро стабилизируется и обогащается обновленными и компетентными партийно-управленческими кадрами»⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Балканских странах парламентаризация политической жизни резко снижена: парламенты ослаблены, недостаточно авторитетны и мало эффективны. Партии предпочитают действовать вне парламента, поскольку недостаточно адаптированы к требованиям парламентской демократии. Правящие партии не хотят делить власть с другими политическими силами, а оппозиционные партии - смириться с результатами выборов и действовать в строгом соответствии с парламентской процедурой. И неразвитость внутрипартийной демократии, и «вождистский» характер многих партий, и предельно низкий уровень доверия к ним в обществе показывают, что консолидация несовершенной партийной системы достаточно условна. Анализируя ситуацию в Румынии, исследователи связывают ее с сохранением идеологии, структур и институтов старого режима, а также наиболее сильного для посткоммунистических стран отчуждения политической и интеллектуальной элит от населения. Конституционализм носит мнимый характер. В целом румынский политический режим все более тяготеет к плебисцитарной демократии, в которой некоторые исследователи усматривают своеобразный восточноевропейский аналог латиноамериканских режимов с сильно выраженными харизматическими чертами лидерства.

Относительно России сложно сделать подобный вывод. Существует несколько специфических черт российской партийной системы, отсутствующих в странах Восточной Европы. Первым и наиболее явным отличием, является форма «навязанного» российского перехода в противовес «пактовому» характеру восточноевропейских трансформаций, а также наличие так называемых «круглых столов». Во-вторых, российская действительность отличалась до 2003 г. крайне высоким уровнем фрагментации: во всех сегментах российского электорального рынка имело место большое количество предложений, а также высокий уровень электоральной неустойчивости. В-третьих, в российской политике, как на общенациональном, так и, в особенности, на региональном уровнях наряду с партиями весьма важную роль играли непартийные кандидаты, опиравшиеся не на партийную поддержку, а на иные ресурсы (в основном, на региональные и/или секторальные заинтересованные группы). Еще одной особенностью явилось огромное влияние и сила неформальных институтов на фоне - «слабости политических партий, их малой вовлеченности в процесс консолидации и неспособность самим сосредоточиться и упрочиться»¹⁰.

Таким образом, существенной характеристикой функционирования политических систем стран посткоммунистического пространства является сложносоставной, неравномерный, несбалансированный процесс консолидации демократии, неотъемлемой частью которого выступает партийная консолидация. Характеризуя опыт состоявшихся демократических транзитов в странах Вышеградской группы, Балтийского и Балканского субрегионов Европы, следует отметить, что в них сложился органичный тип партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

Неорганические типы партийной консолидации встречаются в странах, где транзит не завершен или безуспешен. В условиях ограничивающих возможности сохранения демократического вектора, основой для партийной консолидацией является не столько

⁹ Митева Л.Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁰ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 32.



интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько их стремление обеспечить воспроизводство властного статуса в рамках сложившейся политической системы.

Значение партийной консолидации меняется по мере прохождения тех или иных этапов транзита. Являясь существенным показателем институционализации демократии на начальных этапах транзита, партийная консолидация не так важна в ситуации достижения демократической консолидации, потому что политическая система способна воспроизводиться в условиях повышенной рискогенности и нестабильности развития.

К числу важнейших факторов развития института политической партий следует отнести исторический контекст, фрагментацию/дефрагментацию партийной системы, электоральную неустойчивость, минимизацию экстремистских настроений, структуру расколов, разделение территориального и функционального представительства интересов и др. Изучение процессов демократического транзита в посткоммунистических странах в сравнительной перспективе выявило три типа структурирования партийных систем: центрально-европейский, балканский и российский.

В современной России сложилась партийная консолидация неорганического типа, связанная с существованием системы «навязанного консенсуса», определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президента.

PROCESSES OF PARTY CONSOLIDATION IN THE COUNTRIES OF POSTCOMMUNIST SPACE

M.A. VARFOLOMEEV

*Belgorod National Research
University*

e-mail: varfolomeev@bsu.edu.ru

In article is focused the attention to features of creation of institutional system of society where necessary bases and factors of achievement of consolidation of democracy is the discourse of transitive type of political systems. The considerable attention is given to the consolidation potential of party elite as to one of system components of process of consolidation of democracy.

Keywords: public consent, transitive way of development, discourse of political elite, society consolidation.



ИМИТАЦИОННЫЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ*

Л.А. ГОНЧАРОВ¹
Е.В. РЕУТОВ²

¹⁾ *Воронежский институт экономики
и социального управления*

²⁾ *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: goncharov.post@mail.ru

e-mail: reutovevg@mail.ru

В статье анализируется процесс реформирования партийной системы России. Дается экспертная оценка законодательным новациям 2012 г., которые рассматриваются с точки зрения их влияния на реальную модернизацию партийной системы России. С одной стороны, партийная реформа может оцениваться, как приближение партийной системы к демократическим стандартам, с другой – как комплекс имитационных практик, ориентированных на продолжение манипулирования партийными институтами со стороны президентской и исполнительной власти.

Ключевые слова: партийная система, политические партии, модернизация, имитационная практика.

Исследовательский интерес к проблематике развития партийной системы в России вызывается как объективной необходимостью в модернизации института политических партий, так и многочисленными трудностями институционального, политико-правового и социокультурного характера, связанными с реализацией механизма партийного участия в общественно-политической и государственной жизни России. Реформа партийной системы была фактически первой из всех политических преобразований, происходивших в России в постсоветский период, и, по своим результатам, к настоящему времени является одной из самых противоречивых.

Процесс институционализации политических партий еще не закончен. Вопрос об актуальности модернизации партийной системы постоянно находится в центре внимания руководства России. В общественном сознании, в научно-экспертном сообществе, тем не менее, довольно устойчивы убеждения об имитационном характере преобразований, их декларативности и несоответствии с реальной управленческой и политической практикой.

Политико-институциональные особенности в развитии имитационных и конструктивных практик модернизации партийной системы России следует рассматривать как минимум с двух позиций: непосредственного формирования политического курса страны и наличия реальной межпартийной конкуренции в качестве института демократической политической системы, который непосредственно связан с государственным управлением и организует процесс взаимодействия между гражданским обществом и государством. Необходимо учитывать, что на содержание партийной деятельности значительное воздействие оказывает специфика институционального дизайна (избирательная и партийная системы, разделение властей) и существующего политического режима, создающих систему координат для деятельности партий и определяющих набор их возможностей в пространстве политической игры¹.

Процесс формирования современной партийной системы в России сопровождался острыми конфликтами элит. Существенное влияние на развитие партий стала оказывать сложившаяся в 1990-е гг. президентско-парламентская политическая система. Партии, не находя каналов воздействия на власть, оказывались в положении политических маргиналов. Многие партийные образования за всю свою историю представляли собой всего лишь «избирательные машины» для продвижения их лидеров, а партийная борьба становилась инструментом разрешения межэлитных конфликтов и легитимации субъектов

*Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. Соглашение № 14.А18.21.2124.

¹ Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Политические исследования. 2001. № 1. С. 6-15.



власти². Явным стало и нежелание политических партий действовать в сфере публичной политики в межвыборный период; влияние партий на принятие политических решений оказывалось крайне ограниченным, фактически отсутствовала их связь с избирателями, чрезвычайно высокой была роль манипулятивных технологий и откровенного популизма в их деятельности³.

С 2001 г. четко закрепились тенденции реформировать политико-правовые рамки деятельности партий перед парламентскими выборами. При этом инициатором изменений партийной системы был и остается институт исполнительной власти. Регулярно изменяются правила формирования партийных списков и многие другие параметры избирательной системы (заградительный барьер, правила регистрации списков, отмена избирательных блоков и т.п.). В результате менялась партийная конфигурация без изменения сути партийной системы⁴. Все преобразования проходят в условиях ситуативного реагирования руководства страны на те или иные вызовы, происходящего в режиме ручного управления. Участие партий в реальной политической и управленческой деятельности остается невысоким. Партийную деятельность и реформирование партийной системы население и политологи склонны характеризовать как популистскую и имитационную⁵.

В декабре 2011 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым было объявлено о новом этапе модернизации партийной системы Российской Федерации. Последовавшие преобразования стали наиболее существенными, начиная с начала 2000-х гг. Резко снижалась количественная планка для участников политической партии, необходимых для ее регистрации - с 40 тысяч до 500 человек. Региональные отделения политических партий должны функционировать теперь не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом исчезло требование к численности региональных отделений. Периодичность отчетности политических партий перед Министерством юстиции стала ежегодной (против 3 раз в год)⁶. Реально изменилась в сторону упрощения практика регистрации политических партий. Пропорциональной и смешанной избирательной системой, а также правом выдвигать кандидатуру губернаторов партии стимулируются идти работать в регионы и муниципалитеты; увеличено государственное финансирование парламентских партий. И, если в конце 2011 г. в России действовало 7 политических партий, то к октябрю 2012 г. число зарегистрированных партий увеличилось до 40, и еще 210 организаций уведомили Минюст о своем решении зарегистрироваться⁷. Тем не менее, вопрос о реальных целях партийной реформы и о тенденциях ее эволюции в России остается открытым.

С целью выявления в процессе модернизации партийной системы России имитационных компонентов, обусловленных стремлением политической элиты страны сохранить статус-кво, в ноябре 2012 года кафедрой политологии, государственной и муниципальной службы МАУ ВПО «ВИЭСУ» совместно с кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ» был проведен экспертный опрос (N=30). Экспертами выступили ученые, работники высшей школы (26,67% от общего объема выборочной совокупности), государственные и муниципальные служащие (20,0% и 16,67% соответственно), депутаты регионального и муниципального уровней (23,33%) и активисты политических партий (13,33%).

На сегодняшний день влияние политических партий на функционирование политической системы России большинством экспертов оценивается как достаточно слабое (так, слабым его считают 46,67%, а 20,0% утверждают, что оно вообще отсутствует). При

² Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Политические исследования. 2001. № 1. С. 6-15.

³ Селюгин В.И. Многопартийная система в Российской Федерации и ее роль в современном политическом процессе. Воронеж, 2000.

⁴ Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Структурирование партийного спектра России в преддверии парламентских и президентских выборов 2007-2008 // Россия и современный мир. 2007. № 2. С. 17-37.

⁵ Пшизова С.Н. От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве // Власть. 2003. № 12. С. 30-32.

⁶ Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. №28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях"» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136060>

⁷ Любарев А. 40+ // Независимая газета. 2012. 16 октября; Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 21.11.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minjust.ru/node/2459?theme=minjust>



этом как умеренно сильное влияние политических партий оценили 33,33%; вариант «сильное» не отметил никто. Неоднозначность тенденций эволюции российской партийной системы отражает и противоречивость экспертных оценок ее динамики. Мнения экспертов по поводу изменения влияния политических партий за последние 5 лет на функционирование партийной системы разделились практически на три равные доли – так, считают, что оно увеличилось, 33,33%, уменьшилось – 36,67%, осталось без изменений – 30,0%. Анализ объективных параметров влияния партий на принятие политических решений также не дает оснований говорить о резком росте их значимости, например, в законотворческом процессе. Так, в период деятельности Государственной думы 5 созыва фракциями парламентских партий были внесены 2422 законопроекта, но законами стали лишь 637 (26,3%). Если же учесть тот факт, что значительная часть законопроектов, инициируемых депутатами фракций «Единой России» и ЛДПР и становящихся впоследствии законами, исходят от Администрации Президента и Правительства, то законотворческий КПД партий становится еще ниже.

Аналогичной выглядит ситуация и на региональном уровне. В Воронежской области около 70% всех законов, принимаемых Воронежской областной Думой, инициируется губернатором; в Белгородской области в деятельности областной Думы последнего созыва эта доля несколько ниже – 64,2%⁸. Таким образом, характер и направленность политического курса и, в том числе, политические реформы, определяющие формат функционирования партий, модернизацию партийной системы исходят, прежде всего, от исполнительной власти.

Налицо доминирование российской бюрократии в качестве основного управленческого и политического субъекта. В связи с этим логичен вопрос о роли и содержании партийной деятельности, функционировании многопартийной системы России на современном этапе. Фактически, партии оказываются лишенными возможности влиять на политический курс страны, реализовывать свои программные положения посредством принятия и исполнения федеральных и региональных законов. Весьма слабой остается возможность партий контролировать деятельность правительства. В силу этого ответственность и активность политических партий сводится к имитации, поскольку партии лишены ряда основных своих функций – представительства, формирования и реализации политического курса и программ социально-экономического развития. В лучшем случае их роль сводится к социализации и рекрутированию политических элит. Безусловно, партийно-политический дискурс в последнее время приобрел более четкие очертания и стал довольно заметным в политико-информационном пространстве. Практически все действия власти, так или иначе, связаны с ориентацией на партийную систему. Но в то же время реальное влияние политических партий остается скорее декларативным.

Негативным эффектом функционирования партийной системы является то, что партии используются в качестве инструмента легитимации правящей политической элиты и социально-политического курса, имитируя посредством своей деятельности народную поддержку власти. В то же время оппозиционные силы, не имея реальных рычагов воздействия на исполнительную власть, фактически занимаются популизмом, призывая голосовать за свои программы. В этом плане и острая межпартийная конкуренция в России теряет свою суть, уводя людей от решения действительных проблем, смещаясь в сторону декларативности и имитации борьбы и участия в разработке государственного курса.

Можно выдвинуть два предположения о целях партийной реформы. С одной стороны, можно предположить, что посредством реформирования партийной системы политическая элита страны, в частности, Президент и его окружение пытаются найти возможности обойти препоны бюрократии, возникающие в процессе управления – выработать механизм контроля и экспертизы, независимый от исполнительной власти. Поскольку все попытки реформировать систему управления и бюрократическую машину приходится реализовывать с помощью самого этого неэффективного аппарата, то руководство государства пытается выстроить партийную систему в качестве опоры для реформирования и модернизации российского общества в целом. Проблемой в этом плане

⁸ Статистическая информация о рассмотрении проектов законов Белгородской области Белгородской областной Думой пятого созыва (по состоянию на 16 октября 2012 г.) (по субъектам права законодательной инициативы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belduma.ru/stat/p/ps5.htm>

становится дальнейшая самостоятельная деятельность партий, особенно «Единой России», имидж которой практически целиком связан с властными позициями В.В. Путина и Д.А. Медведева. С другой стороны, партийная реформа может быть попыткой создать своего рода «контролируемый хаос» для противодействия чрезмерному усилению отдельных самостоятельных игроков на партийной арене. И в понимании истинных целей партийной реформы мнения экспертов снова разделились почти поровну. На то, что она заключается в усилении влияния политических партий на управление страной, указали 53,33% экспертов. В усилении зависимости политических партий от президентской и исполнительной власти, в манипулировании ими ее видят 46,67% опрошенных.

Таким образом, запрос на эффективную партийную систему исходит не столько от общества, сколько от руководства страны и других групп политической элиты. Реальная практика или, по словам Д.А. Медведева, «законы политического жанра» в России пока что не позволяют партиям оформиться в качестве самостоятельного полноценного игрока на политическом рынке, способного предложить свой продукт и разработать меры по реформированию партийного законодательства. Они, скорее, имитируют партийную реформу. Налицо тенденция к кулуарному принятию важнейших решений в стране и ситуативному управлению в ручном режиме, корректирующему положение властной группы.

Характерно, что среди тех, кто заинтересован в реформировании партийной системы, эксперты указывают, прежде всего, политическое руководство страны (30,0%), оппозицию (30,0%) и партийную элиту (26,67%). Гораздо в меньшей мере в ней, по мнению экспертов, могут быть заинтересованы политически активные граждане (6,67%). Что же касается всех граждан, то, с точки зрения экспертов, они вообще не являются заинтересованной в данных преобразованиях стороной.

Практически все эксперты сходятся во мнении, что России нужна политическая и межпартийная конкуренция, от которой, как считает подавляющее большинство (90,0%) опрошенных, больше пользы, чем вреда. К позитивным следствиям функционирования политических партий эксперты относят: защиту интересов населения, выражение позиции избирателей (30,0%), возможность у населения политического выбора, наличие альтернативы (30,0%), плюрализм мнений, возможность оппозиции (26,67%); в меньшей мере - более эффективную законотворческую деятельность (6,67%). Но и негативные следствия также могут оказаться весьма существенными - дестабилизация обстановки в обществе, разобщение людей (33,33%), защита интересов исключительно богатых людей и чиновников (33,33%), обман, дезориентация людей, внесение путаницы в их сознание (30,0%), принятие плохих законов (23,33%) и др.

Отвечая на вопрос о том, что, в большей мере, проявляется в реформировании политических партий - стремление к реальной модернизации партийной системы или же имитация реформ, большинство экспертов (73,33%) сходятся именно на имитационном компоненте. Реальную модернизацию усматривают лишь 26,67%.

Главным в наличии имитационного компонента в партийной реформе респонденты видят стремление президентской, исполнительной власти минимизировать политическую конкуренцию, избыток контроля со стороны руководства страны (60,0%), а также нежелание руководства ведущих политических партий реально бороться за влияние (20,0%).

Чтобы избежать имитации реформ, по мнению экспертов, необходимо усилить роль политических партий в избирательном процессе (33,33%), их влияние на законотворческий процесс и формирование социально-политического курса (20,0%), контроль за партийной реформой со стороны самих партий (16,67%), а также увеличить ответственность партий перед избирателями (16,6%).

В качестве наиболее очевидной перспективы партийной реформы эксперты рассматривают размывание электората крупных политических партий, утрата ими популярности. Вполне вероятным такой сценарий считают 73,33% опрошенных. Менее очевидны для экспертов появление новых влиятельных партий (46,67%), новых влиятельных политиков, партийных лидеров (43,33%) и формирование партийного правительства (40,0%). Характерно, что и в глазах населения партии постепенно перестают быть абсолютно бессмысленным институтом, инкорпорированным в систему государственной власти. По данным опроса ФОМ (2012 г.), более четверти россиян считают, что в ближайшие годы в России появятся сильные партии, которые составят конкуренцию существующим. Треть респондентов полагают, что новые партии смогут выдвинуть полезные предложения, больше



трети уверены, что с новыми партиями появятся сильные, влиятельные политики⁹. Между тем, еще в 2007 г. 43% респондентов считали, что партии приносят больше вреда, чем пользы (противоположное мнение – 23%)¹⁰.

Тем не менее, в целом для России продолжает оставаться характерна моноцентричная модель реализации партийных практик, когда ресурсы одного актора оказываются достаточными для монополизации электорального поля. Существующая система разделения властей создает благоприятные условия для контроля над парламентом, доминирования одной партии и формирования искусственных партийных образований. Данные политико-институциональные особенности создают благоприятную почву для развития имитационных практик в деятельности политических партий и имитационности самих преобразовательных процессов в российском обществе. Нельзя не отметить и социокультурные предпосылки неразвитости партий. Население в партиях, по большому счету видит государственную власть, ее продолжение, а не гражданские институты, предлагающие активное участие самого населения. В глазах людей партия должна отвечать за все и решать те проблемы, которые она на данном этапе неспособна решить в силу своих организационных, финансовых, кадровых ресурсов и политико-институциональных особенностей государства. В большинстве своем партии в России не имеют опыта участия в государственном управлении. Процесс модернизации партийной системы в России не приобрел последовательного развития. В настоящее время данная задача остается по-прежнему в большей степени в декларативной плоскости, а имитационные практики доминируют над конструктивными. Опасность же имитационных практик заключается не только в том, что они замещают цель средствами, но, прежде всего, в том, что их посредством происходит ценностная легитимация подобного рода деятельности, заключающаяся в признании ее не просто естественной, но единственно правильной и необходимой¹¹.

Представляется, тем не менее, что хотя бы формальная ориентация на демократические процедуры и потребность в легитимации в перспективе будут подталкивать российский политический режим к дальнейшему развитию партийной системы и межпартийной конкуренции. Политические партии в перспективе могут стать полноценными участниками политического процесса, с одной стороны, дифференцируя политическое пространство (и здесь возможны как позитивные, так и негативные эффекты), с другой – способствуя реальному разделению властей и контролю над исполнительной властью. Другим сценарием политического развития может быть дальнейшая имитация модернизации партийной системы, продолжение манипулирования партиями со стороны президентской и исполнительной власти, усиление зависимости парламентских партий от исполнительной власти, неконтролируемое развитие маргинальных партийных и квазипартийных структур и общая деградация института политических партий.

IMITATING AND CONSTRUCTIVE FORMS OF MODERNIZATION OF PARTY SYSTEM OF RUSSIA

L.A. GONCHAROV¹
E.V. REUTOV²

¹⁾ *Voronezh Institute of Economics and Social Administration*

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: goncharov.post@mail.ru
e-mail: reutovevg@mail.ru

In the article the process of reform of the party system in Russia is analyzed. Provides expert assessment of the legislative innovations of 2012, which are discussed in terms of their impact on the real modernization of the party system in Russia. On the one hand, party reform can be evaluated as an approximation of the party system to democratic standards, on the other - as a set of imitation practices, aimed to continue manipulating party institutions by the president and the executive.

Keywords: party system, political parties, modernization, imitation practice.

⁹ Появление новых партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/politika/10414>

¹⁰ Политические партии в жизни России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/domo714/domto714_2/do71424

¹¹ Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. №5. С.27.

**УДК 323.2: 324 (470+571)**

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Н. СТЕБЛЕЦОВА*Орловский государственный
институт искусств и культуры**e-mail:Steblecova.nadezhda@mail.ru*

Статья посвящена анализу участия новых институтов гражданского общества в избирательном процессе. Автор выделяет разнообразные факторы влияния, формы и методы деятельности институтов гражданского общества в условиях политических выборов. Общественные организации, в частности Общероссийский народный фронт, рассматриваются как потенциальный ресурс избирательной активности современного российского общества.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, избирательный процесс, избирательная кампания, Общероссийский народный фронт.

Особенность современного этапа развития российского общества определяется нарастанием тенденции к повышению интереса большинства граждан к деятельности институтов гражданского общества. В стране идет активный процесс вовлечения населения в различные структуры гражданского общества: социально - политические, профессиональные, молодежные, ветеранские, женские и др., наблюдается формирование качественно-новых общественных объединений. Так, при Президенте РФ создан Общероссийский Народный Фронт; при Правительстве РФ действует открытое общественное правительство; при законодательных органах власти функционируют общественные институты и комиссии, молодежные парламенты; на региональном уровне заявляют о себе общественные советы, действующие при органах государственной, муниципальной власти и управления.

Очевидно, что как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, гражданское общество в России представляет собой сетевую структуру, характеризующуюся наличием сложных горизонтальных и вертикальных связей. В этих условиях повышение активности гражданского общества, его заинтересованность во взаимодействии с государством становится важнейшей закономерностью современного этапа политического развития.

Как видно из доклада, подготовленного рабочей группой под руководством секретаря Общественной палаты Российской Федерации Е. Велихова, в России набирает силу диалог общественных сил и власти. Институты гражданского общества, в отличие от прежних лет, не желают оставаться в стороне от анализа происходящих процессов. Наблюдаются даже протестные акции в связи с последствиями не только неправильно принятых решений в избирательном процессе, но и по отстаиванию различных интересов отдельных категорий населения. «Россияне протестуют против необоснованного сноса исторических зданий, точечной застройки, повышения цен на ЖКХ, обмана дольщиков и т.д.»¹.

М. Федотов, председатель Совета по развитию гражданского общества при Президенте РФ, на одном из заседаний обратил внимание на особенности регионального политического процесса, отметив, что «демократия на региональном уровне у нас может родиться не благодаря выборам губернаторов, о которых так много говорят, а благодаря наличию сильного гражданского общества. Именно оно способно выполнить роль системы сдержек и противовесов; сильное гражданское общество способно вдохнуть жизнь в демократические проекты, облагородить общественные начала, тем самым создав условия для дальнейшей демократизации»².

¹ Велихов Е.П.. Доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 г.». М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/dokument2011/dokladOP2011_20022012.pdf

² Заседание совета по развитию гражданского общества и правам человека. 12 ноября 2012, Москва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф/news/16791>



Прошедшие компании по выборам в Государственную Думу в 2011 г., а затем и Президента РФ в 2012 г. значительно активизировали участие различных общественных движений, ассоциаций не только в избирательных, общественных и политических проектах, но и в контроле над ходом и процессом голосования. Так, в частности, на предвыборном этапе заметное участие принимали ассоциации «Голос», волонтерское движение «Гражданин наблюдатель», «Лига избирателей», «РосВыборы», RuElect, мини-соцсети «Гракон». Кроме того, в период уже непосредственной избирательной компании впервые можно было получить помощь по телефону от таких организаций как «Веб – наблюдатель», «Я наблюдатель», Росвыборы и Altergeo (совместный мобильный проект движения Навального и российской соцсети геопозиционирования) и др.

На этапе подготовки и проведения выборов привлек большой общественный интерес новый институт гражданского общества - «Общероссийский Народный фронт», который с первого же этапа пошел по пути взаимодействия с властными структурами в направлении демократизации политической системы общества, в том числе в предвыборной политике. Следует заметить, что ранее существовавшие подобные объединения гражданского общества представляли собой объединения организаций, взаимодействующих только с КПРФ всего лишь в процессе избирательной кампании, и в этом место и роль института гражданского общества как бы завершалась. В основу же новой концепции «Народного Фронта» положено предложение В.В. Путина, высказанное им на межрегиональной конференции Единой России в июне 2011 года в Волгограде, о включении в список кандидатов от «Единой России» на выборы 2011 года в Государственную думу представителей ОНФ, беспартийных сторонников и представителей различных общественных объединений, которые таким образом будут претендовать и на мандаты «единорогов» в Думе. «Такая форма объединения усилий всех политических сил, отмечал В.В. Путин, применяется в разных странах и разными политическими силами – в том числе левыми, правыми, патриотическими, - как инструмент объединения близких по духу политических сил, которые объединены стремлением улучшить жизнь страны и могли бы войти в «Общероссийский народный фронт», в рамках которого и беспартийные кандидаты могли бы пройти в Думу по списку «Единой России»³.

Представители институтов гражданского общества, войдя в Общероссийский Народный Фронт, не только поддержали программу и стратегию партии «Единая Россия» и его кандидата в Президенты РФ В.В. Путина, но и существенно дополнили ее, определили свою стратегию активного участия в реализации намеченных планов. В мае 2011 года на встрече В.В. Путина с деятелями общественных организаций в Ново-Огарёво был создан координационный совет Общероссийского народного фронта (ОНФ), в который вошли представители «Опоры России», РСПП, ФНПР, «Деловой России», Союза пенсионеров России, «Молодой гвардии „Единой России“», Совета общероссийской общественной организации ветеранов ВС России, межрегиональной общественной организации автомобилистов «Свобода выбора», «Российского союза ветеранов Афганистана», «Союза транспортников России», «Союза женщин России» и других организаций, в том числе региональных – Союз Аграриев, «Татарстан-Новый век».

Особенно важным можно считать решение относительно того, что в ОНФ смогли войти и незарегистрированные организации. С точки зрения В.В. Путина, «не принципиально, зарегистрирована организация или нет – важно, что она занимается конкретным и живым делом. И не должно быть никаких организационных, бюрократических препятствий для организаций подобного рода»⁴.

13 мая 2011 года на официальном сайте ЕР фактически завершилась институционализация ОНФ в виде опубликования проекта декларации о деятельности Общероссийского народного Фронта, а к доработке программы для «Общероссийского народного фронта» и партии «Единая Россия» подключился Институт социально-экономических и политических исследований во главе с бывшим президентом Чувашии Н. Фёдоровым⁵.

³ Стенограмма выступления председателя партии ЕР на межрегиональной конференции в Волгограде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pro-volgograd.ru/news/id/5409>

⁴ В ОНФ могут принять участие и незарегистрированные организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narodfront.ru/news/20110523/379723804.html>

⁵ Общероссийский народный фронт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narodfront.ru/news>



При этом любой член Общероссийского Народного Фронта получал возможность в рамках проекта «Народная программа» внести свои предложения по волнующим его проблемам. В частности, была предоставлена возможность в рамках Народной программы дать предложения по тем вопросам, которые всех беспокоят: это ЖКХ, образование, детские сады, здравоохранение, транспортные, иные проблемы.

В Общероссийском народном фронте приняли активное участие действующие депутаты Думы от «Справедливой России». Лидер «Конгресса русских общин» Д. Рогозин инициировал создание движения «Народного фронта» в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса⁶. Это движение было создано на базе региональных структур рабочих коллективов оборонных предприятий, казачества и военно-патриотических объединений.

По завершении избирательной кампании было принято решение о том, чтобы координационный совет Народного фронта продолжил свою работу, поскольку он стал самостоятельным институтом гражданского общества, предложившим создание совместно с другими институтами гражданского общества эффективной системы гражданского контроля, в частности в сфере экологии, медицины, образования, в жилищно-коммунальном комплексе, сфере услуг.

Как известно, идеи ОНФ были поддержаны региональными сообществами. По опыту федерального народного фронта в данный период созданы и функционируют региональные объединения ОНФ фактически во всех субъектах Российской Федерации. Это позволяет партии власти – «Единой России» консолидировать социально-политические силы, открывает новые возможности для реализации различных программ и идей с участием гражданских активистов.

Следует заметить, что политические партии, в частности КПРФ, ЛДПР, их кандидаты в Президенты РФ – Г.А. Зюганов и В.В. Жириновский, самовыдвиженец М.Д. Прохоров уделяли постоянное внимание созданию и расширению социальной базы своих избирательных кампаний, поддерживая те или иные общественные объединения. Так, например, Г.А. Зюганов уделял особое внимание пенсионерам и молодежи. М.Д. Прохоров акцентировал особое внимание на проблеме научно-технического прогресса, человеческого потенциала: «Культура, наука, образование, здравоохранение — основы основ и залог успешного развития любого общества — существовали на принципах остаточного внимания со стороны нашей власти»⁷. В.Ф. Жириновский чаще всего возвращался к проблемам идеологии, межнациональным конфликтам, предлагал «...ограничить поводы для межнациональных конфликтов и территориальных претензий друг к другу»⁸. В своей организационной деятельности опирался на молодежные организации, представителей интеллигенции.

И, тем не менее, по итогам выборов возникло немало проблем, связанных с открытым недоверием избирателей к их организации и проведению, несмотря на обширный процесс общественного контроля со стороны партий, многочисленных институтов гражданского общества, наблюдателей. Представители институтов гражданского общества справедливо убеждены, что в избирательном процессе не должно быть нарушений и злоупотреблений. Подобную постановку вопроса, на наш взгляд, следует только приветствовать. В том и проявляется зрелость гражданского общества, когда индивидуумы, ассоциации имеют возможность свободно рассуждать о насущных проблемах, высказывать свое мнение, излагать различные взгляды на происходящие процессы, а власть из этого обязана делать соответствующие выводы и принимать адекватные меры. Ведь игнорирование накопившихся проблем всегда приводит к явлениям раздражения в обществе. Этот важнейший урок можно сделать из кампании политических выборов 2011 года. Не случайно В.В. Путин в своей предвыборной программе отмечал, что «граждане страны

⁶ Дмитрий Рогозин поддержал инициативу создания Добровольческого движения «Народного фронта», которое будет содействовать развитию армии, флота и ОПК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narodfront.ru/news/20120118/380431546.html>

⁷ Программа кандидата в президенты. Михаил Прохоров: настоящее будущее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mdp2012.ru/program/>

⁸Блок Жириновского, предвыборная программа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.panorama.ru/works/vybery/party/p-zhir.html>



настроены на более быстрые темпы развития, на достижение лучших мировых стандартов жизни, на более активное участие в решении проблем, стоящих перед страной.... Эти проблемы появились не сегодня и не вчера, но на фоне успешного решения иных важнейших вопросов они особенно нетерпимы»⁹.

Совершенно очевидно, что новые подходы к проведению выборов предполагают перенесение акцента на превращение избирательного процесса в свободное народное волеизъявление. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ на последних президентских выборах. В нем участвовало более 3 тысяч человек. Абсолютное большинство (92 %) респондентов отметили, что выборы Президента РФ являются важнейшим событием страны, указав при этом, что в обществе наблюдается также безразличие и даже негативное отношение к власти.

В целом, электоральное поведение граждан, на наш взгляд, свидетельствует о формировании и становлении нового типа гражданского общества, которое ориентируется на необходимость осуществления эффективного электорального контроля. Позитивно то, что независимо от идеологических и политических предпочтений граждане в своей электоральной политике ориентируются на такие базовые ценности как стабильность и социальные приоритеты в государственной политике.

NEW CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF ELECTIONS IN THE MODERN RUSSIA

N.N. STEBLETSOVA

*Oryol State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: Steblecova.nadezhda@mail.ru

This article is devoted to the participation's analysis of new civil society institutions in the process of elections. The author marks out the different factors, forms and methods of civil society institution's activities during the elections. The institutional settings and particularly the All-Russian Public Front are considered to be potential resources of electoral activities in the modern Russian society.

Keywords: democracy, civil society, process of elections, election, the All-Russian Public Front.

⁹ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). Итоги десятилетия и задачи развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://putin2012.ru/program>



УДК 324(470+571)

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Н. ШИЛОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Shilov@bsu.edu.ru*

Анализируются основные направления управления политической конкуренцией в современной России: формирование ассортимента политического рынка, законодательное регулирование электоральных процессов, воздействие на интенсивность и направленности активности электората. В качестве основного субъекта управления рассматривается Президент РФ В.В. Путин.

Ключевые слова: политическая конкуренция, выборы, Россия, электорат, демократия, политическая элита, политическая культура.

Конкурентность на выборах органов власти – это неотъемлемый признак современной демократии. В определении Й. Шумпетера демократия и состоит в конкурентном способе формирования органов власти, когда население выбирает из предлагаемого на политическом рынке, наиболее приемлемый для него «политический товар» (партию, кандидата)¹.

В какой мере мы говорим об «управляемой демократии», в той же мере мы можем говорить и об управляемой политической конкуренции. Но может ли политическая конкуренция быть вообще неуправляемой? Как не существует в реальной экономике стихийной спонтанной совершенной экономической конкуренции, так и не существует в реальной политике конкуренции политической, где бы субъекты политического рынка (продавцы и покупатели «политического товара») не находились под влиянием факторов, регулирующих их взаимодействие. Можно сказать, что везде происходит управление политической конкуренцией. Но в зависимости от политического режима той или иной страны, политической культуры населения и элиты различны методы и степень вмешательства в политическую конкуренцию.

Что можно регулировать и что регулируется на практике в политической конкуренции? Во-первых, регулируется «ассортимент» политического рынка: не все «политические товары» допускаются на этот рынок, стимулируется производство одних «товаров» и затрудняется производство других, т.е. регулируется предложение. И если политическая элита избирает стратегию консолидации, то ассортимент политического рынка не отличается многообразием. Часто какие-то сегменты элиты объявляются асоциальными (экстремистскими) и им запрещается выход на политический рынок со своим «политическим товаром».

Во-вторых, регулируется процесс выбора: результаты выбора во многом зависят от электорального законодательства – по какой системе (пропорциональной или мажоритарной и т.п.) осуществляется выбор, каков заградительный процентный порог, каковы границы избирательных участков, есть ли возможность досрочного голосования, какие существуют цензы для избирателей и др. По этому поводу М. Дюверже еще в середине прошлого века писал, что «...избирательное выражение общественного мнения не соответствует самому общественному мнению, оно всегда его в большей или меньшей степени деформирует, и направленность этой деформации весьма зависит от способа голосования и типа партийной системы»². Кроме того воздействие на процесс выбора осуществляется и путем избирательного использования права, и через прямое нарушение законодательства.

В-третьих, регулируется спрос на политический товар, то есть ориентация избирателей на тот или иной продукт «политического рынка». Следует отметить, что политиче-

¹ Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // Он же. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. С. 667-668; также см.: Шилов В.Н. Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 1(120). Выпуск 21.

² Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С.454.



ская конкуренция в отличие от конкуренции экономической характеризуется большим масштабом несовпадения заявленных и реальных характеристик «политического товара». Здесь ситуацию отражает в большей мере не агентская теория А. Берли и Г. Минза, предполагающая, что избираемые кандидаты (агенты) являются представителями граждан, и, будучи избранными, честно представляют в органах власти интересы своих избирателей, выполняют свои обещания³, а теория «политической рациональности» Э. Доунса, который писал, что «...партии скорее формулируют политику с целью победы на выборах, а не выигрывают выборы с целью проведения политики»⁴. Хотя ответственные политические силы, работающие на перспективу и отстаивающие интересы, ценности определенных социальных групп, так или иначе, вынуждены отражать и обеспечивать их соперничество и поэтому вынуждены действовать согласно заявленной программе, поэтому, по мнению Дж. Ремера, автора книги «Политическая конкуренция...»⁵, они не могут быть полными оппортунистами, готовыми ради достижения эгоистических целей на любой обман⁶.

В любом случае электорат в той или иной мере управляем. Возможно как негативное по своей направленности управление (дезориентация, внушение ложных надежд, подкуп, запугивание избирателей), так и позитивное (политическое просвещение избирателей, повышение их компетентности). На сегодняшний день в плане управления электоратом главную роль играют СМИ. Хотя, чаще всего, здесь они играют роль не самостоятельного политического актора, а роль оплачиваемого посредника.

Разумеется, при воздействии на электорат со стороны представителей действующей власти, стремящихся продлить свое пребывание у власти, главным средством воздействия на электорат является качество, успешность политики, то насколько власть удовлетворила запросы электората. Реальные достижения в данном случае лучше, чем обещания.

Тезис об управляемости политической конкуренции в полной мере находит свое подтверждение и в реалиях политических процессов в России, страны «управляемой демократии». Однако было бы опасно не управлять политической конкуренцией в России. Здесь имеет смысл вспомнить следующее высказывание С. Хантингтона: «Во многих, если не во всех, модернизирующихся странах выборы лишь укрепляют влияние разрушительных и часто реакционных общественных сил, подрывают систему политического управления»⁷. Россия, несомненно, относится к модернизирующимся странам.

Главным субъектом политики в России в настоящее время является Президент РФ В. Путин. Он же является и главным субъектом управления политической конкуренцией. И это не есть следствие некоей произвольной узурпации власти, проявление личного властолюбия. Таков итог развития страны в постсоветский период. После неудач в реформировании политической системы России по западному образцу произошел откат к традиционной для страны самодержавной политической культуре, где либерализм и децентрализация рассматриваются как проявление слабости и предпочтение отдается сосредоточению власти в одних руках⁸. После разочарований в М. Горбачеве, свергнувшем в страну в непродуманную перестройку, и Б. Ельцине, правление которого сопровождалось социальным хаосом и обнищанием населения, российское общество обрело успешного руководителя, которому оно вверило свою судьбу. Преобладающая часть политическая элиты страны избрала стратегию консолидации вокруг фигуры лидера, и нужно согласиться с тезисом В.В. Федорова, что политический режим России на сегодняшний день носит более персонифицированный характер, чем режим советского периода⁹.

³ См.: Данков А.Н. Ретроспектива новой политической экономики. С. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politlab.org/_aldankov/dankov12.pdf

⁴ Цит. по: Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. Курс лекций. М., 2005, С. 251.

⁵ Roemer J. Political Competition: Theory and Applications. Harvard, 2001.

⁶ Подробнее об этом см.: Данков А.Н. Указ. соч. С. 74-79.

⁷ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 280.

⁸ Подробнее об этом см.: Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010. С. 86.

⁹ Там же. С. 84.

Было бы большим упрощением ограничивать идеологию власти только административной логикой и своекорыстными мотивами удержания власти любой ценой¹⁰. Слишком категорично звучит и заявление И.И. Глебовой, утверждающий, что «режим 2000-х не выдерживает нагрузки конкуренцией, оппозицией, критикой...»¹¹ Более сдержанно выражается Е.Г. Ясин, когда он пишет, что «даже если, предположим, Путин стремился к демократизации и политической конкуренции, то в какой-то момент он столкнулся с дилеммой: либо неопределенность, свойственная демократии, либо управляемость демократии. Российский президент выбрал второй вариант»¹². С этим высказыванием можно согласиться. Действительно, был выбран вариант управляемой, имитационной демократии (но демократии!), где форма не совпадает с содержанием, где реальная политическая практика отдалена от формальных институтов. Но эти институты, опережающие в своем демократизме и либерализме политическую культуру действующих политических акторов, способствуют формированию новых ценностей, новой культуры и, соответственно, новых акторов.

Если говорить об управлении предложением политического рынка, то нужно отметить, что президент и его администрация с начала 2000-х гг. активно включились в проектирование партийной системы¹³. В качестве партий, являющихся кремлевскими проектами, и выдвинутых на российский политический рынок, называют, прежде всего, «Единую Россию», а также «Справедливую Россию». Руководством страны в начале 2000-х гг. была сделана ставка на сокращение количества партий, при увеличении их значимости в политической жизни страны. Поэтапно возрастали требования законодательства к численности партий, ужесточалось выборное законодательство (запрет на создание избирательных блоков, повышение процентного барьера и др.). Все это привело к сокращению числа официально зарегистрированных партий с 132 в 1999 г. до 7 в 2009 г. Соответственно уменьшалось и количество партий участвующих в выборах, но, тем не менее, роль партийной составляющей в политических процессах повысилась. Росту партийного фактора на выборах способствовало расширение применения пропорциональной системы: полностью переход на нее при выборах в ГД РФ и частично (не менее 50% депутатов) при выборах в региональные законодательные собрания. В той или иной форме пропорциональная система внедряется и при выборах муниципальных органов власти. Это дало определенные положительные результаты. Здесь интересна следующая информация, приведенная Д. Медведевыми и отражающая положение дел в стране к началу 2010 г.: «...в 2004 году у нас было 48 партий. На сегодняшний день в России действуют семь партий. Но количество партийных фракций в региональных парламентах резко возросло: с 91 фракции в 2004 году до 211 – в 2007 году и 248 – в 2009 году... в 2004 году фракции «Единой России» действовали в 56 субъектах Федерации, а в прошлом году – во всех; компартии Российской Федерации в 2004 году – в 17 региональных парламентах, а в 2009-м – в 67; либерально-демократической партии: в 2004 году – в 6, в 2009 году – в 43; «Справедливой России»: 18 такого рода фракций было в 2006 году и 50 – в 2009-м. Есть и представители некоторых других партий в региональных парламентах»¹⁴. Таким образом, уменьшение числа партий, как политических акторов, привело к многократному увеличению других акторов – партийных фракций в региональных законодательных собраниях, к усложнению, дифференциации политической системы в целом, то есть к ее модернизации. В ходе партийного проектирования, как аспекта управления по-

¹⁰ См. об этом: Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С.35.

¹¹ Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 130.

¹² Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С.234.

¹³ Михалева Г.М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010. С. 80-82; Третьяков Д.Г. Основные тенденции эволюции электоральной функциональности партий в современной России // Известия Саратовского университета. 2012. Т.12. Сер. Социология. Политология, вып. 1. С. 111-113; Чувилина Н.Б. Эволюция российских региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политических процессах (2005-2011 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19(138). Выпуск 24. С. 143-148; Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 215-218.

¹⁴ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693>



литической конкуренцией, выполнена была и другая цель – обеспечено взаимопонимание между законодательной властью и исполнительной властью в лице президента. Можно даже говорить о подконтрольности Федерального собрания Президенту РФ и его Администрации, в силу доминирования в законодательном органе страны «Единой России» – партии власти, руководимой президентом. Подобная ситуация в плане взаимоотношения главы региона и региональных законодательных собраний имеет место и почти во всех регионах страны.

При этом в ходе партийного проектирования не была достигнута цель создания баланса политических сил в Государственной Думе. В нижней палате парламента отсутствует правая партия, ГД РФ имеет «левое крыло» (две партии) и не имеет «правого крыла». Хотя на выборах в декабре 2011 г. партия «Правое дело», партия праволиберальной идеологической направленности, принимала участие, но не сумела преодолеть 7-процентный барьер: она набрала лишь 0,60% голосов избирателей. В то же время задача осуществления непопулярных реформ требует наличия правой партии в парламенте страны, она взяла бы на себя ряд законодательных инициатив, которые не решается вносить партия власти, партия центристская, вынужденная проводить право-левую политику. В правой, либеральной партии нуждается и значительная часть электората – примерно 10-15% населения¹⁵. Таким образом, на политико-партийном рынке нет товара, на который есть спрос.

Несомненно, политический процесс приобрел в России за последнее десятилетие более партийный характер, но при этом стал менее конкурентным, прежде всего, на федеральном уровне. Если выборы Президента РФ в 1996-м г. проходили в два тура, то во все последующие выборы В. Путин и Д. Медведев побеждали со значительным перевесом уже в первом туре. Снизилась и межпартийная конкуренция. При этом нужно отметить, что если в начале 21-го века можно было говорить о тенденции неуклонного снижения политической конкуренции в России¹⁶, то после выборов в ГД РФ в декабре 2011 этот тезис уже неправомерен. По крайней мере, на федеральном уровне политическая конкуренция обострилась: так на выборах в Государственную Думу РФ в декабре 2011 г. правящая партия «Единая Россия» потеряла конституционное большинство в нижней палате российского парламента: она сейчас там имеет 238 мест из 450 против 315 в прежнем составе. При выборах Президента РФ в 2012 г. В. Путин не смог повторить предыдущие электоральные рекорды: он получил 63,6% голосов избирателей против 71,3% в 2004 г. Разрыв между В. Путиным и наиболее успешным соперником сократился с 57,6% в 2004 г. до 46,4% в 2012 г.

Но, несмотря на некоторое обострение политической конкуренции, ее уровень остается достаточно низким. Непобедимость главного субъекта политической жизни России В. Путина и его ставленников – Д. Медведева и партии «Единая Россия» – дают основания исследователям говорить о плебисцитарности выборов, как подтверждении населением страны лояльности власти¹⁷.

Однако рационализм кремлевских политтехнологов столкнулся с растущим недовольством, нетерпением определенной части населения России, носителями новой политической культуры гражданской активности, которая несет в себе желания участвовать в принятии политических решений, выдвижении политических проектов. Массовые протесты в декабре 2011 г. спровоцировали не только реально имевшие место фальсификации на выборах в ГД РФ. Недовольство вызывала и низкая степень конкурентности в формировании органов власти, отсутствие каналов, лифтов для попадания во властные структуры амбициозных, критически настроенных людей. Ограниченный партийный плюрализм привел и к снижению легитимности власти. В связи с этим действующая

¹⁵ О месте либеральных сил в политическом спектре России см.: Попова О.В. Политика современного российского государства в отношении несистемной оппозиции // Политические партии и политическая конкуренция...С. 99.

¹⁶ Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции - к иерархии // Полис. 2008. № 5; Третьяков Указ. соч. С. 115; Шилов В.Н. Межпартийная конкуренция: современные реалии и перспективы// Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1(96). Выпуск 17; и др.

¹⁷ Поляков Л.В. Электоральное поведение россиян // Полис. 2011. № 6. С. 176-177.

власть пошла на ряд шагов, обеспечивающих повышение конкурентного начала в формировании органов власти (возвращены прямые выборы населением глав регионов, с 7% до 5%) снижен процентный барьер для прохождения партий в ГД РФ. Кардинально были расширены рамки партийного плюрализма: в 80 раз снижена планка минимальной численности партий – с 40 тыс. до 500 членов¹⁸. Число партий стало быстро расти: на начало 2013 г. их количество превысило 50 партий¹⁹.

Разумеется, от приближающегося партийного «половодья» не стоит ждать каких-то новаций в плане принципиально новых и одновременно привлекательных и реалистичных проектов, нацеленных на модернизационный рывок страны. В связи с этим нужно вспомнить следующее высказывание С. Хантингтона: «Общества, осуществлявшие модернизацию позднее, не нуждались в такой степени диверсификации или рассредоточения влияния для выдвижения инноваций. По существу, минимальным требованием является осведомленность по меньшей мере некоторых групп в обществе о модернизации, которая уже осуществлена на Западе... в обществах, где модернизация происходит позднее, критическим этапом в осуществлении инновации становится процесс принятия, а не процесс предложения...»²⁰. Правы те, кто утверждает, что ничего нового для обеспечения модернизации нам не сформулировать – «...защита частной собственности, судебные процедуры разрешения споров, антикартельные процедуры, транспарентные внутрикорпоративные процедуры, недопустимость инсайдерской торговли. Все это давно известно, вот только у нас плохо работает»²¹.

Следует отметить, что расширение возможностей для самовыражения в сфере политики не означает, что действующая власть сделала ставку на безбрежный плюрализм и спонтанность масс. В своем Послании Федеральному собранию в декабре 2012 г. В. Путин определил следующим образом свое видение и параметры политической конкуренции в современной России: «Политическая конкуренция – это безусловное благо для страны. При этом нам нужно сформировать своего рода свод правил добросовестной политической конкуренции...

Первое... Любые проявления сепаратизма и национализма должны быть абсолютно исключены из политической повестки.

Второе. Прямое или косвенное внешнее вмешательство в наши внутренние политические процессы неприемлемо. Деятель, который за свою политическую деятельность получает деньги из-за границы и обслуживает тем самым наверняка чужие национальные интересы, не может быть политиком в Российской Федерации.

Третье. Криминалу нет и не может быть места в политике. Это должно стать нормой политической практики всех политических сил...

Четвёртое. Цивилизованный диалог возможен только с теми политическими силами, которые цивилизованным же образом выдвигают, обосновывают и формулируют свои требования, отстаивают их в рамках закона...

Пятое. Государство должно и будет стремиться к тому, чтобы обеспечить равный доступ всех политических партий к средствам массовой информации, и не только в процессе избирательных кампаний, а в текущей жизни...»²²

Изменение политической институциональной среды в России влечет за собой не только введение политической активности в электоральные рамки, в рамки институционализированной политической конкуренции, но расширяет возможности для формирования новой политической культуры участия, для свободного самовыражения населения. Свободная личность, стремящаяся к самовыражению, самосовершенствованию и совершенствованию социальной среды – это главный ресурс модернизации. Ограничения же в свободе самовыражения в политической сфере негативно сказываются на общей соци-

¹⁸ Подробнее об этом см.: Максимов А.М. Эволюция российской партийной системы в апреле-июле 2012 г. // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19(138). Выпуск 24. С. 151-152.

¹⁹ Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>

²⁰ Хантингтон С. Указ. соч. С. 153.

²¹ Дубинин С. К. Альтернативы модернизации // Свободная мысль. 2010. №2. С.14.

²² Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17118>



альной среде в плане формирования этого ресурса модернизации. Доминирующая на сегодня авторитарная модернизация, как модернизация сверху, должна сочетаться с «низовой» модернизацией, проистекающей из инициатив, инноваций со стороны свободных индивидов. Разумеется, расширение границ свободы предполагает и возрастание ответственности. Приобретение политического опыта, новый уровень ответственности населения будут способствовать изживанию патернализма, как существенной черты политической культуры населения России.

Определенное влияние на характер политической конкуренции окажут и предполагаемое возвращение на выборах в ГД РФ к смешанной системе (сочетающей пропорциональную и мажоритарную систему относительного большинства), к формированию избирательных блоков и др.

От принятых и запланированных на будущее институциональных изменений в сфере политики не следует ждать быстрого и масштабного позитивного эффекта. Эффект будет в виде долговременных и постепенных изменений. В этом и состоит главная особенность в модернизации политической системы страны, как консервативной модернизации²³ без резких перемен и непредсказуемых социальных потрясений. Это же касается и такого частного момента как управление политической конкуренцией – предполагается, что результаты новаций в этой сфере также должны быть предсказуемы.

Другими заметными субъектами управления политической конкуренцией являются оппозиционные силы. Если говорить об оппозиционных политических партиях, то они ставят перед собой цель увеличить свое представительство в избираемых органах власти. Свое недостаточное представительство там они чаще всего объясняют фальсификациями с использованием административного ресурса. Но понимая, что масштабы этих фальсификаций не столь значительны и гипотетическое их полное устранение не изменит существенно расклад партийного представительства в законодательных органах, они предлагают корректировку результатов конкуренции путем законодательного ограничения присутствия любой партии в избираемых властных органах. Здесь можно привести в качестве примера предложение лидера ЛДПР В. Жириновского ввести верхнюю планку для партии в законодательном собрании. Она, по его мнению, должна быть на уровне 40%. Если партия набирает более 40%, то проценты, превышающие предельный уровень, перераспределяются между другими партиями²⁴.

Михаил Прохоров, будучи короткое время лидером партии "Правое дело», предлагал ограничить количество депутатских мандатов в Госдуме, на которые может претендовать одна партия, до 226²⁵.

Но осуществление подобной меры по законодательному ограничению присутствия доминантной партии в парламенте под лозунгом борьбы с партийным монополизмом приведет к деформации волеизъявления граждан, нарушит адекватность представительства их интересов в органах власти. Возможные ссылки на то, что в экономике существуют ограничения для производителей на присутствие на рынке определенного товара, в данном случае не совсем корректны, ибо партии предлагают разные товары – разные политические проекты, разные стили руководства при разной «гарантии» на эти товары. И самое главное, здесь идет речь не об ограничении присутствия на политическом рынке, а, образно говоря, о принудительной замене уже «купленного товара» от одного производителя на товар другого производителя.

Несистемная оппозиция выступает вообще за отказ признать легитимными результаты институционализированной политической конкуренции под предлогом, что они в любом случае фальсифицированы. Никакого иного объединяющего лозунга, кроме как требование устранения действующей власти, современная российская несистемная оппозиция сформулировать не смогла. Хотя действия несистемной оппозиции имеют и

²³ Об особенностях современной консервативной модернизации см.: Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 1(72). Выпуск 13. С. 211- 217.

²⁴ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России...

²⁵ Прохоров предложил ограничить число мандатов в ГД до 226 на партию [Электронный ресурс]. <http://ria.ru/politics/20110826/424404624.html#ixzz2GcNXaU18>



позитивный эффект в виде ограничения фальсификации на выборах, усиления конкурентности при формировании органов власти.

Если говорить об обозримом будущем, то, видимо, обострение конкурентной борьбы следует ожидать на муниципальном уровне, где «фактор Путина» уже почти не действует. В некоторых регионах, в частности на Урале, при выборах глав муниципальных образований выдвиженцы «Единой России» нередко терпели поражение, когда там «Единая Россия» не становилась инструментом консолидации местных элит²⁶. Вице-президент консультационной компании «Советник» Александр Подопригра по этому поводу заявляет: «Мы признаем факт низкой ротации протоэлит, но при этом делаем ставку на муниципалитеты. Последние выборы показали, что именно на этом уровне во власть могут приходиться независимые (насколько это возможно) политики, в том числе вопреки адмресурсу. Людей перестают интересовать политические бренды, их беспокоит социалка, коммуналка, в общем, все то, что их касается каждый день. Тот, кто это поймет, сможет завоевать избирателей и, опираясь на них, сформировать новую элиту»²⁷.

Можно предположить такой сценарий развития событий в России: вначале формируется действенная и ответственная оппозиция на муниципальном уровне, которая в ряде муниципальных образований становится доминирующей силой, затем нечто подобное происходит на региональном уровне. Окрепшие на региональном уровне оппозиционные силы, в ряде регионов утвердившиеся у власти, становятся реальным конкурентом для действующей власти на федеральном уровне. Усилению независимости региональных элит от центра, а соответственно, от доминирующей на сегодняшний день политической сил будут способствовать вновь введенные выборы глав регионов населением. Разумеется, реализация этой динамики обострения политической конкуренции потребует многих лет или даже десятилетий, как показывает опыт других стран, имевших сходных с Россией политическую специфику, в частности опыт Мексики²⁸.

Несомненно, прав С.Г. Зырянов, утверждающий, что «получившая в современной России, в силу низкого уровня политической и гражданской институционализации, преимущественная практика применения манипулятивных политических технологий, в начале XXI в. монополизирована административно-политическими элитами и ориентирована на расширение «управляемого электората»²⁹. Оппозиционные силы России часто говорят даже о тотальной управляемости выборами со стороны власти, но не надо преувеличивать степень управляемости выборами и политической конкуренцией. Управление электоральным процессом дает какие-то результаты при успешной политике власти. Неудачная политика российской власти, какой она была в 90-е гг., сопровождалась и неудачами в партийном проектировании и в обеспечении нужных власти результатов политической конкуренции. Тогда так и не удалось создать доминирующую партию власти (прокремлевская партия «Наш дом Россия» набрала на выборах в 1995 г. только 10,13% голосов избирателей)³⁰, следствием чего была изнурительная борьба Президента РФ Б. Ельцина с законодательной властью в лице ГД РФ. В свою очередь успешная политика В. Путина позволила в 2003 г. «кремлевскому проекту» – партии «Единая Россия» – получить в ГД РФ конституционное большинство. Но финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., ухудшил или, по крайней мере, не улучшил положение многих россиян, уже привыкших к положительной динамике развития России и росту своих доходов, поэтому на выборах в ГД РФ в декабре 2011 г. партия «Единая Россия» потеряла это конституционное большинство и с трудом добилась простого большинства.

²⁶ См.: Панов П.В. «Единая Россия» как инструмент консолидации элит на местных выборах // Политические партии и политическая конкуренция ... С. 148-152. О конкуренции на муниципальном уровне на Урале также см.: Рябова О.В. «Муниципальные группировки» и развитие конкурентного политического поля малых промышленных городов Урала // Вестник Пермского университета. Политология. 2009. Выпуск 1 (5); Коваленко А. Местами демократия // «Эксперт Урал». 2012. №1 (539) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2013/01/mestami-demokratiya/?n=66995>

²⁷ Коваленко А. Указ. соч.

²⁸ Лазарев Е.А. Влияние федерализма на партийную систему в недемократических государствах // Политические партии и политическая конкуренция... С. 67-70.

²⁹ Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ). Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д., 2008. С. 17.

³⁰ Ясин Е.Г. Указ. соч. С.215.



Иными словами, для власти главное средство управления результатами конкуренции – это проводить результативную социально-экономическую политику. При этом давление оппозиции имеет и тот несомненный плюс, что заставляет действующую власть рисковать и думать не только о сегодняшней популярности у масс, но и о будущем. Как отмечает В.В. Федоров то, что при Путине не произошло модернизационного рывка, есть не следствие отсутствия демократии, а ее избыток. Если Ельцин, часто шел наперекор общественному мнению, то «Путин прекрасно ощущал настроения людей и неизменно действовал вполне в русле доминирующего общественного запроса. Это и стало важным условием сохранения им...неизменно высокого рейтинга популярности. Обратной стороной популистской модели лидерства является крайняя трудность принимать непопулярные, но необходимые для развития страны решения»³¹.

Ради будущего, в том числе ради побед в политической конкуренции в будущем, нужно уже сегодня идти на непопулярные решения, иметь смелость быть непопулярным. Для нынешней российской власти временной коридор непопулярных решений заканчивается в 2016 г. Дальше начинается новый электоральный цикл, когда непопулярные решения уже не успеют привести к позитивным последствиям, без чего нельзя рассчитывать на одобрение принятых решений населением. И если нынешняя власть не использует этот временной коридор сейчас, то это скажется на ситуации в стране, и в будущем электоральном цикле ей не избежать упреков в упущенном для реформ времени: все это отразится на результатах выборов и законодательных органов и лиц исполнительной власти. Хотя возможные неудачи действующей власти, падение ее популярности, несомненно, обострят политическую конкуренцию. Важно чтобы в этом случае в качестве оппозиции выступали ответственные и компетентные политические силы.

MANAGEMENT OF THE POLITICAL COMPETITION IN MODERN RUSSIA

V.N. SHILOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Basic directions of management by a political competition in modern Russia are analyzed: formation of assortment of the political market, legislative regulation of electoral processes, influence on intensity and orientations of activity of electorate. As the basic subject of management is examined the President of the Russian Federation V.V. Putin.

Keywords: political competition, elections, Russia, electorate, democracy, political elite, political culture.

³¹ Федоров В.В. Указ. соч. С. 342.



УДК 323.213(477)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

В.А. КАРАЧАЙ*Национальный университет
«Киево-Могилянская академия»,
Украина**e-mail: vitalinakarachay@gmail.com*

В отличие от традиционного подхода к электронному правительству в Украине как к инструменту трансформации системы государственного управления и повышения ее эффективности посредством использования информационно-коммуникационных технологий, автор рассматривает электронное правительство в рамках концепции Марка Мура в качестве инструмента обеспечения публичных ценностей.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство, публичные ценности.

Применение новых технологий в государственном секторе дает возможность повысить эффективность работы правительства, усовершенствовать способы предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти, а также наладить более продуктивные каналы взаимодействия с ними. Интернет-технологии способствуют увеличению информационно-коммуникативных возможностей граждан, усилению общественного влияния на процесс принятия политических решений, установлению общественного контроля над деятельностью органов государственной власти и государственных организаций¹.

Кроме того, появляется механизм эффективного консультирования общественности относительно государственной политики, оптимизируется взаимодействие между различными правительственными учреждениями, сокращаются государственные расходы². Таким образом, электронное правительство способно изменить саму сущность власти, сделать ее более «прозрачной» и подконтрольной общественности.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в систему государственного управления с целью ее приспособления к требованиям информационного общества связывают с появлением такого феномена как «электронное правительство».

В мировой научной среде нет единого определения понятия «электронное правительство». Основываясь на существующих определениях и концепциях, М. Фингер и Г. Пеко выделили три основных подхода к определению понятия «электронное правительство». Согласно первому, электронное правительство связывают исключительно с удовлетворением потребностей граждан посредством предоставления услуг через Интернет³. Этот подход, как правило, применяется в тех странах, где развитие электронного правительства находится на начальном этапе.

Второй подход определяет электронное правительство в качестве специфической формы сотрудничества между гражданами, частным сектором и государством как в разработке политики, так и в предоставлении услуг. Третий – трактует электронное правительство как инструмент (например, для демократизации общества, трансформации системы государственного управления и т.п.)⁴. Этот подход противоречив и требует аргументации, ибо не всегда электронное правительство служит, к примеру, инструментом демократизации общества. В некоторых странах (например, Сингапур) техники электронного правительства используются для усиления контроля граждан со стороны государства.

¹ Быков И.А. «Электронная демократия» vs «Электронное правительство»: концептуальное противостояние? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/171/30/>

² Клименко І.В., Линьов К.О. Технології електронного врядування. К., 2006. С. 8; Павроз А.В. Технологія E-government в контексті сучасних адміністративних реформ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ims.infosoc.ru/2005/thes/65.pdf>

³ Finger M., Pecoud G. From e-Government to e-Governance? Towards a model of e-Governance // The Electronic Journal of e-Government. 2003. Vol. 1. Issue 1. pp. 1 10. P. 6.

⁴ Finger M., Pecoud G. From e-Government to e-Governance? Towards a model of e-Governance // The Electronic Journal of e-Government. 2003. Vol. 1. Issue 1. P. 6.



Цель статьи – проанализировать электронное правительство в Украине через призму концепции публичных ценностей.

Согласно «Концепции развития электронного правительства в Украине», утвержденной распоряжением Кабинета Министров Украины от 13. 12. 2010 г. № 2250-р: «Электронное правительство – это форма организации государственного управления при которой происходит активное взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления с обществом, человеком, бизнесом при помощи информационно-коммуникационных технологий»⁵.

Целью электронного правительства в Украине является обеспечение эффективного государственного менеджмента, предоставление лучших государственных услуг и больших полномочий гражданам посредством доступа к информации и через их участие в процессе выработки государственной политики, обеспечение «прозрачности», открытости в деятельности органов власти, избежание бюрократии, экономия времени и материальных ресурсов. Кроме того, в Украине целью внедрения электронного правительства является также развитие электронной демократии для достижения европейских стандартов качества электронных государственных услуг, открытости и «прозрачности» власти для человека и гражданина, общественных организаций, бизнеса.

При этом речь идет не об информатизации существующей системы государственного управления, а об использовании возможностей ИКТ для удовлетворения потребностей граждан, что подразумевает: повышение качества и доступности государственных услуг; упрощение процедур и сокращение административных затрат; обеспечение контроля над результативностью деятельности органов власти с одновременным обеспечением надлежащего уровня информационной безопасности; обеспечение открытости информации о деятельности органов власти, расширение доступа к ней и предоставление возможности непосредственного участия человеку, гражданину и институтам гражданского общества в процессах подготовки и экспертизы проектов решений, которые принимаются на всех уровнях государственного управления.

Таким образом, в Украине электронное правительство официально определяется с позиций государственного управления, а основной акцент делается на налаживании взаимосвязей между всеми общественными секторами посредством ИКТ. Электронное правительство выступает своеобразным инструментом государственного управления, с помощью которого коренным образом меняются взаимоотношения между всеми социальными акторами. Эти взаимоотношения становятся более интерактивными, партнерскими. Выйдем за рамки понимания системы электронного правительства как прикладного аспекта системы государственного управления, призванного обслуживать население и стать новым каналом политической коммуникации, используя концепцию публичных ценностей.

Концепция и термин «публичная ценность» были найдены и предложены профессором Гарвардского университета Марком Муром, который в 1995 г. опубликовал соответствующую работу «Создание публичной ценности: стратегический менеджмент в правительственных организациях» («Creating Public Value: Strategic Management in Government»)⁶. Важность этой концепции заключается в том, что при разработке государственной политики чиновники руководствуются принципами ценности политики для своих потребителей. Они определяют, что ценно и важно производить именно для граждан, каким образом предоставлять услуги и выполнять обязательства перед своими клиентами, ориентируясь на их потребности⁷. Сущность электронного правительства в концепции публичных ценностей заключается в обеспечении публичных ценностей, а в перспективе – системы таких ценностей.

⁵ Концепція розвитку електронного урядування в Україні. С. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.irf.ua/files/ukr/conception_final.pdf

⁶ Moore M. Creating Public Value Strategic Management in Government [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.google.com.ua/books?hl=tr&lr=&id=PwcENHMiPcAC&oi=fnd&pg=PT12&dq=Moore+M.+Creating+Public+Value+Strategic+Management+in+Government.+Harvard+University+Press.+1995.&ots=delUEZX4kg&sig=SFPEslUV0ytZRwLFFOLbM3YvGNQ&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false;Public+value//Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Public_value

⁷ Марк Мур про публічну цінність [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.management.com.ua/interview/into97.html>

Среди ученых существуют различные точки зрения по поводу определения понятия «публичная ценность». В литературе можно встретить такие термины как «общественный интерес», «услуги общего интереса», «общественные цели», которые используются в качестве синонимов понятия «публичная ценность». А. Босяцки отождествляет публичные ценности с принципами устойчивого развития, общественного диалога, солидарности, социально-ориентированной экономики, социальной справедливости и т.п. По его мнению, в общем понимании публичная ценность связана с тенденцией сближения публичной администрации и рыночной экономики для обеспечения эффективности последней в категориях надлежащего использования публичных ресурсов для достижения предложенных целей⁸.

Н. Муцинская понятие публичной ценности предлагает определять, исходя из основ публично-приватного партнерства (Public-Private Partnership). «Публично-приватное партнерство (или же другими словами, государственно-частное партнерство) – это система договорных отношений, которые устанавливаются между государством и частными партнерами для взаимовыгодного сотрудничества на долгосрочной основе с целью достижения социальных и экономических результатов»⁹.

Публично-приватное партнерство особенно актуально для развития и обеспечения нормального функционирования общественно важных объектов, на содержание которых не хватает бюджетного финансирования. Такими объектами являются предприятия коммунальной сферы, дороги, аэропорты, учебные заведения и др. Публично-приватное партнерство может стать значительным шагом на пути решения важных для всего общества социально-экономических проблем. Его цель – повышение эффективности государственного и муниципального управления.

Возвращаясь к публичным ценностям, отметим, что выделяют пять категорий публичных ценностей: публичные ценности взаимоотношений между властью и общественностью в целом (демократия, легитимность, надежность, эффективное использование общественных ресурсов); публичные ценности, включенные во взаимоотношения между работодателями, наемными работниками и клиентами в сфере или проекте (качество услуг, безопасность работников, потребителей, надежность работодателей); пригодность инфраструктуры и услуг для отдельных целевых групп, таких как малообеспеченные или люди с ограниченными возможностями (универсальный доступ, низкая цена, специальные приспособления для людей с ограниченными возможностями); вклад инфраструктуры в процессы регионального развития (экономическое развитие, мобильность, качество окружающей среды); публичные ценности во взаимоотношениях между инфраструктурой и социальной средой (безопасность, здоровье, устойчивое развитие и т.п.). В процессе сотрудничества государственного и частного сектора с целью реализации проектов развития инфраструктуры возникает необходимость рационального подхода к управлению конфликтными публичными ценностями. Для этого можно использовать иерархию или контракты, что ведет к доминированию одних ценностей и исключению других¹⁰.

Основными характеристиками идеи «ценности услуг» являются: ценность услуг для граждан; эффективное, отзывчивое и приспособленное к услугам правительство; участие граждан в государственной политике и в политике обслуживания; совместные стратегии взаимодействия правительства и граждан; «обратная связь» и «гибкость» в предоставлении услуг; сочетание традиционных и новых каналов для предоставления услуг гражданам¹¹.

В современной Украине при внедрении системы электронного правительства основной акцент со стороны правительства делается на возможности предоставления услуг гражданам через Интернет, удешевлении правительственных услуг, вовлечении граждан в политическую жизнь общества, уменьшении временных, материальных, финансовых затрат и т.п.

⁸ Босяцки А. Стратегическое управление в публичной сфере с точки зрения теории права: цели и направления эволюции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=570&Itemid=92

⁹ Закон України «Про загальні засади розвитку державно-приватного партнерства в Україні» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://govuadocs.com.ua/docs/102/index-1962929.html>

¹⁰ Муцинська Н.Ю. Громадські цінності в проектах публічно-приватного партнерства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/kgm_econ/2010_96/staty_96/279-283.pdf

¹¹ Сморгунів Л.В. «Объединенное управление» и императивы менеджмента ценности услуг. С. 237. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.infosoc.ru/2010/thesis/PDF/235-238_Smorgunov.pdf



По мнению Л. Сморгунова, при рассмотрении электронного правительства в контексте административных реформ необходимо акцентировать внимание на обеспечении публичных ценностей при предоставлении услуг. Эту концепцию он называет «объединенное управление». Оно направлено на улучшение сотрудничества между правительственными учреждениями, углубление консультаций и взаимодействия с гражданами, создание возможностей для более широкого участия заинтересованных сторон на региональном и международном уровнях. В этом случае граждане уже не воспринимаются как простые потребители государственных услуг, а количество и качество государственных услуг оценивается гражданами со стороны важности, публичной ценности государственных услуг. Причем решение о том, чем является публичная ценность, принимается коллективно через обсуждение при участии избираемых и назначаемых должностных лиц и ключевых заинтересованных сторон¹².

Руководствуясь принципами концепции публичных ценностей при внедрении электронного правительства можно будет решить проблемы доверия, легитимности, ответственности, которые возникают в результате обострения взаимоотношений между государством и обществом, вследствие отношения граждан к государству (которое конкурировало с частным бизнесом за предоставление услуг) как к простому провайдеру услуг, оценка деятельности которого со стороны граждан не содержала публичной ценности государственных услуг¹³.

Заручившись поддержкой частного и третьего сектора при реализации электронного правительства в Украине и используя идею публичной ценности услуг, у государства появляются дополнительные возможности для решения многих общественно важных проблем. Например, при решении проблем в определенных сферах публичной жизни, которые не только не урегулированы надлежащим образом, но и в общественном восприятии функционируют крайне плохо (здравоохранение, система образования, социальное обеспечение, дорожная инфраструктура и т.д.), можно обратиться к таким понятиям как «публичный интерес», «общественный диалог», «принцип устойчивого развития» и т.п.¹⁴.

Следует отметить, что для реализации общественно значимых проектов одной поддержки граждан и частного партнера не достаточно. Публичные ценности могут поддерживаться при условии повышенного внимания к развитию взаимоотношений между всеми общественными акторами, понимания формирования баланса ценностей для участников этих отношений. При этом арбитром публичных ценностей является коллектив (общество в целом; члены общества, которые действуют через властные структуры и т.д.), который контролирует деятельность государственного сектора и действует через правительственные организации¹⁵.

Таким образом, с утверждением «Концепции развития электронного правительства в Украине», которая разрабатывалась с привлечением самых опытных специалистов этой сферы, первый шаг к успешной реализации системы электронного правительства в Украине был сделан. Но для того, чтобы система «заработала», кроме того, что должна быть усовершенствована существующая нормативно-правовая база, организовано электронное взаимодействие всех социальных акторов, сформирован необходимый кадровый потенциал, нужно ее идейно наполнить, ибо утрата государственных услугами ценности публичного блага будет влиять и на публичные ценности самого государства.

Кроме того, в Украине имеют место попытки применить инновационный инструмент электронного правительства к бюрократизированному и морально устаревшему государственному устройству. Как результат – низкие темпы внедрения электронного правительства вследствие невосприятости бюрократической машиной явления, которое призвано ее уничтожить. Следовательно, успешная реализация системы электронного правительства требует масштабных преобразований в обществе, которые должны быть иницированы тремя секторами общества совместно.

¹² Указ. соч. С. 235.

¹³ Там же. С. 236.

¹⁴ Босяцки А. Указ. соч.

¹⁵ См.: Марк Мур про публічну цінність...



Основой же для преобразований в деятельности государственных структур является готовность граждан воспользоваться возможностями информационных технологий, оценить их преимущества, использовать их непосредственно в своей жизни, бизнесе, общественной, научной деятельности и т.д. При внедрении электронного правительства в Украине следует учитывать, что государственное предложение должно отвечать общественному запросу. Другими словами, очень важно выяснить, насколько ценными являются услуги, предложенные государством, существует ли необходимость в этих услугах со стороны граждан. Именно тогда граждане будут заинтересованы в предложенных «сверху» инициативах, а значит, будут участвовать в проектах, которые требуют активной гражданской позиции. То есть средства, вложенные в реализацию электронных проектов, будут потрачены с пользой. Только тогда электронное правительство станет эффективным механизмом реализации публичных ценностей.

SOME PROVISION WITH PUBLIC VALUES BY MEANS OF ELECTRONIC GOVERNMENT IN UKRAINE

V.A. KARACHAY

*National University
of «Kiev-Mohyla Academy», Ukraine*

e-mail: vitalinakarachay@gmail.com

In contrast to traditional approach to the electronic government in Ukraine as an instrument of transformation of the public administration's system as provision of public services via information and communication technologies, author considers electronic government in Ukraine in the frame of Mark Moor's conception of public values as an instrument of public values' provision.

Keywords: information and communication technologies, electronic government, public values.



ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В УКРАИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1991-2012 ГГ.)

Н.Н. ОЛЕЙНИК

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

В настоящей статье анализируется процесс формирования основ внешней политики в Украинском государстве и его международная деятельность, начиная с 1991 г. и по наши дни. Раскрываются как успехи, так и просчеты в проведении внешней политики Украины. Особое внимание уделяется анализу отношений между Украиной и Российской Федерацией.

Ключевые слова: внешняя политика, международная деятельность, Украина, основные направления, декларация, договор, независимость, сотрудничество, стратегическая выгода, вмешательство.

Основные принципы внешней политики Украинского государства были разработаны еще в Декларации «О государственном суверенитете Украины». В этом важнейшем документе Украина впервые как государство было обозначено в качестве субъекта международных отношений. В 10-м разделе Декларации (Международные отношения) подчеркивается, что Украинская ССР как субъект международного права осуществляет непосредственные отношения с другим государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими консультациями, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций в объеме необходимом для эффективного обеспечения национальных интересов республики в политической, экономической, информационной, научной, технической, культурной и спортивной сферах¹.

Важное значение имеет положение Декларации о том, что Украина выступает равноправным участником международных отношений, активно содействует укреплению всеобщего мира и международной безопасности, непосредственно принимает участие в общеевропейском процессе и в европейских структурах. Достаточно убедительно характеризует Украину как субъекта международного права признание ею приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, и общепризнанных норм международного права над нормами внутригосударственного права².

После провозглашения Акта о государственной независимости Украины и проведения всеукраинского референдума начался качественно новый этап в ее внешнеполитической деятельности. Первым шагом на этом пути стало признание независимости Украинского государства странами мирового сообщества. Первыми 2 декабря 1991 г. независимость Украины признали Польша и Канада, 5 декабря это сделала Россия. В течение месяца после референдума Украину признали уже 57 стран. К началу 1993 г. Украину в качестве независимого государства признали 132 страны мира, из которых 106 установили с ней дипломатические отношения. В настоящее время с Украиной как субъектом международных отношений поддерживают связь более 150 государств мира³.

Украина с первых дней своего существования как самостоятельное государство начала проводить на международной арене миролюбивую политику. Большое значение для развития внешнеполитической деятельности молодого государства было одобрение Верховной Радой 2 июня 1992 г. «Основных направлений внешней политики Украины». В этом документе определялись основные базовые национальные интересы страны и закреплялись принципы, на которых должна была реализовываться ее внешняя политика. В нем подчеркивалось, что Украина будет проводить открытую внешнюю политику и бу-

¹ Декларация о независимости Украины. Принята 16 июля 1990 г. Верховным Советом Украины // Ведомости Верховного Совета. 1990. №31. С. 431.

² Там же.

³ Історія України. Курс лекцій. Харків. 2001. С. 396.

дет стремиться к сотрудничеству со всеми странами мира, избегая зависимости от отдельных государств и групп государств⁴.

За короткое время (ноябрь 1990-январь 1993г.) Украина подписала 35 международных и 88 межправительственных соглашений на двухсторонней основе. Одним из первых международных соглашений независимой Украины стало подписание в Киеве 6 декабря 1991 г. «Договора о добрососедстве и сотрудничеству между Украиной и Венгерской Республикой»⁵.

Украина значительно активизировала свое участие в деятельности ООН, ЮНЕСКО и других мировых международных организаций, начала переговоры о вступлении в всемирную организацию торговли. После длительных переговоров в 2008 году она стала полноправным членом ВТО.

Политические элиты Украины, которая находится в географическом центре Европы, начали проводить курс на укрепление экономических, политических и культурных связей с государствами этого континента, в первую очередь со своими соседями. Главным содержанием этого процесса стало недопущение локальных и этнических войн, преодоление экономического спада в странах СНГ, избежание политической нестабильности, отказ от безответственных призывов к пересмотру существующих границ и т.п.⁶

Как известно основными документами, определяющими пути сотрудничества европейских государств, являются Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), Парижская Хартия для новой Европы (1980), а также Декларация «Вызов времени перемен», одобренная в июле 1992 г. в Париже на встрече стран-участниц Хельсинкского процесса. Участие Украины в этой встрече стало свидетельством признания ее в качестве равноправного партнера в создании демократических межгосударственных отношений и безопасности в Европе⁷.

Значительно активизировалось взаимодействие Украины с Советом Европы – авторитетной и наиболее представительной международной политической организацией континента, в состав которой входит 34 страны. 26 сентября 1995г. Сессия Парламентской Ассамблеи Совета Европы единодушно поддержала кандидатуру Украины для вступления в Совет Европы, а 9 ноября этого же года комитет Совета Министров Европы окончательно утвердил соответствующие рекомендации Ассамблеи. Расширяются связи Украины с другими международными европейскими политическими, экономическими и финансовыми организациями. Так Украина поддерживает активные отношения с такими организациями как Западноевропейский Союз, Центрально-Европейские Инициативы, Черноморское экономическое сотрудничество и др. Особенно следует отметить активное сотрудничество Украины с Организацией по безопасности и Сотрудничество в Европе (ОБСЕ). Украина заявила о своем желании в будущем стать полноправным членом Европейского Союза.

Большое влияние правящие элиты Украины начали уделять и связям с НАТО. Однако этот процесс осложнялся тем, что Украина в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете – внеблоковое государство и вступление в НАТО по этой причине для нее, казалось бы, должно быть закрытым. Но самое главное против этого настроено подавляющее большинство украинского народа.

Однако руководство страны, ссылаясь на мнимую угрозу с Востока, стало игнорировать мнение собственного народа и начало все более активно говорить о своем желании войти в состав НАТО. Интересно проследить эволюцию, которая произошла в позиции по этому вопросу у Президента Украины Л. Кучмы. Так осенью 1994 г. Л. Кучма во время поездки в США высказался против расширения НАТО на восток. Спустя год и Президент и ряд других политических лидеров изменили свою позицию. Л. Кучма заявил Б. Клинтону во время его посещения Киева, что Украина больше не выступает против расширения НАТО на восток. Несколько позже он уже утверждал, что «НАТО-союз демократических государств, вернейший гарант мира и безопасности в Европе». Более того, он начал заявлять, что альянс является гарантом стабильности в Европе. А еще спустя год

⁴ Голос Украины. 1992, 3 июля.

⁵ Новейшая история Украины (1991-2001). Киев, 2001. С.232.

⁶ История Украины. Курс лекций / под ред. Н.Н. Олейника. Харьков, 2002. С.348.

⁷ Там же.



министр иностранных дел Г. Удовенко в Варшаве на Конференции по вопросам европейской безопасности заявил, что Украина будет добиваться ассоциированного членства в НАТО⁸.

В настоящее время отношения Украины с НАТО строятся в соответствии с Программой «Партнерство во имя мира». Это соглашение, подписанное Украиной с НАТО в феврале 1994 г. дополнено Хартией об особом партнерстве между Украиной и НАТО, подписанной в Мадриде в июле 1997 г. Напомним, что всего в Программе «Партнерство во имя мира» участвует 28 государств СНГ, но ни одно из них, кроме Украины не имеет с альянсом такой формы сотрудничества⁹.

Украина начала принимать активное участие в военных учениях НАТО. В августе 1995 г. украинские морские пехотинцы принимали участие в военных учениях в Северной Каролине (США). В июне 1996г. – в учениях в Западной Украине, в которых участвовало 1600 воинов из девяти стран, в августе 1997 г. – в военно-морских учениях вблизи Крыма, вместе с другими государствами Черноморского бассейна и западными странами. Начались переговоры о возможности создания общих систем обороны¹⁰.

После прихода к власти Президента В. Ющенко и правительства, сформированного «оранжевыми силами», курс на укрепление связей с НАТО еще больше активизировался. Более того, игнорируя мнение подавляющего большинства собственного народа, В. Ющенко поставил задачу добиться вхождения Украины в состав НАТО полноправным членом. На пропаганду важности и необходимости вхождения Украинского государства в эту организацию начали выделяться ежегодно десятки миллионов гривен. В стране через радио и телеканалы началась активная пропаганда мнимых заслуг НАТО и его «миролюбивой» политики. Курс В. Ющенко, по сути, расколол украинское общество на сторонников и противников вступления в НАТО, которых пока значительно больше.

Избрание в 2010 г. В. Януковича Президентом страны, создание нового парламентского большинства в Верховной Раде Украины резко изменило внешнеполитическую ориентацию. В принятом, по инициативе нового парламентского большинства, документе «Основные направления внешней и внутренней политики Украины» было заявлено, что Украина останется внеблоковым государством и не ставит перед собой задачу вступить в НАТО. Это решение сыграло положительную роль в консолидации украинского общества и сразу же улучшило отношения с Российской Федерацией и другими государствами СНГ.

Курс правящих сегодня украинских элит на вхождение в семью европейских народов предусматривает развитие всестороннего сотрудничества с бывшими социалистическими странами. Их поддержка, по мнению руководства Украины, должна существенно помочь украинцам стабилизировать свою государственность, способствовать повышению ее геополитического значения как гаранта необходимости перемен.

Добрососедские отношения сложились между Украиной и Польшей, Чехией, Словакией, Венгрией, с которыми подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве и много соглашений в экономической сфере, в области культуры и науки.

Что же касается Румынии, то подписание с ней широкомасштабного договора о дружбе и сотрудничестве осложнялись территориальными претензиями этой страны к Украине.

Одновременно Украина не преувеличивает стратегических выгод для нее от тесного сотрудничества с новыми европейскими демократиями, особенно в военном отношении. Правящие элиты Украины учитывает, во-первых, ограниченные возможности этих стран в экономическом и военном отношениях. Во-вторых, они категорически настроены против того, чтобы за ее счет решались проблемы других государств; в-третьих, следит за тем, чтобы в интересах других стран не обострялись отношения Украины с Россией.

Чрезвычайно большее значение Украина придает отношениям со странами Западной Европы. Правящие элиты независимой Украины постоянно заявляли о том, что она не только не является источником опасности для Запада, а, наоборот, своим самостоятельным государственным существованием способствует повышению уровня обще-

⁸ Зеркало недели. 1995. 20 мая.

⁹ История Украины... С.348.

¹⁰ Там же.

европейской безопасности Западноевропейских государств. И отметим, что большинство из них высоко оценивают решительное намерение независимой Украины соблюдать политику нейтралитета быть миролюбивой безъядерной державой, ее верность соглашениям о нерушимости нынешних государственных границ, отсутствие территориальных претензий.

Активизировались контакты и сотрудничество Украины с Германией. Значительно улучшились отношения с Италией, Испанией и другими западноевропейскими странами. Несколько медленнее протекает процесс налаживания отношений независимой Украины с Англией и Францией. Рост авторитета Украины как миролюбивого государства, ее экономический и научный потенциал, географическое положение в центре Европы обусловили поворот Парижа и Лондона в сторону налаживания отношений с молодым и достаточно крупным европейским государством. Подтверждением такого поворота стали регулярные визиты в Украину премьер-министров Англии и президентов Франции и ответные визиты украинских руководителей в эти страны¹¹.

Известную эволюцию претерпели отношения США и Украины. Президент-республиканец Д. Буш – старший критически отнесся к независимой Украине и другим государствам, образовавшимся после распада Союза. Только после проведения всеукраинского референдума США 25 декабря 1991 г. признали независимость Украины. Однако сразу же выдвинули ультимативное требование: отказаться от ядерного оружия. Полтора года Вашингтон безуспешно стремился за своим сценарием оперативно решить украинскую «ядерную проблему», прибегая при этом к разным вариантам давления, угроз, уговоров и т.д. Серьезные изменения произошли в отношениях между США и Украиной в середине 1993 г. Вашингтон начал рассматривать Украину не только как арсенал ядерного оружия, но и как государство, которое имеет важное геополитическое значение для Европы. С этого времени США стали смотреть на Украину под углом зрения обеспечения европейской безопасности, неоднократно подчеркивая важность ее независимости для региона¹².

Исходя из совокупности трудных обстоятельств, а также взятых ранее обязательства, Украина подписала акт о ядерном разоружении. 14 января 1994 г. было подписано так называемое ускоренное соглашение между Украиной, Россией и США, в соответствии с которым с украинской территории на протяжении семи лет ядерное оружие должно быть полностью вывезено в Россию. Россия и США заявили, что они гарантируют безопасность Украине, предоставление необходимой финансовой помощи для реализации программы разоружения и конверсии¹³.

С избранием на пост президента США Б. Клинтона произошло резкое усиление активности в отношениях между Украиной и США. Последние начинают все больше вмешиваться во внутренние дела Украины в ее отношения с Россией и другими государствами. Особенно нарастает это вмешательство после избрания на пост президента США Дж. Буша младшего. Так конгресс США выделил сотни миллионов долларов на поддержку оппозиции к Президенту Л. Кучме, на проведение в Украине «оранжевой революции». После ее победы американские послы постепенно превратились в своего рода наместников США в Украине, указывая Президенту В. Ющенко и «оранжевым» правительствам как действовать в той или иной ситуации, принимать те или иные решения в различных сферах внутренней жизни и международной деятельности¹⁴.

С целью ослабления России, американцы стали подогревать антироссийские настроения в Украине, делать все, чтобы снизить уровень российско-украинских отношений в политической, экономической, культурной и других сферах, поспорить между собой наши два самые близкие народы.

Стремясь еще больше осложнить отношения Украины и России, Президент США Дж. Буш младший и его администрация стали самыми рьяными защитниками в НАТО принятия Украины в этот военный блок в качестве полноправного члена, привлечения украинцев в миротворческие операции, проводимые под эгидой этой военной организации. США продолжали активно вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу в Украине,

¹¹ Горлач М.І. Кремень В.Г. Політологія наука про політику. Підручник. Київ, 2009. С. 708-709.

¹² Там же. С. 706-707.

¹³ История Украины... С.352.

¹⁴ Там же.



поддерживая Президента В. Ющенко и других сторонников проамериканской ориентации в их борьбе против оппозиции и тех политических сил, которые выступали за укрепление связей с Россией¹⁵.

Внешнеполитическая деятельность Украины в значительной степени с ориентированна на южное направление. Цель Украинского государства в этом регионе состоит в решении следующих главных задач:

- во-первых, всестороннее взаимодействие со стабильными не тоталитарными арабскими режимами на Ближнем Востоке и в Северной Африке;
- во-вторых, установление экономических и политических отношений с государством Израиль;
- в-третьих, укрепление отношений с такими исламскими странами как Ираном, Пакистаном и др.;
- в-четвертых, поддержание на должном уровне взаимоотношений со странами Черноморского бассейна.

Значительным событием стало подписание 25 июня 1995г. Декларации Черноморского экономического сотрудничества и создание Парламентской Ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества и создания (ПАЧЭС). Кроме Украины и Турции, Декларацию подписали и стали членами ПАЧЭС Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния. Основной задачей ПАЧЭС является расширение экономического, торгового, социального, культурного и политического сотрудничества между странами – участниками этой организации¹⁶.

Важнейшим внешнеполитическим направлением Украинского государства стало укрепление экономических, культурных и иных связей с Китаем, Индией, Японией и другими странами Азии. С ними все более активно налаживается взаимовыгодный торговый обмен, усиливаются связи в гуманитарных сферах.

Большое внимание Украина уделяет отношениям со странами Латинской Америки, в первую очередь с теми в которых существует и действует украинская диаспора.

Одним из важнейших направлений интенсификации внешнеполитических мероприятий Украины есть налаживание отношений с государствами, возникшими после распада Советского Союза; солидарные отношения сложились между Украиной и странами Балтии, Среднеазиатского и Кавказского регионов, Молдовой. С ними подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве, а так же много соглашений касающихся сотрудничества в различных сферах экономики, науки, культуры¹⁷.

К сожалению, неровно складываются отношения между самыми близкими и самыми крупными славянскими государствами Россией и Украиной. Отметим, что правительство Российской Федерации одно из первых, уже 5 декабря 1991 г. признало независимость Украины. Однако после распада СССР между этими двумя, теперь уже суверенными государствами возникло ряд спорных проблем. Принципиальными среди них были четыре. Первая это решение дальнейшей судьбы Черноморского Флота и его разделение. Вторая связана с Крымом, территория которого была передана из состава РСФСР в УССР только в 1954 г. Третья – целый комплекс вопросов связанных с обеспечением Украины российскими энергоносителями и организации экспорта российского газа и нефти по трубопроводной украинской сети. Четвертая, разные подходы к разделению зарубежного имущества, золотовалютных запасов и активов, а так же долгов бывшего СССР¹⁸.

Положение осложнялось тем, что российско-украинские отношения, в том числе и решение спорных вопросов в значительной мере стало политизироваться со стороны различных политических сил как в одной, так и в другой стране¹⁹.

В отношениях между Украиной и Россией при желании можно было бы быстро, и не ущемляя интересы ни одной из стран, решить все спорные проблемы. Так, еще 17 июня 1993 г. Б. Ельцин и Л. Кравчук подписали соглашение между Российской Федерацией

¹⁵ Горлач М.И. Кремень В.Г. Указ. соч. С. 706-707.

¹⁶ История Украины... С.352.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Історія України... С. 396-397.

¹⁹ Політика і час. 1994. №5. С. 62.

и Украиной «О неотлагательных мерах по формированию Военно-Морского флота России и Военно-Морского флота Украины на базе Черноморского флота».

Вместе с проблемой раздела Черноморского флота возникла проблема с принадлежностью Крыма Украине. Так, уже через несколько дней после провозглашения независимости Украины тогдашнее руководство российского парламента во главе с Р. Хасбулатовым поставило под сомнение законность передачи Крыма в 1954 г. Украине. На полуострове появились политические организации, которые начали агитацию за присоединение Крыма к России, а 9 июня 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Постановление «О статусе города Севастополь». Согласно этому постановлению город, который находился на территории Украинского государства, провозглашался российским, главной базой Черноморского флота. Аналогичное решение позже было принято Государственной Думой и Советом Федерации, то есть двумя палатами российского парламента. Справедливости ради, отметим, что Президент и Правительство РФ никогда не заявляли о своей поддержке названных решений²⁰.

Одна из причин существующих противоречий между Украиной и Россией заключается в разном подходе к Содружеству Независимых Государств (СНГ). В обоих государствах по-разному рассматривают роль и функции этого объединения. Так руководство Украины выступает против превращения СНГ в какую-то надгосударственную структуру со своими органами власти и управления, против предания этому объединению статуса субъекта международного права. Казахстан, Белоруссия и Россия выступили и продолжают выступать с инициативой использовать структуры СНГ для сохранения традиционных связей, которые исторически сложились между государствами, которые составляли раннее СССР, и развивать и укреплять интеграцию между ними²¹.

Правящие элиты Украины считали и считают более эффективным расширение равноправного сотрудничества между странами содружества на двусторонней основе. Иными словами, чтобы СНГ способствовала выгодным торгово-экономическим отношениям между странами, которые стали членами этого межгосударственного образования. Необходимо отметить, что на долю стран СНГ пока что приходится более половины всего внешнего товарооборота Украины. Учитывая, что во всем мире идет острая борьба за рынки сбыта, отказываться от выгодных торговых и других связей со странами СНГ и особенно Российской Федерацией было бы неразумно. Постепенно это начало понимать и руководители Украины²².

После избрания в 1994 г. Президентом Украины Л. Кучмы произошла определенная коррекция внешней политики, в том числе и в отношениях с Российской Федерацией. Была сделана попытка вывести украинскую внешнюю политику за рамки принятия только политических деклараций, поставить ее на рельсы политического прагматизма и экономической деятельности.

Осуществление нового, прагматического внешнеэкономического курса дало возможность руководству Украины развязать отдельные узлы противоречий, успешно завершить ряд важных международных дел в отношении с Россией. Так на протяжении лишь одного 1995 г. Украина подписала с Россией более 20 двусторонних соглашений, ратифицировала Договор о дружбе и сотрудничестве между обеими странами. Активизировалась деятельность Украины в органах СНГ, особое внимание при этом уделяется экономическим связям. Так, на 1 сентября 1995 г. в структуре СНГ действовало 74 комитета, в 54 из них Украина активно работала: в 27 как полноправный член, в других – как наблюдатель²³.

После напряженных переговоров в конце мая 1997 г. премьер-министры Украины и России подписали три соглашения о Черноморском флоте, в которых были определены условия его разделения и сдачи в аренду Российской Федерации необходимых военно-морских баз в Севастополе, других городах Крыма²⁴.

Устранить противоречия между обоими государствами, придать их отношениям новое качество должен был широкомасштабный Договор о дружбе, сотрудничестве и

²⁰ Історія України... С. 396-397.

²¹ Історія України... С.352.

²² Історія України... С. 398.

²³ Там же.

²⁴ Богатуров, Аверков В.В. История международных отношений 1945-2008. М., 2010. С.398-399.



партнерстве между Украиной и Российской Федерацией, который подписали в Киеве 31 мая 1998 г. Президент Украины и российский Президент Российской Федерации Б. Ельцин. Стороны обязались уважать территориальную целостность обоих государств, придерживаться принципа нерушимости их границ, что делает невозможным выдвижение друг другу в будущем каких-либо территориальных претензий. В договоре подчеркивалось, что обе стороны будут строить свои отношения на мирных основаниях, не будут прибегать к силе или угрозе ее использования. Они так же не должны использовать экономические или иные формы и средства давления. Базовый договор был заключен на десять лет. При этом он мог быть продолжен на будущие десятилетние периоды, если ни одна из сторон не заявит своего намерения прекратить его действие. Подписание этого договора содействовало дальнейшему развитию российско-украинских отношений²⁵.

После избрания Президентом Российской Федерации В. Путина отношения между двумя нашими государствами, оставаясь дружественными, стали носить более прагматичный характер. Регулярными стали встречи между российскими и украинскими руководителями на высшем уровне. Акцент начал делаться на усиление взаимовыгодных экономических и иных важных связей для наших государств. Значительно возрос товарооборот между двумя странами. Были подписаны сотни новых соглашений. В целом российско-украинские отношения сегодня опираются на солидную нормативно-правовую основу. К настоящему времени между нашими странами подписано и действуют около 400 различных соглашений. Они охватывают все важнейшие сферы двусторонних отношений. Начался процесс укрепления связей между отдельными регионами. Примером этого могут послужить отношения, которые сложились между Белгородской и Харьковской областями в рамках созданного Еврорегиона «Слобожанщина».

«Оранжевая революция» внесла значительные осложнения в отношения между нашими странами. Вновь избранный Президент Украины В. Ющенко и «оранжевые» правительства начали больше внимания уделять американо-украинским отношениям и отношениям с Европейским Союзом, добиваясь от его руководства дать обещание принять Украину хотя бы в далеком будущем в его состав. В. Ющенко и «оранжевые» правительства активизировали участие украинской армии в миротворческих операциях, проводимых под эгидой США и блока НАТО. Значительно активизировались контакты Украины с НАТО в рамках программы «Сотрудничество ради мира». На территории Украины стали регулярно проводиться совместные учения украинской армии с участием США и других стран НАТО²⁶.

Более того, Президент Украины В. Ющенко, игнорируя мнение подавляющего большинства украинского народа против блока НАТО, начал проводить политику постепенного втягивания Украины в его состав в качестве полноправного члена. Таким образом, натовские войска могли появиться на украино-русской границе. Президент и «оранжевые» правительства, игнорируя традиционные симпатии, веками создаваемые культурные и иные связи, начали активное проведение насильственной украинизации, направленной на изгнание русского языка и культуры с территории Украины. Пересматривалась история Украины, особенно советского периода, и во всех бедах, что пережил украинский народ в это время и в другие периоды, обвиняется Россия, что явно не справедливо и не отвечает исторической правде. Начали проводиться и другие недружественные акции по отношению к Российской Федерации.

Руководство России считало, что это временные трудности. Президенты и правительства приходят и уходят. А симпатии, экономические, культурные и иные связи создаваемые веками, когда украинцы и русские находились в составе единых государств, не только останутся, но и будут укрепляться. И это заставит руководство самых близких и крупных восточнославянских народов продолжать политику мира, укреплять экономические и иные связи, сохранять и приумножать все лучшее, что было в нашей общей истории.

Избрание В.Ф. Януковича Президентом Украины создание нового парламентского большинства в Верховной Раде, смена правительства и назначение на должность премьер-министра Н.Я. Азарова принципиально изменили отношение Украины к Россий-

²⁵ Богатуров, Аверков В.В. История международных отношений 1945-2008. М., 2010. С.398-399.

²⁶ Там же.



ской Федерации. Уже 21 апреля 2010 г. между Президентом Украины Виктором Януковичем и Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым в Харькове, прошли важные переговоры по широкому кругу проблем украинско-российских отношений, в том числе о политическом взаимодействии, об экономических связях и по гуманитарным вопросам. Главным итогом этих переговоров стало подписание о пролонгации с 28 мая 2017 г. на 25 лет действие договора между Украиной и Российской Федерации об условиях пребывания Черноморского флота России на территории Украины. Подписание соглашения предусматривает увеличение арендной платы за пребывание ЧФ РФ на территории Украины в размере ста млн. дол. за год и дополнительных средств, которые получит Украинское государство за счет снижения цены на 100 дол. за тысячу кубометров природного газа, который поставляется российской стороной на Украину²⁷.

Данное соглашение, уже 27 апреля 2011 г. одновременно было ратифицировано парламентами обеих стран²⁸.

Подписанное соглашение открыло путь для улучшения отношений по всем направлениям между нашими государствами. С этой целью начались регулярные встречи президентов, премьер-министров, министров, руководителей приграничных регионов и т.д. Главный итог этих встреч стало подписание многочисленных соглашений по восстановлению экономических, гуманитарных и иных связей между нашими странами и их народами. Хороший пример здесь показывает Белгородская и Харьковская область, которые значительно активизировали свои связи в рамках еврорегиона «Слобожанщина»²⁹.

В целом эти отношения между нашими народами вышли на новый уровень развития и это одобряется подавляющим большинством наших народов.

Таким образом, после принятия Декларации о государственном суверенитете, провозглашения независимости Украина добивается значительных успехов в возрождении своей государственности. Эти успехи венчают тысячелетнюю историю создания своего государства, укрепления реального суверенитета, знаменуют вхождение Украины в мировое содружество. После получения реального суверенитета Украина строит внешнюю политику на принципах взаимоуважения и сотрудничества, решения всех возникающих проблем между государствами лишь мирным путем, недопустимости военных конфликтов, на основе взаимовыгодных экономических, торговых связей, экономического сотрудничества, широкого общения с государствами мирового содружества в области образования, культуры, науки и других гуманитарных сферах жизнедеятельности.

FORMATION OF FOREIGN POLICY FOUNDATIONS AND ITS REALIZATION IN THE UKRAINIAN STATE (1991-2012)

N.N. OLEINIK

*Belgorod National Research
University*

e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

This paper analyzes the process of developing the foundations of foreign policy in the Ukrainian state and its international activities since 1991 to the present. Reveals both successes and failures in the conduct of foreign policy of Ukraine. Special attention is paid to the analysis of relations between Ukraine and the Russian Federation.

Keywords: foreign policy, international activities, Ukraine, guidelines, declarations, treaties, independence, cooperation, strategic benefits, the intervention.

²⁷ Голос Украины. 2010. 29 мая.

²⁸ Голос Украины. 2011. 27 апреля.

²⁹ История Слобожанщины и Белгородского края. Белгород, 2011. С.302-306.



УДК 32.019.5(430):(470+571)

ОБРАЗЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГЕРМАНИИ: ПРЕДЕЛЫ ВАРИАТИВНОСТИ***А.В. ДЕВЯТКОВ
И.Ю. МОСТОВСКИХ***Тюменский государственный
университет**e-mail: meisterandrei@yandex.ru*

Официально российско-германские отношения носят характер стратегического партнерства, а образ постсоветской России в Германии всегда в положительную сторону отличался от тех, что были свойственны другим странам ЕС. Российская внешняя политика могла играть на разнообразии дискурсов о России внутри Германии. Однако за последние годы критика России в немецком обществе возрастает, что может иметь серьезные негативные последствия для отношений не только с Берлином, но и с Европейским Союзом в целом.

Ключевые слова: политический дискурс, Россия, Германия, стратегическое партнерство, национальные интересы.

В отношениях с Европейским Союзом Россия всегда отдавала предпочтение не многостороннему, а двухстороннему формату отношений с отдельными странами Европейского Союза. Это позволяло предотвращать формирование в ЕС некоего общего подхода в отношениях с Россией, который, несомненно, был бы серьезным вызовом для европейской политики Москвы. В этой связи достаточно вспомнить скоординированную позицию ЕС по вопросу ратификации Россией Энергетической Хартии и, кроме этого, попытку выработать такую позицию по российско-грузинской войне 2008 г. С другой стороны, стратегическое партнерство с отдельными государствами ЕС позволяло Москве в значительном мере реализовывать свои интересы в отношениях с ЕС, прежде всего в сфере энергетики.

Германия была ключевой страной, с которой Москва активно налаживала двустороннее взаимодействие. В отношениях с Германией присутствует не только существенный товарооборот, но также и отдельный формат межправительственных консультаций с участием лидеров стран и, самое главное, довольно близкие отношения в энергетической сфере. С помощью газопровода Северный поток, против которого возражали такие страны как Польша и Эстония, Германия превратилась в российский энергетический хаб на европейском направлении.

На протяжении всей постсоветской истории России наша страна считалась в Германии ключевым звеном «восточной политики». Поэтому и дискуссии о судьбах российской демократии и внешней политики были крайне интенсивными. В целом в структуре немецкого политического дискурса достаточно четко выделялись две группы мнений о России. Первая из них условно может быть названа эмпатической. Представители этого направления склоняются к идее о необходимости вовлечения России в различные европейские структуры как неотъемлемой части Европы исторически и культурно и как важнейшего партнера с точки зрения прагматических интересов.

Ярким примером выражения такой позиции может служить книга «Европеизация России», вышедшая в 2012 г. под редакцией Г. Эрлера, госсекретаря МИД Германии при Г. Шредере. Несмотря на критику последних политических событий в России конца 2011-начала 2012 г., авторы все же верят в наличие перспектив для положительных изменений в российской внутренней политике, в необходимость интеграции России в европейскую архитектуру безопасности (в т.ч. НАТО), а также в неизбежность для нее самой европейского пути развития, вне зависимости от проекта Евразийского Союза или желания более активно присутствовать в Азии¹.

* Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ при поддержке Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (мероприятие 1.2.2 – IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

¹ Die Europaeisierung Russlands. Moskau zwischen Modernisierungspartnerschaft und Grossmachtrolle. Frankfurt, 2012.

Эмпатический дискурс наиболее сильно был выражен у представителей немецкого крупного бизнеса, прежде всего энергетических кампаний. Особенно в период канцлерства Г. Шредера в воздухе витала идея о стратегическом партнерстве между Россией и Германией в области энергетики: в обмен на доли в немецких распределительных сетях Россия предлагала немецким кампаниям прямой доступ к российским месторождениям, что повышало энергообеспечение ФРГ в целом и более высокую капитализацию немецких энергокомпаний в частности. Частично эта идея была реализована путем обмена активов между несколькими немецкими и российскими фирмами.

Связь эмпатического дискурса и интересов крупных энергокомпаний прослеживается и в судьбе одного из самых влиятельных немецких экспертов по России А. Рара. На протяжении долгого времени он являлся ключевым популяризатором идеи сближения с Россией, отмечая важность для Германии восточного соседа. Он также предлагал интенсифицировать разработку Западом стратегии по вовлечению России в энергетический альянс, евроатлантическую архитектуру безопасности, общее партнерство в рамках международных организаций, подписание с Россией соглашения о зоне свободной торговли². Несколько же месяцев назад А. Рар ушел в крупную немецкую энергетическую компанию Винтерсхолл, которая имеет серьезное присутствие в России, в качестве старшего советника.

Еще более знаковым был уход бывшего канцлера Г. Шредера в совет компании Nord Stream AG, оператора трубопровода Северный поток, подконтрольного Газпрому. В бытность свою бундесканцлером Шредер выступал за активное энергетическое и политическое сотрудничество с Москвой. Тогда же заговорили о символической оси Берлин-Москва-Париж, выступившей против Иракской войны США.

Однако сводить немецкие интересы к энергетическому лоббизму вряд ли представляется возможным. Во-первых, правящие элиты Германии рассматривают Россию как ключевого игрока в обеспечении германского энергопотребления, т.е. в контексте вопроса о немецкой энергетической безопасности. Берлин не отличается в этом, например, от Соединенных Штатов, которые выстроили систему партнерств на Ближнем Востоке. Во-вторых, те же экономические интересы формулируются гораздо более разнообразно, нежели просто интересы крупного бизнеса. Германия осознает себя как мировой лидер в области экспорта, поэтому деятельность нескольких тысяч немецких компаний на российском рынке воспринимается как прямая реализация экспортных интересов Германии (Standort Deutschland). Эта позиция закреплена не столько в деятельности тех или иных бизнес-ассоциаций, сколько в самом политическом дискурсе.

Эмпатический дискурс имеет в Германии серьезные историко-культурные корни. Во-первых, немецкая история сама по себе травматична, и одним из самых критических моментов немецкого прошлого был период «холодной войны», когда Германия была разделена на два государства. В этой связи преодоление конфликта Востока и Запада являлось в Германии национальным приоритетом. Именно Германия была первым западноевропейским государством, которое в начале 70-х гг. пошло на разрядку напряженности в отношениях с СССР. Преодоление конфликта Востока и Запада определяется в сегодняшних работах немецких международных историков, журналистов как цезура в современной немецкой и европейской истории. Именно поэтому Германия считает своим приоритетом не допустить нового разделения Европы.

Немецкие ученые, особенно в 90-е гг., зачастую сравнивали Россию с Германией после Первой мировой войны. Считается, что та трансформация, которую переживает Россия, во многом напоминает опыт Веймарской республики³. Немцы осознают сложности экономических и в особенности политических преобразований. Люди более старшего поколения даже иронично относятся к немецкой демократии, так как понимают, что она во многом состоялась благодаря США и их западным союзникам. В этой перспективе трудности российского пути понятны в контексте немецкой исторической памяти. Также актуальность прошлого видна через сравнение немецкой и российской истории как истории двух «особых путей» в Европу.

² Rahr A. Kein Europa ohne Russland // Internationale Politik. 2009. №1. S. 45-50.

³ Krumm R. The rise of realism: Germany's perception of Russia from Gorbachev to Medvedev // Constructing Identities in Europe: German and Russian Perspectives. Baden-Baden, 2012. P. 120.



Помимо этого, в немецком политическом дискурсе ситуация в России напрямую связывается с вопросом безопасности Германии. Одной из самых проблемных позиций для Германии является кризис режимов разоружения в Европе. Немцы прекрасно помнят, что крупнейшая группировка советских танков была расположена именно в ГДР. Поэтому в Германии с большой настороженностью восприняли решение России в 2008 г. по фактическому выходу из режима, предусмотренного Договором об обычных вооруженных силах в Европе.

Географическая близость Германии к России порождает и множество других страхов и опасений, связанных с ситуацией у восточного соседа. В Германии с большим опасением смотрят на то, как Россия не преодолевает, а наоборот усиливает свою зависимость от энергоресурсов. Коллапс экономики, неконтролируемый или плохо содержащийся ядерный запас и российские атомные электростанции – эти идеи зачастую всплывают в рассуждениях о судьбе России⁴. Поэтому слабая, нестабильная Россия воспринимается в Германии скорее как угроза. «Как долго еще российский стиль государственного управления может иметь будущее, при том, что он опирается прежде всего на инструменты жесткой власти, без того чтобы опираться на необходимую легитимность, особенно в трудные периоды истории»⁵. Поэтому вовлечение России в Европу воспринимается и как инструмент обеспечения немецкой безопасности, в жестком (hard) или мягком (soft) ее варианте.

Критический дискурс в отношении России развит в большей мере в гражданском секторе. Партия зеленых, различные неправительственные организации выступают одним из главных ресурсов политизации нормативных вопросов в отношениях с Россией. Они тщательно отслеживают ситуацию с правами человека в России, судьбу российской демократии, отдельных активистов.

Вторым ресурсом политизации являются немецкие масс-медиа. Уже в 90-е гг. в немецких СМИ активизировался классический фрейм «русской угрозы», который в то время был связан с опасениями в отношении нестабильной России. Криминал, хаос, чеченский вопрос, больной и/или пьяный Ельцин – вот какими были классические образы России на тот период. В 2000-2010-е гг. ощущение угрозы в большей мере связано с возрождением авторитаризма в России, экспансией Газпрома, делами Ходорковского и Pussy Riot, поддержкой Москвой недемократических и опасных режимов в Иране, Сирии, Северной Корее, давлением на соседей (особенно на Украину в связи с «оранжевой революцией»)⁶. Сочувствие к России также имеет место быть, что особенно проявилось в связи с Бесланской трагедией. Тем не менее, в целом образ России в немецких СМИ крайне негативен.

Однако при рассмотрении образов России в немецкой прессе зачастую забывают, что она подвергает яркой критике и свое правительство, а также другие страны. Немецкие СМИ, в отличие, например, от американских, в большей степени стараются дистанцироваться от тех или иных политических сил и стремятся через предельную критику оставаться интересными и востребованными. В целом, хотя они и рисуют довольно мрачную картину, но с ней вряд ли не согласятся многие россияне вне «патриотического» контекста, если абстрагироваться от некоторых свойственных любому внешнему дискурсу штампов и стереотипов.

Долгое время эмпатический и нормативный дискурс уравнивали друг друга. В период первых двух президентских сроков В. Путина и президентства Д. Медведева в оценке России все-таки оставалась значительная доля неопределенности. Это позволяло как германским, так и российским властям чувствовать себя довольно комфортно и развивать серьезное экономическое и политическое партнерство. На президентство Д. Медведева пришелся самый высокий уровень ожиданий в отношении России: немцы вновь почувствовали свою историческую ответственность и экономические возможности в процессе российской модернизации.

Однако третье президентство В. Путина привело к значительному разочарованию в Германии. Эмпатический дискурс постепенно теряет свои позиции. Немецкие эксперты, которые ранее мыслили в умеренных, центристских категориях, сегодня все более критично настроены к российско-германским отношениям и России как таковой. Так, Ш. Майстер, сотрудник ключевого в Германии «мозгового центра» по международным от-

⁴ Adler S. Russisches Roulette. Ein Land ruiniert seine Zukunft. Berlin, 2011. S. 8.

⁵ Roth T. Russland: Das wahre Gesicht einer Weltmacht. München, 2010. S. 264.

⁶ Ahrens A., Weiss H.J. The image of Russia in the Editorials of German Newspapers (2001-2008) // Constructing Identities in Europe: German and Russian Perspectives. P. 153-162.



ношениям – Немецкого общества внешней политики (DGAP), заявляет о том, что немецко-российское «стратегическое партнерство» сменяется сегодня тенденцией к взаимному отчуждению⁷. А эксперт Фонда науки и политики (SWP) С. Стюарт призывает вообще перейти к избирательному, секторальному партнерству с Россией и более активно критиковать российское правительство по вопросам, по которым присутствует несогласие⁸.

Тенденцией в Германии является значительное падение интереса к России. Это происходит по двум основным причинам. С одной стороны, все больше времени проходит с момента распада СССР, и в мире появляется все большее число новых вызовов и проблем, на фоне которых Россия выглядит одним из многих средних по значимости государств. С другой стороны, имеет место быть разочарование в России, в перспективах ее модернизации, сближения с Западом. Примечательна статья в одном из номеров немецкого журнала *Spiegel*, где рассказывается о том, как Китай стал одним из приоритетных партнеров Германии на международной арене. Сравнивая Китай с Россией, автор рассуждает о том, что Китай проявляет больше гибкости в сирийском вопросе, нежели Россия, ориентирован на экономические и правовые реформы и т.д.⁹ Российская модернизация рассматривается в этой связи как симуляция.

Проявлением кризиса интереса к России является упадок исследовательской инфраструктуры по тематике России и постсоветского пространства. Все больше Россией занимаются не целые институты или департаменты, а отдельные энтузиасты.

Таким образом, пропасть между эмпирическим и нормативным дискурсом в Германии постепенно сужается. Вне зависимости от политической, идеологической, профессиональной принадлежности того или иного эксперта по России формируется некоторый общий список фактов, моментов, недостатков, устранение которых в Германии ставят уже в качестве условия какого-то более глубокого партнерства с Россией. Речь идет, например, об отсутствии правового государства в России, которое бы обеспечило как позитивный инвестиционный климат (благодаря независимости судов, подконтрольности правоохранительных органов и т.д.), так и минимальную правовую защищенность российских и иностранных граждан. Серьезным вопросом для немцев является и то, что в России, по сути, еще и не начиналась работа с собственной историей, в которой немцы видят причину расцвета послевоенной Германии¹⁰. Существует и множество других вопросов, но эти два выступают в роли ключевых.

В этом и состоит предел вариативности немецких образов России. Рассчитывать на то, что Германия, ориентируясь на свои материальные интересы, и далее будет играть роль адвоката России в ЕС, не приходится. Хотя, с другой стороны, Германия не готова к политике изоляции России, она считает бесперспективными инициативы, связанные с санкциями, ограничениями и т.д. (по примеру «списка Магнитского»). Но это лишь малая толика того, что Россия могла бы получить от Германии, будучи ее более открытым стратегическим партнером.

IMAGES OF POST-SOVIET RUSSIA IN GERMANY: LIMITS OF VARIABILITY

A.V. DEVIATKOV
I.Y. MOSTOVSKICH

Tyumen State University

e-mail: meisterandreij@yandex.ru

Officially the Russian-German relations are developing in the paradigm of strategic partnership and the image of the post-soviet Russia always differed positively from that widespread in other EU countries. Russian foreign policy was able to play with variety of discourses on Russia inside Germany. But last years criticism toward Russia is growing in the German society and it can have substantial influence on relations not only with Berlin but also with the European Union.

Keywords: political discourse, Russia, Germany, strategic partnership, national interests.

⁷ Meister S. An alienated partnership. German-Russian relations after Putin's return. FIIA Briefing Paper. 2012. №105.

⁸ Stuart S. Prämissen hinterfragen. Plaedoyer für eine Neugestaltung der deutschen Russlandpolitik. SWP-Aktuell. 2012. №50.

⁹ Spiegel. 2012. №35.

¹⁰ Ruge G. Russland. München. 2008. P. 184.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Безрядин С.В.** – старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова, кандидат исторических наук, г. Кишинёв
- Варфоломеев М. А.** – старший преподаватель кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат политических наук
- Василенко В.В.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Ведешкин М.А.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного педагогического университета
- Викулова Л.А.** – методист регионального центра устной истории, Воронежский государственный педагогический университет, соискатель
- Гончаров Л.А.** – заведующий кафедрой политологии, государственной и муниципальной службы Воронежского института экономики и социального управления, кандидат политических наук
- Гребеннюков Д.С.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гришаев О.В.** – доцент кафедры новейшей истории России и историографии Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук
- Девятков А.В.** – старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук
- Карачай В.А.** – аспирант кафедры политологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», г. Киев, Украина
- Клейменов А.А.** – доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук
- Ключник Р.М.** – аспирант кафедры политологии Днепропетровского национального университета им.Олеся Гончара, Украина
- Костяхин А.С.** – аспирант кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета
- Котов П.П.** – профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета, кандидат исторических наук
- Манохина О.А.** – соискатель кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мациевский Г.О.** – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Старооскольского филиала Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук
- Михальченко С.И.** – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, доктор исторических наук, профессор



-
- Мостовских И.Ю.** – студент Тюменского государственного университета
- Мохов А.С.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета, кандидат исторических наук, г. Екатеринбург
- Олейник Н.Н.** – профессор кафедры международных отношений и украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Патков А.И.** – декан исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук, доцент
- Перепелицын А.В.** – профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
- Пчелинов-Образумов А.А.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Рязанцев А.А.** – аспирант кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета
- Сидорович Е.С.** – соискатель Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев
- Смирнов М.Ю.** – аспирант кафедры новой и новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
- Стеблецова Н.Н.** – старший преподаватель кафедры экономики и управления Орловского государственного института искусств и культуры, кандидат политических наук
- Титова А.А.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тортика (Лобанова) М.В.** – доцент кафедры музееведения и памятниковедения Харьковской государственной академии культуры, докторант, кандидат исторических наук, Украина
- Хома Н.М.** – докторант отдела политико-правовых проблем политологии Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, кандидат политических наук, доцент, г. Киев
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук



ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

- | | | |
|--|---|---|
| <ol style="list-style-type: none"> 1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки. | } | <p>на русском
и английском
языках</p> |
| | } | <p>на русском
языке</p> |

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.



Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*****А. В. ИВАНОВ¹⁾****Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY****A. V. IVANOV¹⁾****L. N. PETROV²⁾**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*Иванов А.В.*

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

**Приложение 2. Оформление таблиц**

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

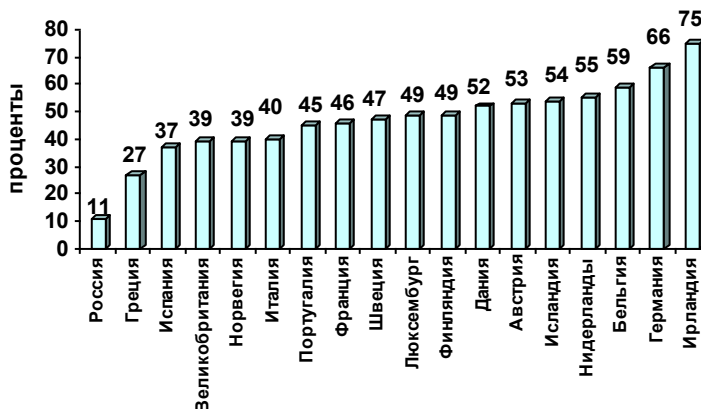


Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

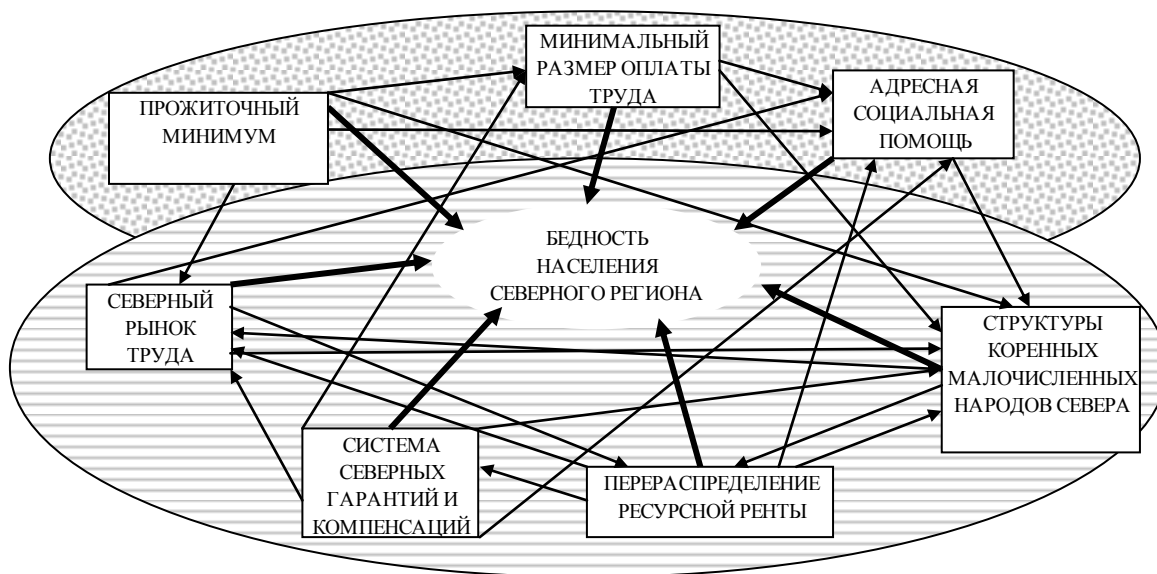


Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.